

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

ЯПОНИЯ 2007

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

2007

ББК 66.2 (5Я) я5
Я70
УДК 94(520)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Э. В. МОЛОДЯКОВА

РЕДКОЛЕГИЯ: В. М. АЛПАТОВ, Т. П. ГРИГОРЬЕВА,
Н. П. ДМИТРИЕВСКАЯ (ответственный секретарь),
И. П. ЛЕБЕДЕВА, В. Н. ПАВЛЯТЕНКО, В. Б. РАМЗЕС,
А. И. СЕНАТОРОВ

Я 70 **Япония 2007**. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2007. –300 с.
ISBN 978-5-91022-039-7

В настоящем выпуске ежегодника исследуется широкий круг проблем современной жизни Японии. Уделяется внимание внутренней и внешней политике Японии. Подробно освещаются вопросы русско-японских отношений в начале XX в., анализируются политическое взаимодействие Японии с Германией, культурная дипломатия страны, государственная политика в сфере рождаемости, в области образования и т. д.

С 1994 г. издание осуществляется при поддержке Японского фонда

Я 0805000000-023
001(01)-00 (без объявления)

ISBN 5-91022-021-1

© Ассоциация японоведов, 2007

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Один год правления кабинета С.Абэ

А. И. Сенаторов, И. А. Цветова

2006 год стал последним в деятельности японского правительства, которым в течение пяти лет и пяти месяцев руководил председатель Либерально-демократической партии (ЛДП) Коидзуми Дзюньитиро. 26 сентября того же года правительство сформировал Абэ Синдзо, новый лидер японских либерал-демократов. Как и прежде, правительство осталось коалиционным, опирающимся на союз ЛДП с Комэйто (Партия чистой политики).

Основные политические события 2006 г. происходили на фоне ожидания этой перемены. Кабинет Дз. Коидзуми спешил завершить свою многолетнюю работу принятием таких законодательных актов и других постановлений, которые могли бы стать фактическим подтверждением одобрения его деятельности и явиться гарантом продолжения проводимого им политического курса. Одновременно внутри ЛДП шла активная подготовка к выборам нового председателя главной политической силы страны вместо Дз. Коидзуми, предельно допустимый срок пребывания которого на этой должности, согласно партийным правилам, истекал в сентябре 2006 г.

Наследие Дз. Коидзуми

Рассмотрим основные черты правления Дз. Коидзуми, чтобы уяснить, в каких конкретных условиях С. Абэ был избран новым лидером ЛДП и премьер-министром Японии.

Главные усилия кабинета Дз. Коидзуми с момента его создания в апреле 2001 г. предпринимались в двух направлениях. Во-первых, под лозунгом «без структурных реформ нет экономического роста» последовательно проводился курс на ускорение и углубление структурных преобразований практически во всех сферах жизни страны. Во-вторых, предметом особой заботы правительства и лично Дз. Коидзуми было повышение политической роли Японии на международной арене, превращение ее в «нормальную страну», которая, как и другие влиятельные

страны мира», обладала бы возможностью самостоятельно и свободно определять способы обеспечения собственной безопасности и активно участвовать в разрешении международных конфликтов, в том числе отправлять свои военные контингенты за рубеж.

На первом направлении Дз. Коидзуми особое внимание уделял той части административной реформы, которая была нацелена на решение задачи «передачи в ведение частного сектора всего, чем он сможет управлять». Самым большим достижением стало принятие законов, определивших судьбу крупнейших предприятий общественного сектора — четырех дорожных корпораций и Японской почтовой корпорации. Последняя одновременно с предоставлением населению почтовых услуг являлась крупным банком и страховым учреждением, аккумулирующим значительные личные накопления населения. Несмотря на сопротивление оппозиции и возражения внутри самой правящей партии, правительству удалось получить в парламенте одобрение планов приватизации этих корпораций.

Была продолжена начатая предыдущими правительствами работа на других направлениях административной реформы на основе идеи «малого правительства», а также по реформированию финансовой политики, банковской системы, экономической структуры, системы образования. Кроме того, была начата реформа судебной системы.

Попытка осуществить реформу пенсионной системы, гарантирующую, по утверждению правительства, ее стабильное функционирование «в течение ста лет», не оправдала ожидания, лишь усилив народное беспокойство относительно будущей жизни в старости. В итоге правительство было вынуждено признать неотложным проведение коренной реформы всей системы социального обеспечения.

На очередной парламентской сессии 2006 г. правительство провело через парламент Закон о продвижении административной реформы и некоторые другие законодательные акты, закрепившие курс на продолжение структурных преобразований и определивших их основное направление на ближайшие пять лет.

Начиная с 2005 г. японская экономика стала показывать устойчивый положительный рост, позволяющий считать, что страна вышла из длительного экономического зстоя. В немалой степени это было обусловлено проводимыми в Японии структурными реформами, хотя, безусловно, определялось совокупностью многих других факторов, в том числе новыми моментами в развитии мировой экономики, особенно в соседней КНР и других странах Восточной Азии.

Вместе с тем в Японии существует мнение, что именно «реформы Коидзуми» привели к болезненно воспринимаемому японцами явлению «*какуса*», т. е. росту различий в доходах разных слоев населения, усугубляемому увеличением разрыва в финансовом положении различных районов страны. Согласно опросу, проведенному газетой «Йомиури» в

марте 2006 г., позитивный ответ на вопрос, «считаете ли вы, что различия в доходах растут», дали 81,4% респондентов, причем 56,4% опрошенных были убеждены, что этот рост происходил «под влиянием пятилетних реформ при правлении Коидзуми»¹.

На втором из названных выше направлений кабинет Дз. Коидзуми добился принятия ряда важных законодательных актов, которые окончательно сняли существовавшее более полувека табу на выход японских сил самообороны за пределы своей страны и открыли путь к активизации деятельности Японии на международной арене путем направления за рубеж ее вооруженных сил. Правящая ЛДП издавна вынашивала планы и готовилась к конкретным действиям в этом направлении, но именно премьер-министр Коидзуми ускорил их осуществление, воспользовавшись ситуацией с террористическими актами в Нью-Йорке в сентябре 2001 г.

В октябре 2001 г. по инициативе правительства голосами правящих партий были приняты Закон об особых мерах против террора и некоторые поправки к другим законам, которые стали правовой основой для зарубежной деятельности Японии в поддержку борьбы с международным терроризмом, прежде всего для оказания помощи Соединенным Штатам в военных операциях в Афганистане. С этой целью в Индийский океан были направлены корабли японских военно-морских сил для тыловой поддержки боевых действий американских войск.

В декабре того же года были внесены поправки в Закон о сотрудничестве с силами ООН по поддержанию мира (1992 г.), который разрешал направление японских военнослужащих за рубеж в зоны конфликтов по просьбе ООН, но содержал множество ограничений по их использованию. В исправленном виде этот закон разрешал участие Японии в основных видах деятельности миротворческого контингента ООН, которое прежде не допускалось ввиду сопряженности с применением оружия. Кроме того, были несколько смягчены нормы применения оружия, до этого ограниченные случаями защиты самих японских военнослужащих.

В июле 2003 г., несмотря на возражения оппозиционных партий, Дз. Коидзуми все же настоял на принятии Закона об особых мерах в Ираке, по которому подразделения японских сил самообороны были направлены в эту страну с целью гуманитарной помощи и восстановления, а также поддержания порядка и безопасности.

Кроме того, Дз. Коидзуми безрезультатно обсуждавшуюся в правящих кругах более двух десятилетий проблему создания правовой основы действий государства в различных видах чрезвычайной обстановки. В 2003–2004 гг. после длительных парламентских дебатов правительство настояло на одобрении своих предложений по десяти

¹ Йомиури симбун. 14. 03. 2006.

законодательным актам, включая законы об обстановке вооруженного нападения, о защите народа, о согласованности с действиями американских войск, новые законы и поправки к существующим.

Настойчивость Дз. Коидзуми, направленная на наделение Японии атрибутами «нормальной страны», проявилась и в его деятельности в качестве председателя ЛДП. Эта главная правящая партия разработала и опубликовала в октябре 2005 г., в канун своего пятидесятилетия, проект новой конституции Японии. Как было заявлено в проекте, целью пересмотра конституции является изменение ее девятой статьи, легализация обладания Японией вооруженными силами и расширение сферы их применения. Для ускорения и облегчения пересмотра конституции в парламент был внесен законопроект о процедуре внесения поправок в конституцию.

Эта деятельность кабинета развертывалась на фоне нескрываемого желания премьер-министра активизировать согласованность внешней политики Японии с мировой стратегией США и его стремления укрепить глобальное сотрудничество в рамках японо-американского союза, сделать его силовой опорой в отношениях с соседними странами. Явным следствием такого акцента японской дипломатии явились ухудшение политических отношений с КНР², разногласия с Сеулом по вопросу способов противодействия угрозе ракетно-ядерного вооружения КНДР.

К концу правления кабинета Дз. Коидзуми во внутренней и внешней политике Японии накопилось немало неотложных проблем. Согласно опросу общественного мнения, проведенному газетой «Асахи», первоочередными задачами следующего премьер-министра респонденты называли реформу пенсий и других сфер системы благосостояния (48%), перестройку финансовой политики (17%), выравнивание разницы в доходах (10%), активизацию деятельности провинции (9%), оздоровление внешней политики в Азии (9%). Показательно, что лишь 2% опрошенных в число первоочередных задач включило пересмотр конституции³.

В Японии признают, что характерной чертой премьер-министра Дз. Коидзуми была склонность к авторитарному правлению. Действительно, в результате реформы правительственной структуры он максимально использовал открывшиеся возможности усиления личной инициативы в руководстве страной. Дз. Коидзуми настойчиво проводил в жизнь методы управления по типу принятия решений «сверху вниз», игнорируя мнение правительственных ведомств и отвергая существующий в ЛДП порядок предварительного обсуждения и одобрения важных политических актов правительства на уровне партийных органов. В частности, в деле проведения структурных реформ Дз. Коидзуми

сделал своей главной опорой Консультативный совет по экономической и финансовой политике, в который наряду с ключевыми членами кабинета вошли представители крупного бизнеса и ученые, придерживающиеся неолиберальных взглядов. Он сам возглавил этот совет, поручив организацию его практической деятельности министру, ответственному за экономическую и финансовую политику, Такэнака Хэйдзо, поддерживающего неолиберальную ориентацию. Ежегодно разрабатывавшиеся в этом органе рекомендации утверждались правительством в качестве Основного курса экономической и финансовой политики и структурных реформ.

Официально провозгласив цель «обновления» ЛДП, Дз. Коидзуми перестал считаться с интересами внутривластных группировок (фракций), развернул жесткую борьбу с «силами внутреннего сопротивления», включая изгнание инакомыслящих из партии. Беспрецедентно широкая и умелая реклама именно этой стороны деятельности премьер-министра способствовала популярности Дз. Коидзуми как «реформатора» и борца за «обновление» ЛДП, а после того, как в 2005 г. премьер-министр распустил палату представителей, стала главной причиной большого успеха либерал-демократов на выборах ее нового состава. ЛДП не только получила единоличное большинство, но и совместно с Комэйто, союзницей по коалиционному правлению, стала обладать более 2/3 депутатских мандатов в этой ключевой палате парламента, что обеспечило ей полную свободу в проведении правительственных законопроектов.

Абэ Синдзо и его предвыборные обещания

В начале 2006 г. определился круг возможных претендентов на пост будущего главы ЛДП и, следовательно, премьер-министра⁴. Трое из них, Абэ Синдзо, Асо Таро и Танигаки Садакадзу, были членами кабинета Дз. Коидзуми. Еще один, Фукуда Ясуо, также имел большой опыт работы в правительстве, в том числе и при правлении Коидзуми. Все претенденты были потомственными политиками.

Первоначально ожидалось, что соперничество развернется главным образом между С. Абэ и Я. Фукуда. Однако Я. Фукуда не спешил подтверждать намерение выдвигать свою кандидатуру, в то время как другие претенденты сделали это еще в первой половине 2006 г.

Японские средства массовой информации оживленно обсуждали перспективы победы всех претендентов на пост председателя, чем, по существу, играли на руку либерал-демократам, стремившимся превратить свою внутреннюю проблему в некое подобие «всенародных выборов премьер-министра». За три месяца до окончания срока полномочий

² Этот вопрос детально рассмотрен в статье А. В. Семина «Токио – Пекин: от партнерства к противостоянию?» – Япония 2006. Ежегодник, с. 41–54.

³ Асахи симбун. 10.09.2006.

⁴ См.: Молодякова Э. В. Как выбирают лидера страны в современной Японии (на примере Коидзуми Дзюнъитиро). – Япония 2006. Ежегодник, с. 37–40.

Дз. Коидзуми опросы общественного мнения, проводившиеся крупнейшими газетами страны, выявили степень популярности каждого из кандидатов. По данным газеты «Иомиури», «наиболее подходящей кандидатурой на пост премьер-министра» опрошенные назвали С. Абэ (43,7%) и Я. Фукуда (19,3%), а Т. Асо и С. Танигаки таковыми признали только 4 и 1,9% соответственно⁵.

Большая популярность С. Абэ, видимо, побудила Я. Фукуда отказаться от участия в выборах. Возможно, это решение определялось также тем, что он не смог получить надежной поддержки от крупнейшей внутрипартийной фракции бывшего премьер-министра Ё. Мори, в которой он состоял вместе с С. Абэ.

На состоявшиеся в сентябре 2006 г. выборы председателя ЛДП вышли С. Абэ, Т. Асо и С. Танигаки. Каждый из кандидатов, как видно из таблицы 1, являлся влиятельным политиком, имевшим значительный опыт работы на руководящих постах в партии и правительстве. Среди них С. Абэ выделялся относительной, по японским меркам, молодостью и более стремительной карьерой в партии и правительстве.

Выборы председателя ЛДП проходили по установленному порядку. Каждый депутат парламента обладает одним голосом (их в партии 403), остальные члены партии (более 1 млн.) – 300 голосами, которые распределяются по префектуральным отделениям партии пропорционально численности их членов. Члены партии голосуют в местных организациях по почте, а депутаты парламента – на заключительной стадии выборов тайно, в штабе партии. Избранным считается кандидат, получивший в совокупности большинство голосов. В случае если большинства не набрал никто из кандидатов, парламентарии определяют победителя на повторном голосовании из числа двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов.

По результатам выборов С. Абэ значительно опередил своих соперников, набрав 464 голоса (66%) из 702. Повторное голосование не потребовалось – за него проголосовало большинство, как членов партии, так и депутатов парламента.

Успеху С. Абэ, несомненно, способствовало его семейное происхождение, принадлежность к высшим правящим кругам. У него, как и у многих других потомственных политиков, первой ступенькой вхождения в эти круги, стала работа личным секретарем своего отца, Абэ Синтаро, влиятельного депутата парламента, назначавшегося в 1982–1986 гг. министром иностранных дел, а в 1987–1989 гг. генеральным секретарем ЛДП. Это позволило Абэ Синдзо приобрести важные связи в политических и деловых кругах. Кроме того, он унаследовал от отца «Фувакай» – весьма эффективную организацию по сбору денежных

средств на политические нужды. Карьере С. Абэ способствовала также его известность как внука премьер-министра Киси Нобусукэ.

Столь же очевидно, что ускорению продвижения в верхи политического руководства С. Абэ был обязан премьер-министру Дз. Коидзуми, который включил его в свое ближайшее окружение, назначив генеральным секретарем ЛДП. Спекулируя на национальных чувствах японцев, Абэ приобрел популярность благодаря своей жесткой позиции по известной проблеме похищения японцев северокорейскими спецслужбами. Кроме того, он проявил себя как активный сторонник коренной партийной реформы, солидаризируясь с обещанием Дз. Коидзуми добиться «обновления ЛДП».

В 2004 г. на выборах в палату советников ЛДП уступила соперничавшей с ней Демократической партии (ДП), что было расценено как поражение и партии, и ее лидера. С. Абэ тогда выручил Дз. Коидзуми, взяв на себя ответственность, как лицо, руководившее избирательной кампанией внутри партии. Характерно, что его отставка, принятая Дз. Коидзуми, сопровождалась первой широкой публикацией политических взглядов самого С. Абэ. В популярном, публикующем сенсационные материалы журнале «Бунгэй сундзю» вышла его статья под многозначительным заголовком «Ухожу с поста генерального секретаря во имя консервативного возрождения»⁶. В ней С. Абэ подчеркивал, что ЛДП следует рассматривать как консервативную партию, «опирающуюся на историю, традиции и культуру Японии». С момента своего создания партия выполняет две большие задачи. Во-первых, превратиться в мощную политическую силу, способную осуществить восстановление и подъем промышленности и экономики страны, создать надежный фундамент народной жизни. Во-вторых, вывести страну из послевоенного положения, преодолеть «оккупационную систему».

По мнению С. Абэ, первая задача выполнена, но «ценой принесения в жертву второй задачи», поэтому «для партии и для меня лично важной задачей является пересмотр конституции, а до этого – пересмотр Основного закона об образовании». Тремя причинами, по которым необходим пересмотр конституции, он назвал: 1) разработку Основного закона Японии представителями оккупационных войск; 2) несоответствие части содержания конституции современным реалиям, отсутствие в конституции положений, признающих существование сил самообороны, что «создает помехи, как для международного вклада Японии, так и для ее обороны»; 3) стремление самостоятельно подготовить конституцию и тем самым дать импульс для начала отсчета нового времени». С. Абэ настаивал на изменении всего текста конституции и подготовке партийного проекта новой конституции к 50-летию юбилею ЛДП.

⁵ Иомиури симбун. 20.06.2006.

⁶ Абэ Синдзо. Хосю сайсэй-но тамэ-ни кандзитё-о дзису (Ухожу с поста генерального секретаря во имя консервативного возрождения) – Бунгэй сундзю. 2004. № 9, с. 156–161.

В статье С. Абэ изложил собственные взгляды на партийную реформу, национальную значимость храма Ясукуни, вновь с жестких позиций поднял проблемы отношений с КНДР. Он также обещал «всеми силами поддерживать реформы Коидзуми».

Не удивительно, что отставка С. Абэ оказалась не более чем формальностью. Дз. Коидзуми сделал его первым заместителем генерального секретаря партии, поручил ему разработку плана партийной реформы, а после крупного успеха ЛДП на выборах нового состава распущенной палаты представителей осенью 2005 г. премьер-министр назначил С. Абэ на важный пост генерального секретаря кабинета. С этого времени С. Абэ, используя свое положение в кабинете, как лица, причастного ко всему спектру правительственной политики, начал популяризировать собственное, нередко отличное от взглядов премьер-министра, мнение по актуальным вопросам, касающимся структурных реформ, внешней политики, положения в сфере образования и т.д.

В этом смысле показательна беседа С. Абэ с популярным актером К. Кодама, опубликованная в мае 2006 г., когда в прессе его уже называли «первым претендентом» на пост премьер-министра. Явно адресуясь к членам ЛДП, недовольным авторитарным стилем руководства Дз. Коидзуми, С. Абэ в своих рассуждениях о «мудрости политика» на первое место поставил такое качество, как «урегулирование интересов». Премьер-министра Дз. Коидзуми он назвал «азартным игроком», высоко оценил его умение выражать свои мысли и харизматичность. Сравнивая себя с премьер-министром Дз. Коидзуми, для которого было характерно принятие решений «сверху вниз», и с премьер-министром Мори, который предпочитал метод «урегулирования», С. Абэ позиционировал себя «где-то посередине»⁷.

В то время в Японии, в том числе в правящей партии, охлаждение отношений с КНР связывали с негибкой политикой Дз. Коидзуми, в частности, с его демонстративными посещениями храма Ясукуни, вызывавшими недовольство у Пекина. С. Абэ дал оценку и этому факту: «Для Японии отношения с Китаем крайне важны с точки зрения экономики и обеспечения безопасности. Уверен, что поддержание дружественных отношений с ним отвечает государственным интересам нашей страны. Если говорить об экономике, то Япония, направляя инвестиции в Китай и осуществляя торговлю с ним, стремительно выходит из кризиса. В свою очередь Китай благодаря японским инвестициям создает рабочие места, импортируя товары первичной обработки, завершает их производство и продает по всему миру, зарабатывая валюту. Поэтому обе страны должны хорошо понимать взаимовыгодность своих отношений».

⁷ Абэ Синдзо, Кодама Киёси. «Уцукусий Нихо»-э кэцуан-то иси-о (Решимость и воля к «красивой Японии»). – Бунгэй сундзю. 2006, № 5, с. 216–217, 220.

Для этого нужен диалог. Полагаю, что Китай совершает ошибку, прерывая диалог только из-за проблемы храма Ясукуни»⁸.

Наконец, в беседе был поднят важный вопрос о росте разницы в доходах как следствии «реформ Коидзуми». С. Абэ признал существование такой проблемы, высказал мнение о необходимости не допускать «закрепления» такого положения, подверг критике попытки Дз. Коидзуми закрыть глаза на эту проблему, охарактеризовав их как «неподобающие для политика и вызывающие озлобление»⁹.

Крупной рекламной акцией стало опубликование в конце июля книги С. Абэ под названием «К красивой стране». Эта непривычно объемная для действующего японского политика книга (232 с.) была воспринята в Японии как политическая программа С. Абэ и вызвала многочисленные комментарии и отзывы. Большой тираж (четыре выпуска, 270 тыс. экз.) и невысокая цена обеспечили книге массового читателя, особенно среди женщин, которых, как и задумывалось издателями, привлекло ее необычное название. Изложив свои взгляды на такие проблемы, как будущее Японии, автор и здесь настойчиво апеллировал к национальным чувствам японцев. Во главу угла своей программы он ставил обеспечение самостоятельности и безопасности страны в рамках японо-американского союза; развитие отношений с КНР и региональное сотрудничество стран, признающих, как и Япония, «универсальные ценности»; «возрождение образования» на основе уважения японских традиций; укрепление семейных ценностей и преодоление тенденции к сокращению рождаемости.

В ходе официальной кампании по выборам председателя ЛДП С. Абэ представил свое видение будущего руководства страной и партией под лозунгом «Япония – красивая страна. Время строить новое государство». В отличие от соперников, опубликовавших свои взгляды в довольно пространственных памфлетах (Т. Асо – на 28 с., С. Танигаки – на 24 с.), С. Абэ, как рассказывал позже руководитель его команды на выборах Х. Сэко, настоял на публикации четырехстраничного памфлета в виде листовки по типу того, как в свое время делал Дз. Коидзуми, – «на одной странице, все кратко, под отдельными пунктами». В то же время было решено избегать всякого упоминания Дз. Коидзуми, чтобы не формировать имидж С. Абэ как «последователя Коидзуми»¹⁰.

Концепция С. Абэ была значительно расширена по сравнению с тем, о чем он первоначально публично высказывался¹¹. В краткой форме

⁸ Там же, с. 217.

⁹ Там же, с. 220.

¹⁰ Сэко Хирошигэ. Мэдиа сэнкаку-но бутай ури (За кулисами стратегии массовой информации). – Рондза. 2006. № 11, с. 95–96.

¹¹ «В мае – июне, – рассказывал Х. Сэко, – мы работали над тем, как исправить в средствах массовой информации представление об С. Абэ как «ястребе». Абэ публично высказывался по вопросам истории, учебников и т.п., о чем и сообщалось в прессе. Вместе с тем важ-

были изложены взгляды практически по всем проблемам, поднимавшимся при опросах общественного мнения, представлявшим интерес как для членов ЛДП, так и для всего населения страны. Вместе с тем такой подход позволил уклониться от конкретизации многих обещаний и от развернутой дискуссии по спорным вопросам.

Согласно концепции С. Абэ¹², основными принципами правления провозглашены: 1) бережное отношение к культуре, традициям, природе, истории страны; принятие конституции, соответствующей новому времени; открытый консерватизм; семейные ценности и возрождение провинции; 2) свобода и порядок, коренная реформа образования, самодисциплина частного сектора и преодоление зависимости от чрезмерной государственной поддержки; 3) рост и процветание на основе развития инновационных технологий; способность к нормативному регулированию и осознание принадлежности к международному сообществу; 4) утверждение в качестве страны-лидера, уважаемой и открытой всему миру; активный международный вклад возрожденной мощи Японии.

В области конкретной политики на первое место была поставлена задача «утверждения политического руководства» путем создания «системы руководства из резиденции премьер-министра» и «единой политики кабинета и правящей партии» под таким же руководством, формирования политических команд в министерствах, коренной реорганизации административного аппарата, а также решительной кадровой реформы. К этой задаче С. Абэ вновь обратился в том разделе концепции, где шла речь о намерении усилить возможности резиденции премьер-министра в качестве командного пункта в области внешней политики и обеспечения безопасности.

Новыми моментами во внутренней политике С. Абэ можно назвать акцент на «инновации в открытом обществе» с целью развития экономики, а также идею построения «общества, в котором отсутствуют победители и побежденные и каждый может сделать свой выбор или поменять его». В остальном С. Абэ, уклоняясь от прямых заверений в продолжении прежнего курса на структурные реформы, по существу, повторял и развивал его положения, подчеркивая значимость «возрождения образования».

В разделе «Через твердую внешнюю политику к сильной и заслуживающей доверия Японии» С. Абэ обещал: укрепить японо-американский союз «в интересах мира в Азии» и «союзнические отношения» с США в сфере экономики; развивать взаимное доверие с соседними странами – КНР, Республикой Корея и др.; урегулировать с КНДР проблему «похищенных японцев, ядерного и ракетного вооружения»; развернуть

стратегический диалог с государствами, разделяющими взгляды Японии на ценности, – США, странами Европы, Австралией, Индией и др.; формировать сообщество в Азиатско-Тихоокеанском регионе; гарантировать энергетическую безопасность; утвердить ответственную роль Японии на международной арене.

С. Абэ заявил также о намерении осуществить реформу ЛДП. Наконец, в его «концепции власти» была особо выделена задача «выйти из послевоенного режима» – принять новую конституцию и добиться включения Японии в постоянные члены Совета Безопасности ООН.

Формирование нового руководства партии и правительства

По уставу ЛДП ее председатель наделен большими правами в решении кадровых партийных вопросов. С. Абэ в полной мере воспользовался этими правами, назначив «руководящую тройку» по своему усмотрению.

По словам С. Абэ, он следовал принципу «стабильность и обновление», стремился на важнейшие посты назначить влиятельных политиков, одновременно обеспечив сменяемость руководства. Вместе с тем нельзя не заметить, что в «руководящую тройку» были включены деятели из тех внутрипартийных группировок, которые оказали решающую поддержку на выборах самого С. Абэ.

Генеральным секретарем, организующим всю внутрипартийную работу, был назначен Накагава Хидэнао (62 года), прежний председатель Совета по изучению политических вопросов, имеющий опыт работы генеральным секретарем кабинета, твердый сторонник курса на структурные реформы из крупнейшей в партии фракции Мори.

Пост председателя Совета по изучению политических вопросов, органа, в котором предварительно изучаются все важные правительственные решения и даются заключения по ним, занял Накагава Сёити (53 года), обладающий опытом руководства экономическими министерствами, из фракции Ибуки.

Председателем Совета по общим вопросам (органа, одобрение которого требуется для решения важных вопросов, включая отношение партии к правительственным законопроектам) был назначен Нива Юя (62 года), трижды возглавлявший министерства социальной сферы, прежний первый заместитель председателя Совета по изучению политических вопросов, представитель фракции Нива – Кога.

Следующим шагом С. Абэ стало подтверждение союзнических отношений ЛДП с Комэйто. Лидеры двух партий подписали соглашение, в котором зафиксировали «приоритетные задачи» коалиционного правительства. Ими были названы, прежде всего, реформа образования, реформа системы социального обеспечения, мирная дипломатия, укрепление отношений с КНР, Республикой Корея, другими соседними

но было показать его познания в экономике, социальном обеспечении, реалистичный подход во внешней политике». – Там же, с. 94.

¹² Содержание предвыборных обещаний С. Абэ см.: Иомиури симбун. 02.09.2006.

странами (всего девять пунктов по предложению обеих партий). При этом Комэйто не согласилась включить в число этих задач предложенный С. Абэ «пересмотр конституции в течение пяти лет». Стороны договорились сохранять коалицию, не углубляя принципиальные разногласия¹³.

В парламенте избрание С. Абэ премьер-министром было надежно обеспечено большим преимуществом правящих партий, а также подкреплено голосованием за его кандидатуру многих беспартийных депутатов. 26 сентября 2006 г. премьер-министр С. Абэ сформировал новое правительство.

Из прежних членов кабинета С. Абэ оставил в своем правительстве только министра иностранных дел Асо Таро. На посты большинства других членов кабинета были назначены политики, не имевшие опыта подобной работы. Вместе с тем говорить об омоложении состава правительства не приходится. Хотя С. Абэ включил в кабинет 45-летнюю Такаити Санаэ в качестве государственного министра, ответственного за дела, касающиеся Окинавы и «северных территорий», инноваций и научно-технической политики, безопасности пищевых продуктов, сокращения рождаемости и равноправия женщин, четыре министра в правительстве старше 70 лет, а средний возраст 17 членов кабинета и премьер-министра составляет 60,9 лет, как и в последнем кабинете Дз. Коидзуми. На прежнем уровне представлены и женщины. Помимо С. Такаити, в кабинет вошла в качестве министра, ответственного за экономическую и финансовую политику, ученый-экономист, профессор Оота Хироко (52 года).

В прессе отмечалось, что, как и Дз. Коидзуми, новый премьер-министр игнорировал рекомендации со стороны внутрипартийных фракций. При этом во многих случаях кадровые решения принимались им с учетом дружеских отношений или являлись своеобразным поощрением активности политиков в поддержку его кандидатуры на выборах председателя ЛДП.

За исключением Х. Оота, все члены кабинета были назначены из числа депутатов парламента. В состав правительства вошли депутаты из разных фракций ЛДП, но более других были представлены деятели из фракций Мори и Нива – Кога (по четыре депутата) Генеральным секретарем, «правой рукой» премьер-министра, стал хорошо знакомый и близкий С. Абэ Сиодзаки Ёсихиса. От Комэйто в правительство в качестве министра государственной территории и транспорта вошел генеральный секретарь этой партии Фуюсиба Тэцудзо.

Обещание С. Абэ повысить личную руководящую роль главы правительства в управлении государством нашло подтверждение в первую очередь в назначении всех, предусмотренных законом, пятерых помощ-

ников премьер-министра, в том числе четверых – из числа депутатов парламента.

Большое значение Консультативного совета по экономической и финансовой политике как опоры премьер-министра в разработке политического курса сохранилось и при С. Абэ. Новыми «гражданскими» членами этого высшего совещательного органа он назначил председателя Японской федерации экономических организаций (Ниппон кэй-данрэн) Ф. Митараи, президента компании «Итотю сёдзи» У. Нива, профессоров-экономистов Т. Ито и Н. Ясиро. Помощником С. Абэ в организации работы консультативного совета стал министр Х. Ота.

Вместе с тем С. Абэ в отличие от Дз. Коидзуми проявил стремление расширить базу находящихся под его личным контролем совещательных органов, вырабатывающих идеи для руководства в разных сферах государственной деятельности.

18 октября 2006 г. начал работу сформированный премьер-министром Совет по возрождению образования, а 26 октября – Совет по инновационной стратегии до 2025 г., призванный разработать долгосрочный план экономического роста на основе инноваций. В эти новые совещательные органы премьер-министра были включены высококвалифицированные специалисты, известные теоретики и практики¹⁴.

Под председательством премьер-министра функционирует Совет обеспечения безопасности, который в соответствии со специальным законом формируется в составе нескольких министров в целях обсуждения и принятия решений по важным вопросам безопасности и действий в случае чрезвычайной обстановки. Реализуя идею расширения возможностей личного руководства премьер-министра и в этой сфере, в ноябре 2006 г. С. Абэ сформировал Совет по усилению функций резиденции премьер-министра в делах, касающихся обеспечения государственной безопасности. В его состав были включены помощник С. Абэ Ю. Коикэ, генеральный секретарь кабинета Ё. Сиодзаки, ряд других лиц, имеющих опыт практической деятельности в кризисных ситуациях и специалистов-аналитиков. В Японии полагают, что таким образом С. Абэ подготавливает почву для формирования японского варианта Совета национальной безопасности, действующего при президенте США, при этом изучается опыт Великобритании, который в Японии применить легче в силу большей схожести государственного устройства.

Создавая условия для сильного руководства из резиденции премьер-министра, С. Абэ в отличие от своего предшественника в первые месяцы своей деятельности стремился избегать конфликтов с функционирующими в ЛДП органами по изучению политических вопросов, наладить с ними тесное сотрудничество, поставить их работу под собственный

¹³ Асахи симбун. 26.09.2006; Иомиури симбун. 26.09.2006.

¹⁴ Асахи симбун. 28. 11. 2006.

контроль. О желании добиться «единства правительства и правящей партии» свидетельствует также факт реабилитации и возвращения в ряды либерал-демократов большинства политиков, исключенных из партии при Дз. Коидзуми и избранных в качестве независимых депутатов.

Политический курс кабинета С. Абэ

29 сентября 2006 г. в программной речи на внеочередной сессии парламента премьер-министр С. Абэ объявил своей личной целью и миссией сформированного им правительства строительство «красивой Японии как государства энергичного, дающего шанс на успех каждому гражданину, доброго, ценящего дух самостоятельности, открытого всему миру»¹⁵. Под «красивой страной», разъясняя С. Абэ, подразумевается государство, в котором, во-первых, бережно относятся к своей культуре, традициям, природе, истории; во-вторых, считают его основой свободное общество и признают порядок; в-третьих, имеется потенциал для роста в будущем; в-четвертых, это государство вызывает доверие, уважение и любовь в мире и способно к лидерству. Свое правительство, опирающееся на коалицию ЛДП и Комэйто, он назвал «кабинетом созидания красивой страны».

Представляя свои планы во внутренней политике, С. Абэ в отличие от Дз. Коидзуми, выдвигавшего на первое место структурные реформы («без реформ нет экономического роста»), прежде всего, подчеркнул особое значение продолжения экономического роста, опирающегося на инновации и открытость японской экономики. С. Абэ сообщил о намерении разработать и осуществить стратегический курс «инноваций до 2025 г.».

Новым для правительства Японии стал также прозвучавший в речи премьер-министра акцент на признание необходимости не допустить поляризации японского общества, «закрепив в нем слои победителей и побежденных», создать «общество, в котором каждый имеет возможность нового выбора». Важной задачей правительства С. Абэ назвал продвижение комплексной «политики поддержания нового выбора».

Абэ не стал давать заверений относительно «продолжения реформ Коидзуми». Он просто поставил первоочередной задачей осуществление курса на продолжение структурных реформ, закрепленного принятыми в последний год правления кабинета Дз. Коидзуми законами.

Премьер-министр заявил о намерении решительно добиваться оздоровления финансовой политики и продолжать административную реформу:

1) планомерно в течение пяти лет осуществить «реформу бюджетных расходов», чтобы к первой половине 2010-х годов снизить долю накопленного государственного долга относительно ВВП, а к 2011 г.

обеспечить баланс расходов и доходов государства и органов местного самоуправления;

2) с целью сделать правительство «компактным, эффективным и жизнеспособным» сократить штат государственных служащих и кадровые расходы, полностью пересмотреть систему государственной службы, объединить в один орган правительственные кредитно-финансовые учреждения, сократить государственное имущество, с 2007 г. осуществлять приватизацию почтовых предприятий;

3) предоставить частному сектору широкие возможности для участия в предоставлении общественных услуг на основе конкуренции с государственными предприятиями, пересмотреть порядок финансирования различных проектов общественного значения, которое до сих пор осуществляется по многочисленным специальным счетам;

4) продвигать местную административно-финансовую реформу, приступить к изучению и разработке законов о перестройке органов местного самоуправления с целью достижения их «самодисциплины»;

5) стремиться к осуществлению коренной комплексной налоговой реформы с тем, чтобы обеспечить устойчивые источники финансирования растущего бремени на социальное обеспечение и принятие мер, направленных на решение проблемы низкой рождаемости. В вопросе о повышении с этой целью налога на потребление «не уклоняться и не забегать вперед», занимать сдержанную позицию.

Кроме того, С. Абэ выразил намерение разработать новое, соответствующее ХХI в., видение государственного управления в целом, предполагающее «коренную реформу и реорганизацию административного аппарата» и «внедрение системы провинций» (создание вместо 47 префектур 8–10 более крупных и обладающих большими полномочиями местных административных единиц).

В сфере социального обеспечения премьер-министр высказался за осуществление комплексной реформы, направленной на создание «простой, вызывающей доверие стабильной системы социального обеспечения японского типа». В части пенсионного обеспечения он конкретно назвал такие меры, как ликвидация Управления социального страхования и создание вместо него новой организации, быстрее унификация пенсий благосостояния и пенсий ассоциаций взаимопомощи. В сфере медицинских услуг и ухода за престарелыми были намечены акцент на профилактику, «новая фронтальная стратегия укрепления здоровья и долголетия», упорядочение расходов на медицинские услуги и оснащение медицинской системы на местах. Планировалось принятие активных мер для решения проблемы абсолютного сокращения общей численности населения Японии, начавшегося с 2005 г.

Важной задачей правительства С. Абэ назвал «возрождение образования», имея в виду прежде всего незамедлительное принятие застрявшего в парламенте проекта пересмотра Основного закона об образовании.

¹⁵ Программная речь С. Абэ. – Иомиури симбун. 30.09.2006.

Наконец, С. Абэ, напомнив о том, что нынешняя конституция Японии была принята в условиях оккупации и остается неизменной в течение 60 лет, выразил надежду на углубленное обсуждение правящими и оппозиционными партиями направления ее пересмотра, а также на скорейшее принятие законопроекта об изменении процедуры внесения поправок в Основной закон страны.

Внеочередная сессия парламента, завершившаяся 15 декабря, оказалась весьма успешной с точки зрения решения провозглашенных премьер-министром задач.

Два закона, принятые на ней, касались дальнейшей децентрализации, передачи дополнительных полномочий местному самоуправлению. С этой целью при канцелярии кабинета учреждался «Комитет компетентных лиц», которому поручалось подготовить необходимые рекомендации для премьер-министра. Согласно другому закону Хоккайдо, территориально наиболее крупной префектуре среди других японских префектур, должны быть переданы некоторые права от государства в порядке эксперимента по внедрению «системы провинций».

В последний день работы внеочередной сессии парламента был принят закон, преобразующий управление национальной обороны в министерство, а также внесены поправки в Закон о силах самообороны. Согласно этим поправкам в число основных обязанностей японских вооруженных сил наряду с обороной государственной территории и действиями при стихийных бедствиях внутри страны входила международная миротворческая деятельность, которая до сих пор рассматривалась как их сопутствующая (дополнительная) обязанность.

Повышение статуса японского оборонного ведомства расширяло его права и возможности. Управление национальной обороны входило в состав канцелярии кабинета в качестве ее внешнего органа. Поэтому его начальник, хотя и был членом правительства, государственным министром, не располагал правом непосредственного внесения в кабинет проектов законов и других решений, требующих правительственного одобрения. Ему приходилось обращаться по этим вопросам через канцелярию кабинета, т. е. орган, возглавляемый другим министром и непосредственно подчиненный премьер-министру. Кроме того, Управление национальной обороны не могло напрямую обращаться в министерство финансов с бюджетными заявками. В Японии полагают, что статус министерства будет способствовать не только оперативному решению вопросов, касающихся обороны, но и повысит престиж оборонного ведомства и самой Японии как «нормальной страны», обладающей равноценными с другими странами атрибутами государства.

Безусловно, законодательное признание зарубежной деятельности в качестве одной из основных миссий сил самообороны, которую до недавнего времени японская общественность рассматривала как нарушение девятой статьи конституции, облегчит стремление правительства ак-

тивнее, в глобальном масштабе демонстрировать военное присутствие Японии и, естественно, повлечет за собой углубление дискуссии о применении оружия японскими военнослужащими, направляющимися в «горячие точки» мира.

Правительство считало своим значительным успехом пересмотр Основного закона об образовании, также осуществленный в последний день работы парламента путем его одобрения голосами правящих партий. Этот базовый закон в сфере образования, принятый еще в 1947 г. и не подвергавшийся с тех пор никаким изменениям, являлся объектом постоянных споров между ЛДП и другими политическими партиями. Либерал-демократы настаивали на его пересмотре, утверждая, что закон препятствует воспитанию патриотизма, уважению к традициям, культуре, истории Японии, чрезмерно ориентирует образование на «уважение личности» в ущерб воспитанию «общественного духа». Их оппоненты видели в требованиях ЛДП попытки возродить образование времен тоталитарного правления, нацеленного на воспитание псевдопатриотизма и безрассудного служения государству, на подавление самостоятельности личности.

Требования ЛДП в определенной мере нашли отражение в разработанном при кабинете Дз. Коидзуми и принятом проекте пересмотра данного закона. Во-первых, в преамбуле закона и статье о целевых установках образования замечен перенос акцента с «уважения личности» на воспитание «общественного духа». Во-вторых, в закон включено требование «воспитания людей, уважающих традиции и культуру, относящихся с любовью к выпестовавшим эти традиции и культуру родине и родным местам».

Вместе с тем правительство не могло игнорировать высказывавшиеся оппозиционными партиями и общественностью опасения возврата к прошлому. Тот же пункт статьи о целях образования, в котором, по существу, содержится указание на воспитание патриотизма, дополнен фразой о «воспитании уважения к другим странам, стремлении вносить вклад в мир и развитие международного сообщества». В компромиссном духе была изменена и статья об управлении в сфере образования, гласившая: «Образование не подчиняется незаконному контролю, ответственность за образование должен нести весь народ». Оппозиция настаивала на сохранении первой части этого положения, правительство с этим согласилось. Согласно новой формулировке, образование «не подчиняется незаконному контролю, должно осуществляться на основе положений, определенных настоящим и другими законами». При этом данная статья была расширена и дополнена рядом новых положений.

Пересмотренный Основной закон об образовании стал более объемным (18 статей вместо прежних 9), его содержание было адаптировано

к современному состоянию и задачам японской системы образования. В новых статьях содержатся положения, касающиеся принципа непрерывности образования, частных школ, учителей, семейного образования, дошкольного образования, солидарности и сотрудничества школы, семьи, местных жителей, планирования образования.

С. Абэ проявил высокую активность и в реализации заявленных им позиций по внешнеполитической ориентации Японии. В своей программной речи он заявил о намерении осуществить «поворот к твердой дипломатии, основывающейся на новом мышлении», главной предпосылкой которого рассматривалось сотрудничество в рамках «японо-американского союза в мире и в Азии». С. Абэ сообщил о подготовке мер, необходимых для «постоянного взаимопонимания между резиденцией премьер-министра Японии и Белым домом».

Премьер-министр обещал установить с КНР и Республикой Корея «тесные, не имевшие ранее прецедента, отношения в широкой сфере, и прежде всего в экономике». Укрепление доверия с этими странами, подчеркнул С. Абэ, «имеет чрезвычайное значение», как для стран Азии, так и для всего международного сообщества, поэтому требуется «взаимное стремление» к прямым переговорам.

Касаясь отношений с КНДР, С. Абэ подтвердил желание разрешить «ракетно-ядерную проблему» в тесном сотрудничестве с США, активизируя шестисторонние переговоры, но вместе с тем в увязке с застарелой проблемой похищения японских граждан северокорейской разведкой, без разрешения которой «не может быть нормализации государственных отношений»¹⁶. Премьер-министр сообщил, что учрежденный под его руководством специальный штаб по «проблеме похищенных», опираясь на «диалог и давление», продолжит добиваться возвращения всех похищенных живыми.

Рассматривая Россию важным соседом Японии, С. Абэ напомнил о больших потенциальных возможностях развития японо-российских отношений с выгодой для обеих стран, но одновременно, как и его предшественник Дз. Коидзуми, обещал прилагать настойчивые усилия для «разрешения территориальной проблемы»¹⁷.

Последние месяцы 2006 г. ознаменовались всплеском японской дипломатии. Вопреки традиции С. Абэ свой первый зарубежный визит совершил не в Вашингтон, а в Пекин, затем в Сеул, где его застала публикация о северокорейских ядерных испытаниях. 8 октября 2006 г. на переговорах с председателем КНР Ху Цзиньтао С. Абэ достиг договоренности о возобновлении прерванных японо-китайских встреч на высшем уровне. Обе стороны заявили о стремлении к отношениям вза-

имного благоприятствования. На следующий день во время встречи с президентом Республики Корея Но Му Хеном было достигнуто единое мнение о необходимости «решительно и твердо реагировать» на северокорейские ядерные испытания. Таким образом, С. Абэ смог выполнить задачу возобновления прямых контактов с высшими руководителями КНР и РК уже в первые десять дней своего правления.

До конца того же месяца были предприняты новые шаги и по укреплению японо-американского союза. Премьер-министр договорился с государственным секретарем США Кандолизой Райс о тесном сотрудничестве в рамках союза в вопросе о реакции на северокорейские ядерные испытания. Было принято решение совместно добиваться скорейшего принятия резолюции Совета безопасности ООН о санкциях в отношении КНДР.

По предложению правительства парламент продлил на один год действие Закона об особых антитеррористических мерах, обеспечив тем самым продолжение тылового снабжения американских войск в Афганистане японскими военно-морскими силами в Индийском океане.

«Твердая дипломатия» премьер-министра С. Абэ проявилась в Ханое на саммите АТЭС (18–19 ноября), где он провел важные встречи с главами стран региона. Здесь состоялась его первая встреча с президентом США Дж. Бушем. На ней С. Абэ получил заверение президента в том, что США будут помогать Японии в случае применения против нее силы. Обе стороны заявили о категорическом непризнании ядерного вооружения КНДР, подчеркнули важность сотрудничества в этом вопросе всех пяти стран на шестисторонних переговорах с Северной Кореей. Президент США поддержал позицию Японии по проблеме «похищенных японцев». Была достигнута договоренность о поручении главам внешнеполитических и военных ведомств обеих стран разработать меры, направленные на усиление и ускорение сотрудничества в организации ракетной обороны. Дж. Буш высказался за создание Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли. С. Абэ, указав на важность экономического присутствия США в Азии, заявил о намерении изучить такую возможность в процессе многостороннего регионального сотрудничества. Воспользовавшись моментом, С. Абэ попросил поддержать Японию в ее желании стать постоянным членом Совета безопасности ООН. Президент США такую поддержку обещал.

Согласование политики в отношении КНДР было продолжено на краткой встрече глав США, Японии и Республики Корея в Ханое. Здесь была подчеркнута важность солидарности трех стран. Однако в то время как С. Абэ настаивал на продолжении давления на КНДР для скорейшего достижения практического успеха на шестисторонних переговорах, а также подчеркивал «важность проблемы похищенных японцев», президент Но Му Хен призвал к «надлежащему сочетанию диалога и давления».

¹⁶ См.: Гринюк В. А. Проблема «похищенных японцев» в отношениях Японии и КНДР. — Япония 2006. Ежегодник, с. 55–70.

¹⁷ Йомиури симбун. 30.09.2006.

В Ханое состоялась вторая встреча С. Абэ с председателем КНР Ху Цзиньтао. Напрямую «проблема посещения храма Ясукуни» здесь не поднималась. Однако, как сообщалось в японской прессе со ссылкой на публикацию китайской стороны, Ху Цзиньтао назвал «проблемы истории»¹⁸ и Тайваня» базовыми в отношениях двух стран, которые следует «урегулировать надлежащим образом», указал на важность воспитания взаимного чувства близости двух народов и создания условий для благоприятного общественного мнения. Он также подтвердил готовность китайской стороны к «совместным историческим исследованиям», о которых в Ханое договорились министры иностранных дел обеих стран.

Касаясь северокорейских проблем, С. Абэ позитивно оценил усилия КНР на шестисторонних консультациях, призвал к достижению практических результатов с тем, чтобы не допустить появления ракетно-ядерного оружия на Корейском полуострове. В свою очередь Ху Цзиньтао дал высокую оценку подтверждению С. Абэ приверженности Японии «трем неядерным принципам», на что премьер-министр высказал пожелание в адрес ядерных держав предпринимать меры по сокращению ядерных вооружений.

В сфере экономики руководители Японии и КНР договорились в целях «стратегического взаимного благоприятствования» изучить возможность учреждения Совета по экономическим отношениям на уровне министров, наладить диалог по энергетической политике, организовать практическое сотрудничество в области экологии. С. Абэ получил согласие китайской стороны на свое заявление о необходимости сделать предметом обсуждения на высшем уровне проблему освоения газоносного шельфа в Восточно-Китайском море. Стороны поставили цель добиваться разрешения этой проблемы путем ведения совместных разработок.

Тогда же в Ханое состоялась короткая встреча С. Абэ с президентом РФ В. В. Путиным. Освещая эту встречу, японские средства массовой информации обратили внимание на следующие слова российского президента: «Продолжим диалог, будем сотрудничать с японской стороной. И в дальнейшем будем искать способы приемлемого для обеих сторон разрешения проблем». Эти слова были интерпретированы, как выражение российской стороной «желания заключить японо-российский мирный договор, разрешив проблему северных территорий»¹⁹.

О намерении С. Абэ сделать главенствующим элементом японской дипломатии собственные встречи с лидерами зарубежных стран свидетельствует и его поездка на Филиппины в декабре 2006 года. Здесь

¹⁸ Имеются в виду толкования событий в прежних китайско-японских отношениях.

¹⁹ Содержание ханойских встреч изложено по информации японских газет: Йомиури симбун. 19.11.2006 и др.

премьер-министр провозгласил «три принципа усиления сотрудничества в Восточной Азии»: 1) уважать многообразие азиатских стран; 2) формировать региональный порядок открытости стран, особенно в сфере экономики; 3) создавать привлекательную для Азии и всего мира Японию (увеличить открытость внутреннего рынка, сделать ее привлекательной для иностранного бизнеса).

С. Абэ рассказал о конкретных планах Японии на основе «трех принципов», включая расширение обмена студентами, сотрудничество с зарубежными университетами, экологическое и энергетическое сотрудничество, переоборудование морских портов, аэропортов, таможен с целью активизации обмена людьми и товарами, работу по изучению возможности заключения Соглашения об экономическом взаимодействии в Азии и т. п.

С. Абэ был полон решимости осуществить в 2007 г. свои обещания и сделать новые, заметные для избирателей шаги в заявленных им направлениях. Чтобы закрепить свое руководящее положение в правительстве и собственной партии, премьер-министру требовалась победа ЛДП на выборах в палату советников, где у либерал-демократов в отличие от их подавляющего превосходства в палате представителей позиции были несравненно слабее.

Как и ожидалось, в дальнейшей практической деятельности премьер-министр всячески стремился демонстрировать энергичность и новизну в определении политики и методах управления страной. Во внутренней политике это проявилось в попытках отмежеваться от негативных последствий реформ Коидзуми. Тем не менее, кабинет С. Абэ продолжал намеченные до него административно-финансовые преобразования.

Что касается обещанного премьер-министром вывода страны из «послевоенного режима», то на первый план была поставлена задача принять некоторые законы, направленные на «возрождение образования». Кроме того, С. Абэ не скрывал желания приблизить пересмотр конституции, чтобы завершить обретение Японией атрибутов «нормальной страны».

Вместе с тем, несмотря на подчеркивание особой важности самостоятельности японской внешней политики, С. Абэ, как и его предшественники, ее основой по-прежнему считал лояльность японо-американскому союзу.

Наконец, С. Абэ по примеру своего предшественника Дз. Коидзуми, добивавшегося большой концентрации власти в своих руках, попытался реализовать обновленный вариант «руководства из резиденции премьер-министра». Однако надежды премьер-министра упрочить свой авторитет и еще более укрепить парламентские позиции ЛДП не оправдались.

На выборах в палату советников, состоявшихся 29 июля 2007 г., ЛДП потерпела крупное поражение. Первой партией в этой части парламента стала Демократическая партия, получив в ней также превосходство над коалицией ЛДП и Комэйто. Исход июльских выборов свидетельствовал о выражении народного недоверия правительству и лично премьер-министру, что привело к его отставке в сентябре 2007 г.

Проект базового закона об образовании в контексте проблемы пересмотра конституции Японии

А. В. Говоров

В 2006 г. дискуссия вокруг проекта пересмотра Базового закона об образовании (Кёйку кихон хо) стала одним из самых заметных событий внутриполитической жизни Японии. На ноябрь 2006 г. обсуждение проекта в стенах парламента превысило 100 часов, став пятым по продолжительности в послевоенной истории. По этому же показателю оно сравнялось с прениями вокруг проекта закона о приватизации почтового ведомства – ключевого пункта программы реформ правительства Дз. Коидзуми¹.

Это свидетельствует о заметном изменении основного направления программы преобразований, ориентированных на поиски руководством страны нового импульса общественно-экономического развития. Сегодня можно говорить о смещении акцента с экономических реформ на воспитание нового общественного сознания, которое будет формировать обновленная образовательная система. Это не впервые происходит в истории страны. Достаточно вспомнить эпоху Мэйдзи, когда коренное изменение в сфере образования стало одним из важнейших оснований успешной модернизации страны, в короткие сроки превратившей Японию в конкурентоспособного игрока на мировой арене тех лет.

Обсуждаемый сегодня проект закона и программа реформ в перспективе также не ограничиваются только сферой образования, закладывая основы для широких изменений в будущем, с которыми связываются надежды по выходу японского общества к качественно новому этапу успешного внутреннего и внешнего развития. Однако нельзя сказать, что эти планы встречают всестороннюю и безоговорочную поддержку. Более того, вокруг проекта закона об образовании развернулась довольно острая дискуссия, собственно и определившая его особое место среди самых заметных событий жизни страны 2006 г.

Следует отметить, что эта дискуссия, если и не оттеснила на второй план главный вопрос последних лет – изменение конституции, то уж точно встала с ним в один ряд. Уже само это, учитывая разный юридический вес документов, обращает на себя особое внимание. Более того,

¹ Нихон кэйдзай симбун. 16.11.2006.

здесь можно говорить о глубокой и органической связи двух законов и планов их пересмотра, определяемой далеко не только фактом их существования в едином законодательном поле страны.

Об этой связи свидетельствуют первые заявления нового премьер-министра Японии Абэ Синдзо. На пресс-конференции в день своего избрания председателем ЛДП 20 сентября 2006 г. он отметил, что среди первоочередных задач своего будущего правительства видит пересмотр конституции и скорейшее утверждение проекта закона об образовании. Последний, по его словам, должен стать «наиважнейшим законопроектом» в работе очередной сессии парламента осенью 2006 г.² Таким образом, пересмотр закона об образовании и изменение конституции стали на сегодняшний день основными приоритетами нового руководства Японии.

Очевидно, что образование в жизни любого государства имеет большое значение. Направленное в будущее, оно закладывает перспективы развития страны, выстраивая концепцию обучения и воспитания будущих поколений. Поэтому вполне понятно то особое внимание, которое еще будущий премьер уделил вопросам образования в своей программной работе, озаглавленной «Навстречу к прекрасной стране» («Уцукусий куни э»). В ней он представил свое видение будущего Японии, изложив основные направления преобразований на пути к превращению ее в «прекрасную страну», в динамично и успешно развивающееся государство XXI в. Квинтэссенцией роли образования в стремлении к этому идеалу стали слова премьера, произнесенные им 18 октября на открытии Совета по обновлению образовательной системы. Он заявил: «Образование является фундаментом создания “прекрасной страны”. Мы должны, воспитывая решительную нацию, строить осознающие свое достоинство государство и общество»³.

Таким образом, программа широких преобразований в сфере образования стала основной составляющей внутривластного курса правительства Абэ. При этом планы реформирования не ограничиваются только пересмотром законодательства. Осенью 2006 г. начал свою работу Совет по обновлению образовательной системы (Кёйку сайсэй кайги). Среди обсуждаемых на заседаниях проектов можно выделить следующие:

- введение обновляемых учительских лицензий (в настоящий момент они пожизненные, теперь же планируется их периодическое обновление после сдачи преподавателями квалификационных экзаменов);

² Асахи симбун. 21.09.2006.

³ Йомиури симбун. 19.10.2006.

- создание рейтинга школ и преподавателей (рейтинг будет составляться на основании результатов работы правительственных инспекций);

- свободный выбор родителями муниципальных школ для своих детей (на сегодняшний день выбор ограничен школами, находящимися поблизости от настоящего места жительства семьи);

- предоставление ваучеров на образование (они будут не только компенсировать расходы родителей, но и распределять бюджетные средства в соответствии с числом учащихся в учебных заведениях);

- перенос начала учебного года на сентябрь (сейчас учебный год в Японии начинается в апреле) и организация общественных работ для учащихся с марта по август⁴.

По словам разработчиков программы реформ, необходимость изменения законодательства и обновления образовательной системы объясняется, прежде всего, стремлением к повышению качества обучения, приведению его в соответствие мировым стандартам и решению многочисленных проблем японского общества, так или иначе связанных со сферой образования. Девизом сторонников преобразований стал лозунг «Ответить на вызовы времени» («Дзидай-но ёсэй ни kotaэру»). Среди этих «вызовов времени» основными называют заметное падение уровня морали и нравственности, особенно у подрастающего поколения, снижение мотивации к получению знаний, недостатки домашнего воспитания и образования, рост преступности в молодежной среде и пр.

Действительно, в последнее время стало заметным снижение морали и нравственности, высоким уровнем которых всегда славилось японское общество. Особенно это бросается в глаза в молодежной среде. Эта проблема серьезно беспокоит не только политиков, но и простых граждан. На телеканале NHK даже появилась передача под названием «Мораль японцев. Крушение?». И материалов на еженедельные выпуски пока хватает в избытке. По результатам телефонного опроса, проведенного сотрудниками канала, 77% ответивших признали факт заметного снижения морально-нравственного уровня современных японцев. Понимая, что его основы закладываются в семье и в школе, разработчики проекта особое внимание в документе уделили аспекту нравственного воспитания.

Следующий пункт аргументации – стремление к повышению уровня и качества домашнего воспитания. Из-за изменения социальной картины японского общества занятые на работе родители часто не могут уделять достаточного внимания своим детям. Учителя часто жалуются на то, что родители совершенно не интересуются успеваемостью своих детей и не контролируют их домашние занятия. Разработчики включили в проект отдельную статью – «Домашнее образование», в которой вос-

⁴ The Nikkei Weekly. 23.10.2006.

питание и обучение в семье названо первоочередным долгом родителей и лиц их заменяющих. Они должны формировать у детей качества, необходимые для жизни в обществе, чувство независимости и стремиться к их гармоничному нравственному развитию.

Еще один важный аргумент сторонников пересмотра закона – рост детской преступности и насилия в молодежной среде. По данным министерства образования, в 2005 г. число происшествий в школах, связанных с правонарушениями среди детей и подростков, выросло по сравнению с 2004 г. на 6,8%. Поражает увеличение инцидентов, связанных с насилием в отношении учителей, – в 2005г. рост на 38,1% по сравнению с 2004 г.⁵

Однако чаще страдают сами дети. Особенно остро стоит проблема морального насилия в школе (*идзимэ мондай*). Осенью 2006 г. Японию потрясла волна известий о самоубийствах школьников, приходивших из разных уголков страны. Результаты расследований показали, что на столь отчаянный шаг их толкнули издевательства со стороны одноклассников. Учителей обвиняют в бездействии. Директор одной из японских школ, признав факт существования проблемы *идзимэ* в своей школе и неспособность справиться с ней, также покончил жизнь самоубийством.

Необходимость решения этих и многих других проблем подвигла сторонников реформ, по их же словам, на разработку проекта нового закона об образовании, призванного дать эффективный ответ на эти «вызовы времени». Они полагают, что действующий закон, без изменений существующий с 1947 г., устарел и не достаточно полно отражает реалии сегодняшнего дня. И здесь вновь всплывает связь появления проекта закона об образовании с проблемой пересмотра конституции.

Не случайно базовый закон об образовании именуют «конституцией образования». С Основным законом его связывает действительно очень многое. Во-первых, оба документа были фактически одновременно разработаны, приняты и вступили в силу после войны, в период американской оккупации Японии⁶. По мысли их создателей из Штаба оккупационных сил, они должны были стать гарантами, препятствующими возможности возрождения японского милитаризма в будущем. Поэтому в Основной закон были включены девятая статья об отказе от войны и ряд других положений, закрепляющих демократичный характер японского общества, а в законе об образовании не было сказано ни слова о патриотическом воспитании и преемственности традиций прошлого. Документы фиксировали полный разрыв с довоенной системой.

Оба закона просуществовали почти 60 лет без каких-либо поправок. Вполне естественно, что за эти годы японское общество претерпело значительные изменения, и законы нуждаются в дополнениях, отражающих эти перемены. Последнее время это несоответствие покрывалось за счет издания многочисленных подзаконных актов, однако увеличение их числа стало заметно тормозить работу законодательной системы. Попытки внести эти накопившиеся поправки в базовое законодательство также стали немаловажным основанием для пересмотра законов.

Вместе с тем разработчики проекта базового закона об образовании особо акцентировали внимание на том, что предложенный ими вариант представляет собой именно проект пересмотра, а не новый закон. Они оставили основную структуру документа, внося в него ряд новых положений, в целом же сохранив текст большинства его статей, часто ограничиваясь, на первый взгляд, несущественными поправками. Однако следует отметить, что, по существу, речь сегодня идет не столько о косметических изменениях действующих документов, сколько о принятии фактически нового по духу и содержанию законодательства.

И базовый закон об образовании, и конституция подпадали под лозунги правительства Абэ, объявившего о «перестройке старого» и «разрыве с послевоенным режимом»⁷. Они расценивались, как «навязанные» японскому народу, и в их содержании «больше западного, чем японского». Самые радикальные сторонники ревизии заявляют, что сохранение этих законов консервирует моральный контроль оккупационной администрации над жизнью современного японского общества.

Схожесть дискуссии вокруг пересмотра этих законов во многом определяет наличие в них наряду с прочими двух самых горячо обсуждаемых статей. Что касается конституции, то, естественно, это – «мирная» девятая статья. В проекте закона об образовании своеобразной «девятой статьей» стало одно из положений второй статьи документа («Цели образования»), 5-й пункт которой гласит: «Уважать традиции и культуру и любить выпестовавшую их страну и родину...»⁸.

Именно попытка законодательного установления «любви к стране и родине» вызвала наиболее острые споры вокруг проекта. Противники пересмотра закона заявили, что эта фраза, так называемый «патриотический пункт», непосредственно ведет к политизации процесса образования. Более того, такая формулировка вызывает прямые ассоциации с националистической риторикой времен второй мировой войны, и за красивыми и правильными, на первый взгляд, словами стоит стремление возродить довоенный имперский дух. Часто высказываются опасения, что новые

⁵ Асахи симбун. 14.09.2006.

⁶ Базовый закон об образовании вступил в силу 31 марта 1947 г., а конституция – 3 мая того же года.

⁷ Асахи симбун. 21.09.2006.

⁸ Кэмпо кайсэй мондай (дзоку).2006, с. 203.

принципы закона и, прежде всего, тот же «патриотический пункт», позволял государству контролировать мысли учителей и учеников.

Сторонники принятия этой формулировки настаивают на том, что без уважения культуры и традиций своей страны невозможно построение здорового общества, ориентированного на успешное и активное саморазвитие. Они особо подчеркивают, что принцип «патриотизма» заложенный в законопроект, не имеет ничего общего с довоенным милитаризмом или национализмом, а его полное отрицание грозит потерей самоидентификации нации, особенно в период современной глобализации.

Отправной точкой начала дискуссии стал апрель 2006 г., когда партии правящей коалиции – ЛДП и Новая Комэйто – смогли договориться о внесении в законопроект «патриотического пункта». В результате правительство Коидзуми приняло проект закона и отправило его на утверждение в парламент. Фактически одновременно дискуссия, выйдя далеко за стены парламента, выплеснулась на страницы газет, экраны телевидения, стала обсуждаться на улицах среди простых японцев. Более того, она сразу же перестала быть сугубо внутренней проблемой Японии, получив довольно резкие оценки от соседних стран. Как и в 2005 г., после утверждения министерством образования новых учебников истории, свою озабоченность высказали дипломатические ведомства Южной Кореи и Китая. А на улицы Сеула и Пекина вышли сотни демонстрантов, протестующие против «реставрации национализма» в Японии.

Несмотря на стремление правительства добиться утверждения проекта на весенней, 114-й сессии парламента, прежде всего из-за острых дебатов вокруг его «патриотической» части, обсуждение было пролонгировано на осень. Это стало результатом того, что четыре оппозиционные партии – Демократическая партия, КПЯ, Социал-демократическая партия и Новая народная партия – сумели договориться на уровне генеральных секретарей о совместных усилиях по отклонению правительственного проекта⁹.

Осенью 2006 г. проект вновь оказался в парламенте. Представители оппозиционных партий всячески пытались затянуть обсуждение и на этот раз, применив тактику отсутствия в зале заседаний во время голосования по проекту в нижней палате. Однако правительственной коалиции хватило голосов¹⁰, чтобы проголосовать за проект и отправить его на обсуждение в палату представителей, хотя силовое проталкивание документа без достаточного учета мнения оппозиции оставило неприятный осадок. Это еще раз подтвердило исключительную важность принятия данного законопроекта в списке основных задач правящих сил.

Следует отметить, что обсуждение законопроекта сопровождала целая серия скандалов и сенсационных разоблачений. Так в ноябре 2006 г. вскрылись закулисные подробности организации так называемых «городских собраний» («таун митингу»), которые проводились в разных регионах страны, чтобы определить отношение независимых представителей общественности на местах к правительственным планам реформ в сфере образования. Однако выяснилось, что большинство вопросов и выступлений в поддержку проекта и реформ были заранее составлены и отрепетированы в стенах министерства образования. Еще одним скандалом стало откровение депутата палаты советников от Демократической партии. По его словам, в ходе личной беседы с представителем правящей коалиции ему было предложено место во фракции ЛДП в верхней палате парламента в обмен на его голос в поддержку законопроекта¹¹.

Одновременно с обсуждением проекта на осенней сессии парламента до крайней степени обострились уже упомянутые нами проблемы в самой системе образования Японии. По стране прокатилась настоящая волна самоубийств среди школьников (с сентября по ноябрь 2006 г. – 14 случаев), которые не вынесли издевательства со стороны своих одноклассников. В ходе инспекций министерства образования вскрылся поразительный факт. Оказалось, что в старших школах многих префектур на протяжении последних лет не преподавались «обязательные» предметы, необходимые для поступления в университеты.

Партии оппозиции настаивали на том, что в таких условиях недопустимо поспешно принимать законопроект. Традиционно резко против его принятия выступили Коммунистическая и Социал-демократическая партии Японии. Они расценили аргументацию разработчиков проекта как безответственную, а основания для пересмотра, не имеющими ничего общего с действующим законом. По их мнению, изменение закона, может повлечь за собой политизацию и снижение качества образования. В статье газеты «Акахата» коммунисты призвали японцев развернуть народное движение в защиту действующего закона об образовании, против проекта его пересмотра¹².

В мае 2006 г. свой вариант закона об образовании представила оппозиционная Демократическая партия¹³. Особо подчеркивалось, что этот документ не является проектом пересмотра, а представляет собой совершенно новый закон. Дискуссионное положение о «любви к родине» в нем присутствует, однако оно не является отдельной статьей, а вынесено в декларативную преамбулу. Создателями документа отмечалось, что в

⁹ Асахи симбун. 09.06.2006.

¹⁰ Из 480 мест нижней палаты парламента 294 занимают представители ЛДП, 31 – депутаты от партии «Новая Комэйто». Таким образом, у правящей коалиции почти 68% мест.

¹¹ Нихон кэйдзай симбун. 16.11.2006.

¹² В заголовке этой статьи вместо иероглифов «кайсэй» («пересмотр, изменение к лучшему») были напечатаны иероглифы «кайаку» («ухудшение, изменение к худшему»). – Акахата. 15.05.2006.

¹³ Кэмпо кайсэй мондай (дзоку). 2006, с.202–213.

отличие от правительственного варианта, «патриотизм» не определяется как цель образования, не навязывается, а нейтрально соседствует с призывом к уважению старших поколений, традиций, культуры и искусства Японии. В проекте большое внимание уделено компенсациям за расходы на образование, государственной поддержке учебных заведений, совместным усилиям общественных организаций и местных органов власти по развитию и улучшению качества образования. При этом партия позиционировала свой вариант скорее как альтернативный правительственному, призывая не торопиться с пересмотром или принятием нового закона, а продолжать дискуссию в парламенте, учитывая интересы и мнения всех представителей японского общества.

Что касается оценок проекта базового закона об образовании в японском обществе, то здесь довольно подробную картину рисуют результаты регулярных социологических опросов, проводимых авторитетными печатными изданиями страны. Обратимся к их итогам за май 2006 г., когда проект находился на обсуждении весенней сессии парламента.

По данным газеты «Йомиури», в целом одобрили правительственный проект 66% общего числа респондентов. Против проекта высказались всего 14% респондентов. В ходе опроса были заданы также вопросы по поводу ряда новых положений, внесенных в законопроект. Почти половина (48%) сочла необходимым включить в закон тезис о «богатом эстетическом и нравственном воспитании». Хотели бы видеть в законе упоминание о формировании «духа уважения к общественному долгу» – 36%, а о воспитании «стремления вносить вклад в развитие мирового сообщества и мира во всем мире» – 29% опрошенных. А вот самое дискутируемое положение о «любви к своей стране и родине» разделило 4-е место с положением о «внимании к связи работы и личной жизни, воспитании уважения к труду» (26%)¹⁴.

Газета «Майнити» в своем исследовании попросила участников ответить на два вопроса – «Ваше отношение к внесению положения о воспитании патриотизма в закон об образовании» и «Считаете ли вы необходимым принятие законопроекта на текущей сессии парламента?». Интересно, что в представленных результатах газета из общего числа ответивших по каждому вопросу отдельно указала процент мужских и женских голосов¹⁵. Это позволяет рассмотреть отношение к проекту и его главной проблеме в таком любопытном социальном ракурсе.

«Ваше отношение к внесению положения о воспитании патриотизма в закон об образовании»	Все вместе	Мужчины	Женщины
«Одобряю это положение закона»	40%	37%	42%

¹⁴ Йомиури симбун. 16.05.2006.

¹⁵ Майнити симбун. 16.05.2006.

«Необходимо более четкое определение понятия патриотизм»	26%	29%	24%
«Не нужно вносить в закон положение о патриотизме»	25%	30%	21%

«Считаете ли вы необходимым принятие законопроекта на текущей сессии парламента?»	Все вместе	Мужчины	Женщины
«Нынешняя сессия парламента должна утвердить законопроект»	17%	16%	18%
«Нынешней сессии парламента не стоит торопиться с принятием решения»	66%	70%	62%
«Нынешняя сессия парламента должна отклонить законопроект»	7%	9%	5%

В опросе газеты «Асахи» все внимание было сконцентрировано исключительно на проблеме так называемого «патриотического» положения проекта. Вопрос формулировался следующим образом – «Согласны ли вы или выступаете против закрепления в базовом законе в качестве одной из целей образования положений о «любви к стране» и «любви к Японии»?». «За» высказалось 56% опрошенных, «против» – 29% (15% не ответили или их голоса по тем или иным причинам не были засчитаны). Здесь данные исследования были ранжированы по возрасту участников¹⁶.

Возраст респондентов	за	против	прочее, не ответили
20-летние	42	43	15
30-летние	46	39	15
40-летние	50	35	15
50-летние	57	26	17
60-летние	69	19	12
70-летние	73	14	13

Таким образом, около $\frac{2}{3}$ опрошенных в мае 2006г. в целом одобрили пересмотр закона об образовании. Однако из-за наличия в проекте дискуссионного положения о патриотизме, почти столько же посчитали, что торопиться с принятием решения пока не стоит. Они посчитали необходимым все еще раз тщательно обсудить и взвесить и, возможно,

¹⁶ Асахи симбун. 24.05.2006.

дать более четкую формулировку тезису воспитания патриотизма. Интересно, что за необходимость внесения в закон этого положения чуть более активно, чем мужчины, выступили женщины. Виден рост числа сторонников «патриотического воспитания» с возрастом, – 73% тех, кому 70 лет и больше, ответили «да», в то время как 40% двадцатилетних японцев высказалось «против».

Осенью 2006 г. число сторонников пересмотра закона об образовании по результатам ноябрьского опроса телекомпании NHK снизилось до 41%, что можно объяснить острыми дебатами вокруг законопроекта в парламенте и большим количеством критических материалов, появившихся на страницах газет и прозвучавших во время телевизионных дебатов. Более того, анализируя ожидания сторонников пересмотра закона среди простых японцев можно заметить, что они возлагают свои надежды уже не столько на патриотическое воспитание и прочие новые положения проекта, сколько на скорейшее решение острых насущных проблем, да и просто на улучшение качества образования. По результатам опроса «Нихон кэйдзай симбун», 50% из них считают, что после принятия проекта должен повыситься уровень преподавания, а 40%, – что будет решена проблема морального насилия в школе¹⁷.

Так, каким же образом измененный закон призван исправить ситуацию в области образования и дать новый импульс развитию страны в будущем? Для ответа на эти вопросы перейдем непосредственно к тексту проекта и сравним его с действующим законом¹⁸. Сразу обращает на себя внимание то, что его новый вариант стал почти в 2 раза больше по объему. Вместо 11 статей нынешнего закона, в проекте появилось четыре главы, разделенные на 18 статей. Среди них есть совершенно новые («Принцип «непрерывного образования», «Домашнее образование», «Дошкольное образование», «О совместных усилиях школы, семьи и местных жителей», «Базовый план развития образования»), так и дополненные и более подробно прописанные действующие положения. Например, единственная статья закона 1947 г. «Школьное образование» превратилась в три главы – «Школьное образование», «Университеты», «Частные учебные заведения». В проекте отсутствует статья «Совместное обучение мальчиков и девочек», включенная в послевоенное законодательство на волне борьбы за равноправие полов, как уже не требующая закрепления в настоящее время.

Что касается содержания законопроекта, то здесь различий с действующим законодательством куда больше. Единственное, что не претерпело значительных изменений, так это преамбула документа. В ней даже сохранилась фраза о том, что настоящий закон устанавливается, «следуя

духу конституции» («нихон кэмпо-но сэйсин ни ноттори»). Естественно, на момент появления проекта, имеется в виду действующая конституция 1947 г. И здесь хотелось бы особо заострить внимание на этой формулировке. Переходя к анализу содержания его статей, мы сможем убедиться, что далеко не все из них в полной мере следуют «духу конституции», еще раз подчеркнем – «духу» ныне действующего Основного закона.

Первую главу проекта «Принципы и цели образования» начинает статья, посвященная основным принципам образования. В нее включено новое положение о стремлении к формированию «необходимых качеств» («хицуёна сисицу»). Естественно, речь здесь в первую очередь идет о построении новой образовательной политики на принципах своевременных ответов на быстро меняющиеся запросы общества. Однако по сравнению с нейтральной формулировкой действующего закона о главной задаче образования – «формировании личности», здесь одновременно появляется возможность обществу в лице государства диктовать набор этих «необходимых качеств» как учебным заведениям, так и самим учащимся. В этой связи противники пересмотра закона поднимают вопрос о соответствии данного положения 13-й статье Основного закона («об уважении личности и стремлении к счастью»).

Вторая статья – «Цели образования» – состоит из пяти пунктов. Уже то, что в первом из них говорится о необходимости богатого нравственного воспитания, позволяет сделать вывод об особом, даже перво-степенном значении данного направления в общей концепции будущей образовательной системы Японии. В проекте четко прослеживается стремление к унификации в этой системе собственно обучения и морально-нравственного воспитания, причем с явным акцентом именно на воспитательный аспект. И это видится вполне оправданным не только с учетом заметного снижения морально-нравственного уровня подрастающего поколения. Объединение воспитания и обучения в едином образовательном процессе является важной предпосылкой для всестороннего и гармоничного развития личности.

Во втором пункте статьи бросается в глаза призыв к формированию качеств независимости, самостоятельности и разности способностей. Вполне понятно, что современная Япония для динамичного внутреннего развития и успешной конкуренции на мировом рынке нуждается в активных и самостоятельных людях. Однако далеко не только представители левых партий выражают серьезную обеспокоенность по поводу того, что такие новые принципы могут привести к еще большему углублению социального расслоения в обществе. Вместе с тем следует признать тот факт, что само время сегодня диктует необходимость построения эффективной образовательной системы именно на принципах самостоятельности и конкуренции.

¹⁷ Нихон кэйдзай симбун 30.10.2006.

¹⁸ Действующий закон и проект его пересмотра цитируются по: Кэмпо кайсэй мондай (дзоку). 2006, с. 202–211.

И, наконец, самое дискуссионное положение этой части документа, да и всего проекта в целом, – пятый пункт второй статьи. Прочитав его полностью: «Уважать традицию и культуру и любить выпестовавшую их нашу страну и родину. Наряду с этим с уважением относиться к другим странам, воспитывать стремление к миру и добрососедским отношениям с мировым сообществом»¹⁹. Вторую половину фразы обычно «не замечают», акцентируя все внимание только на законодательном установлении «любви к своей стране и родине» («вагакуни то кёдо-о айсуру»). Продолжение же формулировки часто называют «слабой» попыткой сбалансировать и амортизировать основную «патриотическую» часть. Однако было бы несправедливо игнорировать эти слова, так как без них пятый пункт проекта действительно приобретает чрезвычайно одиозное звучание.

Специалисты в области конституционного права Хигути Ёити и Ямамура Синити в своей дискуссии делают вывод о том, что понятие «своя страна» («вагакуни») скорее близко английскому значению слова «country» («страна, как родина»), чем «state» («государство, как аппарат»)²⁰. Но многим явно видится за «вагакуни» как раз «государство». К тому же идущее следом «кёдо» переводится, как «родина, родная земля», что оставляет вопросы по содержанию и значению употребления «вагакуни».

Важно отметить, что проблема «патриотизма» в системе образования остро встала еще задолго до появления законопроекта. В октябре 2003 г. губернатор Токио и Токийская комиссия по образованию утвердили положение, которое обязало преподавателей на официальных церемониях приветствовать вставанием поднятие флага и исполнение гимна. На следующий год преподаватели, не пожелавшие вставать на официальных церемониях, были подвергнуты административным взысканиям (оштрафованы и даже уволены из школ). Несколько сотен учителей подали иск в Токийский окружной суд с целью обжаловать данное постановление. И в сентябре 2006 г. окружной суд вынес решение в их пользу. Он расценил распоряжение властей, как нарушение конституционного права на свободу мысли и совести (19-я статья Основного закона)²¹.

Это решение еще более обострило дискуссию вокруг «патриотического» положения проекта. Ведь в таком случае его соответствие 19-й статье действующей конституции, а также демократическому принципу нейтральной оценки государства, вызывает небезосновательные сомнения. Нет пока ответа и на вопрос, необходимо ли, и если да, то каким образом можно оценить уровень патриотического воспитания учащихся.

¹⁹ Кэмпо кайсэй мондай (дзоку). 2006, с.203.

²⁰ Асахи симбун. 06.06.2006.

²¹ Асахи симбун. 22.09.2006.

И возможно ли в законодательном порядке прививать это внутреннее гражданское чувство.

Примером закрепления на уровне базового законодательства уже действующего на основании подзаконных актов принципа стала третья статья первой главы проекта о концепции «непрерывного образования». Во все ускоряющихся темпах современной жизни нередко знания, полученные несколько лет назад, довольно быстро устаревают. Наряду с программами повышения квалификации для оперативной реакции на часто меняющиеся потребности рынка труда, естественно, необходима гибкая система переподготовки и обучения специалистов разных возрастов.

Однако и здесь есть один момент, обращающий на себя внимание. В статье говорится, что полученные знания должны эффективно реализовываться в общественной жизни. Таким образом, результаты «непрерывного образования», а соответственно, и его содержание, увязываются не столько с личностными, сколько, прежде всего, с общественными интересами. Подобная связь выглядит вполне естественной и оправданной, исходя из общей концепции будущей образовательной системы Японии, которая должна будет функционировать в прямом соответствии с государственными запросами.

Следующая, четвертая статья проекта «О равных возможностях в получении образования» фактически не изменилась по сравнению с аналогичным положением закона 1947 г. Она лишь дополнена пунктом, обязывающим государство и местные органы власти оказывать необходимую помощь и поддержку в получении образования инвалидам.

Вторая глава проекта называется «Основы реализации образовательного процесса». Открывает ее пятая статья – «Обязательное образование». Из нее исключено положение о девятилетнем сроке обязательного обучения. Это дает возможность экстерном переходить из класса в класс и раньше поступать в университет, что в свою очередь продолжает идею второго пункта второй статьи о состязательности и разности способностей, как доминирующем принципе новой образовательной системы страны. В подтверждение в качестве одной из главных целей обязательного образования статьей устанавливается необходимость «развития индивидуальных способностей вместе с воспитанием основ самостоятельной жизни в обществе». Однако такое построение учебного процесса на принципах жесткой конкуренции и разности способностей вызывает сомнения в своем прямом соответствии 26-й статье Основного закона о равных правах на образование.

Такие формулировки шестой статьи проекта – «Школьное образование», как «в школе и за ее пределами уважать необходимые установления», «самим повышать стремление к учебе» явно перечисляют не столько права, сколько обязанности учащихся. В таком контексте кон-

ституционно закрепленное право на образование (26-я статья) на страницах проекта фактически превращается в долг школьников.

В седьмой статье («Университеты») говорится о том, что вузы должны стремиться, «широко предоставляя результаты своей деятельности обществу, вносить вклад в его развитие». Эта формулировка продолжает идею, уже нашедшую свое отражение в третьей статье проекта («О принципе «непрерывного образования»), – о непосредственной связи результатов образования и научной деятельности с интересами общества. Такая довольно рациональная и вполне оправданная требованиями сегодняшнего дня идея вместе с тем порождает у оппонентов изменения закона сомнения в своем соответствии 23-й статье конституции, гарантирующей свободу научной деятельности.

Несмотря на то, что статьей закреплено уважение духа независимости и самостоятельности высших учебных заведений, в ней отсутствует упоминание об университетском самоуправлении. А это довольно обсуждаемая в последнее время тема. И уж, если создатели проекта хотели на смену устаревшему законодательству представить проект, учитывающий все изменения в сфере образования последних лет, то кажется странным, что они «забыли» о таком актуальном аспекте.

Восьмая статья – «Частные учебные заведения» – фиксирует их «общественный характер». Исходя из общей концепции проекта, становятся понятными опасения противников пересмотра и представителей самих частных учебных заведений, усматривающих в понятии «общественный характер» не столько ответственность перед обществом, сколько перед самим государством, и, как следствие, необходимость следовать его интересам. А потенциально вытекающая из этого возможность государственного контроля условно соотносится все с той же 23-й статьей конституции, гарантирующей свободу научной деятельности, в том числе, естественно, и частным учебным заведениям.

Нынешний статус японского учителя определяется на основании второго пункта шестой статьи действующего закона – «Школьное образование». В проекте же им отведена отдельная девятая статья – «Преподаватели». Она фактически повторяет слова сегодняшнего закона, однако из нее исключена формулировка, именующая педагогов «слугами всего общества» («дзэнтай-но хосися»). И это не просто красивые слова. Сегодня учителя, свободно выстраивая содержание преподавания, несут непосредственную, а главное, скорее внутреннюю ответственность перед обществом. В случае же принятия проекта их положение может заметно измениться. Преподавателям будет вменяться в обязанность «старательно вести непрерывные изыскания и нравственно совершенствоваться». Вкупе с проектами введения обновляемых учительских лицензий и планами правительственных инспекций в школах, обсуждаемых сегодня на Совете по обновлению образовательной системы,

это может стать основанием для создания механизма строгого контроля над преподавателями, вплоть до увольнения недостаточно «старательных» учителей.

Естественно, это уже нечто совсем иное, нежели абстрактная внутренняя ответственность перед обществом. Таким образом, в будущей образовательной системе принципы конкуренции предполагается распространить не только на учащихся, но и на самих учителей, а в их лице и на сами учебные заведения. Понятно, что в первую очередь, по мысли разработчиков, данный принцип преследует цели качественного повышения уровня преподавания. Однако расширение возможностей влияния со стороны государственных учреждений на содержание и построение образовательного процесса становится основанием для сомнений в прямом соответствии этой части проекта уже не раз упомянутой 23-й статье конституции.

Десятая статья проекта озаглавлена «Домашнее образование». Она определяет домашнее образование в качестве «первоочередного долга» родителей и лиц их заменяющих. Такая жесткая формулировка переводит естественные связи родителей и детей в область юридически оформленных отношений. Не говорится ни слова о приоритетном праве родителей на свободный выбор образования для своих детей, закрепленный во Всемирной декларации прав человека (26-я статья). В рамках общей концепции проекта домашнее воспитание и обучение встраиваются в единую образовательную систему, базирующуюся на тех же принципах и положениях, что и школа. Противники пересмотра видят в этом угрозу вмешательства государства в частную жизнь семьи и довольно натянутое соответствие 13-е статье Основного закона об уважении личности и ее стремления к счастью.

Как раз в контексте двух предыдущих положений становится понятно значение 11-й статьи проекта – «Образование в дошкольный период». Связывая воедино домашнее и школьное обучение и воспитание, она заканчивает строительство целостной системы воспитания патриотизма и нравственности прямо с младенчества. В случае принятия проекта и вступления его в силу, эта система должна будет эффективно функционировать на основании установленных законом единых для семьи, дошкольных учреждений и школы принципов, целей и задач.

При сравнении 12-й статьи проекта – «Образование в обществе» – с аналогичной по названию седьмой статьей действующего закона, на первый взгляд, серьезных отличий не наблюдается. Однако это действительно только на первый взгляд. Единственная претерпевшая заметное изменение формулировка действующего закона в самом начале статьи проекта существенно меняет ее характер и тон. Казалось бы, она всего лишь уточняет, какому образованию в обществе должны содействовать государство и местные учреждения, – образованию, «отве-

чающему на запросы личности и требования общества». И здесь вновь возникает проходящая красной нитью через весь документ концепция приоритета не столько интересов личности при выборе содержания и направления образования, сколько необходимости их соответствия и следования общественным целям и задачам. А это опять же довольно условно соотносит данную статью проекта с 13-й (об уважении личности), 23-й (о свободе научной деятельности) и 26-й (о равном праве на образовании) статьями Основного закона.

13-я статья проекта называется «О совместных усилиях школы, семьи и местных жителей». Продолжая идею построения будущей системы образования, основанной на закреплённых законом единых целях и задачах, статья распространяет ее далеко за порог учебных заведений. Она обязывает школу, семью, местных жителей и прочих лиц не только объединять свои усилия в сфере обучения и воспитания, но и осознавать ответственность и роль в этом процессе. Учитывая масштабы планируемых перемен, вполне понятно стремление разработчиков программы реформ мобилизовать силы всех заинтересованных сторон для выхода на новый, качественный уровень образовательных стандартов.

14-я и 15-я статьи проекта посвящены «Политическому образованию» и «Религиозному образованию» соответственно. Они не претерпели особых изменений по сравнению с аналогичными статьями действующего закона. Правда, в 15-ю статью разработчики добавили довольно туманную фразу об «обычном религиозном воспитании». Вместе с тем, исходя из заметно поменявшегося духа и настроения проекта, оппоненты реформаторов высказывают свои сомнения в том, что реализация данных положений на практике останется прежней. В результате они задают много вопросов. Вот лишь некоторые из них. Возможно ли будет сохранение свободы политического образования в будущей системе образования, основанной на новых принципах и целях? Не появится ли, например, запрет на критику и несогласие в отношении того же патриотического курса? Что подразумевается под формулировкой «обычное религиозное образование»? Не оставляет ли она возможность довольно широкого и вольного толкования своего содержания? А в случае такой возможности, не противоречит ли 20-й статье конституции о свободе вероисповедания? Ответы на эти и другие вопросы, конечно, даст только время.

В начале первой статьи третьей главы проекта – «Школьная администрация» – говорится, что «образование должно осуществляться, не подчиняясь неправомерному правлению, в соответствии с настоящим и прочими законодательными установлениями». Аналогичное положение десятой статьи действующего закона гласит, что «образование должно осуществляться, не подчиняясь неправомерному правлению, неся непосредственную ответственность перед всем народом». Разли-

чия очевидны. Нынешний закон воспрещает «неправомерное правление» со стороны государственных органов образования силой непосредственной ответственности перед лицом всего народа. Проект же запрещает «неправомерное правление» авторитетом инициировавшего закон государства. Это довольно странно, ведь государство, организуя и направляя работу своих же органов школьной администрации, по идее не может их, а точнее, самое себя обвинить в «неправомерном правлении». По сравнению с законом содержание данной статьи проекта претерпело существенное изменение. Оно завершило подготовку к выстраиванию законченной системы контроля со стороны государства и его органов за содержанием и ходом процессов обучения и воспитания.

Схожим целям служит и 17-я статья проекта «Базовый план содействия образованию». Она открывает государству возможность, не теряя время на процедурные сложности, сразу на практике реализовывать новые решения и проекты, все те же «ответы на вызовы времени», на основании принятия базового плана содействия. Участие парламента в соответствии со статьей ограничивается всего лишь заслушиванием доклада о содержании данного плана перед его публикацией. В то же время значение и роль этого плана могут быть вполне сопоставимы с юридическим весом базового закона об образовании. При этом его разработчики будут застрахованы от долгих споров во время обсуждений документа в парламенте.

Завершает документ глава, посвященная формальным процедурам и указам, необходимым для вступления проекта в силу в качестве действующего закона.

Таким образом, подводя итоги анализа проекта базового закона об образовании, можно выделить следующие основные принципы документа, кардинальным образом отличающие его от действующего законодательства:

- стремление к большей полноте и всесторонности образовательного процесса через унификацию в нем обучения и воспитания с приоритетом последнего, особое внимание уделяется вопросам нравственного и патриотического воспитания;
- построение будущей образовательной системы страны на принципах самостоятельности, конкуренции и разности способностей: от рейтинга школ (плюс их финансирования в соответствии с количеством собранных ваучеров) и учителей к возможности ученикам экстерном переходить из класса в класс и раньше поступать в университеты;
- приоритет общественных интересов в выборе содержания и форм образования, заметное повышение роли социального заказа в будущей образовательной системе;
- образование становится не столько правом, сколько обязанностью всех его участников в единой системе семья – общество – дошкольные

учебные заведения – школа-университет, которая подчиняется установленным законом принципам и целям;

– заметное расширение государственного и общественного участия, мобилизация всех социальных сил в построении и функционировании будущей образовательной системы;

– возможность прямого контроля со стороны государства за ходом и содержанием образовательного процесса: вместо непосредственной ответственности преподавателей перед всем обществом и дискуссии о самоуправлении вузов, правительственные инспекции, периодически обновляемые учительские лицензии.

Попытаемся разобраться в причинах появления сегодня именно такой редакции проекта. Анализ включенных в него новых принципов и положений, дает понять, что, кардинально реформируя образовательную систему, закон призван сделать ее фундаментом обновления страны, выводящим ее на качественно иной уровень развития. При этом следует заметить, что в японской истории уже был положительный опыт, когда измененная образовательная система выступила даже не столько средством, сколько основанием построения нового государства и общества.

Речь идет об образовательной реформе эпохи Мэйдзи. Принятие в 1872 г. Основного закона об образовании, в основу которого легли новые для Японии принципы бессловесного обучения, патриотического воспитания, изучения практических наук и многие другие, – способствовало раскрепощению воли и инициативы народа, и, как следствие, ускорению модернизации японского общества и достижению главной цели периода – созданию «богатой страны и сильной армии».

Аналогии между нынешним законопроектом и законом 1872 г. напрашиваются сами собой. Как и сегодня, направление и содержание реформ стали тогда предметом широкой дискуссии различных политических сил. При этом власти пошли на преобразования отнюдь не просто из благих побуждений. Жесткую необходимость перемен диктовало и определяло само время. В условиях острого кризиса человеческих ресурсов для эффективного использования новых технологий, развития внутреннего рынка и выхода в ближайшем будущем на внешний рынок правительство Мэйдзи сделало ставку на образование, как важнейшую составляющую, прежде всего, экономического развития.

Сегодняшний день ставит перед страной новые задачи. В то время как конкуренция, особенно в Азиатско-тихоокеанском регионе, все более обостряется, Япония никак не может выйти из затянувшегося кризиса общественного сознания, продолжающегося, несмотря на заметные экономические улучшения. Общество поражено апатией, явно ощущается снижение мотивации к активному созидательному развитию. Надежда на изменение ситуации к лучшему, опираясь на прежние принципы и устоявшиеся стереотипы, невелика. Страна нуждается в

глубоких и решительных переменах. Малоуспешные попытки осторожных преобразований последних лет, только лишний раз подтверждают этот тезис.

Новое руководство отчетливо осознает, что сегодня уже вряд ли получится добиться соответствия «глобальным стандартам» только лишь путем переноса начала учебного года с апреля на сентябрь. Современная Япония для успешного внутреннего развития и эффективной конкуренции на мировом рынке нуждается в самостоятельных и активных личностях, пусть и ценой разрушения прежней системы социальных гарантий и известного общественного равенства. Именно поэтому будущее образование планируется выстраивать на принципах самостоятельности и разности способностей, начиная со школы и преподавательского состава и заканчивая самими учениками. Углубление социального расслоения, конечно, опасная и крайне непопулярная тенденция, однако куда более серьезным по своим последствиям может стать поражение на уровне глобальной конкуренции.

Противники пересмотра закона усматривают в проекте опасности политизации образования, государственного вмешательства в дела семьи и школы, игнорирования интересов личности в выборе форм и содержания образования, ограничения свободы научной деятельности и многое другое. Однако, справедливости ради, следует отметить, что все эти опасения носят по большей части условный и потенциальный характер. Их реальность сможет подтвердить или опровергнуть только время. Вместе с тем новые принципы закона, которые резко критикуют противники пересмотра, при более глубоком анализе видятся вполне обоснованными.

Используя такой эффективный механизм, как образование, разработчики реформ надеются придать японскому обществу новый импульс успешного развития в будущем. Это – непростая задача, требующая особых усилий. Для ее реализации необходимо объединение всех сил от государственных и местных органов власти до семьи и школы при строгом следовании единым принципам и задачам, установленным в законе. Государство в этом случае призвано не только определять содержание этого процесса, но и следить за его реализацией. Времени на раскачку и раздумья сегодня фактически нет, необходимы только решительные и смелые шаги. При этом все должно быть подчиненно прагматичным общественным интересам и задачам. Лишь только в этом случае Япония получит шанс не только вернуть себе мотивацию активного внутреннего роста, но и сможет успешно продолжать соперничество на внешнем рынке. Достижение этих масштабных целей собственно и определяет содержание и настроение проекта.

И эти цели значительно шире решения проблем, связанных только лишь со сферой образования. В конечном счете и подъем морально-

нравственного уровня подрастающего поколения, и повышение качества домашнего воспитания и образования, как и снижение детской преступности, – все это возможно и без такой радикальной перестройки системы, более того, даже при сохранении действующего базового закона. В действительности реформа образовательной системы и изменение закона должны стать первым и очень важным шагом в общей стратегии движения к многогранным и качественным изменениям, затрагивающим самые разные стороны жизни японского общества.

В этой связи особое звучание приобретает тема связи проекта закона об образовании с планами пересмотра конституции. Как уже было отмечено выше, реально следующий букве и духу конституции действующий закон об образовании представляет с ней некое единое органичное целое. Просуществовавшие почти 60 лет без изменений, оба документа объединены сегодня и одним ярлыком – «навязанные». В этой связи доводы в пользу их пересмотра очень схожи. Поэтому принятие проекта новой редакции базового закона об образовании должно послужить началом реализации процесса изменения «навязанного» законодательства.

Почему этот процесс было решено начать с закона об образовании понять несложно. Процедура пересмотреть его намного проще, чем изменить конституцию. Потребуется согласие всего лишь простого большинства депутатов парламента (а оно у сторонников правительственного проекта уже есть), в то время как для изменения Основного закона необходимо квалифицированное большинство в обеих палатах, а также одобрение этого решения на всенародном голосовании (в соответствии с 96-й статьей нынешней конституции).

Стратегические планы сторонников принятия нового Основного закона в тесной связи с проектом закона об образовании раскрыл авторитетный японский политик Накасонэ Ясукиро, один из главных идеологов ревизии конституции 1947 г. По его словам, вначале необходимо принять проект базового закона об образовании. Как только это будет сделано, движение к пересмотру такой же «навязанной» конституции станет проще и обретет логическую закономерность²². Этот сценарий выглядит вполне реалистичным и действительно претендует на успешную реализацию. Став первым заметным шагом в движении к «перестройке старого» и «разрыву с послевоенным режимом», изменение закона об образовании окажется весомым аргументом в пользу принятия новой конституции.

Важно добавить, что связь проекта, как и реформы образовательной системы в целом, с планами пересмотра Основного закона не ограничивается только процедурными вопросами. Обновленный закон об об-

разовании и измененная конституция призваны стать законодательной базой, закладывающей в будущем новый вектор развития Японии. Возьмем, например, жарко обсуждаемый «патриотический» аспект проекта и рассмотрим его в связи с не менее остро дискутируемыми планами пересмотра «мирной», девятой статьи конституции.

В последнее время немало говорится о том, что в качестве идеи, объединяющей и мотивирующей нацию, рассматривается превращение Японии в страну, играющую весомую роль на мировой арене и пользующуюся уважением мирового сообщества. Пересмотр конституции, изменение ее девятой статьи, даст Японии возможность на равных участвовать в международных антитеррористических операциях и увеличит шансы на вступление страны на правах постоянного члена в Совет Безопасности ООН. Но это не принесет должного внутреннего эффекта, если не воспитать нацию, способную «уважать традицию и культуру и любить выпестовавшую их... страну и родину» и только через осознание значимости и ценности своей страны прикладывать усилия к тому, чтобы она заняла достойное место на международной арене. А это, безусловно, мощнейший мотивирующий фактор.

Анализ статей проекта базового закона об образовании показал, что он не всегда прямо «следует духу (*действующей* – А. Г.) конституции», как заявлено в его преамбуле. Однако, принимая во внимание истинные причины появления документа и далеко идущие планы его разработчиков, можно утверждать, что проект не столько противоречит духу и букве нынешнего Основного закона, сколько готовит почву для принятия в будущем новой конституции. Вместе с ней он призван стать юридической базой строительства будущего японского общества. При этом именно измененный закон об образовании должен стать первым камнем в фундаменте новой Японии в ее стремлении к «*цукусий куни*» – «прекрасной стране».

²² Нарусима Такаси. «Кёнку кихон хоан» тикудзё хихан. – Сэкай. 2006, №7, с. 118.

Э. В. Молодякова

На протяжении всех послевоенных десятилетий, казалось бы, частная религиозная проблема, связанная со святилищем Ясукуни (*Ясукуни дзиндзя*), периодически оказывается в центре внимания Японии и сопредельных стран. Она не только вызывает поляризацию мнений в японском обществе, но и становится причиной дипломатических конфликтов с соседними государствами, в основном с КНР и Республикой Корея. В основе всего комплекса внутривнутриполитических и внешнеполитических аспектов этой проблемы лежат отношения между государством, властью, идеологией, политикой и религией.

На протяжении тысячелетий существования человечества религия являлась организующим началом общества. Этот сложный социальный институт вобрал в себя все богатство народной жизни, в том числе верования, мораль, право, эстетику. По сей день практически во всех обществах она продолжает оставаться существенным компонентом их жизнедеятельности, достаточно независимым от экономики и политики. Но бывает и так, что религия становится послушным инструментом в руках правящих элит, не останавливающихся перед использованием ее для создания атмосферы нетерпимости внутри страны и для провоцирования межнациональных конфликтов. В частности, политика правящих кругов Японии по использованию религии в политических целях, ее превращение в инструмент государственной власти, манипулирование ею в период от реставрации Мэйдзи (1868) до окончания второй мировой войны, речь идет о так называемом «государственном синто» (*кокка синто*), – все это, помимо негативного опыта, сказалось на положении национальной религии японцев в настоящее время и во многом способствовало появлению «проблемы святилища Ясукуни».

С древних времен в японской национальной религии синто присутствовала идея государственности. Император как ее первосвященник сохранял свое место в иерархии общества даже в период отстранения от политической власти. Во многом это помогало сохранению роли национальной религии как общей для всех японцев идеологии в период укоренения и широкого распространения буддизма, который был идеологической опорой централизованного государства. Государственный синто стал не более чем культом поклонения божественным предкам императора.

В мэйдзийский период (1868–1912) правительство сделало государственный синто своей идеологией, духовным орудием возрождения власти императора. Позже он стал источником милитаристской и агрессивной политики. Новая идеология опиралась на древний принцип единства религиозного ритуала и управления государством (*сайсэй итти*), который был восстановлен сразу после реставрации Мэйдзи. Он продолжал действовать, несмотря на то, что принятая в 1889 г. конституция гарантировала независимость религии от государства. Идея государственного синто впервые была высказана в документе, подготовленном в 1871 г. министерством религиозного образования, в котором выдвигался тезис «святилищам – государственное вероисповедание». По мнению К. Сакамото, «соединение этого тезиса со структурой государства есть ядро процесса формирования государственного синто»¹.

Возрождение синто, долгие годы пребывавшего на заднем плане ввиду безраздельного господства буддизма, преследовало не только собственно религиозные цели. Оно подчинялось задаче сплочения нации и укрепления государственности на основе религиозного сознания. Ритуалам синто был придан характер государственных актов, что способствовало выхолащиванию религиозной составляющей. По мнению религиоведа Орикути Синобу, государственный синто отказался от религиозных постулатов и, по сути, превратился в систему обрядов и ритуалов. Другими словами, он обрек себя на положение квазирелигии. Признавая свободу вероисповедания, государство в то же время поставило синто над всеми религиями. Он получил эксклюзивные права на главную роль в национальных ритуалах. Была установлена иерархия святилищ, принадлежавших к высшей категории, им было даже запрещено заниматься отправлением повседневных служб. Моральное воспитание в школах сводилось к усвоению религиозных догматов. Произошло полное подчинение религии государству.

С помощью государственного синто новая элита страны утверждала свою власть, восстанавливала императорское правление и добивалась национальной стабильности. При выборе модели императорской власти рассматривался, в частности, и русский вариант, поскольку лидерам новой Японии импонировали теснейшие связи русской православной церкви с царем. Как известно, в монархической России она была главной церковью, и к ней было приписано большинство населения. Русская православная церковь не была самостоятельной уже со времени татаро-монгольского ига, когда князья начали подчинять ее своей власти. В Японии при изначально тесной связи религии и государства явной зависимости одной религии от власти до середины XIX в. не было.

¹ Сакамото К. Кокка синто кэйсэй катэй-но кэнкю (Изучение процесса формирования государственного синто). Токио, 1994, с. 20.

В государственном синто главной была идеологическая сторона. Из синто взяли лишь нужное в то время правящей элите возвеличивание императорской династии. Согласно конституции 1889 г. «Японской империей должна управлять и над ней должна царствовать непрерывная в веках линия императоров»². Комментатор конституции Ито Хиробуми полагал, что и буддизм, и синто утеряли свою власть как религии и не могут служить духовной опорой нации. Эта роль отводилась только императору. Он писал: «Император ведет свое происхождение от неба; его происхождение священо и божественно; он поставлен выше всех своих подданных. Он должен быть чтим и неприкосновенен»³. Другими словами, император, чей род ведет свою непрерывную историю на протяжении тысячелетий, являлся духовным ядром новой идеологии.

Подобные взгляды разделяло подавляющее большинство политиков того времени. В духовной жизни общества значимость императора, который по-прежнему оставался первосвященником синто, сравнивали со значимостью христианства в странах Запада. Некоторые специалисты не без основания расценивали культ богини солнца *Аматэрасу* – «пра-родительницы императорской династии», как своего рода христианизацию синто, т. е. превращение его в монотеистическую религию⁴. Однако усвоение западной цивилизации, которую формировало христианское мировоззрение, шло без принятия самого христианства. Оно не нужно было модернизовавшемуся японскому обществу, которое имело свою духовную основу – государственный синто. Государственная поддержка синто отчасти была мерой отстаивания национальных идеологических принципов в период начальной вестернизации Японии.

Именно в этом контексте следует рассматривать зарождение проблемы святилища Ясукуни. Признание императора духовным ядром новой идеологии повлекло за собой определенное изменение синтоистской обрядности, введение некоторых новых понятий, разработки новых ритуалов. Это способствовало появлению уже в послевоенный период мнения о том, что для решения проблемы святилища Ясукуни теологи могли бы изменить некоторые синтоистские доктрины и приспособить их для решения вновь возникших политических проблем, о чем речь ниже.

Одновременно появилась идея создания специального святилища, где бы исполнялись обряды для умиротворения душ воинов, павших в междоусобных войнах за императора. Сначала оно называлось «*Сёконся*», как и обряд умиротворения душ умерших. Первое здание для него было построено в 1868 г. в Киото. Но когда столицей стал Токио, в том

же году на холме Кудан, недалеко от императорского дворца, для святилища было воздвигнуто грандиозное здание. В нем стали почитать души уже всех людей, отдавших жизнь за императора. Списки погибших являются объектом поклонения (*синтай*) в этом святилище. В то время в них числилось 3585 душ воинов. После переноса в Токио *Сёконся* получило статус национального святилища, а с 1879 г. стало называться «Ясукуни», что означает «мирная страна», или «мирно управляемая страна», получив ранг особого императорского святилища. Знаковый статус Ясукуни дзиндзя подчеркивался тем, что оно находилось не в ведении министерства внутренних дел, как другие святилища, а в ведении министерства армии и военно-морского флота, которое назначало в него священнослужителей, а также министерства императорского двора, что свидетельствовало о его теснейшей связи с императором.

Согласно концепции *кокутай* (государственный организм), которая представляет собой специфическую японскую государственную общность, объединяющую императора, народ и собственно острова в естественное единое целое⁵, император олицетворял собой государство, и потому верность ему считалась основным принципом решения о том, кого обожествлять в святилище Ясукуни. Классический пример – один из героев реставрации Мэйдзи Сайго Такамори не почитается здесь потому, что в 1877 г. возглавил знаменитое Сацумское восстание самураев, которое было направлено против нового правительства страны. Таким образом, в случае с Ясукуни дзиндзя чрезвычайно важную роль играла идеология.

В основе обрядности Ясукуни дзиндзя лежал древний праздник умиротворения в святилищах душ умерших (*митама о иваидо-ни сидзумуру мацури*, сокращенно: *митама сидзумэ* или *тинконсай* в китайском прочтении иероглифов), который был призван поддерживать эти души в стабильном состоянии. Согласно синто душа (дух *тама*) присуща всей природе, поскольку она рождена, а не сотворена божественной парой богов-демиургов *Идзанами-Идзанаги*. *Тама* – концентрация духовной энергии – является источником жизни, покинув тело, она продолжает существовать, поэтому ее надо успокаивать, воздавать почести, умиротворять, поминать. Живущие почитают и утешают души умерших предков и различных божеств *ками*, тем самым они как бы восполняют запас жизненной энергии друг друга. *Митама мацури* унаследовал элементы культа *горё*, т. е. поклонения душам людей, погибших трагически или при необычных обстоятельствах. Основа церемонии – успокоение душ этих людей, дабы отвлечь бедствия, которые они могут наслать. С этим же понятием связана церемония *ирэйсай*, посвященная умиротворению душ погибших насильственной смертью, которая проводится в Ясукуни дзиндзя и в его филиалах. Согласно

² Японцы о Японии. СПб., 1904, с.530.

³ Там же, с. 34.

⁴ Бунгэй синдзю. 1995, № 6, с.38.

⁵ Подробнее см.: Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии. М., 1999, гл. 2–3.

древним памятникам, вера в возмездие со стороны разгневанных духов приняла форму веры в то, что разного рода политические потрясения, болезнь, смерть в первую очередь угрожают императорам. Таким образом, сразу закладывалась связь святилища Ясукуни с императорским домом.

Древние японцы верили, что души умерших покидают тело, но остаются вблизи их прежних жилищ. Духи, продолжающие свое существование, не связаны с конкретным телом (в отличие от христианской концепции воскресения). Более того, считалось, что со временем они утрачивают свою индивидуальность и сливаются с главным духом предков, который обитает по соседству в лесу или на горе. Эта вера, очевидно, появилась в результате соединения поклонения предкам и анимизма. Именно из этой веры проистекает чрезвычайная важность ритуала *дайджэсай*, который является центральной частью обрядности интронизации в Японии. Она принципиально отличается от европейской церемонии коронации, главным в которой является передача законных прав и власти прежнего монарха преемнику. После этого объявляют о восшествии на престол нового монарха. В Японии ритуал передачи императорских регалий *сансю-но дзинги* преемнику совершается сразу же после кончины императора, а ритуал *дайджэсай* происходит позднее⁶.

Этот ритуал связан с участием каждого нового императора в уборке риса, которая проводится в первую осень после восхождения на престол. Этим ритуалом подтверждается законность прав императора через мистическое единение с общим духом предков. На протяжении всей истории главной церемонией восшествия на престол был *дайджэсай*, ключевой момент в котором, как уже говорилось, является передача духа императора. В мэйдзийскую эпоху появляется так называемая концепция «духа императора» *тэннорэй*, согласно которой преемственность «духа императора» дает право наследования новому императору. Другими словами, в японской традиции интронизации важную роль играет духовная преемственность⁷. Преемственность по линии духа и крови обеспечивает непрерывность японской императорской династии.

Превращение синто в инструмент государственной политики шло вразрез с адаптивным религиозным сознанием японцев. Выделение одной религии нарушало баланс между синто и буддизмом, поскольку японцы воспринимали обе религии, так сказать, на паритетной основе. Впрочем, разрушить древнюю традицию сосуществования религий так и не удалось.

Из-за государственного синто, который, как уже говорилось, был теснейшим образом связан с милитаристской идеологией, в послевоенные

годы национальная религия напрямую ассоциировалась с существовавшим в предвоенные и военные годы тоталитарным режимом и проводимой им политикой. Во многом именно эта ассоциативная связь вкупе с другими факторами негативно сказалась на положении синто в контексте религиозной жизни в послевоенной Японии. Проблемы синто были обусловлены гораздо более тесной, если не сказать теснейшей, по сравнению с другими религиями, связью с жизнью народа, его менталитетом, культурой, политикой.

По инициативе оккупационных властей уже осенью 1945 г. был принят ряд документов, направленных на то, чтобы раз и навсегда ликвидировать государственный синто. Специальной директивой штаба союзных оккупационных войск «Об отмене государственного покровительства, увековечивания, управления и распространения государственного синто» от 15 декабря 1945 г. население полностью освобождалось от необходимости исповедовать официально поддерживаемую государством религию. Всем официальным лицам, находящимся при исполнении служебных обязанностей, запрещалось участие в проводимых в святилищах церемониях, оказание любой финансовой поддержки из общественных фондов, но разрешалась частная финансовая помощь любым святилищам.

Одновременно было проведено разграничение между государственным синто, который рассматривался, как официальная политика правительства и определялся как «нерелигиозный национальный культ», и собственно синто. После отделения от государства и очищения от милитаристской и ультранационалистической риторики синто получил те же права, что и другие религии, и обрел статус религиозного юридического лица. Он стал рассматриваться как традиционная религиозная практика, осуществлявшаяся на протяжении всей истории страны, имеющая непосредственное отношение к жизни людей. В соответствии с этим, Ясукуни дзиндзя стало независимым религиозным юридическим лицом. Оно не вошло в Ассоциацию синтоистских святилищ, которая объединила большинство из существовавших тогда 80 тыс.

Принятые документы были направлены на ликвидацию государственного синто, но, безусловно, затрагивали многие сферы жизни населения ввиду их неразрывной связи с национальной религией. Прежде всего, сфера образования была очищена от упоминания или использования синто в любой форме и любыми средствами. Но сделать это было не всегда просто. Ведь синто в широком понимании представляет собой базу формирования мировосприятия и мироощущения японцев и в определенной степени является ядром национальной культуры.

Немаловажным фактором для решения проблем синто в послевоенные годы стало определение статуса императора и отношение к проводимым при его непосредственном участии синтоистским ритуалам.

⁶ См. подробнее: Nihonjin no reikon to Yasukuni Jinja. – Voice. 2003, August, p. 98–109.

⁷ Орикути Синобу. Дайджэсай-но хонги (Истинная сущность дайджэсай). Токио, 1928, с.

Принципиальный подход был найден, император был признан «символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть»⁸. Однако на протяжении всего послевоенного периода не раз «всплывали» те или иные аспекты проблемы. Как известно, в новогоднем обращении к нации 1 января 1946 г., которое известно как «Декларация человека» (*Нингэн сэнгэн*), император Сёва фактически публично отказался от своего божественного происхождения. Другими словами, он сменил статус «живого бога» на статус обычного человека. Но с теологической точки зрения, как в личной беседе разъяснил автору этих строк известный религиовед М. Сонода, понятие *нингэн сэнгэн* означает отказ не от древней традиции *акицумиками*, а от *арахитогамии* – новой абсолютистской интерпретации мэйдзийских времен, передающей понятие «живой бог»⁹.

Отречение от «божественного происхождения» было вызвано, очевидно, тем, что император и правящая элита сочли необходимым сохранить преемственность японской государственности. Стержнем такой преемственности явилось сохранение института императорской власти и определение нового статуса императора. Религиозный ритуал императорского двора утратил государственное значение и стал частным делом императора, который юридически утратил функции верховного исполнителя общенационального религиозного обряда, на чем и основывался его религиозный авторитет как первосвященника синто. Весь комплекс проблем, связанных с императорским домом, был законодательно урегулирован, и таким образом отношения императора с синто утратили легитимную основу.

Однако постепенно намечается тенденция возрождения государственного или, точнее сказать, общественного характера ритуалов императорского двора, которые включали около 30 ежегодных ритуалов. Они были объявлены частным делом императора и совершались им сначала только в дворцовых святилищах. Но уже с начала 50-х годов предпринимаются попытки вывести религиозную деятельность императора за рамки дворца, и появляется тенденция придать некоторым синтоистским обрядам характер общественных актов. Наиболее ярко эта тенденция обозначилась во время проведения ритуала престолонаследия Акихито, ныне здравствующего императора. Поскольку средства для проведения всех необходимых церемоний выделялись управлением делами императорского двора, то они обретали характер государственного акта.

Все сказанное выше помогает понять, откуда появилась современная проблема Ясукуни дзиндзя. Постоянно муссируемая в последние два-три десятилетия эта проблема касается не только и не столько значимости

святилища как такового и проводимых в нем религиозных обрядов. Она связана не только с государственным синто и с тем, как толковать проводимые в нем церемонии – как чисто религиозные или имеющие характер государственных актов, но и с тем, как относиться к национальной истории, как толкуются те или иные события в стране и за рубежом. Речь идет, прежде всего, о различных оценках событий второй мировой войны Японией, Китаем и Южной Кореей, об ответственности Японии, в частности тех политиков и военных, которые вовлекли страну в войну. Вопрос об ответственности за войну до сих пор тесно увязывается с вопросом о том, насколько справедлив был Международный военный трибунал для Дальнего Востока (МВТДВ). Поскольку этот трибунал проводился победителями, то у многих японцев оставалось ощущение, что это не только юридическая процедура, но и политическая акция. Но, безусловно, нельзя отрицать, что Япония причинила огромный ущерб и страдания соседним азиатским странам в результате своей агрессии и колониального правления. Не случайно бывший премьер-министр Дз. Коидзуми официально подтвердил, что Япония официально признала решения МВТДВ. Другими словами, проблема святилища Ясукуни представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных внутри- и внешнеполитических проблем – идеологии, восприятия истории, международных отношений.

Что касается религиозной составляющей проблемы Ясукуни дзиндзя, то, согласно синтоистской традиции, японцы верили в общение живых с душами умерших. Наиболее древним вариантом такого общения считается ритуал *дайдзёсай* в системе интронизации, другим – *митама мацури* в святилище Ясукуни, во время которого совершается чисто религиозный обряд успокоения душ умерших. Это относится не только к ушедшим близким, но и ко всем умершим, в том числе погибшим на войне или отдавшим свою жизнь на общее благо людей. «Поэтому для японцев, – пишет М. Сонода, – также органично проведение *мацури* в память погибших на войне, как и в честь почитания *ками*. Думаю, что потребность в успокоении душ своих павших героев... – это важная составляющая часть религиозных чувств японцев. Если пренебрегать такими чувствами, то можно поставить под угрозу само будущее Японии. Успокоение душ погибших солдат очень важно сейчас, когда прошло 50 лет после окончания войны. Когда мы станем думать обо всех, кто отдал жизни за нас – не только на войне, но и в различных других случаях, то мы преисполнимся благодарностью ко всем окружающим. Это полностью отличается от проведения обрядов просто ради утверждения ультра национализма»¹⁰. В этих словах и скрыта суть проблемы Ясукуни дзиндзя: трактовать эту церемонию – как чисто религиозную или как государственный акт со всеми вытекающими последствиями, т. е. привносить идеологические и политические соображения.

⁸ Современная Япония. М., 1973, с. 756.

⁹ См. подробнее: Молодякова Э. В. Историческая преемственность: император Сёва. – Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003, с. 34–54.

¹⁰ Сонода Минору. Мир синто. М., 2001, с. 63.

Особый довоенный статус Ясукуни дзиндзя, который был наиболее важным святилищем после святилищ императорского культа (*дзингу*), сразу же сказался на его положении в послевоенный период. Все святилища приобретали в собственность территории, занимаемые их зданиями и подсобными помещениями, необходимыми для проведения религиозных мероприятий, для устройства садов и парков, а также заповедные зоны, в которых они располагались. Только Ясукуни дзиндзя и его филиалы *гококу дзиндзя*, признанные проповедниками милитаризма из-за поминания в них душ погибших на войне, первоначально были лишены этого права. Они получили в собственность участки, на которых находились их здания, лишь после вступления в силу Сан-Францисского мирного договора в 1952 г. В то время в Ясукуни дзиндзя поклонялись уже душам 2,5 млн. воинов.

Особенностью святилища Ясукуни является отсутствие на его территории каких-либо захоронений, останков или реликвий, нет даже могилы неизвестного солдата. Здесь никогда не проводились церемонии похорон. Останки погибших солдат, в основном во время второй мировой войны, были переданы семьям, которые почтили их соответствующими похоронными службами в буддийских храмах (в Японии похороны в подавляющем большинстве проводятся по буддийским канонам), а прах захоронили на местных кладбищах. Дань памяти погибшим воинам отдается так же, как и всем умершим. Но, очевидно, на подсознательном уровне у многих японцев сохраняется вера в то, что святилище Ясукуни является своего рода «священной горой», где обитают души погибших воинов.

По установившейся с довоенных лет традиции, душа каждого погибшего на войне или военной службе называется *эйрэй*. Теперь павший воин принадлежит государству, т. е. соединяется с ним в единое целое. С этого момента его имя заносится в списки *ками* Ясукуни дзиндзя. Оставшиеся в живых родственники в принципе лишаются возможности «заботиться» о нем. Погибший отныне «не принадлежит семье», как все другие предки, а «принадлежит» государству, потому только святилище Ясукуни имеет право отправлять поминальную службу по нему. Несмотря на ряд протестов здравствующих родственников, выступающих против включения погибших близких в списки *ками*, или требующих исключения из них, все остается по-прежнему¹¹.

Основная масса «обожествленных» появилась после окончания второй мировой войны. После подписания Сан-Францисского мирного договора сразу же началась кампания по освобождению из тюрем всех, кто был осужден по решению Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Одновременно началось движение за выплату государственных пенсий семьям тех, кто был приговорен к смерти по

приговору МВТДВ или умер в тюрьме. По японским законам пенсии не выплачивались тем, кто был приговорен судом к трем и более годам заключения. Однако парламент принял закон, согласно которому признанные виновными по приговору МВТДВ не считаются преступниками с точки зрения японских законов, а, наоборот, признаются жертвами войны. Все без исключения политические партии поддерживали этот закон, который был частью проводимой пенсионной реформы.

В 1959 г. началось «обожествление» в Ясукуни дзиндзя лиц, признанных МВТДВ виновными в военных преступлениях. Военные преступники класса «В» и «С» (согласно английскому алфавиту) причислялись к списку душ воинов, почитаемых в святилище. Немаловажную роль в этом процессе сыграло Бюро помощи репатриантам прежнего министерства здравоохранения и социального обеспечения, где получили работу многие бывшие военные и заняли там руководящие посты. Таким образом, правительство косвенно помогало святилищу обретать новых «обожествленных». Например, предоставляло всю необходимую для этого информацию о погибших: имя, год и место рождения, звание, к какой части принадлежал, где и когда погиб, отказывая в таких просьбах другим религиозным организациям. К концу 50-х годов все находившиеся в заключении военные преступники были помилованы в соответствии с процедурой, одобренной союзными державами.

Именно сотрудники Бюро помощи репатриантам предоставили для почитания в Ясукуни дзиндзя в 1966 г. список имен главных военных преступников класса «А»: семеро из них были казнены через повешение, еще семеро умерли в тюрьме. Однако тогдашний настоятель святилища Цукуба Фудзимаро, представитель ветви Ямасина императорской семьи, этого не сделал. По мнению главного редактора газеты «Асахи» Вакамия Ёсибуми, это было связано с тем, что в то время парламент обсуждал законопроект о возвращении Ясукуни дзиндзя статуса государственного святилища (в общей сложности вносился пять раз), и было бы неразумным предпринимать достаточно сомнительные действия по причислению главных военных преступников к почитаемым в этом святилище¹². В 1978 г., когда преемником почившего настоятеля стал бывший флотский офицер, не признающий решения МВТДВ Мацудайра Нагаёси, (сын бывшего министра двора Мацудайра Цунэо), 14 главных военных преступников были включены в списки Ясукуни дзиндзя. При этом святилище определило их как «мучеников эры Сёва»¹³.

История кампании за восстановление государственного статуса Ясукуни дзиндзя подробно освещена в отечественной литературе¹⁴.

¹² Japan Echo. 2005. vol. 32, October, № 5, p. 24.

¹³ Мураками Сигэёси. Сюкё-но Сёваси (История религии в эпоху Сёва). Токио, 1985, с. 43.

¹⁴ См. например, Т. Г. Сила-Новицкая. Культ императора в Японии. Мифы. История. Доктрины. Политика. М., 1990; Маркарян С. Б., Молодякова Э. В. Праздники в Японии. М., 1990.

¹¹ Hardacre Helen. Shinto and the State 1868–1988. Princeton University Press. 1989, p. 148.

Напомним лишь, что впервые с подобной инициативой выступили Японская ассоциация семей погибших на войне (*Нихон идзоку кай*), часть правого крыла правящей Либерально-демократической партии, местные отделения Лиги ветеранов войны (*Гою рэммэй*), Ассоциация синтоистских святилищ и ряд правых организаций. Наиболее проницательные и дальновидные политики считали подобные действия весьма сомнительными, например, один из трех премьеров-долгожителей на политическом Олимпе Сато Эйсаку, хотя среди его друзей были некоторые военные преступники класса «А» (Кая Окинори, Судзуки Тэйити). Он полагал, что следует отделять дружеские отношения от проблемы превращения Ясукуни в государственное святилище¹⁵. Требование восстановить государственный статус Ясукуни дзиндзя в послевоенные годы не раз подкреплялось ссылками на то, что в других странах имеются различные мемориалы, где отдается дань памяти погибшим во время различных войн.

После окончания оккупации и обретения полной независимости предполагалось рассматривать святилище Ясукуни как мемориал погибших в войне, где высокие иностранные гости воздавали бы им почести. После отказа в 1953 г. вице-президента США Р. Никсона посетить святилище в таком качестве правительство в 1959 г. установило неподалеку от него (в Тидоригафути, район Тиёда) монумент неизвестным жертвам войны (*мумэй сэнсися бё*). Это вызвало резкий протест со стороны священнослужителей Ясукуни дзиндзя и их сторонников. В 1986 г. премьер-министр Я. Накасонэ уподобил Ясукуни дзиндзя могиле Неизвестного солдата на Арлингтонском национальном кладбище в США. Но здесь представители любой конфессии могут проводить поминальные службы, что абсолютно невозможно в случае святилища Ясукуни, которое принадлежит только синтоистской конфессии.

Более того, данное святилище принципиально отличается от других мемориалов тем, что, как уже говорилось, ни в нем, ни на его территории не имеется никаких захоронений. Об этом мало кто знает за рубежом. Министр иностранных дел Японии Асо Таро рассказывает о том, что его однажды спросили: «Где в Ясукуни захоронены останки военных преступников класса «А», которые были повешены?» Спросивший был чрезвычайно удивлен, услышав, что они похоронены в буддийском храме Коа Канон в г. Атами, преф. Сидзуока. Общий прах, кремированных в одной печи, в 1952 г. разделили на семь частей: шесть раздали семьям (отказалась только семья Хирота, так как прах всех перемешался), одну захоронили под Нагоя, где в 1959 г. был поставлен камень, надпись на котором выполнил премьер-министр первых послевоенных лет Ёсида Сигэру¹⁶.

Святилище Ясукуни как религиозное учреждение представляет собой часть исторической памяти народа, в том числе и солдат, которые были против войны, но шли в бой по приказу государства. Есть свидетельства того, что солдаты перед боем обычно говорили друг другу: «встретимся в Ясукуни». Вполне можно принять точку зрения Того Кадзухико, внука военного преступника класса «А» Того Сигэнори, бывшего министром иностранных дел в кабинете Тодзио, который начал войну, и кабинета Судзуки, при котором она закончилась. Он говорит, «что следует уважать национальную память о том, что многие солдаты умирали с уверенностью, что воссоединятся в Ясукуни дзиндзя. Это важное национальное наследие. Тем, кто бережно хранит память об отцах, мужьях и других родственниках, будет трудно принять любое другое место скорби, кроме святилища Ясукуни»¹⁷.

В настоящее время не существует никакой проблемы с проведением торжественной мемориальной церемонии, которая проводится ежегодно 15 августа, когда отмечается годовщина окончания второй мировой войны, а также с почитанием погибших на войне в обычных синтоистских святилищах и военных преступников класса «А» в буддийском храме Содзидзи в г. Иокогама. Проблема почитания военных преступников наряду с другими павшими воинами вызывает острейшие споры лишь в связи с Ясукуни дзиндзя, ввиду его особого исторического положения. Высказывается идея создания филиала святилища, где поминались бы только военные преступники класса «А» (передается понятием «*бунрэй*»). Предполагается, что это будет отдельное святилище наподобие Того дзиндзя, посвященного памяти заслуженного адмирала, героя войны с Россией в 1904–1905 гг. Но это невозможно сделать, во первых, исходя из традиционного отношения японцев к предкам и миру духов, во-вторых, поскольку в Ясукуни сохранится почитание военных преступников класса «В» и «С».

Альтернативой такому предложению является идея удаления из списков Ясукуни имен главных военных преступников, что передается понятием «*бунси*». Ярый противник такого предложения нынешний настоятель святилища Намбу Тосиаки, объясняя невозможность такого подхода, приводит следующее образное сравнение. Можно долить в чайник чашку воды, но после уже нельзя вылить из него ту же чашку¹⁸. Кроме того, в силу исторической традиции, особенности мировосприятия и мироощущения, приходя в это святилище, люди все равно будут отдавать дань памяти всем погибшим, не озабочиваясь их делением. В этом смысле можно принять объяснение бывшего премьер-министра Дз. Коидзуми о том, что осенью 2006 г. во время большого осеннего праздника Ясукуни дзиндзя он посетил его «как и все граждане».

¹⁵ Туюо корон. 2005, август, с. 36.

¹⁶ Japan Echo. 2006, vol. 33, October, № 5.

¹⁷ Far East Economic Review. 2006. June. – <http://www.feer.com/2006/0606/free/p005.html>

¹⁸ Japan Echo. 2006, vol. 33, April, №2, p.13.

Проблему святилища Ясукуни усложняет находящийся в его ведении военный мемориальный музей Юсёкан. Он был перестроен в 2002 г. и представляет собой весьма впечатляющее сооружение. В нем представлена довоенная и военная история Японии так, как она интерпретируется руководителями Ясукуни дзиндзя. Это стало возможным в соответствии с послевоенным законодательством, которое не допускает вмешательства правительства в дела управления религиозными организациями. Однако это – не национальный военный музей, в концепции которого была бы представлена вся полнота истории. По мнению Того Кадзухико, «Ясукуни дзиндзя – не то место, где должен быть представлен лишь односторонний взгляд на историю страны. Святилище Ясукуни, возможно, сыграло полезную роль, сохраняя традиции и взгляды предвоенной Японии. Но сегодня, спустя 60 лет, когда существует разнообразие взглядов на войну, пришло время для Ясукуни вернуться к его главной функции – скорбеть в соответствии с синтоистской традицией по тем, кто отдал жизнь за свою страну. Функции Юсёкан должны быть отделены от Ясукуни дзиндзя, а в случае необходимости перенесены в другое место»¹⁹.

В последние годы среди парламентариев дискутируется проблема создания нового национального мемориала, где воздавались бы почести «всем погибшим в войнах, в которые Япония была вовлечена с эпохи Мэйдзи (1868–1912)». Предполагается, что его сооружение должно субсидировать правительство. Новый открытый для представителей всех конфессий мемориал, очевидно, снял бы многие противоречия в отношениях с соседними странами и полностью отвечал бы принципам японской конституции²⁰. Другими словами, речь идет о сооружении нейтрального, нерелигиозного национального мемориала павшим в войне.

Однако подобная идея пока не встречает особой поддержки в обществе. Еще в середине 80-х годов прошлого века была создана дискуссионная группа для обсуждения проблемы нового мемориала, но никаких результатов ее деятельность не дала. Подобная деятельность оживилась, когда в парламенте была создана «специальная группа по сооружению мемориального объекта». В нее вошли видные деятели Либерально-демократической партии (ближайший соратник бывшего премьера Коидзуми Ямадзак Таку, бывший генеральный секретарь кабинета министров Фукуда Ясуо, ветеран ЛДП Като Коити) и поддержавшие их председатель Демократической партии Хатояма Юкио, генеральный секретарь новой Комэйто Фуюсиба Тэцудзо.

Такой мемориал мог бы посещать император, который прекратил посещения *Ясукуни дзиндзя* после обожествления в нем военных преступников. Со стороны управления императорского двора делались не-

определенные намеки на то, что император Сёва перестал посещать святилище, поскольку ему было неприятно почитание там главных военных преступников. Совсем недавно были обнародованы записи и дневники крупного чиновника управления императорского двора Томита Томохико, в которых подтверждается, что причиной отказа от посещения Ясукуни дзиндзя являлось недовольство императора фактом почитания там главных военных преступников. «Вот почему я перестал посещать святилище. Это я делаю по велению сердца»²¹. Однако, несмотря на преклонный возраст, император Сёва всегда присутствовал 15 августа на общенациональных поминальных службах по погибшим в войне.

Проблема «обоожествления» военных преступников в *Ясукуни дзиндзя* в настоящее время приобрела особую остроту в отношениях Японии с соседними странами, которым японские войска принесли огромные страдания во время второй мировой войны. Во многом современная проблема святилища *Ясукуни* – политическая, ставшая своего рода разменной картой в большой дипломатической игре. Формальным поводом претензий соседних стран к Японии служит «обоожествление» в святилище военных преступников, что якобы означает реабилитацию военных преступлений. В самом японском обществе существует мнение о том, что Ясукуни дзиндзя навязывает свое видение и толкование истории страны, о чем свидетельствует, в частности, музей Юсёкан.

Действительно, все послевоенные годы в стране не утихают дискуссии по проблемам национальной истории, ее интерпретации. Япония в условиях высоких темпов экономического роста стремительно приближалась к уровню высокоразвитых стран. Кроме того, был успешно пересмотрен в сторону обретения большего партнерства Японо-американский договор безопасности. В этой связи вполне естественно усиление интереса к осмыслению собственной истории (тем более что в 1968 г. широко было отпраздновано столетие реставрации Мэйдзи), традиционных духовных ценностей, к проблемам этнической психологии, вопросам культурной самобытности. В настоящее время национальная история стала одной из важнейших форм национального самосознания и национальной самоидентификации, а потому проблемы ее толкования и восприятия представляют сугубо практический интерес. Вопрос о преподавании национальной истории в средней школе, разработка учебников постоянно находятся в центре внимания политиков и общества²².

Как уже говорилось, предпринимались неоднократные попытки провести через парламент законопроект о передаче святилища Ясукуни

¹⁹ См.: Far East Economic Review. 2006, июнь.

²⁰ Асахи симбун. 10.11.2005.

²¹ См.: Japan Echo. 2005, vol.32, October, № 5, p. 25–26.

²² Подробнее см.: Молодяков В. Э. Восприятие национальной истории в современной Японии. – Японский опыт для российских реформ. 2004, вып. 2, с. 72–80.

в ведение государства, т. е., по сути, вернуть ему довоенный статус главного синтоистского святилища для военных. Пожалуй, ни одно событие, связанное с приданием синтоистским ритуалам государственного значения не вызывало такого общественного возмущения в стране и за рубежом, как официальные визиты правительственных чиновников во время *митама-мацури* в святилище Ясукуни. Думается, здесь принесено много политических моментов, не имеющих отношения к самой религиозной церемонии. В значительной степени это связано с тем, что, как уже подчеркивалось, обрядность Ясукуни дзиндзя исходно напрямую соотносилась с государственным синто, а само святилище было важнейшим инструментом воспитания воинственного духа и лояльности по отношению к императору, прославляя тех, кто погиб в боях за него. После войны религиозные лидеры святилища утверждали, что их главная цель не восхваление погибших, а просто дань памяти им. Как вполне справедливо отмечает М. Сонода: «Очень важно то, что, устремляясь в бой, они верили – их смерть послужит основой создания лучшего будущего в родной стране, не испытывая при этом никакой ненависти к противнику»²³.

Непосредственным поводом для развертывания кампании вокруг святилища Ясукуни служат посещения его первыми лицами государства, которые имеют давнюю историю. Еще в октябре 1945 г. премьер К. Сидэхара почтил в Ясукуни дзиндзя память всех погибших в ходе второй мировой войны. Это повлекло за собой жесткий запрет со стороны Штаба оккупационных войск членам правительства участвовать в поминальных службах святилища. С. Ёсида, пять раз занимавший пост премьер-министра, трижды посещал Ясукуни дзиндзя как официальное лицо. Его преемники Н. Киси, Х. Икэда, Э. Сато, К. Танака поступали также соответственно два, пять, одиннадцать и пять раз. И это не вызывало никаких проблем. Во время премьерства Т. Мики (1974–1976) в правительстве впервые обозначились разногласия по поводу того, как высшие должностные чины могут посещать Ясукуни дзиндзя – как официальные или как частные лица. С 1975 г., начиная с Мики, премьер-министры совершали паломничества как частные лица, то же делали и депутаты парламента. Нарушил установленный порядок в 1985 г. Я. Накасонэ, который расписался в книге посетителей как глава правительства²⁴. Разумеется, речь идет об официальном посещении 15 августа церемонии поминовения погибших воинов (*косики сампай*). С 1978 г., после объявления о почитании здесь главных военных преступников и по 1984 г. премьеры 20 раз посещали святилище, но только с 1985 г. китайское правительство стало делать из этого серьезную дипломатическую проблему.

²³ Сонода Минору. Мир синто, с. 89–90.

²⁴ Йомиури симбун.. 29.07.2001, утренний выпуск

Я. Накасонэ совершил *косики сампай* в сороковую годовщину поражения Японии во второй мировой войне, несмотря на то, что комитет по законодательству палаты представителей парламента признал еще в 1980 г. участие министров в церемониях святилища Ясукуни в качестве официальных лиц неконституционным. Затем специальная комиссия при генеральном секретаре кабинета министров, изучавшая проблему Ясукуни дзиндзя, пришла к выводу, что посещение членами правительства этого святилища не противоречит конституции, если при этом не соблюдаются синтоистские ритуалы, а выражаются лишь «общечеловеческие чувства».

Объясняя свое решение, Я. Накасонэ заявил: «Посещение состоялось в соответствии с пожеланиями японского народа почтить память погибших на войне. Этот акт подтверждает стремление к миру и недопущению повторения войны»²⁵. Одновременно он заявил, что «ходил туда не для того, чтобы почтить дух Тодзио (премьер-министр военного времени. – Э. М.). Мой младший брат погиб на войне, и его дух пребывает сейчас в Ясукуни. Я ходил к нему»²⁶.

Официальное посещение церемонии в Ясукуни дзиндзя Я. Накасонэ было продуманным и осознанным поступком. Он никогда не скрывал, точнее, всегда подчеркивал свою приверженность традиционным духовным ценностям, истории страны, которая так или иначе связана с синто, поскольку эта религия – ядро всей национальной культуры японцев. Однако при этом Накасонэ воздержался от соблюдения синтоистского обряда *хайрэй*, включающего два поклона, хлопок ладонями, еще один поклон и подношение нескольких монет. Он просто поклонился и бросил в специальный ящик монеты, которые считаются подношением святилищу, а не божествам.

Это был период активного оживления националистических настроений, нашедших отражение в кампании по переоценке событий недавнего исторического прошлого, по пересмотру преподавания отечественной истории в школах. Все это вызывало бурные протесты Китая, но пока проблема Ясукуни и обожествленных в нем военных преступниках не возникала. Вспомним, что Япония прочно заняла место среди индустриальных демократий мира, стала полноправным членом западного сообщества и встала на путь укрепления своей роли в международных делах, которая была бы адекватна ее экономическому потенциалу. Новый внешнеполитический курс связывался с именем Я. Накасонэ.

Посещая в 1985 г. церемонию в святилище Ясукуни в соответствии со своими убеждениями, он не ожидал бурной реакции протеста, особенно среди азиатских стран, бывших в свое время жертвами японской агрессии. Особенно жестко выступил Китай, впервые заявив, что при-

²⁵ Нихон кэйдай симбун. 28.10.1985.

²⁶ Приводится по: Japan Echo. 2006, vol. 33, April, № 2, p. 11.

стально следит за проблемой Ясукуни²⁷, и что визит Накасонэ причинит боль азиатским соседям Японии. В то время Япония как раз активизировала свою азиатскую политику. Не желая обострять отношения с соседними странами, в последующие годы Накасонэ и другие премьеры воздерживались от посещения молебствий в Ясукуни дзиндзя (*ко-сики сампай*). Прагматичный Я. Накасонэ так объяснил свою позицию: «Международные отношения – это не улица с односторонним движением. Настроения азиатских народов требуют особого внимания. Если мы не сможем добиться консенсуса в международных отношениях, то, в конце концов, нанесем ущерб интересам собственной страны. Если Япония окажется изолированной от остальной Азии, порадует ли это духов тех солдат, которые считали, что умирают во имя интересов Азии?»²⁸

Другими словами, возобладали политические соображения, а сама суть религиозной церемонии *митама сидзумэ* отошла на второй план.

В середине 90-х годов Китай представил свою позицию протеста против посещений японскими премьерами святилища Ясукуни как выражение чувств китайского народа. Стоит заметить, что и внутри Японии существует оппозиция политики правительства в отношении визитов главы государства в Ясукуни дзиндзя, которая смыкается с позицией Китая. В целом можно признать, что это своего рода политическая спекуляция, поскольку нет юридической стороны вопроса, за исключением лишь вопроса о том, не являются ли визиты в Ясукуни дзиндзя нарушением 20-й статьи конституции, признающей равенство всех религий. Нарушением такого равенства священнослужители других конфессий считают посещение первыми лицами государства именно синтоистского святилища Ясукуни. Они даже подавали в суд иск, требуя признания посещения бывшего премьер-министра этого святилища неконституционными действиями.

В последнее время Китай настойчиво разыгрывает карту Ясукуни дзиндзя в отношениях с Японией, накаляя обстановку. Это привело к резкому ухудшению двусторонних политических отношений на фоне расширяющихся экономических связей. Осложнению отношений в немалой степени способствует постоянно растущее геополитическое соперничество двух государств, споры о событиях второй мировой войны. В японском обществе, с одной стороны, бытует мнение о том, что спор вокруг святилища Ясукуни может быть решен исключительно за счет изменения позиции Китая, который цинично использует вопрос о главных военных преступниках как историческую карту с целью оказать дипломатическое давление на Японию. С другой стороны, высказывается мнение о том, что Японии следовало бы сделать первый шаг на

пути уступок, поскольку с исторической точки зрения виновата все-таки она, и это бы повысило ее моральный престиж.

Остроту в отношении с сопредельными странами добавили ежегодные, начиная с 2001 г., посещения святилища Ясукуни Дз. Коидзуми, который занимал высший пост в стране пять лет, став третьим политическим долгожителем после Сато и Ёсида. Следует заметить, что Коидзуми посещал святилище в основном во время так называемых больших весенних и осенних праздников *рэйсай*, которые проводятся ежегодно в определенный день, воздерживаясь от визитов 15 августа. Тем не менее, в частности, осенью 2005 г. после его посещения святилища во время *рэйсай* развернулась ожесточенная кампания, особенно со стороны Китая, которая привела даже к нарушению согласованной повестки встреч лидеров двух стран.

Создавалось впечатление, что своими посещениями Коидзуми в определенной степени провоцировал Китай, осложняя тем самым азиатскую дипломатию Японии. В зарубежных, в основном азиатских средствах массовой информации, периодически появляются сообщения о том, что Япония недостаточно извинилась перед народами региона, хотя японские лидеры делают это регулярно, а также дается претенциозная трактовка посещений Ясукуни дзиндзя высшими лицами государства, как «попытка возвеличить японский милитаризм прошлого».

В ответ на подобные заявления, как бы подводя итог, японское правительство высказало свою официальную позицию относительно посещения премьер-министром Дз. Коидзуми святилища Ясукуни в 2005 г. В частности, в нем говорится, что ошибочно рассматривать такое посещение «как попытку возвеличить японский милитаризм прошлого». Премьер-министр ясно заявил, что цель его визитов – выразить глубокое уважение и благодарность множеству людей, погибших на войне, и он делает это не ради главных военных преступников. Кроме того, Япония признала решения Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Он подчеркнул, что «Япония своей агрессией и колониальным правлением нанесла огромный ущерб и причинила страдания народам многих стран, особенно в Азии». Премьер-министр неоднократно заявлял, что Япония должна честно воспринимать эти факты истории в духе смирения, с чувством глубокого раскаяния и искреннего сожаления. Он подтверждал готовность Японии «вносить свой вклад во всеобщий мир и процветание, высоко ценя отношения доверия с другими странами»²⁹. Коидзуми подтвердил эту позицию, выступая на Азиатско-африканском саммите в апреле 2005 г., и повто-

²⁷ Асахи симбун. 07.09.1985.

²⁸ Цит. по: Japan Echo. 2006, vol.33, April, № 2, p. 13.

²⁹ Принципиальная позиция правительства Японии относительно посещения премьер-министром Коидзуми Дзюньитиро святилища Ясукуни. – Документ МИДа Японии. 2005, октябрь; Заявление премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро. – Документ МИДа Японии. 17.08.2005.

рил ее в августе в заявлении по поводу 60-й годовщины окончания второй мировой войны.

В японском обществе существует большой разброс мнений относительно посещений главой правительства Ясукуни дзиндзя. Сторонники посещений исходят из того, что для любой нации вполне естественно отдавать должное и почитать тех, кто отдал жизнь за свою страну. При этом, естественно, такое почитание выражается способами, которые различаются в соответствии с историей, культурой и традициями каждой страны. Это – исключительно внутреннее дело, в которое не могут вмешиваться другие страны. Приведем несколько примеров.

По мнению главного редактора газеты «Йомиури» Ватанабэ Цунэо, японские премьер-министры не должны прекращать свои посещения Ясукуни дзиндзя только потому, что против этого выступает Китай или Южная Корея. Действительно, «японцы совершали преступления, убивая жителей других стран, – пишет он, – однако миллионы японцев также были убиты. Большинство из тех, чьи духи сейчас почитаются в святилище, были жертвами. Следует отличать убийц от жертв. Нам также следует обратить внимание на степень ответственности тех, кто совершал преступления. Мы должны разобраться с собственным прошлым, с учетом позиции Китая и Южной Кореи»³⁰. Он полагает, что Японии надлежит улучшить свои отношения с соседними странами. Это потребует от нее изучения своей истории, честного признания того факта, что Япония вела агрессивные войны, и об этом должен знать ее народ. И тогда, по его мнению, и Китай, и Республика Корея прекратят свою постоянную критику в адрес Японии. Такая позиция представляется достаточно сбалансированной, в которой учтены внутри- и внешнеполитические аспекты.

Такахара Канако, президент Международного университета Акита, настаивает лишь на внешнеполитическом аспекте. Он полагает, что продолжение таких посещений необходимо, дабы не создавать превратного мнения, что Япония поддается давлению китайской стороны и ее можно принудить к компромиссу, наращивая затем вмешательство во внутренние дела страны. Он характеризует двусторонние отношения как дипломатическое противостояние, к которому привлечено внимание международного сообщества, и уступка Китаю ослабит положение Японии³¹.

Противники таких посещений настаивают на том, что японские лидеры должны считаться с чувствами людей в других странах и избегать действий, которые могут оскорбить их соседей и подорвать дружеские отношения. Но главным признается определение отношения к войнам, которые вела Япония в 30-40-е годы прошлого столетия. В частности,

эксперт по проблемам Ясукуни дзиндзя из Токийского университета Такахаси Тэцую призывает, прежде всего, избавиться от негативного наследия милитаристского прошлого. Это, по его мнению, гораздо важнее отношений с Китаем и Южной Кореей³².

При разности подходов сторонники и противники посещений премьер-министрами Ясукуни дзиндзя сходятся в том, что японцы должны самостоятельно, без посторонней подсказки, решить эту проблему. Ее решение лежит как в религиозном, так и политическом плане. Ни к какой мере нельзя забывать о том, что в Японии, несмотря на грандиозные катаклизмы за последние сто с лишним лет, никогда не прерывалась связь веков, всегда сохранялась традиция, не происходило искоренения религиозного сознания, которое превращает духовную жизнь общества в пустыню и разрушает традиционную культуру. Подобную ситуацию можно было наблюдать в России на протяжении почти семидесятилетнего господства коммунистической идеологии.

Вся история Японии, так или иначе, связана с синто, поскольку он – ядро всей культуры, в которой на протяжении веков утверждались и сохранялись свои особенности, несмотря на широкое заимствование континентальной культуры. Национальная религия дает возможность каждому японцу осознать свою самоидентификацию, поскольку синто укоренился у них в подсознании. Как уже отмечалось, многие серьезные конфликты, возникающие в различных частях земного шара, уходят корнями в противостояние религий, ибо религиям единобожия (так называемые авраамические религии) присуща нетерпимость к иной вере. Синто (с его пантеизмом и отсутствием воинственности), сформировавший адаптивное религиозное сознание японцев, может дать «информацию к размышлению», как формировать религиозное сознание в направлении веротерпимости. Не менее ценен опыт синто по преодолению использования его как инструмента государственной политики. Возможно, это поможет русской православной церкви, которая была правящей в условиях унитарного монархизма, не пытаться отстаивать свое преимущество уже в совершенно других социально-экономических и политических условиях. Возможно, осознание современными поколениями японцев того, что представляет собой национальная религия, поможет понять, что представляет собой святилище Ясукуни и не создавать особой проблемы вокруг него. Другими словами, вполне возможно разрешение внутриполитического аспекта проблемы.

Также очевидно и то, что проблема Ясукуни дзиндзя требует политического решения. Последние шаги, предпринятые бывшим премьер-министром С. Абэ, свидетельствуют о намерениях японской стороны снять остроту проблемы и искать пути выхода из сложившегося тупика в отношениях с сопредельными странами. В начале января 2007 г. он

³⁰ Japan Echo. 2006, vol. 33, № 2, p. 11.

³¹ The Japan Times. 26.07.2005.

³² Ibid.

совершил паломничество в одно из важнейших святилищ связанных с императорским культом – Мэйдзи дзингу³³. Оно посвящено императору Мэйдзи и его супруге. По словам С. Абэ, он часто посещает это святилище, поскольку оно расположено неподалеку от его резиденции. Очевидно, своим шагом он подавал сигнал консерваторам о том, что чтит национальную религию (это святилище в бытность премьер-министром посещал Мори Ёсио, отличившийся своими высказываниями о Японии как «стране *ками*»), но в то же время ищет альтернативу святилищу Ясукуни.

Нынешний премьер-министр Фукуда Ясуо не стал использовать проблему Ясукуни в своей предвыборной кампании. Его позиция дает основание предположить, что внешнеполитический аспект проблемы святилища Ясукуни на какое-то время будет урегулирован.

³³ The Japan Times. 07.01.2007.

Государственная политика Японии в сфере рождаемости

Д. В. Стрельцов

Содержание государственной политики в сфере рождаемости традиционно вызывает большие споры в развитых странах с постиндустриальным типом социальной системы, столкнувшихся с проблемой резкого сокращения естественного прироста населения, а в некоторых случаях – даже снижением самой его численности. Япония не составляет здесь исключения. Вместе с тем ее особенностью в настоящее время является исключительная острота и актуальность демографической проблемы, которая в настоящее время остается в повестке дня не только учреждений социального и экономического планирования, но и центральных органов государственной власти. Тема демографии получила «прописку» в парламенте, став объектом споров всех ведущих политических сил страны, каждая из которых выступила с собственной программой преодоления возникшего кризиса. Другими словами, нация почувствовала всю остроту данной проблемы, масштаб которой поставил ее в категорию угроз национальной безопасности. Руководство страны осознало тот факт, что от путей и методов решения демографического вопроса будет зависеть не только благосостояние будущих поколений, но и само выживание нации в долгосрочной перспективе.

Попытаемся кратко изложить суть демографического кризиса современной Японии, в рамках которого проблема низкой рождаемости занимает ключевое место. Уместно отметить, что снижение рождаемости в Японии началось еще в довоенный период, когда экстенсивная демографическая модель, опирающаяся на потребность в воспроизводстве рабочих рук в низкопроизводительных отраслях экономики, прежде всего в сельском хозяйстве, стала постепенно заменяться индустриальной моделью с умеренным типом воспроизводства. Однако в связи с большими людскими потерями во второй мировой войне сразу после ее окончания в стране возник «бэби-бум». Он характеризовался крайне высокими показателями рождаемости. Так, в 1947 г. коэффициент суммарной рождаемости (среднее число детей, родившихся у одной женщины в течение ее жизни) был равен 4,54, а общее число рожденных за год детей составило около 2,7 млн. человек.

Однако уже в 50-е годы в стране наметилось снижение рождаемости, связанное с успехами послевоенного восстановления и ростом благосостояния населения. Кроме того, свою роль сыграло принятие в 1948 г. законодательства, легализующего аборт по немедицинским

показаниям, а также улучшение качества медицинского обслуживания, способствовавшего росту продолжительности жизни. В результате в Японии стала складываться демографическая структура развитого общества, для которой характерны, в частности, умеренные показатели как смертности, так и рождаемости. Так, в 1974 г. коэффициент рождаемости стал ниже коэффициента 2,1, необходимого для простого воспроизводства. Со второй половины 70-х годов, после вторичного всплеска рождаемости (многочисленного поколения, родившегося в 1971–1974 гг. от послевоенных «бэби-бумеров»), показатели коэффициента рождаемости постоянно снижались, достигнув в 2004 г. уровня 1,29, а в 2005 г. – 1,25.

Демографическая проблема стала постепенно проявляться в Японии не только в результате низкой рождаемости, но и из-за резкого постарения демографической структуры общества. Прежде всего, произошло существенное снижение доли так называемых «производительных возрастов» (от 15 до 64 лет). Эта возрастная категория достигла своего пика в 1995 г., а с 1996 г. стала постепенно снижаться. Именно сокращение этих возрастных категорий дало основание говорить о складывании в Японии со второй половины 90-х годов «малодетного общества» (*сёсисякай*). Кроме того, обращает на себя внимание стремительный рост доли возрастов старше 65 лет в демографической структуре общества (так называемый «коэффициент постарения»). Япония заняла первые места в мире по показателям как доли старших возрастов, так и доли детского населения в возрасте менее 15 лет (см. табл. 1 и 2). При этом темпы постарения общества особенно разительны в сравнении с другими странами. Например, чтобы доля возрастной категории свыше 65 лет прошла путь от 10%-ной до 20%-ной отметки, Германии потребовалось 57 лет, Великобритании – 80 лет, а Японии – лишь 21 год¹.

Таблица 1

Страны с наименьшей долей населения в возрасте менее 15 лет, 2004 г. (по данным ООН)*

Место	Страна	Доля, %
1-е	Япония	13,6
2-е	Болгария	13,8
3-е	Словения	13,9
4-е	Италия	14,0
5-е	Германия	14,3

* Асахи симбун 21.08.2005.

¹ Асахи симбун.30.06.2006. веч.вып.

Таблица 2
Страны с наибольшей долей населения в возрасте свыше 65 лет в 2004 г. (по данным ООН)*

Место	Страна	Доля, %
1-е	Япония	21,0
2-е	Италия	20,0
3-е	Германия	18,8
4-е	Греция	18,2
5-е	Бельгия	17,6

* Асахи симбун.21.08.2005.

Простейшие расчеты показывают, что именно низкая рождаемость остается одним из основных факторов «постарения общества». Так, при коэффициенте суммарной рождаемости 1,29 (уровень 2004 г.) «коэффициент постарения» (доля лиц старше 65 лет) будет расти опережающими темпами: если в 2004 г. он составлял 19,5%, то в 2014 г. достигнет 25%, а в 2033 г. – уже 30%².

По данным министерства здравоохранения, социального обеспечения и труда (далее – министерство здравоохранения), в 2005 г. население Японии впервые за 106-летний период ведения демографической статистики сократилось. Это произошло на два года быстрее, чем ожидалось ранее. В дальнейшем, как предполагается, тенденция к снижению численности населения будет усиливаться в связи с сохранением низких темпов рождаемости и увеличением смертности среди поколения, рожденного в период «бэби-бума». По официальным прогнозам министерства здравоохранения за 2006 г., основанным на предположении, что нынешняя тенденция к сокращению темпов рождаемости сохранится, население Японии к 2055 г. сократится до отметки менее 90 млн. человек. При этом доля возрастов старше 65 лет увеличится вдвое и составит 41% от численности населения, в то время как доля детского населения моложе 14 лет сократится до 8%. Более долгосрочный прогноз показывает, что к 2105 г. население Японии может сократиться до 44,59 млн. человек³.

Преобладание старших возрастов в демографической структуре японского общества, означающее уменьшение доли самостоятельного населения, является в долгосрочной перспективе крайне негативным макроэкономическим фактором. Наибольшую проблему представляет существенный рост финансовой нагрузки на работающее поколение. Эта нагрузка будет в первую очередь проявляться в опережающем росте

² Асахи симбун.09.04.2006.

³ The Japan Times. 21.12.2006.

статьи расходов на социальные нужды, которая становится в национальном бюджете доминирующей. Например, в государственном бюджете на 2005/06 фин.г. они составляли 20,57 трлн. иен (примерно 25,8% бюджетных расходов)⁴. С учетом того обстоятельства, что при примерно равной для основных развитых стран Запады производительности труда демографические показатели Японии являются наихудшими, действие демографического фактора, как предполагается, будет проявляться в виде относительного снижения темпов экономического роста, а также общего ослабления конкурентоспособности японской экономики.

Безусловно, указанные тенденции уже давно вызывают большую обеспокоенность в среде японской общественности и привлекают пристальное внимание государственных органов. Еще в 1989 г. большой общественный резонанс получили данные о том, что коэффициент суммарной рождаемости составил в стране 1,57 (так называемый «шок от коэффициента 1,57»). Это было связано с тем обстоятельством, что этот коэффициент впервые за 20 с лишним лет стал ниже 1,58 – самого низкого за всю послевоенную историю уровня, достигнутого в 1966 г. Широкая общественная дискуссия и вынесение данной проблемы в политическую плоскость позволили ускорить принятие законодательства об оплачиваемых отпусках по родам и уходу за ребенком, которое было принято в 1991 г. Вместе с тем следует отметить, что целенаправленной государственной политики в сфере рождаемости в Японии не проводилось вплоть до середины 90-х годов, когда вся серьезность ситуации в демографической сфере стала осознаваться политическим руководством страны.

Политику в сфере рождаемости можно условно разделить на две модели. Первая – «политика прямого материального стимулирования» – заключается в преимущественно финансово-экономическом поощрении родителей, рождающих и воспитывающих детей. Характерными ее чертами являются высокий уровень детских пособий, государственные гарантии медицинской помощи матерям и детям, субсидирование расходов на содержание детей в дошкольных учреждениях и пр. Вторая модель – «политика создания условий» – предполагает, что прямое материальное стимулирование будет сочетаться с мерами по формированию такой системы занятости, которая позволит обоим родителям успешно совмещать воспитание детей с работой, самостоятельно зарабатывая средства на содержание детей.

Выбор конкретной модели политики в сфере рождаемости зависит от множества разнообразных экономических, социальных, социально-психологических, политических и иных, особых для каждой страны

реалий. Применительно к Японии, модель «политики создания условий» до недавнего времени не могла найти себе практического применения, в частности, в силу традиционных семейно-поведенческих отношений, а также этических стереотипов, в рамках которых повторный выход на работу замужней женщины, имеющей детей, считался недопустимым. В то же время «политика прямого материального стимулирования» также не могла быть признанной панацеей в силу ее высокой затратности и относительно малой эффективности. Так, нигде в мире пока не зафиксировано прямой корреляции между объемом государственных мер помощи и ростом рождаемости. Например, в Германии при лучшем, чем в Японии, экономическом наполнении государственной политики уровень рождаемости остается на столь же низком уровне. Кроме того, социальная политика в Японии (и политика в сфере рождаемости, в частности) сталкивается также с проблемой адресности, т. е. налаживании таких механизмов, которые позволили бы направлять помощь главным образом наиболее нуждающимся, повышая тем самым эффективность государственных расходов.

В большинстве стран Западной Европы политика в области рождаемости традиционно проводится косвенными методами в русле общей политики государства в сфере семьи и детства, тяготея к модели «создания условий». В Европе считается, что прямое материальное стимулирование процесса рождения детей граничит с нарушением прав человека. Согласно широко распространенному здесь мнению, государство не должно применять средств давления (в том числе и «позитивных») в деликатной сфере, связанной с правом человека решать, сколько и когда ему следует иметь детей. В этой связи политика в сфере рождаемости концентрируется главным образом вокруг повышения качества жизни и среды обитания («семейная политика»), а также улучшения условий найма в сторону косвенного побуждения женщин к сочетанию воспитания детей с работой, позволяющей улучшить материальное положение семьи и одновременно повысить женщине ее общественный статус.

Что касается Японии, то традиционным для этой страны является «этикетский» подход к проблеме рождаемости, заключающийся в том, что именно на государстве лежит значительная часть ответственности за ситуацию в демографической сфере и что государство должно напрямую регулировать процессы деторождения имеющимися у него организационными и финансово-экономическими средствами. Такой подход во многом основывается на традиционалистских мировоззренческих представлениях об «обязанности» женщин рожать детей во имя общественного блага, имеющих, с современных правозащитных позиций, дискриминационный оттенок. По мнению многих феминистских групп, данный подход вызывает не вполне приятные ассоциации с

⁴ Нихон кэйдай симбун.20.12.2005.

периодом второй мировой войны, когда в условиях огромных людских потерь милитаристская верхушка Японии выступала с лозунгом «умэё фуясэё!» («рожайте и приумножайтесь!»).

Между тем в современной Японии такого рода патерналистские представления сохраняются как в виде массового сознания, так и в качестве идеологического ориентира. Согласно опросу, проведенному канцелярией кабинета министров в 2004 г., 69,9% опрошенных заявили о том, что считают меры прямого экономического стимулирования рождаемости «наиболее важными» среди прочих мер государственной политики в области рождаемости⁵. Что касается правящего лагеря, то о его взглядах можно судить по высказываниям министра здравоохранения Янагисава Хакуо, который в одном из своих публичных выступлений 27 января 2007 г. назвал женщин «рожающими машинами». Даже руководитель оппозиции, один из лидеров Демократической партии Японии Кан Наото, не удержался от того, чтобы использовать в ходе избирательного турне в префектуре Айти в январе 2007 г. термин «производительность деторождения». Хотя подобные высказывания вызывают критику со стороны общественности, их появление свидетельствует о широко укоренившемся восприятии сферы рождаемости как формы «массового производства», которое подлежит прямому регулированию со стороны государственных органов.

Таблица 3

Основные виды государственных программ
в сфере поощрения рождаемости (1994–2006 гг.)^{*}

Год	Название программы
1994	«План Ангел» (1995–1999)
1999	«Новый План Ангел»
	Принятие Основного курса по реализации мер в сфере поощрения рождаемости
2003	Базовый закон о государственных мерах поощрения рождаемости
	Закон о мерах по реализации политики помощи в воспитании следующего поколения
2004	Программа политики в отношении общества с малой рождаемостью
	План помощи детям и воспитанию детей (2005–2009)
2006	«Новая политика поощрения рождаемости»

^{*} Нихон кэйдзай симбун. 03.06.2006.

Большую актуальность в контексте поставленной проблемы имеет вопрос о государственных программах в сфере рождаемости. Как уже

⁵ Нихон кэйдзай симбун. 31.08.2006.

было отмечено, специальной политики, имеющей концептуальную проработку и опирающейся на детализированную нормативную базу, в Японии до середины 90-х годов не проводилось. Первая попытка поставить политику в сфере рождаемости на институализированную основу была предпринята в 1995 г. с принятием «Специального плана действий и мер по преодолению снижения рождаемости», более известного как «План Ангел». Реализованную с того периода политику можно условно разделить на три этапа, каждый из которых основывался на принятии соответствующих программных документов.

На первом этапе (1995–1999) основной упор в планировании делался на создание для матерей инфраструктурных возможностей для совмещения воспитания детей и занятости. В «Плане Ангел» были зафиксированы конкретные количественные ориентиры, в частности, касающиеся строительства новых муниципальных детских дошкольных учреждений. Их достижение позволило в существенной степени насытить потребности в яслях и детских садах, особенно в отношении детей до трех лет.

На втором этапе (2000–2004) государственная политика, направленная на максимальное удовлетворение спроса в яслях и детских садах, была продолжена. Обращает на себя внимание тот факт, что одним из важных факторов популярности премьер-министра Японии Дз. Коидзуми явился выдвинутый им лозунг: «Бороться за то, чтобы период ожидания ребенком места равнялся нулю». Новым моментом политики явилась постановка в числе приоритетов задачи создания законодательно закрепленных гарантий для матерей, касающихся «повторного найма» – устройства на работу после увольнения в связи с появлением ребенка (речь в данном случае не идет об оплачиваемом отпуске по уходу за ребенком, а именно об увольнении по собственному желанию).

Особенностями третьего этапа (2005–2009) является общественное признание значимости мужчины как родителя, участвующего в воспитании ребенка. В государственных программах было впервые зафиксировано право отца получать наравне с матерью отпуск по уходу за ребенком. Кроме того, новым моментом явился призыв к частным корпорациям создавать собственные программы содействия воспитанию детей. В частности, – это предоставление родителям гибкого графика работы с возможностью выбора времени прихода и ухода на рабочее место, сокращенного рабочего дня и т.д.

Обращает на себя внимание активизация процесса совершенствования законодательной базы государственной политики в области рождаемости и детства, которая приобрела более диверсифицированный и законченный характер. Особого внимания заслуживает принятый 23 июля 2003 г. японским парламентом рамочный Закон о государственных мерах поощрения рождаемости, который вступил в силу в сентябре того же года. Закон ввел в юридический оборот базовое понятие «малолетнего общества с низкой рождаемостью». Другой важной особенностью

правового акта явилось четкое обозначение ответственности государства в лице правительства и органов местного самоуправления в деле проведения политики в области рождаемости. В качестве цели принятия данного закона декларировалось «создание адекватной среды, стимулирующей рождение и воспитание детей». В развитие данного рамочного законодательства правительство провело в том же 2003 г. через парламент Закон о мерах по реализации политики помощи в деле воспитания следующего поколения, в котором впервые на корпоративный сектор были возложены определенные обязательства поддержки семей, имеющих несовершеннолетних детей. В частности, предприятия с числом работающих свыше 310 человек обязаны теперь разрабатывать «планы действий» с целью облегчения служащим задачи сочетания работы и воспитания детей.

В июне 2006 г. правительство одобрило и опубликовало новую программу мер государственной поддержки рождаемости под названием «Новая политика поощрения рождаемости»⁶. В числе основных причин появления этого документа следует назвать обострение демографического кризиса. Свою роль сыграли и неблагоприятные прогнозы развития ситуации в области рождаемости на среднесрочную перспективу. Показатели рождаемости, как ожидается, неизбежно сократятся уже через несколько лет, когда относительно многочисленное поколение рожденных в первой половине 70-х годов, находящееся в настоящее время в детородном возрасте, выйдет за рамки этого возраста.

В программе делается ставка на комплексный подход к решению проблемы рождаемости, предполагающий сочетание мер организационной и финансовой поддержки семьям, имеющих детей, в первую очередь дошкольного возраста. Иными словами, принятие данной программы явилось своего рода месседжем государственной власти в адрес общества, в котором она недвусмысленно заявила о своем намерении различными средствами стимулировать деторождение и оказывать помощь в деле воспитания детей.

В программе перечислены конкретные меры государственной поддержки, перечень которых насчитывает 40 пунктов. В их числе – выделение целевых государственных дотаций на лечение бесплодия, расширение государственного финансирования мониторинга беременных, упрощение процесса расчетов за услуги родильного дома, обязательное посещение медсестрами семей после родов, увеличение пособий на младенцев до двух лет, введение специальных надбавок к государственным пособиям, расширение системы государственных дотаций на содержание детей в дошкольных учреждениях, обязательное оборудование всех начальных школ детскими игровыми площадками. В свете обострившейся в последние годы проблемы обеспечения безопасности

детей, проявившейся в увеличении числа случаев насилия над детьми, ставшими объектами похищения на пути в школу, государственная программа предусматривает расширение услуг по доставке детей в школы специальными автобусами.

Программой предусматриваются меры налогового стимулирования в сфере семейного воспитания детей, особенно применительно к семьям с детьми старшего школьного возраста, которые учатся в средней школе повышенной ступени, а также студентам вузов. Именно на этом этапе воспитания, как будет показано далее, затраты родителей растут в наибольшей степени. В частности, правительством предлагается применять к молодым людям налоговые льготы при использовании ими системы низкопроцентного кредитования стипендий (система выплаты банками стипендий, общая сумма которых с небольшим процентом должна быть возвращена банку после окончания вуза).

В разделе программы, посвященном системе организации труда для работников, имеющих детей, корпорациям предлагается пересмотреть режим работы – отказаться от длительных сверхурочных и создать для отцов больше возможностей для участия в воспитании детей. Говоря более конкретно, в программе предлагается также существенно увеличить размер оплаты за сверхурочные и оплачивать отпуск по родам и уходу за ребенком по более высоким ставкам, чем гарантированные законом 40%.

Большое место в программе уделяется задаче укрепления семейных ценностей. Для решения задачи «усиления семейных уз» предлагается, в частности, ввести так называемый «семейный день», способствовать общению и, по возможности, совместному проживанию трех поколений и т. д. По мысли авторов программы, эти меры должны способствовать оздоровлению морально-психологического климата в обществе.

В числе недостатков принятого документа многие эксперты указывают на отсутствие конкретики в обозначении мер финансовой помощи, которое особенно бросается в глаза на фоне избытка общих слов, присущих документам подобного рода («усилить», «углубить» и т.д.) Многие из перечисленных выше мер пока еще находятся на стадии рассмотрения (в программе часто используется термин «рассмотреть»). Так, программа призывает увеличить государственные пособия на детей в возрасте до двух лет, а также ставки оплаты за сверхурочные и ставки оплаты отпусков по уходу за ребенком, но не указывает конкретные суммы таких повышений.

Несмотря на то, что государственная политика в сфере поощрения рождаемости находится в данный момент на этапе реализации, уже сейчас можно подвести некоторые итоги и выделить ряд принципиальных моментов. Прежде всего, под систему оплачиваемых отпусков по родам и уходу за детьми была подведена законодательная основа. Согласно Закону о воспитании детей и уходе за больными, максимальная

⁶ См.: Асахи симбун. 30.07.2006.

продолжительность отпуска составляет 1,5 года⁷. С 2001 г. размер гарантированной оплаты составляет 40% заработной платы работницы до выхода в отпуск. Источником оплаты является специальный страховой фонд, формируемый за счет отчислений из заработка самого работника. Государством также были предприняты меры по распространению и развитию системы отпусков в связи с уходом за больным ребенком.

Однако следует констатировать, что в современной Японии основная часть женщин (в среднем около 70%) продолжает увольняться с работы в связи с рождением ребенка. По данным Института проблем социального страхования и народонаселения, в 2000–2004 гг. лишь 13,8% женщин использовали право оплачиваемого отпуска⁸. В то же время налицо тенденция к более широкому использованию данной гарантии: в середине 80-х годов прошлого века этот показатель составлял лишь около 5%. В настоящее время поставлена задача с помощью законодательных и налогово-финансовых мер побудить предприятия повторно брать на работу своих бывших сотрудниц после их увольнения или добровольного отпуска по уходу за детьми.

Важным результатом государственной политики явилось развитие сети детских дошкольных учреждений, результатом чего стало существенное увеличение мест в яслях и детских садах. Так, если в 1994 г. их число составляло 1,59 млн., то в 2005 г. – уже 1,99 млн.⁹ Успех данной политики позволяет, помимо всего прочего, снизить остроту проблемы нехватки рабочих рук на производстве, важным условием решения которой становится повторный наем женщин, имеющих детей.

Определенные успехи были достигнуты в плане материального обеспечения семей, воспитывающих детей. Еще в 1972 г. была введена система государственных детских пособий. В настоящее время пособие составляет 5 тыс. иен на первого и второго ребенка и 10 тыс. иен на третьего и каждого последующего ребенка. Оно платится вплоть до окончания ребенком 6-го класса начальной школы (примерно до 11 лет). Выплата пособия обусловлена уровнем совокупного дохода семьи. Так, если родителями являются служащие, их совокупный годовой доход не должен превышать 8,6 млн. иен.

Для семей с детьми была внедрена система страховых и налоговых льгот. Расходы по пребыванию в родильном отделении больниц в пределах 300 тыс. иен оплачиваются за счет обязательной медицинской страховки. В части налогообложения применяется вычет части подоходного налога «кормильца» (в частности, не платится налог на сумму дохода в пределах 380 тыс. иен в год). Кроме того, в отношении родителей, имеющих детей в возрасте от 16 до 23 лет, применяется специальный

⁷ Асахи симбун. 25.06.2006.

⁸ Асахи симбун. 28.06.2006.

⁹ Асахи симбун. 16.04.2006.

налоговый вычет, направленный на снижение финансовой нагрузки в связи с необходимостью оплаты вузовского образования¹⁰.

Вместе с тем, давая общую оценку государственной политики в сфере рождаемости и основываясь на формальных показателях, приходится констатировать, что ее эффективность оказывается близкой к нулю. Несмотря на все предпринимаемые усилия, рождаемость в стране продолжает оставаться на крайне низком уровне. И дело здесь не только и не столько в системных просчетах планирования или отсутствии корректного концептуального видения существа проблемы. В основе низкой рождаемости лежат объективные причины, возникшие в связи с новыми реалиями в социальной и экономической сфере.

Прежде всего, речь идет о хорошо известном явлении – переходе к обществу с постиндустриальным типом воспроизводства. Для такого общества, прежде всего, характерно активное участие женщин в жизни общества, рост карьерных амбиций и прочие аспекты процесса феминизации, а также общее изменение стиля жизни, для которого характерно усиление эгоистического и индивидуалистского начал. В плане общей тенденции развития Япония мало чем отличается от большинства западных стран, которые в этой связи также вынуждены сталкиваться с системным популяционным кризисом.

Вместе с тем у Японии наблюдается целый ряд характерных черт, усугубляющих демографическую ситуацию. Прежде всего, в стране более остро стоят вопросы гендерного равенства, что проявляется в таких хорошо известных социальных феноменах, как дискриминация женщин на службе по признаку карьерного роста, вследствие чего наблюдается ощутимая разница в оплате труда, не позволяющая женщинам обрести полную финансовую самостоятельность. Кроме того, особенностью Японии является также психологическое неприятие в обществе внебрачного деторождения как такового, а также дискриминация на бытовом уровне детей из «неправильных» семей (рожденных от смешанных браков либо воспитываемых в неполных семьях). В результате в Японии не получила распространения такая социальная группа, как матери-одиночки. По статистике, вне брака в Японии рождается лишь около 2% детей, что существенно меньше, чем где бы то ни было на Западе¹¹. Иными словами, одним из необходимых условий рождения ребенка в Японии продолжает оставаться юридическое оформление брачных уз между родителями.

Другая японская реалья заключается во все более позднем возрасте вступления в брак женщин детородных возрастов. Так, если в 1950 г. процент женщин в возрасте от 25 до 30 лет, не находящихся в браке

¹⁰ Асахи симбун. 09.07.2006.

¹¹ Нихон кэйдзай симбун. 22.10.2004.

составлял 15,2%, то в 2000 г. – уже 54%¹². При этом средний возраст вступления женщин в брак составлял в 2004 г. – 27,8 года (в 1947 г. – 22,9 года). Соответственно, существенно более поздним стал и возраст рождающих женщин. Например, если в 1955 г. первые роды принимали у женщин в возрасте 25,1 года, то в 2003 г. – уже в возрасте 28,3 года¹³. Усилилась тенденция к увеличению доли женщин, не вступающих в брак вообще (в 70–90-е годы их доля составляла около 4%, в 2000 г. – повысилась до 5,82%¹⁴). Кроме того, в текущем десятилетии произошло существенное увеличение доли бездетных семейных пар. В результате этих тенденций в 2006 г. на одну семью в среднем приходилось 2,09 ребенка¹⁵.

Неблагоприятные тенденции в демографической ситуации происходят на фоне достаточно трудной и неоднозначной экономической обстановки конца XX – начала XXI в. Многие компании, добиваясь сокращения издержек в русле стратегии рационализации, в 90-е годы, когда страна переживала период экономической стагнации, существенно ограничили наем новых сотрудников на постоянной основе. В результате диверсификации форм найма в его структуре гораздо большее место стали занимать непостоянные работники, так называемые «фритеры» (лица свободных профессий, работающие за штатом компании по индивидуальным контрактам), работники, командированные в компанию на ограниченный срок по договору с кадровым агентством, контрактные служащие, непостоянные работники с повременной оплатой труда и т. д. Так, например, если в 1984 г. общее число наемных работников-мужчин, занятых на непостоянной основе, составляло в Японии 1,95 млн., то в 2005 г. – уже 5,07 млн.¹⁶ Доля «непостоянного найма» в общей структуре найма к 2005 г. превысила 30%.

При этом обращает на себя внимание существенная разница в уровне доходов между непостоянными и постоянными работниками в пользу последних. Так, по данным министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения, уровень оплаты труда временного работника составлял в 2005 г. 42,8% от уровня постоянного работника для мужчин и 58,7% – для женщин¹⁷.

Между тем социологические исследования убедительно демонстрируют высокий уровень затрат на содержание ребенка, которые оказываются невозможным нести лицам с низким и нестабильным уровнем дохода. О порядке таких затрат свидетельствуют данные, опубликованные в японской печати.

¹² Асахи симбун. 09.04.2006.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Асахи симбун. 28.06.2006.

¹⁶ Асахи симбун. 09.04.2006.

¹⁷ Асахи симбун. 15.10.2006.

Таблица 4
Средний уровень затрат на воспитание одного ребенка, 2006 г.*

Возраст ребенка	Сумма, тыс. иен
рождение	540
0–3 года	1990
4–5 лет	1640
6–11 лет (шестилетняя начальная школа)	3690
12–15 лет (трехлетняя средняя школа первой ступени)	2930
16–18 лет (трехлетняя средняя школа второй ступени)	3720
19–23 года (университет)	9190

*Асахи симбун. 02.07.2006.

Общая сумма расходов за весь период воспитания составляет около 23 700 тыс. иен., из которой только на оплату за обучение в системе «школа-университет» приходится 8630 тыс. По данным «Белой книги по малодетному обществу» за 2005 г., на воспитание одного ребенка в год в среднем требуется около 1,713 млн. иен. Насколько большой нагрузкой это ложится на семейный бюджет, свидетельствует уровень среднего дохода семьи, составлявший в том же году около 6,2 млн. иен. Проблема заключается также в усилении неравномерного распределения доходов и обострении социального неравенства, наметившихся в середине текущего десятилетия. Появление большого слоя семей с низкими доходами – это еще один фактор в пользу «малодетного общества».

По данным Государственного института проблем социального обеспечения и народонаселения, полученных на основании анкетирования, в японских семьях хотели бы иметь в среднем 2,48 ребенка, в то время как в реальности «планируют» появление 2,11 детей¹⁸. Главной причиной расхождения реальности с идеалом около 66% респондентов назвали «чрезмерную дороговизну» воспитания детей. При этом в глаза бросается негативный настрой в отношении планов обзаведения детьми, наблюдаемый в Японии в рамках сравнительных международных социологических исследований. Так, по данным опроса, проведенного в 2005 г. канцелярией кабинета министров среди семейных пар детородного возраста в Японии, США, Франции, Южной Корее и Швеции, большинство японских семей (55%) ответили, что они «не

¹⁸ :Асахи симбун. 02.07.2006.

собираются или не могут увеличивать число детей». Как отмечалось, этот ответ встречался в 5 раз чаще, чем среди шведских семей¹⁹.

Свою лепту в неблагоприятную ситуацию в сфере рождаемости вносят и обострившиеся проблемы системы здравоохранения страны. В частности, речь идет о недостатке врачей-гинекологов и педиатров, а также сокращении числа родильных отделений больниц. Все это привело к общему ослаблению инфраструктуры медицинского мониторинга женщин детородных возрастов.

Сложность социально-экономической ситуации не умаляет и ответственности государства за состояние дел в сфере рождаемости. Более скрупулезный анализ показывает, что ситуация, вероятно, не была бы столь удручающей, если бы правительство уделяло вопросам семьи и детства больше внимания и направляло бы в эту сферу больше бюджетных средств.

Прежде всего, в глаза бросается существенно более низкий, чем в других странах, уровень расходов Японии на детскую и семейную политику в госбюджете. Так, например, в 2000 г. уровень расходов по статьям «детство» в национальном бюджете Японии, по данным ОЭСР, составлял около 3%, в то время как для скандинавских стран и Франции – около 10%²⁰.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что объем средств, выделяемых государством на семейную и детскую политику, в Японии составлял лишь 1/19 от сумм, идущих на решение проблем «стареющего общества». Следствием такого «остаточного принципа» выделения бюджетных средств является гораздо более низкий уровень социальных гарантий, касающихся поддержки семей с детьми, чем в других странах Запада.

Кроме того, по мнению экспертов, в Японии пока еще недостаточно развита сеть детских дошкольных учреждений, что не позволяет матерям, обремененным маленькими детьми, устроиться на работу в удобный для себя период жизни. По положению на апрель 2005 г., около 25% детей в возрасте 1–2 года не могли посещать детские учреждения²¹. При этом Японию отличает жесткий набор требований для устройства ребенка в муниципальный сад. Например, если в скандинавских странах заявка на устройство ребенка в муниципальный детский сад гарантируется всем семьям вне зависимости от наличия работы у супругов, в Японии сад предоставляется только тем семьям, где работают оба супруга. Существование подобных условий дает многим экспертам основания для вывода о том, что в Японии общественная значимость задачи воспитания детей пока еще не осознается в должной степени.

(На стр. 101 – Таблица 5.
Развернута для удобства вертикально)

¹⁹ Там же.

²⁰ Асахи симбун. 16.04.2006.

²¹ Там же.

О. А. Добринская

В сентябре 2006 г. состоялись выборы нового главы японского государства. Завершился период времени, который называли «эпохой Коидзуми», подчеркивая значимость и внушительный срок его пребывания у власти (третий по длительности за послевоенную историю Японии после премьеров Сато Эйсаку и Йосида Сигэру). Коидзуми Дзюнъитиро вступил в должность премьер-министра 26 апреля 2001 г. Он пользовался огромной популярностью у населения. Его жесткие политические лозунги, решительный характер, яркая внешность выгодно выделяли его на фоне многих других японских политиков. Он показал себя как энергичный лидер, реформатор, поддержка кабинета которого вначале превышала 80%. С уходом Коидзуми с поста премьер-министра наступило время оценить итоги его деятельности, задаться вопросом, действительно ли он выполнил свои предвыборные обещания. В данной статье мы попытаемся рассмотреть, чего добился этот лидер на внешнеполитическом поприще, и как это повлияло на международные позиции Японии.

Еще в ходе предвыборной кампании Дз. Коидзуми позиционировал себя как сторонник сильной Японии, имеющей большой авторитет в международных делах, обладающей полноценными вооруженными силами и имеющей гарантии безопасности в союзе с сильнейшей державой мира. Безусловно, став премьером, Дз. Коидзуми подтвердил, что главной задачей является дальнейшее укрепление союза с США – оси японской внешней политики. Вторым по важности направлением было традиционно объявлено поддержание мира и стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе. Приоритет отдавался отношениям с КНР, Республикой Корея и Россией. Одновременно премьер-министр сделал акцент на глобальной составляющей внешней политики. Он подчеркивал ведущую роль Японии в создании международной системы, адекватной реалиям XXI в. Основными задачами в осуществлении этой миссии Коидзуми назвал реформу ООН, укрепление многосторонней системы торговли, а также решение глобальных проблем человечества.

При Дз. Коидзуми отношения с США развивались особо динамично. Уже через месяц после принятия полномочий премьер-министр отправился в Америку, где в ходе знакомства с Дж. Бушем подтвердил вер-

ность союзническим обязательствам. По прошествии короткого периода времени ему довелось доказать это на практике, когда Япония предприняла беспрецедентные шаги по участию в антитеррористической операции в ответ на взрывы 11 сентября 2001 г. В июне 2002 г. Дж. Буш и Дз. Коидзуми договорились о дальнейшем укреплении диалога в области безопасности. Конкретные направления взаимодействия было поручено разработать в рамках встреч «2+2» (на заседаниях консультативного комитета по вопросам безопасности). Во время саммита в мае 2003 г. главы двух государств озвучили концепцию «Альянса в глобальном контексте», обозначившей курс на расширение функций союза, от взаимодействия в регионе до тесного сотрудничества по мировым проблемам.

В продолжение установок, согласованных на высшем уровне, в феврале 2005 г. на встрече консультативного комитета по вопросам безопасности были приняты «Общие стратегические цели» – документ, впервые четко зафиксировавший области совместных интересов в мире и в Азиатско-тихоокеанском регионе, а также конкретные ориентиры долгосрочного японо-американского сотрудничества в изменившейся международной обстановке. На первый план стороны выдвинули решение наиболее актуальных проблем XXI в. – противодействие международному терроризму и предотвращение распространения оружия массового уничтожения. Общие цели глобального плана включали в себя обеспечение демократии, прав человека, рыночной экономики, укрепление механизма Совета Безопасности ООН, расширение глобальных поставок энергии. Четко были обозначены приоритеты регионального взаимодействия: содействие мирному объединению Кореи, урегулирование корейского вопроса; мирное решение тайваньской проблемы; поощрение транспарентности китайской военной политики; нормализация российско-японских отношений путем решения территориального вопроса. Тем самым США обозначили свои интересы в Северо-Восточной Азии, обеспечение которых, как ожидается, будут реализовывать с помощью Токио. Япония заручилась поддержкой союзника по основным военно-политическим вопросам в регионе и, в свою очередь, подтвердила готовность сотрудничать с США в решении глобальных проблем.

На основании комплекса принятых ранее договоренностей лидеры двух стран в июне 2006 г. обнародовали документ «Японо-американский альянс нового века». В нем подчеркивается, что альянс основывается не только на противостоянии общим угрозам, но и на распространении фундаментальных ценностей универсального характера. Этот документ фактически обобщил итоги совместной работы, нацеленной на укрепление отношений в области обеспечения безопасности. Также он подтвердил совпадение интересов в таких областях, как победа в войне с терроризмом, поддержание стабильности и процветания в регионе,

развитие свободного рынка, борьба за права человека, обеспечение свободы навигации и торговли, укрепление глобальной энергетической безопасности. Этот основополагающий документ зафиксировал на бумаге принятую ранее концепцию глобализации альянса и заложил направление сотрудничества в XXI в.

Таким образом, за несколько лет стороны пересмотрели основы отношений в области безопасности, с тем чтобы их союз соответствовал новым реалиям. В нынешнем виде он охватывает широкую сферу интересов как регионального, так и глобального масштаба. Можно констатировать, что в новом веке США делают серьезную ставку на союз с Японией, которая готова повышать свою роль в международных делах.

Одновременно с развитием концептуальной базы отношений были предприняты важные практические шаги по ее наполнению. Они касались, во-первых, расширения возможностей участия Японии в операциях за пределами ее территории, во-вторых, возрастания роли Японии в обеспечении собственной безопасности в рамках альянса, в-третьих, усиления системы взаимодействия с США в чрезвычайных ситуациях, в-четвертых, интенсивного сотрудничества в создании системы противоракетной обороны совместно с США.

В первую очередь, речь идет об участии Японии в борьбе с терроризмом под руководством США. В ответ на события 11 сентября 2001 г. японское руководство в кратчайшие сроки одобрило пакет законов, позволивших силам самообороны отправиться в Индийский океан для оказания тыловой поддержки войскам антитеррористической коалиции. С того времени их миссия постоянно продлевалась и продолжается до сих пор. Под лозунгом борьбы с терроризмом Япония поддерживала шаги США – военные действия в Афганистане, а затем и в Ираке. В отличие от операции в Афганистане, акция в Ираке вызвала неоднозначную реакцию в мире. Несмотря на это, Токио принял решение отправить силы самообороны в эту страну с целью оказания содействия гуманитарному восстановлению. Это решение вызвало резонанс в политических кругах и обществе. Хотя японские военные должны были располагаться в зоне, где не ведутся боевые действия (так называемых районах «небоевых действий»), в условиях постоянных вооруженных столкновений и диверсий в Ираке существовала реальная вероятность вовлечения сил самообороны в военные действия, что являлось бы прямым нарушением конституции Японии. Этот шаг был весьма рискованным для карьеры Дз. Коидзуми. Тем не менее, его реализация имела значение для национальной безопасности Японии. Во-первых, она демонстрировала солидарность с единственным военно-политическим союзником, способным защитить Японию от различного рода угроз. Во-вторых, это открывало доступ к иракской нефти, что особенно важно в свете обострения вопроса энергетического обеспечения нужд

страны. В-третьих, это создавало прецедент для дальнейшего расширения функций сил самообороны за пределами Японии.

Участие сил самообороны в операциях в Афганистане и Ираке открыло новую страницу в деятельности японских вооруженных сил. Если принятые в 90-е годы законы позволяли Японии в пределах конституционных ограничений совместно с США осуществлять обеспечение безопасности в АТР, то опыт отправки сил самообороны за рубеж продемонстрировал возможность участия Японии в операциях, ведущихся вдали от ее границ и не подпадающих под определение миротворческих. Таким образом, при Коидзуми происходило постепенное расширение действий сил самообороны и их возможностей по оказанию поддержки США в глобальном масштабе.

Одновременно японское руководство предприняло ряд шагов, направленных на укрепление военного потенциала, в том числе в сотрудничестве с США. Речь идет о пакете законов, укрепляющих механизм обеспечения национальной безопасности, так называемого «чрезвычайного законодательства». Летом 2003 г. была принята первая часть законодательства: Закон о мерах по обеспечению мира и независимости, а также безопасности Японии и ее населения в ситуациях вооруженного нападения и других ситуациях, Закон о внесении поправок в Закон о силах самообороны и Закон о комплектации личного состава Управления национальной обороны, а также поправок в Закон об учреждении Совета национальной безопасности при премьер-министре. Принятые законы определяют порядок действий правительства, местных органов самоуправления и населения в ситуациях, представляющих угрозу безопасности страны.

В июне 2004 г. «чрезвычайное законодательство» было дополнено семью законами. Они касаются расширения сферы действия Соглашения о взаимном предоставлении товаров и услуг между Японией и США, ограничения морских перевозок грузов, предназначенных для иностранных вооруженных сил, облегчают процедуры по поставкам топлива и других товаров, а также по взаимной тыловой поддержке, определяют порядок пользования объектами инфраструктуры. В соответствии с поправками в Закон о силах самообороны, в чрезвычайных ситуациях стали возможными поставки вооружений и боеприпасов.

Таким образом, в Японии был налажен механизм, позволяющий оперативно реагировать на появление военных угроз безопасности страны. Следует отметить, что принятие законов, по сути, переводит японо-американское взаимодействие на случай нападения на Японию из теоретической в практическую плоскость. Это означает изменение в восприятии угроз национальной безопасности страны. Можно сказать, что потенциальные угрозы приобретают видимые очертания и переходят в категорию реальных угроз. При этом в условиях вовлечения Япо-

нии в военные акции США или же оказания тыловой поддержки в «чрезвычайных ситуациях» в прилегающих к стране районах в АТР возрастает вероятность применения этих законов, что чревато участием Японии в военных действиях.

Параллельно стороны завершили переговоры о реорганизации американского присутствия в Японии, ведущиеся с 1995 г. Программа передислокации войск США на японской территории была принята в мае 2005 г. Она содержит несколько важных моментов. Во-первых, программа укрепляет взаимодействие между командованием двух стран. США намерены сосредоточить в Японии управление всеми военными силами в Тихоокеанском районе. К 2010 г. планируется создать систему совместного командования операциями по противоракетной обороне. Для этого командование ВВС США на Тихом океане будет сосредоточено на военно-воздушной базе Йокота, туда же японское правительство решило перенести командование воздушными силами самообороны. Во-вторых, программа подразумевает сокращение военного контингента США в связи с курсом на пересмотр глобального военного присутствия в соответствии с новыми международными реалиями. В результате часть американских солдат (8 тыс.) будет переброшена с Окинавы на Гуам, что приведет к возрастанию роли Японии в обеспечении собственной безопасности. В-третьих, программа преследует цель уменьшить неудобства для населения Окинавы, за счет перераспределения некоторых военных объектов на острове. Фактически речь идет об укреплении роли Японии как стратегической базы США для возможных военных операций в регионе. Повышается доля Японии в обеспечении национальной безопасности, особенно с учетом комплекса существующих двусторонних договоренностей. США повышают гибкость и оперативность военных сил в регионе, что позволяет им контролировать обстановку в АТР и на Ближнем Востоке.

Существенным дополнением к существующим двусторонним механизмам становится система противоракетной обороны, сотрудничество по созданию которой продвигалось стремительными темпами. В декабре 2003 г. японское правительство приняло решение разместить в Японии многоуровневую систему ПРО, включающую в себя систему Иджис и Патриот ПАК-3. Новые направления программы национальной обороны сняли существовавшие десятилетиями ограничения на экспорт вооружений, военных технологий, что открыло путь для строительства совместной системы ПРО. На данный момент ее создание входит в финальную стадию. Изначально стороны планировали разместить перехватчики наземного базирования ПАК-3 к марту 2007 г. и перехватчики морского базирования СМЗ к марту 2008 г., однако ядерные испытания и запуски ракет КНДР внесли коррективы в скорость осуществления совместных планов. С созданием ПРО Япония обезопасит себя от КНДР, а в будущем от КНР и России. США полу-

чают большие возможности по сдерживанию возможного стратегического противника в регионе.

Очевидно, что сотрудничество в области безопасности приобретает многогранный глобальный характер. За время пребывания у власти Дз. Коидзуми проведена огромная работа в области консолидации союза и возрастания роли в нем Японии. Ни при одном премьер-министре не было принято столько судьбоносных документов в сфере безопасности. Укрепление механизма кризисного реагирования в Японии, опыт ее участия в операциях за рубежом способствуют тому, что Япония постепенно приближается к статусу полноправного союзника США. Политика Коидзуми свидетельствует о том, что в условиях нестабильности в мире и в АТР японское руководство не видит других альтернатив и делает ставку на союз с США как с сильнейшей военной державой в мире. Альянс, позволявший японцам десятилетиями чувствовать себя в безопасности, проводя пацифистскую политику, претерпевает значительные изменения в сторону повышения военных обязательств Японии. В то же время и Вашингтон делает ставку на Токио как важнейшего союзника в АТР, базу для возможных операций в Тихом океане или на Ближнем Востоке. Таким образом, трансформация союза, с одной стороны, отвечает требованиям США, с другой стороны – укрепляет механизм обеспечения национальной безопасности.

Политику Японии в АТР, проводимую администрацией Дз. Коидзуми, нельзя охарактеризовать однозначно. С одной стороны, было предпринято немало важных шагов для развития отношений с соседними государствами. С другой стороны, такие факторы, как стремление расширить полномочия сил самообороны, оценка исторического прошлого, равно как и экономические проблемы не позволили добиться максимальных результатов от сотрудничества со странами региона.

Прежде всего, хотелось бы остановиться на политике Японии в Северо-Восточной Азии. С приходом к власти Дз. Коидзуми стал активно прорабатывать возможность проведения официального двустороннего саммита. Уже с лета 2001 г. начались неофициальные контакты с северо-корейской стороной, сделавшие возможным осуществление визита Дз. Коидзуми в сентябре 2002 г. Так впервые состоялась официальная встреча руководителей двух государств – событие, получившее широкое освещение в СМИ, на которое возлагали большие надежды. По итогам визита была подписана Пхеньянская декларация, в которой стороны договорились прилагать все усилия для скорейшей нормализации отношений, а также сотрудничать в деле поддержания мира и стабильности в СВА. Положительным результатом визита стало и то, что КНДР обязалась соблюдать договоренности в ядерной сфере и продолжить мораторий на запуск ракет, а также признала факты похищения японских граждан местными спецслужбами.

Однако вскоре поднятые вопросы о похищенных японских гражданах и о ядерной программе КНДР приобрели небывалую остроту и затмили какие-либо положительные оценки этого визита. Известия о смерти восьми похищенных японских граждан вызвали бурю негодования в стране. Общественное мнение выступило против нормализации отношений с КНДР до полного выяснения судьбы остальных пяти оставшихся в живых японцев и окончательного урегулирования вопроса похищенных. В результате процесс налаживания межгосударственных связей застопорился.

Визит Дз. Коидзуми и обнародование декларации имели целью прежде всего установление двусторонних отношений. При этом ядерная проблема была, безусловно, упомянута, однако ее рассмотрение планировалось отложить на уровень последующих консультаций в области безопасности. Такая позиция не устраивала США, которые, напротив, делали акцент на неприемлемости ядерной программы КНДР в первую очередь. Уже 17 октября американская сторона обнародовала сведения о том, что в КНДР проводится программа по обогащению урана. Последующие заявления и события (выход из ДНЯО, заявления Ким Чен Ира) усугубили кризис. Таким образом, Япония была вынуждена вынести ядерную проблему на первый план в отношениях с Северной Кореей.

С тех пор Япония заняла жесткую позицию по ядерной программе, считая, что вопрос нужно решать путем сочетания диалога и давления. В качестве предварительного условия начала переговоров с Северной Кореей она выдвинула прекращение Пхеньяном развития своей ядерной программы. После пусков КНДР баллистических ракет в июле 2006 г. Токио ввел жесткие санкции, в том числе были приостановлены визиты дипломатов и взяты под правительственный контроль все переводы денежных средств между двумя странами.

В качестве условия для нормализации двусторонних отношений было выдвинуто полное разрешение вопроса о похищенных японских гражданах. Правительство инициировало поиск конкретной информации о похищениях и потребовало репатриации всех оставшихся в живых японцев, захваченных северокорейскими спецслужбами. Попытки добиться прогресса в этом вопросе предпринимались Дз. Коидзуми во время визита в КНДР в мае 2004 г., однако успехом они не увенчались. Сегодня Япония настаивает на том, чтобы вопрос о похищенных гражданах рассматривался на многостороннем уровне.

В целом инициатива Дз. Коидзуми на северокорейском направлении оказалась не столь успешной. Вопрос о похищенных японцах вызвал бурные дискуссии в обществе. С одной стороны, то, что Дз. Коидзуми так и не удалось его разрешить, снизило эффект его дипломатических усилий. С другой стороны, важен тот факт, что вопрос вообще был

поднят на высшем уровне, и северокорейская сторона признала факты похищений. Кроме того, был установлен контакт между лидерами двух стран, что имеет значение для урегулирования как ракетно-ядерной проблемы, так и вопроса о похищенных японцах. Таким образом, Дз. Коидзуми фактически создал плацдарм для дальнейшей работы по решению вопросов, связанных с КНДР.

Отношения с Республикой Корея во время пребывания у власти Дз. Коидзуми развивались неравномерно. В этот период были приняты шаги, направленные на углубление сотрудничества в политической, экономической, культурной областях. В повестке дня значительное место занимали вопросы гуманитарных обменов, культурного взаимодействия. Знаковым событием стало совместное проведение чемпионата мира по футболу в 2002 г. В декабре 2003 г. стороны начали переговоры о создании Зоны свободной торговли, однако расхождение позиций до сих пор не позволило их завершить.

Отношения с Южной Кореей – крупным государством региона, имеющим определенное влияние на КНДР, союзником США, имеют важное значение с точки зрения участия Японии в решении региональных проблем. Значимым событием в этой связи стал саммит в октябре 2003 г. на Бали, на котором лидеры Японии, Республики Корея и КНР договорились о запуске механизма трехстороннего сотрудничества в политике, экономике и культуре. Подобный механизм способствует росту взаимного доверия и поддержанию стабильности в Азии. Хорошие отношения с Южной Кореей являются неотъемлемым элементом в совместной работе по урегулированию ситуации вокруг КНДР. В то же время двусторонние отношения по-прежнему омрачали вопросы оценки исторического прошлого, а именно дискуссии по вопросу учебников истории и визиты главы японского государства в храм Ясукуни. Сеул не раз выражал решительный протест против действий Японии, и к концу полномочий Дз. Коидзуми в качестве премьер-министра руководство Республики Корея весьма неохотно шло на контакт с ним.

Улучшение отношений с Китаем было объявлено одной из главных внешнеполитических задач Дз. Коидзуми. Премьер-министр пришел к власти в разгар очередного спада в двусторонних отношениях: весной 2001 г. разгорелся скандал вокруг учебников истории, тогда же Япония выдала визу бывшему президенту Тайваня, что только подлило масла в огонь. Новый министр иностранных дел М. Танака, отец которой Танака Какуэй стоял у истоков нормализации японо-китайских отношений, активно принялась налаживать связи. Однако вскоре визит Дз. Коидзуми в храм Ясукуни перечеркнул эти усилия. Политические разногласия повлекли за собой и торговые трения.

Отношения удалось наладить к осени 2001 г., индикатором чего стал в это время визит Коидзуми в КНР. После событий 11 сентября

2001 г. мировое сообщество сплотилось в борьбе с международным терроризмом, и Китай спокойно отнесся к тому, что Япония поддержала антитеррористическую операцию США. В декабре 2001 г. были урегулированы торговые противоречия. Китай активно начал сотрудничать с Японией в рамках шестисторонних переговоров по КНДР, а также выступил посредником между Северной Кореей и Японией по вопросам ядерной программы и похищенных японских граждан. В 2003 г. лидерами Японии, КНР и Республики Корея была достигнута договоренность о начале трехстороннего сотрудничества по обсуждению разных аспектов отношений. Тем не менее достигнутые результаты не получили желаемого развития по нескольким причинам.

Прежде всего, речь идет о проблемах военного строительства и взаимного доверия в этой области. Токио испытывает сомнения по поводу транспарентности военной политики Китая. В новых Направлениях программы национальной обороны на период с 2005 г., которые были приняты в декабре 2004 г., Китай упоминается в качестве источника озабоченности Японии. Заявления об угрозе со стороны Китая звучали даже из уст министра иностранных дел Японии Т. Асо. Не прошло мимо внимания КНР и присутствие на учениях сил самообороны в августе 2006 г. главнокомандующего сухопутными войсками Тайваня.

Многие шаги, предпринимаемые Японией, китайское руководство расценивает, в том числе, как направленные на сдерживание КНР. Так, строительство ПРО в регионе СВА ведет к обесцениванию ядерных арсеналов КНР. Принятие Японией «чрезвычайного законодательства» направлено на повышение эффективности японо-американского взаимодействия в кризисных ситуациях. Вкупе с ранее принятыми Руководящими принципами оно укрепляет позиции союза в регионе и фактически сужает поле для маневров Китая. Озабоченность Пекина вполне обоснована, учитывая наличие потенциальных очагов конфликта в регионе: вопрос о принадлежности о-вов Сэнкаку (кит. Дяоюйдао) и соответственно о разделе территориальных вод Южно-Китайского моря, особенно с учетом возможного нахождения в спорном районе месторождений газа, а также тайваньская проблема.

Расширение деятельности сил самообороны создает новые прецеденты. Япония сотрудничает с США в проведении акций за пределами своей территории, принимает законы, фактически смягчающие ограничения, прописанные в конституции, более гибко ее трактует. Поэтому Китай выказывает озабоченность шагами японского руководства в военной области, увязывая это с возможностью милитаризации страны и проводя аналогии с ее историей.

С этим связано то внимание, которое Китай постоянно уделяет вопросам оценки исторического прошлого страны, предостерегая от возвращения в русло милитаризма, используя комплекс вины, настраивая

общественное мнение против того, чтобы Япония становилась полноценным союзником США. КНР резко критикует позицию Токио в вопросах оценки истории японской военной агрессии против Китая в 30–40-е годы XX в. Весной 2005 г. по стране прокатилась волна антияпонских выступлений в связи с выпуском в Японии новых учебников истории, что вновь привлекло внимание к проблеме оценки милитаризма, особенно на фоне упорного стремления Японии получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН. В целом можно отметить, что Китай ужесточил антияпонскую позицию. Отношения двух стран и ранее не были теплыми, однако в последнее время протесты Пекина приняли особенно резкую форму.

Недовольство действиями Дз. Коидзуми дошло до того, что на саммите АТЭС в Пусане в ноябре 2005 г., а также на саммите АСЕАН в декабре этого же года в Малайзии Ху Цзиньтао отказался встречаться с японским премьер-министром, так как тот 17 октября совершил паломничество в Ясукуни. Посещения храма стали также причиной того, что за последние четыре года главы двух государств не приезжали с визитом друг к другу. Диалог на высшем уровне фактически оказался в замороженном состоянии. Ситуация стала настолько неблагоприятной, что многие японские парламентарии и бизнесмены обратились к премьер-министру с просьбой прекратить паломничество в Ясукуни. Среди них был и Я. Накасонэ, политик националистического толка, который когда-то сам, будучи премьер-министром, посещал этот храм. Однако Дз. Коидзуми повторял, что посещение храма – его личное дело, и оно не должно влиять на отношения с другими странами. Можно предположить, что позиция премьер-министра находила понимание у многих граждан Японии, способствовала укреплению националистических настроений, росту самосознания нации. В свою очередь подобная работа с общественным мнением, во-первых, готовила население к принятию перемен в сфере обеспечения безопасности, во-вторых, помогала отвлечь внимание от экономических неурядиц. Вероятно, своими действиями Дз. Коидзуми также дал понять, что Япония будет продолжать шаги в сторону отказа от перманентного чувства вины перед соседями и безоговорочного пацифизма.

В последнее время руководство КНР заявляет, что готово развивать отношения с Японией, если она будет сотрудничать в духе «извлечения уроков из прошлого и обращения взора в будущее». Отношения с Китаем, безусловно, имеют большое значение для Японии. Во-первых, голос Китая как постоянного члена Совета Безопасности ООН необходим Токио для получения постоянного места в СБ ООН. Во-вторых, КНР может играть важную роль в обеспечении безопасности в Азии, в частности, в решении проблем с КНДР. Вовлечение Китая в многосторонние диалоги в Азии, тесное экономическое сотрудничество, а также

содействие его демократизации отвечают национальным интересам Японии. Японское руководство признает необходимость улучшения двусторонних отношений. Так, например, одной из приоритетных задач внешней политики преемника Дз. Коидзуми – С. Абэ были объявлены усилия по улучшению отношений с Китаем. Можно сказать, что новый премьер-министр хотел исправить то негативное наследие, которое оставил его предшественник.

В АТР политика Японии в настоящее время направлена на дальнейшее углубление всего комплекса отношений, прежде всего, экономического взаимодействия. Причину этого стоит искать в озабоченности японского руководства возможной экспансией китайской экономики. Япония сдержанно относилась к идее заключения соглашения о свободной торговле до тех пор, пока в ноябре 2001 г. Китай не заявил о намерении начать работу по созданию в течение 10 лет Зоны свободной торговли со странами АСЕАН. По прошествии нескольких месяцев Япония активно начала прорабатывать со странами региона вопрос о соглашении. В сентябре 2002 г. Япония договорилась о заключении в ближайшие десять лет соглашения о свободной торговле с АСЕАН.

Намерение активно развивать торгово-экономические связи получило развитие в новых решениях японского руководства. Так, в январе 2002 г. Дз. Коидзуми обнародовал стратегическую программу «Япония и АСЕАН в Восточной Азии: открытое и искреннее партнерство», которая будет реализовываться под лозунгом «работать вместе, двигаться вместе». Направления дальнейшего сотрудничества включали проведение преобразований в общих целях процветания каждой страны региона; укрепление взаимодействия в широком плане: в области борьбы с терроризмом, пиратством, инфекционными болезнями, наркотиками; укрепление энергетической безопасности и сохранение окружающей среды для усиления гарантий стабильности в регионе ЮВА. Дз. Коидзуми выдвинул ряд инициатив, направленных на сотрудничество в будущем, среди которых – предложение объявить 2003 год «годом АСЕАН», призыв к всестороннему экономическому сотрудничеству между Японией и АСЕАН, предложения, касающиеся развития Восточной Азии и сотрудничества в области безопасности.

Другой пример деятельности Японии «с оглядкой» на Китай касается подписания последним в октябре 2003 г. Договора о дружбе и сотрудничестве стран ЮВА. В ответ на это в декабре 2003 г. была организована специальная встреча глав государств Японии и АСЕАН в Токио, где были подписаны Токийская декларация об отношениях, а также План действий, охватывающий широкий круг взаимодействия – эко-

номику, финансы, политику, безопасность, культуру. В 2004 г. Япония присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве стран ЮВА¹.

В последнее время в отношениях Японии со странами АСЕАН все больше места стали занимать вопросы глобальной безопасности. Дз. Коидзуми изначально выдвигал идею укрепления сотрудничества по таким проблемам, как борьба с терроризмом, с пиратством, защита окружающей среды, предотвращение распространения инфекционных заболеваний. Тематика борьбы с терроризмом стала одной из главных в повестке дня отношений Японии с этими государствами. В 2004 г. была подписана совместная декларация о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом. Нашли воплощение и другие планы: в 2005 г. Дз. Коидзуми объявил о выделении 130 млн. долл. на борьбу с распространением инфекционных заболеваний; в 2006 г. был основан Интеграционный фонд Японии и АСЕАН, средства которого пойдут на осуществление проектов по экономической интеграции, молодежных обменов, по борьбе с терроризмом.

Одновременно Япония ведет активную работу по развитию двусторонних экономических связей с государствами региона. В январе 2002 г. подписано соглашение об экономическом партнерстве Японии и Сингапура, в декабре 2005 г. – соглашение об экономическом партнерстве (СЭП) с Малайзией. Ведутся двусторонние переговоры о заключении подобных соглашений с Таиландом, Филиппинами, Индонезией, Вьетнамом, Брунеем. В декабре 2005 г. Япония и страны АСЕАН выступили с совместным заявлением, в котором выразили намерение приложить все усилия для заключения соглашения об экономическом партнерстве до апреля 2007 г.

Таким образом, главным итогом политики Дз. Коидзуми в АТР можно считать то, что были пересмотрены основы «доктрины Фукуда», в соответствии с которой осуществлялась японская дипломатия в отношении стран ЮВА с конца 70-х годов. Прежние отношения строились на принципах доминирования Японии, значительных японских инвестиций и оказания финансовой помощи этим государствам. Новый подход учитывает нынешние реалии, такие, как бурное экономическое развитие стран ЮВА, рост их политического влияния, что требует построения равноправных партнерских отношений. Это необходимо Японии для того, чтобы повысить политический авторитет и сохранить экономические позиции в регионе, что немаловажно с учетом стремительного развития Китая.

Помимо азиатского направления в рассматриваемый период Япония активно развивала отношения с другими соседями, в частности, с Рос-

¹ Нисикава Ё. Нихон-но гайко сэйсаку – гэндзё то кадай, тэмбо (Внешняя политика Японии – настоящее, задачи, перспективы). Токио, 2004, с.177–178.

сией. Дз. Коидзуми сразу же заявил о решимости требовать одновременной передачи Японии четырех островов Курильской гряды. И хотя Токио обозначил жесткую позицию по территориальной проблеме, интенсивность шагов, направленных на ее решение, заметно снизилась. Фактически Япония осуществляла стратегию по созданию благоприятной обстановки для решения проблемы мирного договора, для чего необходимо в комплексе развивать экономические, культурные и другие связи.

Необходимо отметить, что российско-японские отношения в 2001–2006 гг. развивались разносторонне. В 2003 г. Россия и Япония впервые в истории подписали совместный План действий, закладывающий ориентиры широкомасштабного сотрудничества в политической области на двустороннем уровне и на международной арене, расширения торгово-экономических связей, развития контактов оборонных и правоохранительных ведомств, культурных обменов. В ноябре 2005 г. во время визита В. Путина в Японию состоялся Российско-японский экономический форум, собравший многих государственных чиновников и влиятельных представителей бизнеса. Активизируется присутствие японского бизнеса: например, компании «Тойота» и «Ниссан» строят заводы в России. Это свидетельствует о том, что экономические интересы преобладают над политической идеологией, и в условиях обостряющейся конкуренции за природные ресурсы, за рынки сбыта продукции крупных компаний Япония внимательно изучает возможности развития экономических связей с Россией, несмотря на наличие территориальных противоречий, ранее служивших тормозом для активизации отношений.

Особое внимание уделялось перспективам совместной работы в области энергетики. Для Японии, проводящей политику диверсификации маршрутов импорта энергоресурсов, важную роль могла бы сыграть Россия в случае осуществления проектов по экспорту нефти и газа. В то же время, несмотря на интенсивные переговоры, при Дз. Коидзуми так и не удалось решить вопрос об участии Японии в реализации второго этапа строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». Не способствовали развитию бизнеса и трудности, возникшие в отношении уже существующего проекта «Сахалин-2». Таким образом, можно констатировать, что, хотя развитие экономических связей выгодно для обеих сторон, на данном этапе потенциал в данной сфере не задействован в полной мере.

Во время пребывания у власти Дз. Коидзуми большое внимание уделялось отношениям со странами, не входящими в круг традиционных партнеров Японии. С самого начала своей деятельности глава государства подчеркивал, что Япония больше никогда не должна оставаться в изоляции, делал акцент на важности международного сотрудничества. Установка на развитие отношений с широким кругом стран нашла во-

площение на практике. На разных региональных направлениях японская дипломатия предприняла ряд инициатив.

В частности, это касается отношений Японии со странами Европы. В 2001 г. было объявлено о реализации «десятилетия отношений Японии и ЕС», в декабре 2001 г. принят План действий по сотрудничеству, охватывающий разные сферы взаимодействия. Если раньше отношения с европейскими странами развивались преимущественно в сфере экономики, то в последнее время, в том числе благодаря активной позиции Дз. Коидзуми, повестка дня расширяется, включает в себя вопросы безопасности, глобальные проблемы человечества.

На латиноамериканском направлении Дз. Коидзуми сделал важные шаги, направленные на качественное изменение взаимных отношений. В 2004 г. состоялся первый за восемь лет визит японского премьер-министра в страны Латинской Америки, в ходе которого он выдвинул концепцию нового партнерства между Японией и странами Латинской Америки и Карибского бассейна, направленную на возрождение и активизацию экономических отношений Японии со странами региона. Существенным элементом новых отношений являются соглашения об экономическом партнерстве, способствующие свободному перемещению товаров, людей, услуг и капиталов. Соответствующий документ был подписан с Мексикой в сентябре 2004 г. В скором будущем планируется заключить соглашение с Чили (в сентябре 2006 г. были согласованы его основные элементы).

Нельзя не сказать и о ближневосточном направлении японской внешней политики при Дз. Коидзуми. С учетом того, что почти 90% нефти импортируется Японией из стран Ближнего Востока, ее присутствие здесь крайне важно.

В последние годы на политику Японии в регионе не могли не повлиять события вокруг Ирана и Ирака. Япония изначально выступала против введения экономических санкций в ответ на ядерную программу Ирана, поскольку это затрагивало ее экономические интересы (в 2004 г. было подписано соглашение о создании СП по разработке нефтяных месторождений на юге Ирана). Тем не менее, вследствие отрицательного отношения правительства США к сотрудничеству со страной «оси зла» этот план так и не был осуществлен. Несмотря на то, что Япония является крупнейшим импортером газа из Ирана, а иранская нефть составляет 14% нефтяного экспорта, она приняла решение о сокращении поставок из региона. Вероятно, Япония надеется на получение нефти из Ирака. Поддержка США, отправка в Ирак гуманитарной миссии сил самообороны, а также существенные финансовые вливания в местную экономику дают основания Японии претендовать на иракские нефтяные ресурсы. Япония играет ведущую роль в восстановлении Ирака: на международной конференции в Мадриде в октябре 2003 г., посвящен-

ной оказанию финансовой помощи Ираку, Токио пообещал выделить для этой страны 3,5 млрд. долл. Таким образом, в осуществлении энергетической дипломатии Токио действует с оглядкой на Вашингтон.

Далее хотелось бы остановиться на роли Дз. Коидзуми в укреплении международного статуса Японии. Вступая в должность, премьер-министр декларировал стремление проявлять инициативу в деле реформирования ООН, что последовательно осуществлялось как на дипломатическом поприще, так и с использованием экономических ресурсов. К 60-летию ООН Япония активизировала усилия по вопросу реформы организации и Совета Безопасности, совместно с Бразилией, Германией и Индией, выступив с предложением, которое предусматривало учреждение шести постоянных мест для членов СБ, Из них два – для африканских государств, а четыре – для непостоянных членов. Вопрос реформы ООН интенсивно прорабатывался Японией с заинтересованными странами, в том числе и на высшем уровне, в течение 2004–2005 гг. Однако резолюция была снята с голосования в связи с тем, что не получила достаточной поддержки. Приходится констатировать, что любые усилия в этом направлении обречены на провал, пока не будут улажены отношения с Китаем.

Япония обосновывает стремление получить статус постоянного члена СБ ООН как уровнем своих финансовых вливаний, так и активностью на основных направлениях работы ООН. В 2001–2006 гг. страна внесла видимый вклад в осуществление концепции безопасности человека, а также в деятельность на таких направлениях, как содействие устойчивому развитию², разоружение, изменение климата³, борьба с бедностью, голодом, инфекционными заболеваниями, активно проявила себя в борьбе с международным терроризмом. Япония оказывает помощь в решении широкого спектра проблем Африканского континента. Это – борьба с голодом, с инфекционными заболеваниями, развитие образования и т. д. Основной акцент сделан на помощи в обучении кадров, а также на усилиях по предотвращению конфликтов и консолидации мира.

Помимо экономической и политической активности, Токио демонстрирует готовность в рамках национального законодательства участвовать в миротворческих акциях под эгидой ООН. В 2001 г. были внесены поправки в Закон о сотрудничестве в операциях ООН по поддержанию мира, что позволило японским военным участвовать в таких

операциях, как наблюдение за разоружением, патрулирование буферных зон, сбор оставленного оружия. Также были расширены возможности применения силы: не только для самообороны, но и для защиты лиц, находящихся под опекой военных, а также для охраны оружия и другого оборудования сил самообороны. Международная деятельность становится одной из приоритетных задач сил самообороны. Благодаря инициативе Дз. Коидзуми в стране развернулась предметная дискуссия о внесении поправок в конституцию, которые дали бы возможность Японии полноправно участвовать в миротворческих операциях.

Оценивая итоги пребывания Дз. Коидзуми у власти, можно с уверенностью констатировать его значительный вклад в укрепление безопасности Японии. За несколько лет в стране был создан механизм оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации и оптимизирована система взаимодействия с США в случае нападения на Японию. В результате сокращения американского присутствия ожидается возрастание ее самостоятельной роли в обеспечении национальной безопасности. Идет строительство противоракетного щита, способного защитить Японию от нападения с использованием баллистических ракет. Активизируется участие сил самообороны в международной миротворческой деятельности. Это позволяет Японии претендовать на получение постоянного места в СБ ООН, с тем чтобы повысить влияние на мировые дела. При Дз. Коидзуми были существенно укреплены японо-американские отношения в области безопасности. Безоговорочная политическая поддержка США в Афганистане и Ираке закрепила позицию Токио как единомышленника Вашингтона. Участие сил самообороны в зарубежных операциях под руководством США на практике подтвердило верность союзническим обязательствам и создало прецедент для дальнейшего движения в этом направлении. Принятые на высшем уровне документы свидетельствуют о том, что в Белом доме Японию воспринимают не только как регионального, но и глобального союзника. Одновременно укреплялись позиции альянса в регионе: создание ПРО, которая будет нести функцию сдерживания в ядерной сфере, принятие «чрезвычайного законодательства» обеспечит координацию действий в случае возникновения ситуаций, требующих совместного ответа. С учетом того, что отношения с США являются осью японской внешней политики, деятельность премьер-министра с точки зрения обеспечения национальных интересов трудно переоценить.

В рассматриваемый период Япония занимала активную позицию в международных делах, участвовала в решении глобальных проблем как на многостороннем, так и на двустороннем уровне. Одновременно были пересмотрены отношения с традиционными партнерами – странами АСЕАН в сторону равноправного сотрудничества по широкому кругу проблем. Ведется работа по усилению экономической интегра-

² На всемирном саммите по устойчивому развитию Дз. Коидзуми выступил с новыми инициативами, сделав акцент на необходимости помощи в области образования, здравоохранения, распространения своего опыта в сфере защиты окружающей среды, комплексного содействия самостоятельным усилиям развивающихся стран.

³ В 2002 г. Япония ратифицировала Киотский протокол и призывает другие страны последовать ее примеру.

ции с соседними государствами, что будет способствовать возрастанию роли Японии в регионе. Расширяется повестка дня отношений не только с азиатскими соседями, но и с другими государствами, например, с Россией, странами Европы и Латинской Америки. В области экономических отношений период 2001–2006 гг. ознаменован продвижением системы соглашений о создании зон свободной торговли, как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Дз. Коидзуми создал плацдарм для дальнейшего укрепления международных позиций Японии, развития отношений с широким кругом партнеров. Как и обещал, премьер-министр сделал немало для того, чтобы Япония не оказалась в международной изоляции, и во многом способствовал повышению авторитета страны.

Дз. Коидзуми активно осуществлял личную дипломатию, часто ездил с визитами, выступал с речами на международных форумах. Премьер-министр вел постоянную работу, направленную реформу ООН и на продвижение кандидатуры своей страны в постоянные члены СБ ООН. Немало программ, посвященных решению глобальных проблем, останутся в истории как «инициативы Коидзуми». Хорошие личные отношения Дз. Коидзуми с Дж. Бушем способствовали взаимопониманию и тесному взаимодействию Японии и США.

Внешнеполитический курс премьер-министра нашел отражение в назначениях на ключевые посты в государстве. Со временем среди них стали преобладать представители «ястребов». Так, пост Генерального секретаря кабинета министров был отдан политику националистических взглядов С. Абэ, приверженцу проамериканской ориентации и бескомпромиссного внешнеполитического курса. Министром иностранных дел с сентября 2005 г. остается Т. Асо, внук премьер-министра С. Иосиды, сторонник жесткой линии, прославившийся своими антикитайскими и антироссийскими высказываниями. Установка на усиление военного сотрудничества с США привела к тому, что к руководству УНО были привлечены лица, участвовавшие в разработке военных программ сотрудничества с США во второй половине 90-х годов.

В то же время нельзя не отметить негативное внешнеполитическое наследие Дз. Коидзуми. Речь идет о застое в отношениях с главными азиатскими соседями Японии – КНР и Республикой Корея. Механизм диалога азиатских стран оказался под угрозой, что не может не отразиться как на экономической, так и на военно-политической обстановке. Снижается эффективность взаимодействия по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии (в частности, ядерной программы КНДР). Кандидатура Японии в постоянные члены СБ ООН остается заблокированной вследствие испорченных отношений с Китаем. Обостряются территориальные противоречия, страдают интересы национального бизнеса. Поведение Японии не может не беспокоить США, поскольку

негативное отношение к их главному союзнику в регионе наносит ущерб и их интересам. Отсутствует конструктивная обстановка, в которой бы можно было говорить о мерах доверия в регионе. Недовольство Китая и Кореи политикой бывшего премьер-министра отрицательно сказывается на восприятии Японии и другими соседями, многие из которых также пострадали от японской агрессии. Представляется, что Дз. Коидзуми излишне рьяно демонстрировал свои взгляды на историческое прошлое страны. Например, его преемник С. Абэ уклоняется от ответа, будет ли он посещать храм Ясукуни и, судя по всему, не намеревается привлекать чрезмерное внимание к этому вопросу, хотя он известен своими националистическими взглядами и, как утверждают, посещал храм, находясь на государственной службе.

В то же время дальнейшие тенденции в политической жизни Японии подтверждают предположение, что в стране происходит неуклонное движение в сторону возрождения сильного государства, имеющего полноценную армию, и наблюдается возрождение националистических настроений. Можно утверждать, что в целом внешнеполитический и оборонный курс Дз. Коидзуми будет продолжен. Его преемник С. Абэ прослыл в политических кругах «ястребом», выступающим за пересмотр конституции, он придерживается жесткого подхода по отношению к КНДР, является приверженцем проамериканского курса.

Итоги пребывания у власти Дз. Коидзуми нельзя оценить однозначно. Его внешнеполитическая деятельность в этот период была предметом пристального внимания, как в мире, так и в стране, чего нельзя сказать о многих из его предшественников. Безусловно, ему не удалось осуществить всех возлагаемых на него надежд, в его деятельности были и достижения, и ошибки. Тем не менее, его стиль оказал видимое влияние на внешнеполитический портрет страны, который можно характеризовать оперативностью в принятии важных решений, инициативным подходом к решению проблем. Уверенно можно сказать, что этот премьер-министр оставил яркий след в истории Японии.

Д. М. Каренин

В настоящее время Япония является одной из ведущих индустриальных демократий и полноправным членом западного сообщества. Начиная со второй половины XX в., она демонстрировала беспрецедентные для того периода темпы развития, являя пример экономического чуда. Сегодня практически все страны дальневосточного региона, в той или иной мере следуют по пути, проложенному Японией, уже долгое время занимающей второе место в мире по уровню экономического развития.

В то время как Япония ставила рекорд за рекордом по приросту валового национального продукта, в Европе усиливались интеграционные процессы, завершившиеся созданием в феврале 1992 г. Евросоюза (Маастрихтское соглашение). Европейские страны на первых порах не спешили восстанавливать и укреплять отношения с потерпевшей поражение во второй мировой войне Японией, и даже когда с ее экономическими успехами стало невозможно не считаться, часто старались ослабить ее влияние в регионе. Только в последнее десятилетие XX в. Европейское сообщество ощутило необходимость выведения отношений с Японией на новый уровень, но разворачивающиеся в это время события серьезно замедлили и фактически остановили этот процесс до начала XXI в.

Из-за чрезвычайно низкой активности отношений между Европой и Азией с 1990 по 2000 г. и множества упущенных возможностей некоторые авторы характеризуют эти годы как «потерянное десятилетие»¹. Стало ли оно таковым для двух ведущих экономик мира – Японии и Германии? После второй мировой войны обе страны оказались в сходных условиях, хотя Германия понесла несравнимо большие потери, чем Япония. Не имея возможности проводить сколько-нибудь активной внешней политики, они сконцентрировали свои усилия на решении внутренних проблем и развитии экономики и добились фантастических результатов. После объединения Германии, распада СССР и образования Евросоюза взоры Европы обратились на бывшие страны СЭВ. Недостаточная прозорливость немецкой политической элиты привела к тому, что бурно развивающиеся страны Азии оказались на периферии

ее внимания. Практически до середины 90-х годов прошлого века на «дальневосточном фронте» объединенной Германии все оставалось без перемен.

Именно в это время на авансцену выходит Евросоюз. С 1987 по 1992 г. эта организация находилась на стадии интеграции «общего рынка», что подразумевало, в том числе, выработку общей внешнеэкономической политики государств, входящих в нее. Много лет сохранявшееся положительное сальдо торгового баланса в пользу Японии, а также, сложившиеся к тому моменту экономические отношения между Японией и рядом стран–членов ЕС выявили необходимость придать им приоритетный статус в рамках общей экономической политики всей организации. В Японии внимательно следили за интеграционными процессами, происходившими в Европе, и довольно быстро высоко оценили потенциал европейского сообщества. В 1974 г. в Токио было учреждено его представительство, а в 1987 г. – центр промышленного сотрудничества Японии и ЕС. Осознав потенциал Японии как политического и экономического партнера, Евросоюз поспешил сделать шаг навстречу. 18 июля 1991 г. была утверждена Декларация об отношениях между Европейским сообществом и входящими в него государствами и Японией (Joint Declaration between the European Community and its Member States and Japan)².

В этом документе изложены основные принципы и цели сотрудничества, предусматривается проведение ежегодных саммитов между Японией и Евросоюзом, встречи еврокомиссаров с членами японского кабинета и, наконец, встречи министров иностранных дел стран евротройки (два министра от стран Евросоюза и член КЕС–комиссии) с министром иностранных дел Японии.

Первый саммит состоялся в 1992 г. и положил начало серии ежегодных встреч. Последний саммит, шестнадцатый по счету, прошел в июне 2007 г. Ежегодные встречи проходили в рамках начавшегося в 1991 г. диалога между Японией и Евросоюзом. Особого внимания заслуживает десятый саммит, прошедший в Брюсселе в 2001 г. На этой юбилейной встрече были подведены итоги десятилетней деятельности. Ее участники приняли решение вывести отношения между Японией и Евросоюзом на новый, еще более высокий уровень. Был разработан и утвержден договор под названием «Формирование общего будущего» (Shaping our Common Future)³, с целью расширения и интенсификации

² The EU's Relations with Japan – http://ec.europa.eu/comm/external_relations/japan/intro/index.htm Joint Declaration between the European Community and its Member States and Japan: The Japan-EU Summit Meetings. 18 July 1991. <http://www.mofa.go.jp/region/europe/eu/overview/declar.html>. An Action Plan for EU-Japan Cooperation. European Union – Japan Summit Brussels 2001 – <http://www.mofa.go.jp/region/europe/eu/summit/action0112.html>

³ Beziehungen zwischen Japan und Deutschland. – <http://www.auswaertiges.amt.de/diplo/de/Laenderinformationen/Japan/Bilateral.html>

¹ □□□□□□□□□□ http://www.tokyo.diplo.de/Vertretung/tokyo/ja/05/Wirtschaftsstandort_Deutschland/Wirtschaftsstandort_Deutschland.html

сотрудничества. Договор представлял собой план действий, в котором были предусмотрены четыре основных направления работы.

1. Упрочение мира и безопасности.
2. Расширение экономического и торгового партнерства.
3. Совместное урегулирование глобальных проблем.
4. Содействие установлению диалога между разными людьми и культурами.

Предусматривалась возможность обновлять и корректировать направления работы в ходе дальнейших саммитов Япония–ЕС сообразно изменениям международной обстановки. Первые 10 лет XXI в. были объявлены десятилетием японо-европейского сотрудничества. Посмотрим, как складывались в этом контексте отношения между Японией и Германией.

Согласно материалам, представленным на официальном ресурсе министерства иностранных дел Германии, двусторонние японо-германские отношения традиционно имели дружественный характер, а в последнее время преобразовались в тесное сотрудничество. После второй мировой войны дипломатические отношения между двумя странами были установлены уже в 1952 г. За этим последовал интенсивный обмен визитами на высшем уровне. В 1971 г. Германию посетил император Хирохито. В начале 90-х годов прошлого века Япония и Германия стали важнейшими партнерами друг для друга в Европе и в Азии соответственно.

В сфере экономического сотрудничества у второй и третьей экономик мира есть большие перспективы. Поэтому Германия особенно заинтересована в дальнейшем развитии тесных двусторонних отношений, выстроенных на основе взаимного доверия. В Японии для поддержания и расширения партнерских отношений с Германией в 1993 г. был создан японо-немецкий форум, на котором происходит обмен мнениями по проблемам политики и экономики между представителями высшего руководства обеих стран. Император Акихито посетил Германию с официальным визитом. В 1996 г. Германия впервые провела конференцию своих послов в странах ЕС с участием японского посла – представителя страны, не члена этой организации.

Для Германии Япония стала, прежде всего, важным политическим партнером, который в состоянии внести существенный вклад в решение глобальных проблем. Это политическое партнерство привело к тому, что обе страны гораздо интенсивнее сотрудничают по региональным проблемам, в том числе по афганскому вопросу и в сфере проведения реформ ООН. Кроме этого, в сферу интересов Японии и Германии входят вопросы разоружения, поддержания мира, послевоенное восстановление в бывших горячих точках, а также проблемы охраны окружающей среды, экономического развития и прав человека⁴.

⁴ Japan und Deutschland im 21. Jahrhundert Sieben Säulen der Kooperation. – Встреча министров иностранных дел Японии и Германии. 30 октября 2000 г.

Наиболее яркие и значительные события, формирующие канву японо-немецкого сотрудничества, являются плодами деятельности таких организаций, как ООН, «Большая восьмерка», Совет безопасности АСЕАН, членом которого является ЕС. Большое значение имеют также встречи на высшем уровне в рамках встреч «Азия–Европа» (ASEM – Asia-Europe Meeting). Главные аспекты японо-немецкого сотрудничества представлены в программном документе, принятом 30 октября 2000 г. на встрече между министром иностранных дел Японии Ёхэй Коно и главой немецкого внешнеполитического ведомства Ёшкой Фишером и получившем название «Япония и Германия в XXI в. Семь столпов сотрудничества».

Детальное изучение показывает, что этот документ близок к упоминавшимся ранее документам: Декларации об отношениях между Европейским сообществом и входящими в него государствами и Японией (1991 г.) и договору «Формирование общего будущего», утвержденному в 2001 г. в Брюсселе. В обоих документах ключевыми областями сотрудничества объявляются дальнейшее развитие экономических отношений и международной торговли, упрочение мира и стабильности, совместное решение социальных проблем глобального масштаба, содействие установлению диалога между разными регионами и культурами. Таким образом, можно сделать вывод, что все мероприятия, которые запланированы или уже проводятся в рамках «Семи столпов сотрудничества», автоматически согласуются с договором «Формирование общего будущего» 2001 г.

Итак, обратимся к конкретным примерам сотрудничества между Японией и Германией в рамках Евросоюза. Направления этого сотрудничества были продиктованы, как уже упоминалось выше, такими программными документами, как «Формирование общего будущего» и «Германия и Япония в XXI в. Семь столпов сотрудничества».

Послевоенная история экономических отношений между Японией и Германией значительно длиннее истории Евросоюза. В 1960 г. был заключен торговый договор, прекративший свое действие только в 1999 г. В 1962 г. в Японии было открыто представительство немецкой торгово-промышленной палаты (Deutsche Industrie und Handelskammer in Japan), задачей которой стало прокладывание пути немецким предприятиям на японский рынок. В 1988 г. в Мюнхене начала свою работу аналогичная японская организация под названием ДЖЕТРО (JETRO – Japanese External Trade Organization), а в 1992 г. ее представительство появилось и в Берлине. Отдел ДЖЕТРО в Дюссельдорфе был преобразован из торгового представительства Японии. Оно было основано в 60-х годах прошлого века, когда японские компании были заинтересованы в поставках стали из Германии. В последующие годы в Дюссельдорфе появилось столько представительств японских фирм и предприятий, что немцы стали в шутку называть этот город маленьким рейнским Токио.

Несмотря на политическое сближение, европейские деловые круги вообще и немецкие в частности в начале 90-х годов XX в. не спешили наращивать свое присутствие на японском рынке, да и Япония в это время не демонстрировала особой активности. Доктор Вернер Паша из Института изучения Восточной Азии Дуйсбургского университета (Duisburg-Essen Universität; Institut für Ostasienwissenschaften) исследовал экономические отношения между Японией и Германией на протяжении 1985–2002 гг. Проанализировав данные немецкого статистического агентства (German Statistical Office), он пришел к выводу, что с 1990 по 1999 г. объемы и структура немецкого экспорта в Японию практически не менялись, демонстрируя лишь незначительный рост. Все это время его объем колебался на уровне 20 млрд. немецких марок (16 млрд. долл.). К 1999 г. он составлял 20,3 млрд. марок (16,24 млрд. долл.). Лишь в 2000 г. произошел небольшой скачок до 25,8 млрд. марок (23 млрд. долл.). Объемы импорта из Японии, хотя и немного превышали немецкий экспорт, также в течение указанного периода увеличились менее, чем на 10 млрд. марок (8 млрд. долл.), составив 42,6 млрд. марок (34 млрд. долл.) к 2000 г. Однако при этом автор исследования обращает внимание на то, что, несмотря на более чем скромные для второй и третьей экономик мира показатели, торговые отношения между Японией и Германией были отмечены чрезвычайной стабильностью. Тем не менее, по данным, предоставленным официальным ресурсом Евросоюза, с 1995 по 1999 г. экспорт из Евросоюза в Японию вырос почти в 2 раза, а импорт увеличился чуть менее чем на треть, хотя доля Германии, как в европейском экспорте, так и в приходящемся на нее японском импорте оставалась самой большой в Европе⁵.

Статьи об интенсификации экономических и торговых отношений за счет использования факторов глобализации обоих документов имеют много общего, начиная с названия. Существуют, однако, и различия. Так, в «Семи столпах сотрудничества» делается упор на использование «Большой восьмерки» для координации развития международной торговли, а в «Формировании общего будущего» предлагается использовать программу Евросоюза «Gateway to Japan» для продвижения европейских товаров и услуг на японский рынок. Одной из целей японо-германского сотрудничества является построение информационного общества в соответствии с «Окинавской хартией глобального информационного общества» («Okinawa Charter»)⁶, принятой 22 июля 2000 г. Задача построения информационного общества ставится и в «Формировании общего будущего», но без ссылки на «Окинавскую хартию»⁷. Перечис-

ленные выше различия объясняются тем, что рассматриваемые нами договоры, несмотря на схожесть, действуют на разных уровнях. «Формирование общего будущего» затрагивает весь Евросоюз, в то время как «Семь столпов сотрудничества», по существу, является договором между двумя государствами. Дело в том, что Япония и Германия входят в «Большую восьмерку» и могут использовать эту организацию для решения вопросов, касающихся как мировой торговли вообще, так и проблем двусторонних экономических отношений, в частности. «Окинавская хартия» также была принята на саммите «Большой восьмерки» и, таким образом, не имеет никакого отношения к ЕС как к наднациональному образованию. Что же касается программы «Gateway to Japan», то она курируется непосредственно Евросоюзом, а не отдельными странами. В остальном же, цели и задачи, которые ставятся двумя договорами, практически идентичны. К ним относятся сотрудничество, направленное на стабильное развитие мировой экономики, интенсификация двусторонних экономических отношений, содействие наращиванию экономического сотрудничества между Европой и Азией, а также борьба с бедностью.

Сразу после заключения договора с Германией в 2000 г. последовал существенный рост объема торгового оборота, который продолжается по сей день.

Так, в 2005 г. импорт из Японии вырос на 1,6% (21,435 млрд. евро), а немецкий экспорт – на 5% (13,330 млрд. евро). К основным статьям немецкого экспорта в Японию относятся изделия машиностроения (34,6%), продукция химической промышленности, а также легковые автомобили.

Структура японского экспорта отличается от немецкого, разве что, пропорциями (продукция машиностроения – 61%, автомобили – 15%, химическая промышленность – 8%). Таким образом, перед нами две схожих развитых экономических модели. Очевидно, что структура экспорта характеризует степень развития той или иной отрасли в каждой из двух стран.

Что касается торговли между Японией и ЕС, то она также активно развивается, хотя в последнее время переживает существенный спад. Так, в 2005 г. экспорт в Евросоюз из Японии вырос на 2% (70,54 млрд. евро), а импорт – на 4% (47,25 млрд. евро). Показатели, в целом, неплохие, если не учитывать, что в прошлом 2004 г. был зафиксирован рост на 18% и 10% соответственно⁸.

Из приведенных выше данных, можно сделать вывод, что, несмотря на все произошедшие за последние годы изменения, Германия по-прежнему остается главным партнером Японии в рамках ЕС. В настоящее

⁵ Dr. Pascha Werner. 2002 Economic Relations Between Germany and Japan-An Analysis of Recent Data.. – Duisburger Arbeitspapiere zur Ostasienwissenschaft. 2002, № 61, p. 3–5.

⁶ «Окинавская хартия». Встреча «Большой восьмерки» 22 июля 2000 г., Окинава.

⁷ Lutterbeck Bernd, Ishi Kei, Gehring Robert. Cyberlaw. – Linux Magazin. 2000, N 10, p. 48–50.

⁸ Beziehungen zwischen Japan und Deutschland. – <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Startseite.html>

время перед японо-немецкими экономическими отношениями открываются блестящие перспективы. Они характеризуются высоким уровнем стабильности, а также неисчерпаемым потенциалом развития, в особенности, когда дело касается проектов, связанных с сотрудничеством в наукоемком секторе. Увеличение объема торгового оборота и прямых инвестиций показывает, что японо-германское партнерство не утратило своей значимости для обеих стран.

Упрочение мира и безопасности является первым пунктом обоих документов. В свете событий, разворачивающихся на Ближнем Востоке, сотрудничество по установлению стабильности в данном регионе с каждым днем становится все более важным не только для Японии, Германии и стран-членов Евросоюза, но и для всего мирового сообщества. По данным японского министерства иностранных дел, Япония и Германия активно сотрудничают в Ираке и Афганистане, способствуя скорейшей стабилизации обстановки в этих странах и возвращению их к мирной жизни. С марта 2004 г. немецкие специалисты проводят подготовку нового офицерского состава для иракской полиции на территории Объединенных Арабских Эмиратов. Япония, со своей стороны, снабжает Ирак высокотехнологичными приборами для идентификации преступников, а также другим оборудованием, повышающим эффективность работы полиции. Кроме того, для углубления сотрудничества Япония и Германия решили предоставить офицерам иракской полиции доступ к курсам повышения квалификации, которые немецкие специалисты организовали в расположении японской армии в Ираке, — форма сотрудничества, уходящая своими корнями еще в эпоху Мэйдзи, когда немецких офицеров принимали на японскую службу как военных инструкторов. Кроме того, рассматриваются возможности совместного проведения подготовки для Ирака специалистов по электротехнике. Эту подготовку планируется проводить на территории третьих стран, в числе которых Египет, Иордания и Объединенные Арабские Эмираты. В 2004 г. посольство Японии в Германии и посольство Германии в Японии провели специальные подготовительные курсы для иракских дипломатов и должностных лиц, специально для которых была разработана программа по внешней политике двух стран.

Еще в 1912 г. немецкие археологи проводили раскопки древнего города Урука на юге Ирака. В 2004 г. с июля по ноябрь для сохранения памятников туда был направлен отряд японской армии, который занимался возведением и ремонтом ограждений вокруг памятников и оказывал помощь ученым. Министерство культуры Ирака при финансовой поддержке японского и немецкого правительств через фонд международного восстановления Ирака ЮНЕСКО осуществляет техническую поддержку специалистов службы безопасности и сотрудников, задействованных на раскопках Урука. Германия и Франция также направили специалистов для участия в проведении инструктажа по сохранению

культурных ценностей, который организован японским агентством по международному сотрудничеству (Japan International Cooperation Agency JICA) в Аммане и Иордании⁹.

Германия активно способствует восстановлению и нормализации политического процесса в Афганистане. В декабре 2001 г. в Бонне была проведена конференция, на которой были намечены основные направления развития афганского политического процесса после падения власти Талибана. Эта конференция стала ключевым фактором, повлекшим за собой подписание Боннского соглашения. В соответствии с ним в январе 2002 г. в Японии прошла международная конференция, посвященная оказанию Афганистану помощи по восстановлению. В конце марта 2004 г. в Германии прошла еще одна конференция, главными пунктами повестки дня которой стали такие вопросы, как анализ политического процесса в Афганистане, координация усилий по послевоенному восстановлению и гарантии безопасности в регионе. Будучи главными донорами процесса восстановления Афганистана, Германия и Япония председательствовали на этой конференции вместе с представителями ООН и Афганистана.

Вклад Японии в мирное урегулирование в Афганистане состоял в содействии разоружению, демобилизации бывших участников военных действий и адаптации их к мирной жизни. Германия сыграла ключевую роль в восстановлении афганской полиции. Немецкий контингент международных сил поддержания безопасности, задействованный в Афганистане, насчитывает 2 тыс. солдат и является самым многочисленным.

Афганское правительство целенаправленно пополняет ряды полиции за счет демобилизованных участников боевых действий. Японское агентство по международному сотрудничеству и немецкая корпорация технического сотрудничества (German Technical Cooperation Corporation GTZ) осуществляют профессиональные тренинги для демобилизованных солдат, способствуя ускорению их адаптации. В 2003 г. Япония поддержала инициативу немецкой стороны по снабжению полиции Кабула автомобилями и автобусами, оснащенными радиосвязью, а в 2004 г. аналогичная поддержка была оказана полиции Кандагара¹⁰.

Практически отказавшись от прямого военного вмешательства, Япония и Германия, тем не менее, вносят существенный вклад в стабилизацию обстановки на Ближнем Востоке, демонстрируя сторонникам наращивания военного присутствия альтернативный, и, возможно, более продуктивный способ решения ближневосточной проблемы, суть которого заключается в сотрудничестве и координации усилий по упрочению мира, стабильности и безопасности.

⁹ Japanese-German Cooperation and Coordination in the Assistance for Reconstruction of Iraq. — http://www.mofa.go.jp/region/europe/germany/summit0412/fs_iraq.html

¹⁰ Japanese-German Cooperation and Coordination in the Assistance for Reconstruction of Afghanistan — http://www.mofa.go.jp/region/europe/germany/summit0412/fs_afghanistan.html

Пункты о сотрудничестве в области развития науки и техники, а также о совместных мероприятиях в области образования и защиты окружающей среды присутствуют как в «Семи столпах сотрудничества», так и в «Формировании общего будущего».

Следует отметить, что сотрудничество между Японией и европейскими странами в сфере образования началось достаточно давно и продолжается уже не одно десятилетие. Более того, можно сказать, что истоки научно-технологического обмена между Японией и Германией восходят еще к XVII в., когда на Японских островах появились первые выходцы из немецких королевств. Первый обмен технологиями произошел в 1639 г., когда немецкий оружейник отлил первую японскую мортиру. Уже более 26 лет между японским и немецким правительствами действует соглашение о сотрудничестве в области науки и техники. В обеих странах создана обширная сеть исследовательских центров, институтов и прочих учреждений, работающих над воплощением многочисленных совместных проектов. С 1994 г. заработал Японско-европейский научно-технологический форум.

В настоящее время только между японскими и немецкими университетами существует более 200 договоров о сотрудничестве. Помимо этого, разнообразные внеуниверситетские научные учреждения и исследовательские общества Германии, такие, как общества Фраунхофера (Fraunhofergesellschaft), Гельмгольца (Helmholtz-Gemeinschaft) и Макса Планка (Max-Planck-Gesellschaft) проводят совместные проекты с аналогичными японскими организациями. В Японии активно работает немецкая академическая служба обмена (Deutscher Akademischer Austauschdienst DAAD). Она организует обмены учеными и исследователями между немецкими и японскими университетами и предоставляет японским студентам возможность бесплатно проходить обучение и заниматься научной работой в немецких университетах. В настоящее время в немецких вузах проходят обучение около 2 тыс. японских студентов. В числе наиболее масштабных проектов, над которыми сегодня работают японские и немецкие специалисты, можно упомянуть революционные исследования в области нанотехнологий. Кроме того, Япония сотрудничает с европейским космическим агентством. В 2010 г. Япония и ЕС впервые в истории запустят космический корабль к Меркурию.

В апреле 2000 г. в Токио состоялась встреча министров образования стран «Большой восьмерки» с членом Еврокомиссии, ответственным за образовательную политику. На ней было принято решение способствовать активизации академических обменов, санкционировать проведение исследования с целью выявления способов интенсификации обменов между членами «Большой восьмерки» и странами, не входящими в эту организацию. Кроме этого, странам-участницам было рекомендовано провести консультации между службами академического обмена. В ходе этих консультаций стороны делятся друг с другом опытом,

приобретенным при реализации таких программ, как ЭРАЗМУС (ERASMUS/SOKRATES – программа европейского сотрудничества в области образования) и УМАП (1993 UMAP – University Mobility in Asia and the Pacific – организация, занимающаяся академическими обменами в Азиатско-тихоокеанском регионе). В 2002 г. Еврокомиссия сделала заявление о намерении интенсифицировать сотрудничество с третьими странами в сфере образования, подчеркивая, что это повлечет за собой повышение качества высшего образования, как в Европе, так и в странах, сотрудничающих с ЕС. С этим согласились Европейский парламент и Совет Европы. Таким образом, оформилась база для сотрудничества и проведения совместных образовательных проектов между Японией и Евросоюзом. В течение трех лет был разработан и утвержден новый учебный план и принят единый европейский стандарт диплома. Учащиеся из стран-участников программы ЭРАЗМУС, должны будут проходить обучение в высшем учебном заведении, по профилю отличающемся от того, в котором они проходили обучение на родине¹¹.

При сравнении двух договоров, кажется, что «Формирование общего будущего», практически, слово в слово цитирует «Семь столпов сотрудничества». Оба договора предусматривают подготовку к всемирному саммиту по сдержанному развитию в формате «Рио+10», который состоялся в 2002 г. в Йоханнесбурге. Германия, Япония и Евросоюз также заявляют о намерении сделать, все от них зависящее для вступления в силу Киотского протокола к 2002 г., а также способствовать присоединению к нему новых участников.

Япония и Германия на протяжении долгого времени сотрудничают в области развития безвредных для окружающей среды технологий. В 2005г. в Японии, в префектуре Айти состоялась выставка (EXPO 2005 AICHI JAPAN) высоких технологий под лозунгом «Мудрость природы», невольно заставляющем вспомнить о синтоистском мировосприятии. В этой выставке приняли участие 120 стран, а также многочисленные неправительственные организации. Немецкой экспозиции была отведена большая часть территории. Она назвалась «Бионис» и была полностью посвящена бионике. Основной темой немецкой экспозиции было гармоничное сосуществование человека с природой в XXI в.¹²

Таким образом, способствуя принятию таких важных соглашений по окружающей среде, как Киотский протокол, и убеждая, другие страны расходовать больше ресурсов на охрану окружающей среды, а также инвестировать в развитие экологически чистых технологий, Германия, Япония и Евросоюз вносят существенный вклад в безопасность всего человечества. Возможно, постепенное сокращение вредных факторов

¹¹ Leitfaden für Antragsteller – Zusammenarbeit zwischen der EG und Japan im Hochschulbereich: Europäische Kommission (Generaldirektion Bildung und Kultur). Brüssel 2002.

¹² Deutschland auf der Expo in Aichi. – Deutschland. 2005, №2, с. 16–17.

путем ограничения их при помощи международных договоров позволит избежать многих экологических катастроф, а со временем хотя бы частично, компенсировать тот ущерб, который на сегодняшний день уже причинен.

Германия и Япония на протяжении многих лет активно сотрудничают в области укрепления культурных связей. Несмотря на огромное расстояние между двумя странами, культурный обмен между ними начался задолго до создания ЕС и является, по истине, многосторонним. В 1978 г. президентом ФРГ во время визита в Японию была учреждена премия имени Филиппа Франца фон Зибольда. Эта премия ежегодно присуждается японскому ученому, внесшему наибольший вклад в углубление понимания культуры и общества Японии в Германии. В «Семи столпах сотрудничества» культурному обмену между Японией и Германией отведена последняя, седьмая статья, в то время как в «Формировании общего будущего» сотрудничеству в области культуры между Японией и Евросоюзом посвящена только часть третьей статьи о совместном решении глобальных и социальных проблем.

Благодаря взаимной заинтересованности, большому количеству посреднических организаций и хорошей инфраструктуре, появилась возможность проводить в обеих странах масштабные культурные мероприятия на коммерческой основе. В Японии действуют три представительства института Гёте (Токио, Осака, Киото). Аналогичной организацией, представляющей Японию в Германии, является Институт японской культуры в Кёльне.

Упрочению взаимопонимания способствует также учрежденная в 1998 г. премия имени Карла Лессинга в 5 тыс. евро, присуждаемая за лучший перевод японского текста на немецкий язык. Аналогичная премия в 250 тыс. иен (малая премия за перевод), присуждается институтом Гёте в Японии. Еще одна подобная премия была учреждена в Германии Японским фондом (the Japanese Foundation) при посредничестве Кёльнского института японской культуры за переводы литературных текстов с немецкого языка на японский. С 1999 по 2000 г. японская сторона организовала в Германии ряд культурных мероприятий в рамках программы «Год Японии в Германии». Немецкое правительство не осталось в долгу, и с 2005 по 2006 г. был проведен «Год Германии в Японии». Примечательно, что «Год Германии» совпал с «Годом ЕС» – комплексом культурных мероприятий, который проводился в Японии в это же время под эгидой Евросоюза. Целью организации столь масштабных культурных событий было укрепление культурных связей между Японией и Германией. Эти мероприятия заметно сблизили две страны. После окончания «Года Японии в Германии», в Дюссельдорфе было решено проводить ежегодный «день Японии». В праздничную программу неизменно входят японский фейерверк, танцы, а также концерт японских барабанщиков.

В рамках «Года Германии в Японии» было проведено 700 мероприятий, среди которых были выставки, показы мод, концерты, а также кинофестиваль и некоторые спортивные события. За время, прошедшее с объединения ГДР и ФРГ, Германия сильно изменилась. Это отразилось и на немецкой культуре и привело к появлению целого ряда новых культурных явлений. Одной из целей проведения «Года Германии в Японии» было ознакомление жителей Страны Восходящего Солнца с новой немецкой культурой. В «Семи столпах сотрудничества» «Год Японии в Германии» оценивается очень высоко и подчеркивается роль японо-немецкого центра, действующего в Берлине с 1983 г.¹³ Указывается также, что с переводом японского посольства из Бонна в Берлин, его роль многократно возросла.

Можно сказать, что сотрудничество в области культуры между Германией и Японией разворачивается более чем активно. Об этом красноречиво свидетельствует как большое количество совместных проектов, так и наличие в Японии и Германии представительств организаций, занимающихся продвижением и популяризацией немецкой и японской культуры за рубежом. Взаимный интерес Японии и Германии друг к другу способствует интенсификации культурного обмена не только между этими двумя странами, но и между Европой и Азией в целом и вносит большой вклад в мировую культуру.

По мере интенсификации диалога между ЕС и дальневосточным регионом политическое сближение привело к зарождению политического процесса, не имевшего прецедента. В марте 1996 г. в Бангкоке состоялась первая встреча на высшем уровне в рамках процесса АСЕМ, положившая начало сотрудничеству между странами Евросоюза и Дальнего Востока. В первой встрече приняли участие главы десяти азиатских государств и правительств, а также 15 стран – членов Евросоюза. Было решено один раз в два года проводить встречи на высшем уровне, а также ежегодные встречи на уровне министров, уполномоченных правительств и рабочих групп. На бангкокском саммите было провозглашено «новое широкое азиатско-европейское партнерство с целью более активного экономического роста», содействия миру, стабильности и процветанию во всем мире, а также сотрудничеству в таких важнейших областях, как охрана окружающей среды, борьба с международной преступностью и незаконной торговлей наркотиками¹⁴.

На первой встрече в феврале 1997 г. в Сингапуре министры иностранных дел стран-участниц АСЕМ констатировали, что важные контакты и связи между европейскими и азиатскими представителями на уровне правительств, частного бизнеса, науки, средств массовой информации и культуры уже установлены, а главное, начат политический диалог.

¹³ <http://www.jdzb.de>

¹⁴ Страны АСЕМ смотрят в будущее. – Deutschland. 1999, №1, с. 14–17.

Вторая встреча на высшем уровне состоялась в Лондоне в 1998 г. Она проходила в условиях валютного, финансового и экономического кризиса Азии. Было принято решение об учреждении трастового фонда АСЕМ в рамках Всемирного банка, призванного оказать дополнительную помощь странам, наиболее остро страдающим от кризиса. Были одобрены планы действия по развитию торговли и инвестиций, а также меры по предоставлению консультационных услуг пострадавшим народным хозяйствам и по направлению высокопоставленных финансовых экспертов для поддержки проектов реформ. В целом господствовало убеждение в том, что Европа и Азия должны держать свои рынки открытыми и наращивать активность на рынке региона-партнера. Другими темами было расширение ЕС и введение единой европейской валюты.

Следующая встреча на высшем уровне состоялась в марте 1999 г. в Берлине под председательством федерального министра иностранных дел Йоханеса Мартина Фишера. Германия как принимающая сторона хотела, чтобы от конференции исходили позитивные сигналы, нацеленные на последовательное и доверительное сотрудничество между партнерами из двух регионов. При этом повестка дня АСЕМ оставалась и остается открытой. На очередной встрече, прошедшей в 2000 г., премьер-министр Японии поднял тему Северной Кореи, призвав Пхеньян к проведению более ответственной политики.

Четвертый саммит АСЕМ проходил в Копенгагене с 22 по 24 сентября подписана декларация о совместной борьбе с международным терроризмом. 2002 г. и был посвящен главным образом борьбе с терроризмом. Кроме этого, была принята политическая Декларация мира на Корейском полуострове.

Проведенный в октябре 2004 г. пятый саммит стал для АСЕМ важной исторической вехой. В организацию вступили 14 новых членов, среди которых было 10 стран-членов Евросоюза и три страны АСЕАН (Камбоджа, Лаос, Мьянма).

Последняя встреча на высшем уровне состоялась в Хельсинки 11 сентября 2006 г., когда АСЕМ исполнилось 10 лет. На шестом саммите было принято решение включить в состав организации Индию, Монголию, Пакистан и секретариат АСЕАН, а также Болгарию и Румынию со стороны ЕС. На хельсинском саммите была принята Декларация будущего развития АСЕМ, в которой, в том числе, были заявлены намерения, углублять сотрудничество, сделать АСЕМ главной ареной для диалога и сотрудничества между ЕС и странами Азии, а также расширять организацию.

Итак, можно выделить два процесса, параллельно развивавшихся в 90-х годах прошлого века. С одной стороны, – это интеграционный процесс АСЕМ, предусматривающий развитие сотрудничества между Евросоюзом и странами Восточной и Юго-Восточной Азии. С другой стороны, – это аналогичный процесс, начавшийся в 1991 г. и проходящий

исключительно между ЕС и Японией. Очевидно, инициирование отдельного консультационного процесса с Японией говорит об особой заинтересованности стран Евросоюза в Японии как в экономическом и политическом партнере, а также о политической ориентации ЕС в дальневосточном регионе.

На этом фоне японо-немецкое сотрудничество имеет огромное стратегическое значение как для Европы и Азии, так и для всего мира. Отношения между этими двумя странами начались в далеком прошлом и всегда были взаимовыгодными. Образовавшийся в конце прошлого века Евросоюз начал выстраивать свою систему отношений с дальневосточными государствами, ориентируясь на интересы европейского региона в целом. Будучи одним из значительнейших членов ЕС, Германия должна была координировать свою политику на Дальнем Востоке с этим наднациональным образованием таким образом, чтобы она не противоречила общеевропейской линии и при этом отвечала непосредственно ее интересам. Для этого в 2000 г. она заключила с Японией договор «Германия и Япония в XXI в. Семь столпов сотрудничества», в котором подробно изложены все направления сотрудничества между двумя странами. В следующем 2001 г. Евросоюз, стремясь упорядочить свои отношения с Японией, заключил с ней аналогичный договор, получивший название «Формирование общего будущего». Сравнение этих документов проливает свет на сущность японо-немецких отношений в контексте ЕС.

Как уже говорилось, между документами много общего. Но «Формирование общего будущего» нельзя назвать калькой с «Семи столпов сотрудничества», поскольку наряду со сходствами есть и ряд существенных различий, связанных, прежде всего, с тем, что данные договоры действуют на разных уровнях. Сходство связано, скорее, с тем, что формат сотрудничества, сформулированный Японией и Германией в их двухстороннем договоре, подходит и для ЕС. Таким образом, можно сделать вывод, что Германия проложила дорогу к сотрудничеству с Японией всему Евросоюзу. ЕС же сумел интегрировать японо-германское сотрудничество в свою систему отношений со странами Дальнего Востока.

А. Е. Куланов

Культурная дипломатия – пропаганда среди зарубежной общественности имиджа и политики своей страны – является одним из старейших направлений организованной деятельности человека, хотя сам этот термин возник лишь в последнюю четверть XX в. В современном мире большинство стран придают ей особое значение, и Япония относится к числу государств, которые активно, целенаправленно и успешно осуществляют свою культурную дипломатию во всем мире.

Под культурной дипломатией в Японии понимается особый вид информационно-разъяснительной работы министерства иностранных дел. Она направлена на то, чтобы развивать понимание и доверие граждан иностранных государств по отношению к Японии, на установление благоприятной международной обстановки для проведения Японией своей внешнеполитической линии, а также на то, чтобы создать положительный образ государства в мировом сообществе.

В соответствии с общепринятой современной практикой необходимость поддержания позитивного имиджа своей страны является обязательной для всех дипломатов. При этом в структурах министерств иностранных дел развитых стран нередко создаются специальные органы, отвечающие за культурную (или публичную дипломатию)¹. В составе МИДа Японии такая задача возложена на входящий в секретариат министра Департамент публичной дипломатии (Кохо бунка корю бу) и на подчиняющиеся ему информационные центры (отделы) посольств Японии за рубежом.

МИД Японии выделяет следующие направления культурной дипломатии²:

1. Развитие культурных международных обменов. Это – взаимные визиты представителей общественности и программы образовательных и спортивных обменов; обмены в области культуры и искусства, между ведущими научными специалистами и деятелями науки и культуры, диалоги между цивилизациями, развитие японоведения. Особо выделяются диалог со Средним Востоком, интеллектуальные обмены с Азией, США и другими странами, взаимодействие с институтами

¹ Кашлев Ю. П., Галунов Э. А., Информация и PR в международных отношениях. М., 2003, с.187.

² Гаймусё канкай хорэйсю (Сборник законодательных актов о министерстве иностранных дел). Токио, 1983, с.142.

ООН; двустороннее культурное сотрудничество, взаимодействие через ЮНЕСКО.

2. Связи с общественностью. Это – специальные программы по углублению и улучшению понимания образа Японии за рубежом (крупные кампании культурных мероприятий в развитых странах, развитие иностранного туризма в Японии и т.д.); зарубежная пресса о Японии.

Для Японии, как и для большинства развитых стран, акцент на культурной дипломатии не является данью времени или каким-то нововведением, лишь недавно получившим права на реализацию внешнеполитическим ведомством. Наоборот, Японию можно считать одним из пионеров культурной дипломатии в современном понимании этого термина и страной, наиболее успешно претворяющей в жизнь ее основные направления.

Япония вышла на мировую политическую арену лишь в середине XIX в., отягощенная системой неравноправных договоров и поставившая целью занять равноправное с другими развитыми странами место в мире. В это время она сознательно моделировала свой имидж как мирное государство, сосредоточенное на внутренних проблемах, как страна с уникальными культурой и традициями – «страна гейш», а не самураев. До начала войны с Китаем в 1894 г. Япония полностью овладела инициативой во внешнеполитическом позиционировании себя, и последнее достигалось в значительной степени с помощью акций, которые сегодня мы можем отнести к средствам культурной дипломатии.

Первым успехом в «цивилизованном» мире, ошеломившим всю Европу и заставившим буквально влюбиться в Японию выдающихся европейских художников, писателей и поэтов, стали выставки произведений японского искусства в Лондоне (1862 г.) и в Париже (1867 г.). В результате в Европе (в том числе в России) и Америке сформировался миф о «живописной Японии». Произошло не вполне осознанное, но очень эмоциональное выделение этой страны из общего ряда стран Востока, который до этого по инерции, рожденной привычным образом Ближнего Востока, воспринимался как мировая периферия³.

Важно отметить, что Япония впоследствии закрепила свой успех и развила с помощью новых приемов, в числе которых оказались и дальнейшая пропаганда традиционных японских искусств (включая национальные единоборства) в Европе, и исключительно активная деятельность, которую сегодня можно назвать «культурными и интеллектуальными обменами», под руководством третьего отдела исследовательского департамента МИДа. Общество ознакомления с мировой культурой (Кокусай бунка синко кёкай) и Общество международных студенческих обществ (Кокусай гакую кай), созданные позже, занимались пропагандой

³ Молодяков В. Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М., 1996, с.54–59.

японской культуры и поддерживали изучение японского языка за границей⁴. Важно отметить, что в деле популяризации своих культурных достижений и японского духа министерство иностранных дел Японии уже тогда пользовалась поддержкой знатоков национальной культуры и талантливых специалистов по общественным связям, таких, например, как автор книги «Бусидо. Душа Японии» Нитобэ Инадзо или написавший «Путь чая» Окакура Какудзо, а создатель современного дзюдо Кано Дзигоро приложил немало усилий, чтобы этот вид спорта был признан во всем мире. Традиция обращаться к признанным во всем мире японцам – деятелям культуры, искусства и спорта для популяризации образа Японии за рубежом сохранилась и поныне.

С усилением агрессивной внешней политики японского милитаризма интенсивность мероприятий гуманитарного характера несколько ослабла. Японская дипломатия перешла от более эффективной мягкой формы гуманитарной деятельности к более жесткой, напрямую смыкавшейся с государственной пропагандой и использовавшей в качестве базы для развития довоенные успехи. В частности, во время войны с Россией в 1904–1905 гг. Япония позиционировала себя в Европе и Америке как «самая европейская из всех азиатских» стран. Она настойчиво напоминала, в том числе устами дипломатов и политиков, о своем образе как страны гейш, укиё-э и чайной церемонии, страны благородного джиу-джитсу и утонченной икэбаны. В континентальной Азии Япония, наоборот, искала поддержки, акцентируя внимание на том, что японцы – «наиболее развитые из азиатов», подтверждением чему служили признанные международным сообществом успехи японской культуры. По мнению японцев, это свидетельствовало об уникальности их культуры и, шире, всей нации. Однако со временем, по мере роста военного могущества Японии культурная составляющая дипломатии неуклонно ослабевала, пока практически полностью не ушла в тень. Во внешнем мире японская политика была определена как милитаристская и противоречащая интересам ведущих стран, вступивших в войну против фашистского блока.

Япония потерпела сокрушительное поражение во второй мировой войне, которое полностью уничтожило достигнутые ею военным и военно-экономическим путем успехи в континентальной Азии, да и в самой стране. В 1947 г. она приняла послевоенную конституцию, а на Международном трибунале для Дальнего Востока была осуждена японская международная политика довоенного и военного периодов. Новая конституция впервые в истории сообщала об отказе государства от войны «как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». Япония оказалась выведена из числа активных игроков международной

политики, ориентировавшихся в начавшуюся эпоху «холодной войны» на силу, в том числе на «сверхсилу» (ядерное оружие). Отказ от официальных вооруженных сил и экономическая слабость в первые послевоенные годы заставили японских политиков вспомнить о положительном опыте прошлого. Особенно актуальным обращение к так называемой «мягкой силе» дипломатии стало после того, как восстановление страны и начавшийся вслед за этим экономический подъем на основе «экономической дипломатии», вывели Японию на уровень второй индустриальной державы в мире.

В МИДе в 1951 г. был создан Департамент информации и культуры, а в 1953 г. была возобновлена деятельность различных обществ по пропаганде японской культуры за рубежом, прекращенная во время войны. В 60-х годах эти общества были реорганизованы, упрочена финансовая база и усилен контроль над ними со стороны МИДа. В 1964 г. в министерстве появился отдел культурных мероприятий. На базе обществ по пропаганде в 1972 г. был создан Фонд международных обменов (Кокусай корю кикин)⁵. В настоящее время в структуре министерства иностранных дел Японии, как уже упоминалось, существует специальный Департамент публичной дипломатии, входящий в состав министерского секретариата и осуществляющий руководство обширным комплексом информационно-разъяснительных мероприятий, а также моделирующий позитивный имидж Японии за рубежом средствами культурной дипломатии.

Широкий круг вопросов, входящий в сферу интересов департамента, позволяет активно использовать для моделирования позитивного имиджа Японии различные мероприятия: от привычных для иностранцев выставок японского искусства и фестивалей японского кино до столь нестандартных акций, как, например, обеспечение благоприятных условий для занятий японскими единоборствами (например, после разгрома американскими войсками талибов Япония практически создала, а ныне финансово и методически поддерживает федерацию дзюдо Афганистана), или организация лекций о японской кухне в различных городах России – страны, наиболее восприимчивой в последние годы к гастрономической стороне японской культуры.

КПД японских организаций, занимающихся вопросами культурной дипломатии, значительно выше, чем у их иностранных коллег. По различным данным, в США вопросами внешнеполитической пропаганды и культурных обменов ведают от 2,5 тыс. до нескольких десятков тысяч человек в сотнях организаций от Государственного департамента до муниципальных обществ студенческих обменов, в Великобритании в этой сфере трудятся около 3 тыс. специалистов, во Франции около 700

⁴ Панов А. Н. Японская дипломатическая служба. М., 1988, с.93.

⁵ Железняк О. Н. «Вхождение во внешний мир». Деятельность Японского фонда за рубежом. – Япония 1999–2000. Ежегодник. М, 2000, с.180.

человек. В Японии официально проблемами культурной дипломатии также занимаются около 600 человек, хотя они и пользуются поддержкой огромного числа граждан Японии, работающих в том же направлении в разнообразных общественных и коммерческих структурах, обществах дружбы и экономических союзах. Суммы финансирования, выделяемые государствами на эти цели, вполне сопоставимы с числом сотрудников⁶.

МИД Японии отчетливо сознает важность мероприятий по улучшению имиджа страны с помощью социологических инструментов. Речь идет, прежде всего, о резко усиливающейся в демократическом обществе роли общественного мнения для формирования эндогенных (т. е. возникающих в стране, где Япония планирует и осуществляет акции по созданию своего образа) представлений и моделированию экзогенных (т. е. исходящих из самой Японии) составляющих ее имиджа. В создавшейся международной обстановке существует возможность не только констатации социально-политических изменений и отношения к ним населения с помощью различных социологических опросов и исследований, но и влияния с их помощью на общественное мнение в целях создания благоприятного политического климата и осуществление нужных политических решений.

Для того, чтобы правильно определить направление и качественную составляющую мероприятий по улучшению имиджа, МИД Японии с помощью социологических исследований и информационных сводок изучает политическую, экономическую и социальную обстановку в определенной стране, особо выделяя тему заинтересованности различных слоев общества в структурированной информации о Японии, влияние и роль в освещении данного вопроса различных средств массовой информации, выделяя в результате наиболее перспективных для себя проводников японского культурного влияния. Например, с августа 2002 по ноябрь 2003 г. в центральных российских СМИ упоминания о Японии были структурированы по разделам «Телевидение», «Радио» и «Газеты» и по показателям, где первое число обозначает общее число передач (публикаций) на японскую тему за указанный период⁷. Второе – среднее число передач (публикаций) в месяц. Наконец, третье – это количество материалов, посвященных непосредственно проблеме мирного договора или «северных территорий» – политического вопроса японо-российских отношений, наиболее актуального, с точки зрения японского министерства иностранных дел.

Исходя из этих данных, мы можем увидеть, что все основные российские СМИ в указанный период от 1 до 12 раз в месяц обращались к японской теме, что является очень высоким показателем и в целом характеризует российское общество, как заинтересованное в информа-

ции о Японии. Частота и тенденция подачи материала зависят от направления интересов и формата того или иного издания. Например, 1-й канал за 16 месяцев показывал материалы о Японии в полтора с лишним раза чаще, чем его один из основных соперников – канал «Россия», являющийся полностью государственным. В то же время материалы, посвященные проблеме заключения мирного договора, на канале «Россия» появлялись чаще в абсолютном исчислении.

Телекомпании

Первый канал	– 168	– 10,5	– 16
Россия	– 102	– 6,4	– 18
ТВЦ	– 68	– 4,3	– 14
НТВ	– 76	– 4,8	– 13
Культура	– 21	– 1,4	– 0

Радио

«Маяк»	– 109	– 6,8	– 13
--------	-------	-------	------

Газеты

Коммерсант	– 181	– 11,4	– 40
Труд	– 46	– 2,9	– 6
Российская газета	– 74	– 4,6	– 17
Независимая газета	– 66	– 4,1	– 7
Аргументы и факты	– 14	– 1,1	– 5
Новые известия	– 64	– 4	– 5
Московский комсомолец	– 2	– 0,1	– 2
Новая газета	– 2	– 0,1	– 0

Подобные показатели, а также данные других информационных сводок и социологических опросов могут быть использованы при составлении картины представлений о Японии в различных слоях российского общества. Имея в своем распоряжении подобные отчеты, японское правительство готово к более точным и конкретным культурным инвестициям для формирования стержневого и поддерживающих образов Японии именно в том ракурсе, который представляется наиболее необходимым для нее в данный момент и имеет лучшие перспективы для формирования благоприятного общественного фона в случае проведения политических и/или экономических акций.

Рассмотрим некоторые конкретные примеры различных направлений японской культурной дипломатии.

Развитие международных культурных обменов

Обмен людьми и программы образовательных и спортивных обменов. Культурный обмен выдающимися личностями является базовым и одним из первых видов культурной дипломатии Японии, принесший ей успех еще в середине XIX века. Его актуальность не утрачена и поныне,

⁶ Панов А. Н. Японская дипломатическая служба, с. 95–97.

⁷ Куланов А. Е., Молодяков В. Э. Россия и Япония: имиджевые войны, М., 2007, с. 197.

так как целевая аудитория таких обменов, хотя и в значительной степени уже молодежная, на которую воздействуют, например, акции по популяризации японской субкультуры, но имеет более высокий социальный и интеллектуальный уровень, что позволяет пользоваться ее результатами уже в обозримом будущем. Можно считать это «краткосрочными культурными инвестициями в высокоприбыльный сектор межкультурных коммуникаций». Объектами таких инвестиций становятся крупные политики, писатели, ученые, деятели искусств, которым обеспечиваются особые условия для знакомства с богатейшей японской культурой, а в ряде случаев и представление их самих и созданных ими произведений на японской земле. У себя на родине такие люди являются потенциальными ньюсмейкерами и, следовательно, имиджмейкерами. Их отзыв о культуре и, как следствие, об общем образе Японии имеет чрезвычайно важное значение для соотечественников и играет существенную роль в создании стержневого или второстепенных образов этой страны, практически всегда формируя их в положительном русле.

Программы образовательных, молодежных и спортивных обменов считаются одними из наиболее перспективных, так как направлены на создание положительного образа Японии среди тех, кто в будущем, возможно, составит политическую, экономическую, интеллектуальную элиту своих стран. Помимо разнообразных стажировок Японского фонда, а в российском случае и упоминавшегося Центра молодежных обменов, существуют различные программы министерства образования Японии, которые открыли дорогу в эту страну более чем 117 тыс. молодых людей⁸, желающих изучать ее непосредственно на месте. Успешно работает Программа обмена и преподавания в Японии (Japan Exchange and Teaching – JET), предназначенная для желающих преподавать английский или некоторые иностранные языки в школах и университетах (по этой программе Японию на срок от одного года до трех лет посетило более 40 тыс. молодых иностранцев из более чем 40 стран мира). Более 60% из них составляют граждане Китая, а Россия находится на 15-м месте, уступая Непалу и Мьянме, но превосходя Великобританию, Францию и Австралию⁹. Значительная часть молодежи вовлекается в программы обмена через курсы по изучению японского языка, после сдачи соответствующих экзаменов или посещения специальных курсов на знание языка, к организации которых министерство иностранных дел Японии также имеет непосредственное отношение.

МИД Японии поощряет развитие спортивных обменов, в том числе пропаганду за рубежом традиционных японских единоборств, прежде всего, дзюдо и кэндо, видя в этом эффективный инструмент более глубокого понимания образа Японии иностранцами.

⁸ По данным: Japan Diplomatic Blue Book. 2004, с. 208–210.

⁹ Там же.

Обмены в области культуры и искусства. С особым вниманием правительство Японии относится в последнее время к продвижению молодежной субкультуры, считая ее перспективным компонентом, подготавливающим молодежь других стран к восприятию и пониманию традиционной культуры Японии. Речь идет, в первую очередь, о комиксах *манга*, мультфильмах *анимэ* и молодежной моде¹⁰. МИД Японии летом 2006 г. официально заявил о желании использовать поп-культуру как дипломатическое средство с тем, чтобы формировать через нее привлекательный образ своей страны. Глава внешнеполитического ведомства Японии Асо Таро дал наставления студентам Университета цифровых технологий в Токио: «Думайте, прежде всего, об образе, который приходит людям на ум, когда они слышат слово “Япония”. Чем более привлекательным, ярким и согревающим душу будет образ, тем скорее наша страна станет понятной другим государствам. Иными словами, успех в этом деле упростит жизнь японским дипломатам». Не случайно популярность Японии, ранее сопряженная с популярностью японского традиционного искусства, единоборств, позже – литературы, в последнее время все чаще зиждется на ценностях молодого поколения, чье увлечение японскими анимационными и цифровыми технологиями встречает моральное, а иногда и материальное одобрение японского МИДа. Дружелюбный имидж Японии в будущем должен создаваться на базе специально адаптированного к вкусам молодежи образа «Классной Японии» (Cool Japan). При этом подчеркивается незыблемость японских традиций и преданность классическим формам культуры, таким, как театры Но, Кабуки и Бунраку, борьбе сумо или чайной церемонии.

По-прежнему широко используются информационные поводы, позволяющие проводить целевые акции, направленные на продвижение положительного образа Японии, часто приуроченные к тем или иным памятным датам, хотя в отношении России и здесь наблюдается исключение. В частности, период 2004–2006 гг., когда в истории российско-японских отношений могли быть широко отмечены сразу несколько важнейших событий (от столетия начала Русско-японской войны 1904 г. и до пятидесятилетия подписания Совместной декларации 1956 г.), по существу, оказался обойден вниманием организаторов подобных акций. Помимо всего прочего, это могло быть связано с тем, что незадолго до этого, в 2003 г. по всей территории России проводился масштабный Фестиваль японской культуры, состоявший из более чем 120 мероприятий на самые разные темы – от выступления театра Кабуки до выставок комиксов *манга*. К тому же в России и без привязки к конкретным датам проходит ряд мероприятий, устраиваемый японской стороной, в том числе ежегодный фестиваль японского кино, а также

¹⁰ Ogoura Kazuo. Sharing Japan's Cultural Products as «International Assets». – Japan Echo, vol.31, 2004, № 6, January, с.139.

многочисленные выставки и концерты, организуемые российскими партнерами по собственной инициативе (концерты групп японских барабанщиков, выставки различных школ икэбаны и т. д.).

Интеллектуальные обмены и диалоги между цивилизациями, развитие японоведения, взаимодействие с институтами ООН. Япония достаточно давно и интенсивно привлекает интеллектуальную элиту своей страны для культурно-миссионерской деятельности за ее пределами, организуя выставки, симпозиумы и лекции. На них крупнейшие японские ученые, деятели культуры и, что характерно, крупные чиновники, обладающие широкими взглядами на внутриазиатские и международные проблемы, доносят свою точку зрения до заинтересованной в этом зарубежной публики. Среди таких современных нам «культурных буферов» японского правительства особенно выделяются специальный консультант кабинета министров, писатель и общественный деятель, автор популярной книги «Что такое Япония?» Сакая Таити и глава гендерного комитета при кабинете министров, крупнейший специалист по вопросам социальной адаптации женщин, делам семьи и молодежи профессор Ивао Сумико. Они побывали и в России, где прочли интереснейшие лекции, позволившие по-новому взглянуть на современную Японию в целом и на отдельные проблемы ее жизни в частности.

Одновременно японская наука, занявшая во многих областях человеческих знаний передовые позиции в мире, активно ищет возможности сотрудничества с учеными других стран для расширения научных контактов и оптимизации научного процесса в самой Японии. Лучшие математики, физики, химики, ихтиологи и другие ученые из самых разных стран мира, в том числе из России, активно привлекаются к процессу интеграции как в Японии, так и за ее пределами путем организации различных конференций, симпозиумов, семинаров, стажировок и т. д. Например, в Японском центре физических исследований в Цукуба одновременно работают несколько десятков молодых российских специалистов. Большинство из них, так же как их коллеги из других научных центров, привлекаются к изучению японского языка и к знакомству с культурой этой страны.

Японское правительство справедливо полагает, что изучение самой Японии за рубежом способно сплотить часть иностранных представителей интеллектуальной элиты вокруг различных тем японоведения, что также положительно скажется на общем представлении о Японии за ее пределами. В 2004 г. Япония субсидировала исследования и оказывала содействие в различных формах более чем 175 организациям японоведов по всему миру. Основное внимание при этом уделяется азиатскому, прежде всего китайскому, и американскому японоведению¹¹.

¹¹ The Japan Foundation. Overview of Programs 2005. Annual Report 2003–2006. Tokyo, 1998, с.139–153.

Во взаимодействии с Японским фондом правительство оказывает значительную помощь осуществлению культурного диалога со странами Центральной Азии, куда непрерывно направляются японские эксперты, организуются симпозиумы, семинары и другие научные мероприятия. Однако основное внимание в области культурных обменов по-прежнему занимают Китай, Корея, США и ряд стран АТР, сотрудничество с которыми осуществляется с самого начала деятельности японской культурной дипломатии и развивается наиболее динамично, демонстрируя заинтересованность в нем всех сторон.

Следует заметить, что для стран, отношения с которыми вошли в положительную фазу, или в отношениях с которыми Япония в обозримом будущем не прогнозирует серьезных перемен, интенсивность мероприятий культурной дипломатии уменьшается. Так, в перестроечный период и на этапе становления новой российской государственности, интенсивность культурных инвестиций Японии в России была чрезвычайно велика, поскольку в этот период закладывались основы формирования нового образа Японии в постсоветской России. Сейчас деятельность культурной дипломатии Японии в нашей стране имеет менее интенсивный и более стабильный характер. Одной из иллюстраций такого волнообразного изменения культурно-дипломатической активности Токио служит и исключительно важное в целом для культурной дипломатии отношение к интеллектуальным молодежным обменам. На российском направлении с этой целью в 1997 г. на базе министерства иностранных дел Японии был создан оформленный межгосударственным соглашением Японо-российский центр молодежных обменов. С его помощью несколько сотен молодых россиян, представляющих самые разные профессии – от военнослужащих до журналистов, посетили со специальными ознакомительными программами Японию, а некоторые получили возможность годичного пребывания в этой стране для более глубокого ее изучения. Сейчас деятельность этого центра практически свернута.

В отношении целого ряда других зарубежных стран, прежде всего Китая, Кореи, США, Япония также проводит мероприятия по привлечению иностранных специалистов в области средств массовой информации (журналистов, аналитиков, телеведущих) для стажировок в Японии. В отношении России такая политика в последнее время почти не проводится. Ее слабым отголоском можно считать пожелание министра иностранных дел Японии Т.Асо летом 2006 г. предоставить жителям Южных Курил возможность смотреть передачи японского телевидения, чтобы лучше ознакомиться с реалиями и уровнем жизни ближайшего соседа.

Двустороннее культурное сотрудничество, взаимодействие через ЮНЕСКО. С рядом стран Японию связывают отношения двусторонней культурной кооперации, в том числе в области изучения японского языка и знакомства с традиционной культурой. Япония вовлечена в 44

проекта общей стоимостью около 2 млрд. долл., включая оборудование лингвистического центра в Самаркандском университете иностранных языков, строительство планетария в Перу или научные изыскания в Долине фараонов в Египте. Особое внимание Япония проявляет к деятельности Организации Объединенных Наций, чьи программы поддерживает с особым тщанием и постоянством. Япония получила мандат соответствующих подразделений ООН на признание многочисленных памятников своей богатой истории и культуры шедеврами мирового значения. Это увеличило общий культурный вес Японии в мире, тем более что ряд таких крупных международных организаций, как ЮНЕСКО, в последнее время возглавляли ее граждане. Одновременно правительство Японии активно сотрудничает с неправительственными организациями, аккредитованными при ООН, выступая в роли спонсора серьезных культурных программ, многие из которых без участия Японии вряд ли были бы осуществлены в обозримом будущем. Одним из свежих примеров такого сотрудничества является выделение 1 млн. долл. на восстановление Иракского национального музея или готовность принять участие в восстановлении разрушенных статуй Будды в горах Афганистана и еще 20 проектов общей стоимостью 160 млн. долл. В 2004–2005 гг. некоторые японские неправительственные организации добились поддержки ООН в деле проведения международных симпозиумов по изучению японских боевых искусств с привлечением не только мастеров единоборств, но и крупных ученых, дипломатов, журналистов в Японии, США и России.

Связи с общественностью

Специальные программы по развитию понимания и продвижение образа Японии, зарубежная пресса о Японии. Не ослабевают уже достигшие значительного успеха усилия по популяризации в нашей стране, как и во всем мире, японского языка. Министерство иностранных дел Японии через информационные отделы своих посольств, где собирается значительная часть интересующей министерство социологической информации и через которые идет официальное знакомство с этой страной, а также через специальные японские центры продолжает популяризировать японский язык во всем мире, и эти усилия не пропадают даром. На сегодняшний день японский язык в мире изучают около 2,5 млн. иностранцев. Причем большая часть из них учит его у себя дома, хотя в некоторых случаях предусмотрены и командировки в Японию для более глубокого знакомства с предметом и в виде поощрения за проявленное усердие. В информационных отделах и японских центрах, как правило, накоплены значительные объемы информации в виде книг, аудио- и видео материалов, по самым разным областям жизни, истории, культуры, традиции и политики Японии, которые

передаются во временное пользование местным средствам массовой информации на безвозмездной основе.

С недавнего времени особые возможности на этом направлении открылись благодаря повсеместному распространению сети Интернет, с помощью которой японское правительство намерено увеличить интенсивность своего культурного влияния на другие страны, а также существенно сократить собственные расходы в области культурной дипломатии. Продолжая распространять информационные материалы и брошюры на английском и на местных языках через свои дипломатические миссии, правительство Японии терпеливо разъясняет свою точку зрения как на вопросы, интересующие конкретных потребителей в данной стране (например, в России – точку зрения на проблему «северных территорий»), так и по глобальным вопросам (в последнее время по поводу войны в Ираке или по северокорейской ядерной проблеме). Интернет дает также возможность почти неограниченного доступа к материалам по культуре, традициям и социально-экономическим успехам Японии, а также по вопросам, непосредственно связанным с дипломатической деятельностью министерства иностранных дел этой страны. Помимо сайтов посольств (для России – www.ru.emb-japan.go.jp), подобную информацию можно найти на англоязычной версии сайта МИДа Японии (www.mofa.go.jp) или на сайте «ВЕБ-Япония» (www.web-japan.org). Для целого ряда «буферных» организаций, сотрудничающих с министерством иностранных дел, таких, как Японский фонд или уже упоминавшийся Центр молодежных обменов, созданы свои, как правило, англоязычные сайты (www.jpf.go.jp и www.jgex.go.jp соответственно).

К наиболее свежим и необычным мероприятиям культурной дипломатии, направленным на более глубокое ознакомление с жизнью страны, можно отнести осуществляемое Японской национальной туристической организацией (JNTO) в тесном сотрудничестве с правительством и министерством иностранных дел программа «Добро пожаловать в Японию». Она была принята во многом под влиянием глав ведущих держав мира, недовольных малой степенью туристической открытости и комфорта страны (во многом из-за уникальности японского языка) и в целом неудовлетворительным имиджем туристической Японии на Западе. Программа направлена на резкое увеличение числа иностранных туристов в Японию – до 10 млн. человек к 2010 г., что позволит не только значительно повысить рентабельность японского туризма, но и поможет формированию позитивного образа Японии в глазах миллионов приезжающих в эту страну гостей из Европы, США, Китая и Кореи. Япония в этой программе предстает как «чарующая, волшебная страна», где органично сочетаются традиционная культура, современные технологии, глубокая история, сервис высшего класса и уникальные природные возможности, в том числе любимые японцами смены времен года. Стоит отметить, что в некоторых акциях этой программы

принял участие тогдашний премьер-министр Коидзуми Дзюнъитиро (он даже снялся в нескольких рекламных роликах, приглашая иностранцев посетить Японию). К сожалению, российское направление этой программы пока не является преобладающим.

Список мероприятий, организуемых или генерируемых японской стороной можно продолжать довольно долго. Японские культурные инициативы, культурная дипломатия этой страны по-прежнему успешно работают, помогая уважать и понимать Японию, демонстрировать уникальные качества этой страны, японского народа.

Японский фонд

Рассматривая тему культурной дипломатии, необходимо особо остановиться на деятельности Японского фонда – крупнейшей организации, осуществляющей меры культурной дипломатии в рамках политики японского правительства, одного из крупнейших культурных инвесторов в мире. Пробраз Японского фонда – Международное общество распространения культуры было создано в 1934 г. после исключения Японии из Лиги Наций для смягчения политических последствий этого события и организации культурного сотрудничества Японии с другими странами. В 1972 г. на смену этому обществу на основании Закона о Японском фонде был создан Японский фонд международных обменов, или просто Японский фонд, получивший серьезный бюджет (100 млрд. иен), обширные обязанности и полномочия по проведению культурной политики на базе министерства иностранных дел Японии.

Согласно первой статье Закона о Японском фонде основная цель этой организации состоит в осуществлении эффективной деятельности по развитию международного культурного обмена, чтобы тем самым внести вклад в мировую культуру и благосостояние человечества¹². До 2003 г. Японский фонд был особенно тесно связан с МИДом Японии и действовал под его руководством, а позже был реформирован в самостоятельную юридическую организацию, сохранившую при этом неизменными цели и задачи, ставившиеся при его создании. Большинство акций культурной дипломатии Японии, связанных с культурными обменами, межкультурными коммуникациями, значительная часть интеллектуальных обменов (практически все, что связано с японоведением) и молодежных обменов (в той части, которая касается преподавания и обучения японскому языку) планируется и реализуется Японским фондом.

Деятельность фонда осуществляется за счет доходов с собственного капитала, государственного финансирования (около половины бюджета фонда), а также частных пожертвований, в том числе от главного координирующего органа японских корпораций – Федерации экономических организаций (Кэйданрэн). Работой фонда руководят президент,

четыре вице-президента, а также Консультативный совет, в который входят крупнейшие специалисты в области культурных обменов¹³.

В 1994 г. в связи с изменениями в международной обстановке, вызванными окончанием холодной войны, при премьер-министре Японии был сформирован неправительственный совещательный орган – консультативная группа по культурному обмену. Она выработала ряд рекомендаций для Японского фонда, цель которых состоит в том, чтобы сделать его «главным проводником политики правительства» и направить усилия на развитие сотрудничества в области культуры как главной сферы деятельности фонда с целью превращения Японии в «нацию, вносящую весомый вклад в дело мира». В практическом аспекте цели Японского фонда не изменились: как и прежде, он представляет разнообразные аспекты японской культуры за рубежом. Сегодня его деятельностью охвачены более 190 стран мира, в 26 государствах Японский фонд имеет институты и центры японской культуры, центры японского языка, свои отделения и представительства. В самой Японии созданы два института японского языка и представительство фонда в Киото.

Японский фонд сформировал несколько целевых блоков программ, в которые включены собственные мероприятия и акции по культурному обмену, где фонд принимает косвенное (как правило, финансовое) участие.

Главным целевым направлением является набор программ по обмену кадрами видных специалистов в области кросскультурных коммуникаций, социологических исследований и др.

В специальный блок выделены программы участия японских ученых в международных конференциях и помощь в подготовке докладов.

По линии Японского фонда за рубеж направляются специалисты для сохранения и реставрации имеющих отношение к Японии памятников культуры, приглашаются в Японию для подготовки работники музеев, осуществляющие деятельность по сбережению реликвий, связанных с Японией.

Существует блок программ в области спортивных обменов, главным образом, связанных с демонстрацией за рубежом японских национальных видов единоборств и консультаций по подготовке специалистов по этим видам.

Особое внимание уделяется приглашению в Японию известных иностранцев. Выдающиеся деятели науки и культуры, включая Нобелевских лауреатов, получают возможность поездок по стране и обмена мнениями с коллегами по интересующим их проблемам. В этот же блок входит организация стажировок имиджмейкеров, изучающих условия пропаганды культуры в Японии.

¹² The Japan Foundation. Overview of Programs 2005, с. 163.

¹³ Железняк О. Н. «Вхождение во внешний мир». Деятельность Японского фонда за рубежом, с.180–191.

Едва ли не основное значение фонд придает популяризации в мире японского языка, его преподаванию за рубежом, подготовке и переподготовке специалистов в институтах Японского фонда в самой Японии.

Японский фонд оказывает значительную помощь зарубежному японоведению, в том числе в нашей стране, выделяя финансирование на различные научные проекты в этой области, издания монографий, ежегодников, специализированных журналов, предоставляя гранты японоведам, а также составляя блоки специальных стипендий для перспективных студентов и аспирантов, специализирующихся в японистике, а также в изучении областей культуры с сильным японским влиянием, например, некоторых направлений живописи.

Активно представлена в России и деятельность Японского фонда, связанная с изданием книг о Японии, спонсированием переводческих проектов, популяризацией современной и классической японской литературы. На этом направлении деятельность фонда нередко смыкается с блоком поддержки мирового японоведения в его издательской части.

Одним из крупнейших мероприятий Японского фонда в России и примером его участия в организации самых разнообразных мероприятий в короткий период времени и на большой территории стал Фестиваль японской культуры 2003 г. Он проводился в течение целого года сразу в нескольких городах нашей страны от Калининграда до Владивостока¹⁴. После фестиваля, в программу которого были включены десятки мероприятий, активность Японского фонда в России несколько снизилась, поскольку, как уже упоминалось, свою деятельность он осуществляет волнообразно, последовательно перенося внимание с одной страны на другую по очереди. Однако и в целом для Японского фонда Россия пока не является приоритетной страной. Так, отделения фонда открыты в 18 странах мира, в том числе в таких небольших, как Венгрия. В России аналогичного отделения или центра пока нет, и Японский фонд в нашей стране представляют несколько сотрудников посольства Японии в РФ. Наибольший интерес для деятельности Японского фонда в мире представляют США (там открыто сразу два отделения), Китай, Корея, Великобритания и Франция.

Культурная дипломатия Японии является сегодня одним из наиболее приоритетных направлений внешнеполитической деятельности этой страны. При этом культурная дипломатия не только позволяет Японии более эффективно решать самые разные задачи политического и экономического характера, но и способствует более глубокой интеграции страны в международное сообщество, является действенным средством развития мировой культуры и укрепления благосостояния человечества.

¹⁴ Куланов А. Е., Молодяков В. Э. Россия и Япония: имиджевые войны, с. 267.

Сельскохозяйственная кооперация Японии (проблемы и перспективы)

С. Б. Маркарян

Сельскохозяйственная кооперация – многофункциональный экономический и общественный институт. Она консолидирует людей, содействует производству и сбыту сельскохозяйственной продукции, предоставляет необходимые услуги не только производителям продовольствия, но и другим жителям локальных обществ. Современная сельскохозяйственная кооперация в Японии была создана в 1947 г. В первые несколько десятилетий она была фактически монополистом в области сбыта производимой фермерами продукции и в сфере снабжения их средствами производства, одновременно являясь в известной мере государственным агентом в деревне. Кооперативы иногда называли даже подрядными исполнительными органами правительства, что было не лишено оснований. Но, например, в сбыте риса кооперативы трудно было назвать торгующими организациями. Ведь в течение определенного времени сохранялись обязательные поставки риса и даже после их отмены государство продолжало определять количество продаваемого фермерами риса; кому и за сколько они должны его продать, размер комиссионных, сумму оплаты хранения продукции, методы расчетов и т. д.

Практически все крестьянские хозяйства являются членами первичных сельскохозяйственных кооперативов, образованных в рамках деревень, поселков или малых городов. Это – так называемые комплексные кооперативы (*сого нокё*), которые в отличие от аналогичных организаций в других странах являются многофункциональными. Они занимаются снабженческо-сбытовой деятельностью, принимают вклады и выдают ссуды, осуществляют страховые операции, организуют коллективное пользование техникой и оборудованием, в том числе имеют крупные высокотехнологичные элеваторы, осуществляют подрядные работы для своих членов, являются посредниками при заключении контрактов фермеров с перерабатывающими предприятиями, осуществляют доверительные функции своих членов по сделкам с землей, консультируют их по производственным и бытовым вопросам, организуют культурно-бытовое и медицинское обслуживание. Следует заметить, что многие функции кооперативы приобрели с течением времени. Кооперативы, которые занимаются только одним видом деятельности или объединяют производителей по отраслям производства, называются специализиро-

ванными (*сэммон нокё*). В основном – это мелкие организации, и практически все их участники, как и специализированные кооперативы, являются одновременно и членами *сого нокё*, но *сэммон нокё* – лишь на правах коллективных членов.

Одни члены кооперативов имеют решающий голос, другие – совещательный. Первые – только индивидуальные лица, занятые сельским хозяйством, и «юридические лица», создаваемые для совместного ведения хозяйства. Все другие проживающие на территории данного кооператива, а также крестьянские организации, находящиеся в этом районе, могут быть членами кооператива с совещательным голосом. Они не имеют права голоса при принятии решений, при выборе должностных лиц и пр., их возможности пользования услугами кооперативов ограничены.

Вышестоящими организациями первичных кооперативов являются отраслевые префектуральные федерации. Как правило, они объединены в префектуральные федерации по одному виду деятельности. Последние, в свою очередь, являются членами всеяпонских федераций. Наиболее влиятельной среди них является Всеяпонская федерация сельскохозяйственных кооперативов (*Дзэнно*), которая осуществляет снабженческо-сбытовые операции, в том числе из-за рубежа. Общее руководство осуществляется префектуральными советами сельскохозяйственных кооперативов, которые входят во Всеяпонский совет сельскохозяйственных кооперативов (*Дзэнтю*). Этот высший орган кооперации представляет Японию в Международном кооперативном альянсе. Кооперация имеет Центральный сельскохозяйственный банк (*Норитюокинко*), который возглавляет кредитную систему сельскохозяйственных кооперативов (кредитные отделы первичных кооперативов – префектуральные кредитные федерации – банк).

Сельскохозяйственная кооперация имеет учебные центры для подготовки своих служащих, сеть магазинов «А-коопу», Центр по продаже скоропортящейся продукции – мяса, птицы, яиц, овощей, фруктов, который связан с супермаркетами, крупными розничными магазинами, предприятиями общественного питания, с потребительской кооперацией. Она осуществляет внешнеторговые операции («Кумий бозки» – «Uniscoop. Japan»), импортируя удобрения, корма и пр., занимается издательской деятельностью (общество «Иэ-но хикари»). Продукция, продаваемая через кооперативы, имеет свой собственный бренд – «JA». Кроме того, кооперативы часто используют свои мощности для выполнения заказов для частных предприятий, например, они закупоривают бутылки для производителей соков.

В первые десятилетия после создания кооперативы играли очень важную роль в обеспечении населения основными продуктами питания, в устойчивом развитии сельского хозяйства и в содействии развитию сельских районов. В конце 60-х годов через первичные кооперативы

крестьяне продавали почти 90% всего объема товарного риса, около 60% ячменя и пшеницы, более половины овощей, фруктов и коконов. По решению правительства на кооперативы была возложена обязанность осуществлять сбор государственных закупок сельскохозяйственной продукции по Закону о контроле над продовольствием. Часть продукции, например молоко, мандарины, яблоки, проходила напрямую через специализированные кооперативы (соответственно 32, 21 и 9%)¹. Даже после введения в начале 70-х годов так называемой системы независимого обращения риса кооперативы продолжали собирать рис у крестьян, а затем либо продавали его сами, либо через оптовых торговцев. Короче говоря, кооперативные формы сбыта, особенно основных видов продукции, развивались в условиях отсутствия конкуренции со стороны торгового капитала. При этом деньги, причитающиеся хозяйствам за поставленную продукцию, не попадали непосредственно к производителям, а переводились в качестве вкладов со «Специального счета контроля над продовольствием» на счета владельцев хозяйств в первичных кооперативах. Это – основная причина того, почему кооперативы играли основную роль в мобилизации сбережений крестьянских хозяйств. Кроме того, именно через кооперативы в деревню поступали льготные кредиты государственной Корпорации финансирования сельского, лесного и рыбного хозяйства. Отсюда и важная роль кооперативов в кредитовании деревни: в конце 60-х – начале 70-х годов около 60% всех займов крестьяне получали у кооперативов.

Не менее важную роль играли кооперативы, снабжая деревню товарами производственного назначения (удобрения, пестициды, корма, техника, бензин, строительные материалы и т. п.). Именно через кооперативы производитель мог получить необходимые ему денежные средства для покупки этих продуктов. В первое время это касалось, прежде всего, удобрений. Для их приобретения крестьяне получали кредиты под так называемые сельскохозяйственные векселя, выдаваемые кредитными отделами кооперативов в счет будущих поставок риса (векселя учитывал Банк Японии). Лишь наиболее крепкие хозяйства (а их было очень мало) в ряде случаев обходились без кооперативов, налаживая непосредственные связи с перерабатывающими предприятиями или производителями техники, но это относилось лишь к той продукции, которая не закупалась государственными органами.

Однако постепенно условия существования кооперативов менялись. Серьезным минусом для их деятельности является, прежде всего, сокращение числа крестьянских хозяйств, т. е. постепенно сужается основа их деятельности. Число крестьянских дворов и соответственно число членов комплексных кооперативов с решающим голосом за 1960–2002 гг.

¹ Ногё кёдо кумийай. 1971, № 7, с. 102.

уменьшилось с 6057 тыс. до 3028 тыс., число членов – с 6075 тыс. до 5150 тыс.

Процесс урбанизации, рост промышленных предприятий в сельской местности, уход из деревень молодежи, строительство дорог, улучшение здесь социальной инфраструктуры – все это значительно изменило облик деревень и малых городов и их социальный состав. Постепенно остается все меньше деревень и поселков, где крестьянские дома составляют большинство, о чем свидетельствуют следующие данные за 1970–2000 гг. о доле поселков, где крестьянские дворы составляли²:

	80 % и более	50–80%	30–50 %	10–30%	менее 10%
1970 г.	50,9	27,5	9,4	8,8	3,4
1980 г.	35,2	29,4	12,1	13,2	10,1
1990 г.	19,7	33,0	15,7	16,4	15,2
2000 г.	9,4	29,9	19,8	21,2	19,6

Отсюда и сокращение членов кооперативов с решающим голосом (согласно примерному уставу сельскохозяйственных кооперативов ими могут быть только лица, обрабатывающие не менее 10 ар земли или занятые в сельском хозяйстве не менее 90 дней в году³). Только за 1990–2002 гг. их число уменьшилось с 5544 тыс. человек до 5150 тыс. При этом нельзя не отметить увеличение среди них числа женщин – с 667 тыс. до 784 тыс. человек, что отражает рост числа женщин среди занятых в сельском хозяйстве, правда, далеко не адекватно: в кооперативах с решающим голосом их было только 15% (директоров кооперативов – только 2%), с совещательным голосом – более 50%⁴. В то же время растет число членов кооперативов с совещательным голосом, т. е. тех, кто не является фермерами: с 3065 тыс. до 3913 тыс. человек⁵, или с 37 до 43% общего числа членов кооперативов. Другими словами, кооперативы, созданные сначала как организации занятых в сельском хозяйстве, постепенно становятся организациями для всех жителей данной сельской местности.

Кроме того, на деятельность кооперативов большое влияние оказывают и многие другие факторы. Это – значительное сокращение производства риса (индекс его производства составил в 1960 г. 132,1, в 2002 г. –

93,7); постепенное снижение цен на рис (достигнув пика в 1985 г., они снизились к 2003 г. на 26%⁶, что привело к сокращению доходов крестьянских хозяйств). Кроме того, происходит дифференциация сельских хозяйств, все большую долю среди которых начинают занимать крепкие фермеры, недовольные деятельностью кооперативов и действующие самостоятельно. Действуют и такие факторы, как значительное увеличение импорта сравнительно дешевой сельскохозяйственной продукции, конкурирующей с отечественной; разнообразие запросов потребителей; все большее повышение требований к качеству продукции, особенно касающиеся ее «безопасности» для здоровья человека.

Все это вело к снижению показателей сбытовой и закупочной деятельности кооперативов (только за 1990–2002 гг. объем продаж комплексных кооперативов снизился на 26%, закупки – на 35%⁷) и подорвали их финансовую базу. Этот фактор в перспективе станет, видимо, еще более важным. В настоящее время весьма активно проводится так называемая политика дерегулирования в области производства и сбыта сельскохозяйственной продукции. Снятие существовавших ранее многих ограничений для деятельности оптовых предприятий и торговых домов, например, при продаже риса, значительно повысило активность новых участников торговли. В эту сферу внедряется частный сектор, предлагающий более выгодные условия фермерам, чем это делали и делают кооперативы. Поэтому у них появляется все больше конкурентов на рынке в лице оптовых торговцев, выходящих на публичные торги на биржах, а также банков, машиностроительных компаний и пр.

В течение длительного времени *Дзэнно* была монопольным продавцом на аукционах по установлению цен на рис, продающийся не по государственным каналам. Фермеры, которые хотели продавать рис здесь, могли обращаться только к этой организации с просьбой представлять их на аукционах, в частности, в Центре формирования цен на рис⁸. Но в 2004 г. в ходе дерегулирования к торгам в Центре были допущены крупные торговые дома, например, «Содзицу Корп.» и «Яматанэ Корп.», и оптовики по продаже риса, в том числе такой известный, как «Мурасэ». Другой крупный оптовик по продаже риса – «Симмэй» собирается попасть во вторую секцию Токийской фондовой биржи. Кроме того, в качестве продавцов были зарегистрированы еще 40 мелких и средних районных рисовых бизнесменов. В мае 2005 г. было объявлено о проведении фьючерсных сделок на рис (которые не проводились последние 70 лет) на четырех биржах, включая токийскую

² Сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни). Токио, 2001, с. 92.

³ На практике же это право определяется уставом каждого данного кооператива. Согласно некоторым уставам можно обрабатывать только 1 ар и т.д.

⁴ Однако роль женщин в кооперативах достаточно большая: они являются мостом, который связывает хозяйственную деятельность кооперативов и нужды членов коммюнити.

⁵ Сёкурё ногё носон..., 2004, с. 141.

⁶ Там же, с.116, 124, 141; Ногёкудокумий нэнкан (Ежегодник сельскохозяйственной кооперации). Токио, 1964, с.330.

⁷ Сёкурё ногё носон... 2004, с.141.

⁸ Он был основан в 1990 г. под названием Центр по формированию цен добровольного рынка риса. Новое название получил в 2004 г. В то время на этом рынке проходило примерно 20% риса, продаваемого в стране.

зерновую⁹. Появление на сцене новых конкурирующих участников торгов должно, по всей вероятности, привести к снижению цен на рис. По заявлению министра сельского, лесного и рыбного хозяйства, полностью контроль над производством и сбытом риса будет утрачен не позже 2008/09 фин. г.¹⁰, что, по-видимому, еще больше осложнит положение кооперативов, если они не сумеют перестроиться. Сбыт пшеницы и ячменя перешел к частным дилерам уже с 2000 г.

Учитывая создавшееся положение, ряд специалистов даже высказывают мнение, что, возможно, кооперативы даже перестанут заниматься сбытовой деятельностью. Так, например, по мнению старшего научного сотрудника НИИ экономики, торговли и промышленности Ямасита Кадзухито, придет время, когда в ведении кооперативов останутся только кредитные функции, а предпринимательские хозяйства будут осуществлять свои хозяйственные операции через другие, организованные ими, кооперативы¹¹.

Достаточно серьезным минусом в деятельности кооперативов являются большие административные расходы, неэффективная работа аппарата, нехватка квалифицированных кадров. Большинство руководителей этих организаций занимают посты в течение многих лет, причем одновременно и в вышестоящих организациях. Иными словами, создавалась своего рода кооперативная бюрократия, заинтересованная в этих организациях как в источнике своих доходов, а не в том, чтобы приносить пользу их членам. Нередко эти деятели по совместительству являются деревенскими старостами, мэрами малых городов, членами городских и сельских собраний и пр. У кооперативов часто не хватает квалифицированных работников, чтобы предотвратить злоупотребления, хищения или непрофильное использование средств¹².

В результате большинство видов деятельности кооперативов является убыточным, и организации сводят концы с концами лишь благодаря поступлениям от кредитных и страховых операций. У них все меньше остается возможностей для удовлетворения все возрастающих запросов покупателей.

⁹ Нихон кэйдзай симбун. 12.04.2004, 03.02.2005, 06.10.2005. Однако, по данным на середину 2006 г., министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства под давлением сельскохозяйственных организаций (прежде всего, кооперации, ссылающейся на необходимость сохранения стабильной обстановки для проведения реорганизации производства риса) разрешило на такие торги пока не дано.

¹⁰ Нихон кэйдзай симбун. 27.06.2003.

¹¹ www.rieti.go.jp/papers/

¹² Например, в кооперативе Охара (преф. Окаяма) на собрании говорилось о том, что его бывший председатель куда-то подевал примерно 5 млрд. иен (Nikkei.30.12.02 – 06.01.03). А в 2005 г. министерство приняло решение о прекращении выдачи субсидий для сбытовой деятельности *Дзэнно*, ибо эта организация была замечена в каких-то махинациях, отдавая их непосредственно фермерам через местные органы власти (Нихон кэйдзай симбун. 11.05.2005).

Поскольку большинство японских фермеров выращивает рис, то основной целью деятельности кооперативов было повышение цены на продукцию рисопроизводителей. Это было в интересах самих организаций, ибо высокие цены на рис повышали доход от комиссионных, а высокие доходы фермеров увеличивали закупки средств сельскохозяйственного производства. Причем в идеале благодаря коллективным закупкам кооперативы должны были бы бороться за снижение цен, за повышение эффективности их хозяйственной деятельности, но им самим было выгоднее, чтобы цены на рис были высокими. Более того, оплата поставок риса сосредоточивалась на фермерских счетах кооперативов, т. е. активы последних росли, и они могли кредитовать производителей средств сельскохозяйственного производства, например удобрений, и получать дополнительные доходы.

Для мелких хозяйств, фермеров-совместителей (т. е. получающим свои доходы либо в основном, либо частично за счет работы в других отраслях экономики) такая ситуация была достаточно приемлемой (а они составляли примерно 2/3 всех фермеров). Высокие цены, устанавливаемые правительством, вполне их устраивали, давали возможность существовать, не надо было продавать землю или сдавать ее в аренду. В результате задерживалась дифференциация хозяйств, консервировалась аграрная структура, замедлялось развитие крупных рентабельных ферм, которые бы могли повысить эффективность производства и уровень конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на мировом рынке.

Но такое положение до поры до времени вполне устраивало сельскохозяйственные кооперативы, поэтому представители *Дзэнно* под благовидным предлогом защиты сельского производителя постоянно лоббировали интересы сельскохозяйственных производителей в парламенте¹³. Они продолжают это делать и сейчас, сопротивляясь проведению структурных реформ, рассчитанных на создание условий предпринимательским хозяйствам для расширения размеров их деятельности. Кооперативы нередко выступают против ряда решений правительства по реформированию отрасли, без чего уже невозможно обеспечить процветание фермерского хозяйства. В частности, они протестуют против предполагаемых мер по сокращению размеров субсидий и предложений по предоставлению адресных дотаций только тем фермерам, которые используют их для расширения и повышения эффективности своих хозяйств. Кооперативы выступают против заключения

¹³ Вместе с тем нельзя не признать, что протекционистская аграрная политика, поддерживаемая аграрным лобби в парламенте, была выгодна и правящим кругам, так как сохраняла большой электорат правящей Либерально-демократической партии, ибо после земельной реформы конца 40-х годов деревня традиционно голосовала за нее. Поэтому все изменения в аграрном законодательстве, направленные на повышение эффективности производства, проходились очень медленно и непоследовательно.

соглашений о свободной торговле с Таиландом, Мексикой и другими странами. Совет сельскохозяйственных кооперативов даже выпустил в 2003 г. брошюру по этому вопросу, где говорится о том, что вести переговоры на тему о ликвидации тарифов на сельскохозяйственную продукцию – шаг весьма необдуманный и неприемлемый. Некоторые законодатели выступали против заключения такого соглашения даже с Сингапуром, хотя он практически не имеет продукции, которая могла бы угрожать аграрному сектору Японии. Кооперативы резко выступили и против решения министерства в случае падения цен на рис не предоставлять компенсационную помощь тем фермерам, которые получают высокие доходы от деятельности вне сельского хозяйства¹⁴.

Привыкнув к своему монопольному положению на рынке сельскохозяйственной продукции и вообще в деревне, кооперативы не хотели ничего менять и не сумели ответить на вызовы нового времени, когда на аграрный сектор обрушились дополнительные проблемы в 90-е годы. Среди них – банковский кризис, дефляционные процессы, массивный приток дешевой импортной продукции, очень ограниченное число продолжателей семейного бизнеса, ибо большинство детей фермеров, получая образование, уходят из аграрного сектора. И на фоне всего этого радикально активизировался процесс дерегулирования, который ранее проходил довольно пассивно и почти не отражался на деятельности кооперативов¹⁵.

Не удивительно, что в такой ситуации фермеров, особенно сравнительно крупных, удовлетворяла деятельность кооперативов. По свидетельству работника министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства Окухара Масааки, многие из них считают, что «без таких кооперативов вполне можно обойтись»¹⁶. Об этом упоминается и в официальном издании министерства: «В частности, много сельскохозяйственных кооперативов медлят с реформированием своих операций, особенно экономических, касающихся продажи продукции и покупки нужных материалов, и члены этих организаций все чаще говорят о том, что они “получают мало выгод от услуг сельскохозяйственных кооперативов”»¹⁷. Ряд крупных хозяйств (с годовым объемом продаж в 100 млн. иен и выше) предпочитают не зависеть от кооператива и сами ищут другие возможности для приобретения товаров по более низкой цене, чем предлагает кооператив, организуют свою собственную сбытовую сеть, стараются более полно удовлетворить запросы потребителя¹⁸.

¹⁴ Нихон кэйдзай симбун. 21.01.2002; 12.12.2002; 09.05.2003; 03.11.2004.

¹⁵ Например, когда в начале 70-х годов наряду с государственными закупками риса начала действовать система независимого обращения риса, то кооперативы все равно остались собирателями грузов у крестьянских хозяйств, т. е. их роль фактически не изменилась.

¹⁶ Ногё то кэйдзай. 2002, № 4, с. 6.

¹⁷ Annual Report on Food Agriculture and Rural Areas.... FY 2003, p. 12.

¹⁸ www.rieti.go.jp/papers/

Таким образом, вопрос о реформировании кооперативов встал достаточно остро. Нельзя сказать, что правящие круги не стремились принимать меры для повышения эффективности деятельности кооперативов, а сами руководящие органы сельскохозяйственных кооперативов не пытались улучшить свою хозяйственную деятельность.

Уже с 50-х годов на основе ряда принятых законов (1953, 1956, 1961 гг.) начало проводиться укрупнение кооперативов. Их число постоянно уменьшалось за счет роспуска слабых в финансовом отношении кооперативов, а также в результате слияния и соответствующего укрупнения кооперативных организаций, что было направлено на упорядочение их хозяйственной деятельности, сокращение управленческих расходов. Так, число комплексных кооперативов сократилось за 1955–2002 гг. с 12 985 до 1046. Только за 1990–2002 гг. их число уменьшилось более чем втрое¹⁹.

Эти мероприятия были направлены на повышение экономической жизнеспособности кооперативов и их конкурентоспособности. Этот процесс шел не всегда гладко, ибо для достижения консенсуса нужно было преодолевать, в частности, амбиции руководящих деятелей, тенденции к их обюрокрачиванию, стремление заняться политикой, сложность управления слишком крупной организацией и т. п.

Серьезные недостатки в деятельности сельскохозяйственных кооперативов не раз обсуждались как в самих кооперативных организациях, главным образом на очередных годовых конференциях, организуемых Дзэнто, так и в различных правительственных комиссиях, связанных с деятельностью этих организаций. Кооперация встала перед лицом неминуемого реформирования. Это особенно стало актуальным в условиях начавшегося реформирования всего аграрного сектора в связи с изменением социально-экономической обстановки в стране. Прежде всего, это касалось требований японских внешнеторговых партнеров о снижении тарифов на сельскохозяйственную продукцию, что ставило под угрозу само существование отрасли из-за неконкурентоспособности ее продукции на мировом рынке.

Наиболее серьезные поправки были внесены в законы о сельскохозяйственных кооперативах в июне 2001 г.²⁰ Речь шла об изменениях в организационной структуре кооперативов, их хозяйственной и финансовой деятельности. Это было сделано на основе положений нового Основного сельскохозяйственного закона, принятого в 1999 г. Девятая статья данного закона гласит, что фермеры и их организации должны содействовать осуществлению базовых принципов, прописанных в законе. В 28-й статье говорится, что государство должно принимать необходимые меры, чтобы содействовать активной деятельности кооперативных

¹⁹ Сёкурё ногё носон....2004, с. 141.

²⁰ Подробнее см.: Ногё то кэйдзай. 2002, № 4, с. 5–28 и др.

организаций фермеров по развитию эффективного сельскохозяйственного производства.

В третью статью Закона о сельскохозяйственных кооперативах были внесены поправки, согласно которым юридические лица, образованные в сельском хозяйстве (за исключением имеющих в своем составе свыше 300 постоянных служащих и с капиталом свыше 300 млн. иен) получили права членов кооперативов с решающим голосом. Статус члена с решающим голосом Центрального совета кооперативов получил и Центральный сельскохозяйственный банк. Была изменена и десятая статья, которая теперь предписывала кооперативам не только проводить просветительскую работу среди своих членов по вопросам об улучшении управления и повышения технического уровня хозяйств, но и осуществлять практическое руководство для достижения этих целей. Изменения в 12-й статье предусматривают предоставление членам кооперативов с совещательным голосом права пользоваться кооперативным оборудованием. Согласно поправкам к 73-й, 81-й и 89-й статьям, сельскохозяйственные союзы–юридические лица²¹ получили право преобразовываться в компании с ограниченной ответственностью, а последние, наоборот, – право становиться сельскохозяйственными союзами–юридическими лицами.

Поправки коснулись также административной системы. Было предусмотрено иметь в организации не менее трех работающих на постоянной основе высших должностных лиц, при этом им было запрещено заниматься совместительством. В комиссию по контролю над хозяйственной деятельностью разрешено включать не только членов кооператива с решающим голосом (речь, в частности, идет о привлечении к этой работе членов молодежных и женских отделов), но в пределах 1/4 числа членов. Такие комиссии могут иметь все федерации как префектуральные, так и всеяпонские.

Реорганизации подвергся и Центральный сельскохозяйственный банк. Это – один из крупных банков страны. В 2005 г. его активы составили 61 978 млрд. иен (577 млрд. долл.)²². В 1998 г. была принята декларация «Базисные подходы к реорганизации кредитного бизнеса». В соответствии с поправками, внесенными в закон об этом банке, он стал финансовым органом для кооперативных организаций фермеров, являющихся членами сельскохозяйственных кооперативов и кредитных федераций; получил в Центральном совете сельскохозяйственных кооперативов статус члена с решающим голосом.

Среди кооперативов появились сейчас и такие, которые хотят изменить существующее положение, проявляют изобретательность, чтобы

²¹ Мелкие объединения производителей для совместного проведения сельскохозяйственных работ или совместного использования техники (как правило, организованы в рамках кооператива).

²² www.nochubank.or.jp

пробить себе нишу на новом рынке. И некоторые преуспевают в этом, что свидетельствует о потенциальных возможностях этих организаций в будущем. Например, – это кооператив на юго-западе преф. Гумма, который называют «чудо Канра-Томиока»²³. В 2002 г. ежегодные продажи риса у него превысили 10 млрд. иен (76 млн. долл.), что на 5% больше чем в предыдущем году. В середине 80-х годов этот кооператив реализовывал продукцию на 8,4 млрд. иен, 95% этой суммы складывались за счет продукции шелководства и коньяку (съедобный корень, широко используемый в кулинарии), но в связи с импортом стоимость продаж этих двух видов продукции сократилась до 650 млн. иен. Достижение указанного объема продаж в 2002 г. произошло за счет того, что фермеры начали производить разнообразную продукцию, в том числе сиитаке, огурцы, капусту, лук-порей, – всего 244 вида.

Кроме того, во второй половине 90-х годов кооператив открыл в г. Томиока торговую точку в сети непосредственной продажи кооперативной группы (*Сёкусайкан*). Он вовлек в это мероприятия 34 фермера, главным образом представителей хозяйств-совместителей. Среди них были хозяйства, которые выращивают продукцию только для своего потребления, а также те, кто перестал заниматься сельским хозяйством, но имел обрабатываемую землю. Свежая продукция должна быть продана быстро, и фермеры-совместители, торгуя сами, сумели зарабатывать по 200 тыс. иен в месяц. По словам управляющего отделом сбыта овощей кооператива «Канра-Томиока», участие в этой программе позволило учитывать запросы потребителя. Другой канал непосредственной продажи у кооператива – это арендованные прилавки (корнеры) в крупных супермаркетах (в частности, в «Такасимая», «Сэйю» и «Токю»), или кооперативного типа розничных магазинах. Но торговля там разрешалась только тем фермерам, которые уже зарекомендовали себя в кооперативной сети, всего 24 прилавка. Фермеры приносят продукцию в кооператив в 8 часов 30 минут, а кооператив переправляет ее в Токио в розничные магазины к 10 часам утра. Заказы фермеры получают за неделю, розница покупает весь товар, и обратно он не возвращается. Но если чья-нибудь продукция не продается, розница больше ее не запрашивает. В такой торговле принимают участие 1200 фермеров (10% всех членов кооператива «Канра-Томиока»), 70% предоставляют свою продукцию по контрактам, заключаемым ими через кооператив непосредственно с крупными ритейлерами.

В «Канра-Томиока» есть эксперты, которые дают советы производителям, контролируют виды продукции, ее количество, устанавливают цены и гарантируют качество. Поэтому кооператив пользуется доверием розничных магазинов.

²³ Нихон кэйдзай симбун. 21.01.2002.

Другой преуспевающий кооператив – «Сихоротё» на Хоккайдо производит картофель для салатов. В 2000 г. он получил прибыль в 20,6 млрд. иен (в среднем кооперативы по стране имели 3 млрд. иен). Ежегодно производство картофеля в этом кооперативе составляет 260 тыс. т, или 10% внутреннего производства. Первый завод кооператив построил в 1988 г. в Хигаси-Мацуяма (преф. Сайтама). Он делал картофельные чипсы для компании «Кальби фудс». Предприятие по производству салатов из картофеля для компании «Адзиномото» было открыто в 1999 г. в г. Фукутияма (преф. Киото). Этот кооператив в отличие от многих других строит свои предприятия в зоне потребления, считая, что это более выгодно. Кооператив вложил 1 млрд. иен в оба предприятия, используя государственные субсидии. Он также имеет предприятие в своем городе по производству замороженного жареного картофеля, картофельных крокетов и консервированной сладкой кукурузы, в том числе для такого крупного производителя продовольствия, как «Нитирэй Корп.»²⁴.

Ряд кооперативов возглавляется лицами, которые прекрасно понимают, что для развития аграрного сектора, прежде всего, надо укреплять фермы, для которых сельское хозяйство – основная работа. Они считают, что хозяйства-совместители, особенно те, которые получают свой основной доход от другой деятельности (а таких насчитывается около 70%), не должны на равных правах решать судьбу организаций.

Изменения, происшедшие в финансовой системе страны в 90-е годы, вынуждают кооперативы пересмотреть и отношение к своим членам. Обычно раньше руководство организациями советовало им заниматься строительством жилья, чтобы снизить сумму налога на наследство для своих детей. При этом увеличивались и доходы кооператива, который предоставляет для этих целей кредит и осуществляет страховку нового жилья. Теперь положение меняется. Один из руководителей муниципального сельскохозяйственного кооператива в Гифу засвидетельствовал это изменение: «Раньше мы бы попросили своих членов брать кредиты именно у нас и страховать у нас, мол, они должны так делать, ибо они члены кооператива. Но времена изменились. Мы теперь должны привлекать наших членов, предлагая им выгодный финансовый пакет»²⁵.

Конкурентами кооперативам в Гифу являются банки «Дзюроку» и «Огаки Кёрицу», которые, кроме всего прочего, предлагают консалтинговые услуги в своих филиалах, находящихся вблизи кооперативов. Но у последних есть преимущества, поскольку они продают своим членам удобрения, семена и пр. Кроме того, они могут быть посредниками при сделках с недвижимостью (землей и строениями) и даже сами находить потенциальных арендаторов собственникам земли. Банки

²⁴ Нихон кэйдзай симбун. 21.01.2002.

²⁵ Nikkei Weekly. 30.12.2002–06.01.2003.

же в принципе не имеют права заниматься брокерскими операциями с недвижимостью. А вот в муниципальном кооперативе в Гифу эта деятельность приносит ежегодно 200 млн. иен дохода, или 20% всей прибыли кооператива.

Кооператив на юге префектуры Миэ – «Нанки» организовал «банк на колесах», называемый «Ибуки». Он ездит вокруг г. Михамы, предоставляя финансовые консультации; в неделю он посещает шесть мест, ежедневно к нему обращаются до 60 клиентов²⁶.

Стараются кооперативы расширять и свою деятельность по созданию различных производственных групп – сельскохозяйственных фирм, компаний, корпораций или коллективных хозяйств, особенно в тех районах, где осталось незначительное число так называемых основных хозяйств.

Большую роль начинают играть кооперативы в программах по развитию сельских районов, особенно в гористой местности. В них сосредоточено примерно 40% обрабатываемой земли, примерно столько же сельскохозяйственного населения и производства. Здесь продолжают выращивать рис, и эти районы играют большую роль в развитии животноводства. И хотя в целом природные условия в них не очень-то благоприятны для ведения сельского хозяйства, но для производства продукции в условиях сравнительно холодных температур в летнее время они вполне приемлемы.

Для развития сельских районов кооперативы поддерживают и движение за создание продукции местной марки – «одна деревня – один продукт». Оно началось в 1979 г. в префектуре Ойта, его основная цель – реорганизация сельской экономики на основе расширения производства продукции, хорошо зарекомендовавшей себя на рынке или имеющей перспективный спрос (речь идет также о различных ремесленных поделках). По всей стране известны грибы *сиитакэ*, производимые в префектуре Ойта; или овощи под маркой «Кёсай» (преф. Киото); апельсины «Фудзи», виноград «Кёхо», грибы *эконокитакэ*, маринованные абрикосы из префектуры Нагано, хурма из префектуры Фукуока, огурцы из Коти и т. д. Все это дает дополнительные доходы членам кооперативов и самим организациям, ибо наличие местных брендов во многом обеспечивает продукции доверие потребителей и соответственно повышает ее конкурентоспособность в сравнении как с импортной продукцией, так и с продукцией других районов страны.

Не хотят отставать кооперативы и от кампании по маркировке сельскохозяйственной продукции для ее сертификации. Это делается в интересах потребителя, чтобы он знал, где, когда и каким способом была произведена та или иная продукция, т. е. как гарантия хорошего ее качества. Кооперативы вначале не очень хотели заниматься такого рода

²⁶ Ibid.

маркировкой, ибо она удорожает продукцию, но в связи с боязнью потери потребителей, которые относятся к качеству продовольствия весьма трепетно, изменили свою позицию. Центральный совет сельскохозяйственных кооперативов объявил еще в августе 2003 г., что с конца 2006 г. вся продукция, отгружаемая кооперативами (примерно 60% всего объема реализуемой продукции), будет иметь идентификационный номер, который можно будет расшифровывать на создаваемом им сайте. Предварительно совет дал указания, чтобы хозяйства записывали всю необходимую информацию о производстве той или иной продукции, включая место нахождения фермы, дату сбора урожая и отправки. Информация концентрируется в базе данных каждого кооператива²⁷.

В целях установления брендов для сертифицирования уровня безопасности продукции в 2003 г. создали свой кооператив и сельскохозяйственные компании. С помощью этой новой организации они стремятся налаживать связи с главными ритейлерами и ресторанами, чтобы выстоять в конкуренции с дешевым импортом. Кооператив должен разработать стандарты методов выращивания продукции и ее сертификации в соответствии с ними. Те компании, которые не входят в сеть существующих сельскохозяйственных кооперативов, имеют мало финансовых и людских возможностей для сбора информации. Участники этого кооператива надеются, что к ним могут присоединиться и отдельные фермерские хозяйства, недовольные деятельностью сельскохозяйственных кооперативов²⁸.

Начала активизироваться и финансовая деятельность кооперативов. Для финансирования упомянутых выше сельскохозяйственных фирм ими была создана специальная инвестиционная компания, участниками которой стали Корпорация финансирования сельского, лесного и рыбного хозяйства (государственная организация), Центральный сельскохозяйственный банк и другие организации, в том числе префектуральные правительства²⁹. Цель компании – усилить управление фирмами, ибо они рассматриваются как следующее поколение сельскохозяйственного бизнеса, так как фермеры стареют очень быстро. Ее капитал оценивается примерно в 2 млрд. иен. Компания собирается в течение трех лет вложить 20–30 млн. иен в 100 фирм.

С весны 2005 г. банковская группа сельскохозяйственных кооперативов начала осуществлять трастовые операции по завещаниям. Это стало возможным в связи с изменением (в декабре 2004 г.) Закона о доверительном управлении (Trust Business Law), в соответствии с которым право трастовых операций получили не только трастовые банки.

²⁷ Нихон кэйдзай симбун. 26.08.2003.

²⁸ Нихон кэйдзай симбун. 28.01.2003.

²⁹ The Nikkei Weekly. 22.10.2002.

Теперь в соответствии с волей завещателя Центральный сельскохозяйственный банк будет производить раздел земельной собственности³⁰. С апреля 2005 г. банк начал выдавать сельскохозяйственным предприятиям низкопроцентные ссуды без обеспечения. В частности, кредиты в размере 100 млрд. иен могут быть предложены крупным фермам в качестве оперативных средств. К этому, видимо, банк подтолкнула инициатива крупнейших банков страны (например, «Мидзухо», или банковская группа «Сумитомо-Мицуи»), которые начали предлагать сельскохозяйственным предприятиям ссуды на аналогичных условиях. Кроме того, в конце 2006 г. банк собирался увеличить акционерный капитал для активизации розничных операций, в том числе выдачи кредитных карт. Он планирует разместить свои акции за границей, привлекая в качестве ответственных за эти операции такие компании, как «Deutsche Securities», «Goldman Sachs», «Mizuho Securities» и др. Предполагают, что, если размещение пройдет успешно, показатель достаточности капитала Центрального сельскохозяйственного банка превысит 13% (при нормативе в 8%)³¹.

В связи с появлением в сельском хозяйстве несельскохозяйственных фирм (их деятельность на арендуемой земле в выделенных районах началась с 2003 г. а с конца 2005 г. была разрешена во всех районах страны) Корпорация финансирования сельского, лесного и рыбного хозяйства планировала летом 2005 г. с привлечением капиталов кооперативов создать инвестиционный фонд (1,8 млрд. иен) для оказания помощи фирмам, занятым в агробизнесе, а также сельскохозяйственным корпорациям, стремящимся увеличить размеры обрабатываемой земли. Она также предполагает приобрести землю и оборудование убыточных корпораций, фермеров-должников и тех, кто уже не в состоянии сам обрабатывать свои участки. Ряд компаний – «Покка корпорэйшн», «Санъё электрик» и другие – хотят создать фонд для финансирования 10–20 фирм, которые выращивают органические овощи методом гидропоники, и фирму, которая производит оленье мясо³². Все это делается с целью производства и сбыта продукции с высокой долей добавленной стоимости.

В последние годы все большее значение приобретают непосредственные связи между производителями и потребителями. На стороне первых выступают, как правило, сельскохозяйственные кооперативы или мелкие организации крестьян (разного рода группы), вторых – потребительские кооперативы. По контрактам налаживаются даже непосредственные связи с крупными потребителями и появляются такие формы услуг, как доставка товара потребителю на дом. По данным обследования Все-

³⁰ Нихон кэйдзай симбун. 31.12.2004.

³¹ The Nikkei Weekly. 12.07.2005; Нихон кэйдзай симбун. 25.08.2006..

³² Нихон кэйдзай симбун. 06.01.2005.

японской ассоциации потребительских кооперативов, доля овощей и фруктов, получаемая этими кооперативами по прямым контрактам с организациями сельскохозяйственных кооперативов, постоянно растет. В 1994 г. она составила 34,2% общей суммы закупок³³.

Особенно часто такие связи налаживаются при продаже «органической» продукции, т. е. выращенной без применения химикатов. Например, компания «Nippon Ecology Network» организовала Службу снабжения «органическим» продовольствием 60 тыс. семей по всей стране. В числе других продуктов есть и овощи. Эта компания связана с 80 производителями «органических» овощей – отдельными хозяйствами и их группами, с которыми она ежегодно согласовывает программу производства «экологически чистых» овощей³⁴.

Для повышения своих доходов и улучшения положения членов кооперативов многие кооперативы участвуют не только в кампании по производству продукции местных брендов и пр. Учитывая любовь японцев к путешествиям, выездам на природу и др., они начинают развивать так называемый «зеленый туризм», создавая на своей территории различные парки, строя гостиницы, устраивая музеи быта, т. е. привлекая в свои районы городских жителей и культурной программой.

Вот как, например, с довольно сложной жизненной ситуацией справился один из поселков в преф. Киото, который пережил, как и многие другие в стране, и уход молодежи, и сокращение, а подчас, и ликвидацию производства, и запустение. Он не только сумел сохранить себя, но и обрел новую жизнь. Это – поселок Мияма. В него входят 57 больших и малых деревень, расположенных на площади 34 тыс. га. Но сельскохозяйственные угодья занимают лишь 575 га, остальная территория – горы и леса. Число жителей не превышает 6 тыс. человек. Каждая большая деревня служит административным центром для нескольких небольших. В ней имеются школа, отделение почты, храм, супермаркет. Одна из больших деревень – административный центр всего поселка.

Здесь находятся местная администрация, автовокзал, почта, телеграф, телефон, полицейский участок, две средние школы первой ступени, средняя школа второй ступени (она готовит главным образом специалистов для традиционных местных промыслов – по производству керамических изделий, обработке дерева, столярным работам), большой торговый центр и кварталы мелких лавочек, сувенирных магазинов и ресторанов.

Администрация и сами жители стремятся сохранить типично деревенский уклад жизни на фоне прекрасной природы, но, безусловно, не отказываясь, а, наоборот, широко используя в хозяйстве и быте все, что дает цивилизация. С одним, пожалуй, исключением: здесь полностью

отсутствует так называемая современная городская цивилизация с ее дискотеками, игральными автоматами, патинко.

Для выживания в нелегких для сельского хозяйства условиях жители деревень, входящих в поселок Мияма, наряду с занятием земледелием начали откармливать мясной скот и птицу или специализироваться на обработке дерева (в частности, в одной из деревень производится дорогая штучная мебель), либо на приготовлении экологически чистых кондитерских изделий.

Крестьяне деревни Асю, состоящей из 18 дворов, организовали, например, производственный союз по разведению грибов. Через какое-то время занялись и их переработкой, а также изготовлением столь любимых японцами солений и приправ, для чего было достаточно быстро построено перерабатывающее предприятие. Сейчас именно оно приносит основной доход. Его торговая марка «Мияма-сигурэ» известна уже всей стране. Союз по производству грибов деревни Асю входит в сельскохозяйственный кооператив поселка Мияма, через который он продает свою продукцию и покупает необходимые материалы. Кроме того, союз наладил и непосредственные связи с потребительскими кооперативами близлежащих городов.

Используя уникальные природные условия поселка (он расположен в удивительно красивом ущелье, на дне которого протекает довольно широкая река Юра, вбирающая в себя много горных речушек), администрация Мияма создала в одной из деревень своеобразную зону отдыха. Прежде всего, была построена гостиница японского типа (*рёкан*). Для желающих имеются также отдельные маленькие домики и палатки, разбит яблонево-сад, отведены места для рыбной ловли, оборудованы спортивные площадки, где одинаково интересно и удобно отдыхать взрослым и детям. В другой деревне создан музей деревенского быта. Он расположен в старинном крестьянском доме с хозяйственными постройками. Примечательно, что помимо всевозможной домашней утвари, в нем представлены уникальные письменные документы – разного рода расписки крестьян, ведомости, относящиеся еще к XVII в. Все это очень привлекает горожан: ведь японцы весьма интересуются своей историей.

Местные власти активно рекламируют через средства массовой информации, в первую очередь через телевидение, природные и рукотворные достопримечательности своей малой родины, привлекая значительное число туристов, что приносит жителям поселка дополнительный доход.

³³ Нихон ногё нэнкан. 1996, с.261.

³⁴ The Daily Yomiuri. 02.11.1999.

О некоторых особенностях русского и японского этнокультурного архетипа

А. Ф. Прасол

Вводные замечания

По мере углубления наших знаний о происхождении человека и процессе формирования цивилизаций ученых все больше занимает вопрос, как проходило их историческое размежевание и как столь непохожие социальные формации соотносятся между собой сегодня? В настоящее время идет накопление аналитического материала для составления в будущем своего рода социального генома человечества, в котором анализ развития и современного состояния составляющих его цивилизаций должен будет занять центральное место. Данная статья посвящена одному из аспектов этой глобальной проблемы – сравнительному анализу некоторых компонентов русского и японского этнокультурного архетипа. Методологическая основа и понятийный аппарат исследования пока не разработаны, поэтому не удивительно, что аналитических работ такого рода крайне мало. В отечественном японоведении они только начали появляться¹. Японские русисты такой задачи перед собой пока не ставят, хотя некоторые практические наблюдения и замечания об особенностях русского национального характера в их работах встречаются².

Современная наука выделяет Россию и Японию в отдельные цивилизации³, причем обе относятся к числу реципиентных. Японская культура

на ранних этапах формировалась под сильным влиянием индийской и (в большей степени) китайской цивилизаций. В новое и новейшее время решающее значение приобрела западная, евро-американская культура. Россия является прямой наследницей византийской культуры, религии, государственного устройства. Огромное влияние на многие аспекты русской жизни оказала монгольская империя в период ее господства на Руси. После освобождения от татаро-монгольского ига и падения Византии главным культурным донором для России стала Европа. Таким образом, и Россия, и Япония на протяжении всей своей истории получали из-за рубежа плоды научно-технического и культурного прогресса, добытые другими цивилизациями. Вплоть до XX в. сколько-нибудь заметного движения в обратном направлении не отмечалось. В обеих странах заметна тенденция к адаптации и консервации элементов заимствованной культурной традиции – со временем они приобретают национальную окраску и статус символов национального самосознания. Вероятно, это общая черта реципиентных цивилизаций вообще – этнокультурные заимствования в них сохраняются и получают развитие на новой национальной почве и после того как цивилизации-доноры прекращают существование или кардинально меняют свои базовые, основополагающие черты.

Традиционализм японцев, их почтительно-бережное отношение к прошлому общеизвестны и вряд ли нуждаются в дополнительном обосновании. Достаточно сказать, что почти все классические атрибуты современной японской культуры были заимствованы из Китая или через Китай из Индии, адаптированы и сохранены до настоящего времени. Японский философ Нисида Китаро писал, что «для постижения сути японской культуры нужно обратиться к ее истории, изучить основные институты и цивилизационные особенности»⁴.

В России схожая картина. Некоторые западные ученые склонны считать, что русские являются даже более ревностными хранителями и защитниками заимствованных культурных ценностей, чем их создатели⁵. Например, религиозная реформа XVII в. ставила своей задачей пересмотр некоторых чисто формальных обрядовых процедур и приведение их в соответствие с оригинальными византийскими образцами. Однако попытка реформировать ставший уже привычным ритуал привела к глубокому религиозному конфликту и вызвала ожесточенное сопротивление раскольников и старообрядцев, которое длилось более двух столетий и сопровождалось страданиями и человеческими жертвами.

Процесс заимствования культурных ценностей в обеих странах проходил хотя и неравномерно, со сменой цивилизаций-доноров, но

¹ Кожевников В. В. Противоречия между личностью и государством в двусторонних отношениях между Россией и Японией. – Россия кёкуто тиики но соготэки бунсэки. Гэндзё то тэмбо (Российский Дальний Восток – комплексный анализ современного состояния и перспективы). Нитиро: кёкуто гакудзюцу корюкай, 2001, с. 100–105; Дыбовский А. С. Ритуал и игра. О некоторых особенностях речевой коммуникации в японском и русском этноязыковых коллективах (в печати). [Электрон.ресурс]. Режим доступа: <http://russia-japan.nm.ru/>; Мещеряков А. Н. Японский император и русский царь: элементная база. М., 2004.

² См., например: Тэратани Хироми. Нихондзин то росиядзин – кокога отиган (Японцы и русские: вот в чем главные отличия). Нэсуко, 1990; Игараси Норико. Гэндай росиядзин-но исики кодзо (Самосознание современных россиян). Осака, 1999.

³ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003, с. 54–55.

⁴ Moore Charles A. The Enigmatic Japanese Mind. The Japanese Mind. Essentials of Japanese Philosophy and Culture. Charles E. Tuttle Company, 1967, p.295.

⁵ Richmond Yale. From Nyet to Da. Understanding the Russians. Intercultural Press Inc., 1986, p.33.

постоянно, на протяжении всей русской и японской истории. И в России и в Японии культурные иноземные инновации усваивались не механически, а накладывались на местный этнокультурный субстрат. В Ямато его основу составлял культ предков *синто*, в древней Руси – язычество. Обе исконные религии и сегодня занимают важное место в национальном самосознании и поведенческих стереотипах русских и японцев. В Японии это проявляется главным образом в сфере обрядового ритуала, в России – в удивляющей иностранцев вере в приметы, сверхъестественные силы и чудеса.

Таким образом, общецивилизационные особенности формирования русской и японской культурной традиции демонстрируют наличие некоторых сходных черт.

Присутствуют они и в более частных категориях, определяющих особенности этнокультурного архетипа русских и японцев. Так, например, для обеих социальных систем характерен государственный патернализм, при котором правительству отводится роль главного регулятора общественной жизни. Однако по своему содержанию российский патернализм и японский патернализм существенно различаются, о чем подробнее будет сказано ниже.

Русские и японцы с одинаковым трепетом относятся к национальной культуре, считают ее духовным фундаментом своего физического существования. Они примерно одинаково понимают выражение «в его (ее) жилах течет русская (японская) кровь», и те и другие плохо относятся к соотечественникам, уехавшим из страны и забывшим родной язык и культуру. Многие японцы-эмигранты, как и русские, завещают похоронить себя на родине. И в России, и в Японии существует общественное движение в защиту национальной духовной культуры и тревога за ее будущее. Возможно, именно этим объясняются парадоксальные на первый взгляд результаты опроса, проведенного в разных странах в начале XXI в. При всей любви к национальной духовной культуре общественное сознание России и Японии отличается пониженным чувством гордости за свою нацию. При среднемировом показателе, равном 84%, чувство гордости за свою страну испытывают 67,5% русских (62-е место в мире) и 54,2% японцев (71-е место)⁶. Вероятно, высокая оценка национальной духовной культуры не соответствует в глазах большинства населения тому статусу, который имеет его страна на мировой арене. В пользу такого толкования говорит тот факт, что первые 14 мест в мировом рейтинге заняли развивающиеся страны (первое – Египет, второе – Филиппины, третье – Вьетнам и т. д.), а среди развитых стран выше всех оказалась единственная сверхдержава – США, занявшая 15-е место. Очевидно, для респондентов основным критерием был не соб-

ственно уровень национальной культуры, а его соотношение с военно-политическим и экономическим влиянием своей страны в мире.

В классическом варианте русского и японского архетипа интересы группы (общины, мира, собора) превалируют над индивидуальными интересами, а обязанности членов группы ставятся выше прав, что отличает русское и японское правосознание от евро-американского. Как частный случай – всеобщий порядок и спокойствие считаются более важными, чем индивидуальные права и свободы. Западное право предполагает определенное противоречие между законодательной нормой и устремлениями отдельной личности. Закон сформулирован, провозглашен и доведен до всеобщего сведения. После этого он применяется механически и неизбирательно, ко всем без исключения. Японцы добавляют к этому один существенный момент: чтобы быть эффективным, закон не должен противоречить интересам многих людей. По их логике, введение сухого закона в США в 1919 г. не имело никакого смысла, так как спрос на спиртное был в обществе огромный. В 1960 г. в Японии был принят Закон об организации дорожного движения, но еще несколько лет после этого он применялся весьма своеобразно. Эпизодические кампании по безопасности движения имели место, но никаких специальных мер наказания и контроля полиция не принимала⁷. Они появились только после того, как растущее число дорожных инцидентов показало, что автомобиль – не только несомненное общественное благо, но и средство повышенной опасности.

Японские законы кажутся европейцам и американцам собранием расплывчатых сентенций, которые невозможно применить на практике. Японцы возражают: многообразие жизни нельзя вместить в статьи и параграфы, рассмотрение любого дела требует соблюдения не буквы, а духа закона, а для этого необходим полный и всесторонний учет сопутствующих обстоятельств.

Для русского менталитета характерно своеобразное и, мягко говоря, облегченное отношение к законодательной и процедурной норме. Оно отразилось во множестве крылатых выражений вроде «судить будем по закону или по совести?», «главное – чтобы человек был хороший», «закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло» и т. д. Если есть единодушие в коллективе, и чувство справедливости торжествует, то зачем закон? Строго говоря, легализма западного типа и независимого судопроизводства в российском обществе не существовало никогда – ни до, ни, тем более, после революции. В начале 60-х годов в Советском Союзе появились первые валютные спекулянты. Строго по закону их должны были осудить и заключить в тюрьму, однако инспирированное партийными СМИ общественное мнение потребовало для них

⁶ Такахаси Тору. Нихондзин-но катикан. Сэкай ранкинг (Моральные ценности японцев. Мировой рейтинг). Токио, 2003, с. 72–74.

⁷ Takeyoshi Kawashima. The Status of the Individual in the Notion of Law, Right and Social Order in Japan. – The Japanese Mind / Charles A. Moore. p. 267–268.

смертной казни за самое тяжкое по тем временам преступление – посягательство на интересы всемогущего государства. На встрече с Генеральным прокурором СССР Н. С. Хрущев с безапелляционностью дилетанта заявил, что не люди существуют для закона, а закон для людей, и если он недостаточно хорош, то это надо исправить⁸. Закон исправили, и спекулянтов расстреляли. О том, что в СССР юридическое право было повсеместно заменено «телефонным правом», сегодня широко известно.

Среди последних примеров «работы с законом» – случаи с приговорами Александре Иванниковой и Олегу Щербинскому. В 2004 г. на Александру Иванову поздним вечером в машине напал водитель такси. Под угрозой изнасилования она сумела ударить его перочинным ножом в ногу и убежать. Удар пришелся в артерию, нападавший умер от потери крови, и суд признал Иванову виновной в убийстве. Водитель личного автомобиля Олег Щербинский стал участником аварии, в которой погиб губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов. Многие говорили о том, что в трагедии был виновен водитель губернатора, но он и охранник губернатора также погибли. После долгих проволочек и колебаний Олег Щербинский был признан виновным в нарушении правил, приведшим к гибели трех человек. Ни Иванникова, ни Щербинский не признали себя виновными, приговоры вызвали большой резонанс в СМИ и российском обществе. По стране прокатилась волна протестов, началось движение в защиту подсудимых, после чего оба приговора были отменены судами вышестоящих инстанций, а обвиняемые освобождены. В обоих случаях сработали такие стереотипы, как привычка оглядываться на общественное мнение и стремление к социальной справедливости, в равной мере свойственные как русскому, так и японскому менталитету. Как показывают опросы, в обеих странах примерно одинаковое число людей, которые считают, что в своих действиях человек должен учитывать интересы и ожидания окружающих: в России – 46,9%, в Японии – 50,3% (для сравнения: в США – 33,4%, в Германии – 21,9%)⁹. Для России эти два случая имеют особое значение – впервые после многих десятилетий забвения и социальной апатии прозвучал голос общественности в защиту справедливости, и он был услышан.

Как и в правосознании, в мироощущении русских и японцев есть не только сходные черты, противопоставляющие их евро-американской культуре, но и существенные отличия. И русские, и японцы в познании окружающей действительности больше полагаются на интуитивно-чувственное, морально-оценочное восприятие событий и явлений, чем на рационально-логический анализ западного типа. Для русских и японцев гармоничные межличностные отношения в коллективе (впрочем,

понимаемые по-разному) важнее западного легализма с его строгой процессуальностью, они могут конкурировать даже с материальной выгодой. Отсюда повышенное внимание к справедливости при решении тех или иных вопросов, равнонаправленности в распределении общих благ и т. д. И русские и японцы более склонны подстраиваться под реалии складывающейся макро- или микроситуации, чем активно изменять ее в своих интересах. Поэтому в базовых поведенческих стереотипах они часто демонстрируют сходные черты: осторожность, консерватизм, почтение к прецеденту.

Отличие заключается в том, что русские более склонны к консервации сложившейся ситуации и доведения ее до состояния, при котором она стремится к спонтанному и неконтролируемому саморазрешению. В значительной степени это свойство русского архетипа объясняется нежеланием и неумением планировать свои действия далеко вперед. Оно продиктовано особыми географическими, климатическими и социальными условиями формирования менталитета крестьянской общины (мира) – основного донора современного русского архетипа. Для японцев, наоборот, характерно тщательное планирование своих действий, отслеживание малейших изменений в ситуации и принятие множества оперативных решений по ее улучшению (*кайдзен* «усовершенствование») – ключевое понятие в деятельности такого рода.

Для сравнения культурных моделей разных этносов удобно различать три уровня анализа: цивилизационный, государственный (социально-политический) и индивидуально-личностный (поведенческий). На цивилизационном уровне рассматриваются наиболее общие характеристики данной культуры, предопределяющие ее выделение в отдельную цивилизацию. Социально-политический уровень понимается как набор черт и признаков, отличающих государственную и общественную организацию данного этноса. На индивидуально-личностном (поведенческом) уровне анализируются наиболее значимые особенности бытового менталитета, мироощущения и этнического самосознания представителей данной цивилизации, определяющие основные черты их поведенческих стереотипов. В реальности все три уровня органично синтезированы в рамках каждой этнокультуры. Их выделение носит абстрактно-логический характер и является вспомогательным приемом для описания объекта исследования, под которым в данной статье понимается современный русский и японский этнокультурный архетип – неотъемлемый элемент национальной и государственной самоидентификации, утвердившейся в обеих странах в течение последних двух столетий.

При движении от вышележащего к нижележащему уровню анализа в русском и японском архетипе число сходных черт уменьшается, а число различий растет. Если общецивилизационная характеристика русской и японской культуры обнаруживает сходные черты, которые позволяют противопоставлять их евро-американской цивилизационной

⁸ *Richmond Yale*, From Nyet to Da..., с. 87.

⁹ *Takahasi Toru*. Нихондзин-но катикан. Сэкай ранкингу, с. 105–106.

модели, то уже на социально-политическом уровне о сходстве русского и японского архетипа приходится говорить с большими оговорками.

Выше говорилось о патернализме государства, его главенствующей роли в жизни российского и японского обществ. Однако его характер в двух странах далеко не одинаков. Японское общество часто рассматривают как иерархию социальных групп, в которой высшую ступеньку занимает государство. Оно отвечает не только за оборону и международные связи, но и контролирует сферу социального обеспечения, образования и воспитания, перераспределяет доходы в пользу малообеспеченных граждан и т. д. Иными словами, государство выполняет регулирующую и контролирующую функцию в национальном масштабе. Оценивая работу своего правительства, японцы задают вопросы: справедливо ли распределяются средства в обществе, эффективна ли система социального обеспечения, хорошо ли учат в школах и университетах, развивается ли транспортная инфраструктура и т. д. Благодаря социально ориентированной системе распределения доходов Япония занимает первое место в мире по их среднему уровню на душу населения (181 тыс. долл.), обогнав по этому показателю США на 25%, а Германию – почти в 3 раза¹⁰. Как говорят американцы, в Японии «большое государство».

В России оно тоже «большое» и имеет примерно тот же набор функций. В чем различия? Они весьма глубоки и объясняются, прежде всего, спецификой географических и социально-политических условий, в которых проходило становление государственности в России и Японии. На протяжении всей своей истории, вплоть до второй мировой войны Япония не знала иностранных вторжений и не испытывала внешнего силового воздействия на ход исторического развития. Две попытки монголов в XIII в. высадиться на Японский архипелаг закончились неудачей. Опыт захватнических войн самой Японией за рубежом исчерпывается тремя военными кампаниями: 1) боевые действия на Корейском полуострове на стороне Пэкче против Силла и Тан в 663 г.; 2) поход Тоётоми Хидэёси в Корею в конце XVI в.; 3) азиатская военная экспансия в первой половине XX в.

После прекращения междоусобных войн и объединения страны в начале XVII в. японское правительство приступило к совершенствованию методов гражданского управления в центре и на местах. Во главу угла была поставлена организационно-хозяйственная и контролирующая функция власти. Поощрение торговли и ремесел, обучение провинциального самурайства из удельных княжеств и подготовка кадров для центрального аппарата, поддержание порядка в городах стало важнейшей и долговременной задачей *бакуфу*. Островное положение страны и политика самоизоляции не требовали от правительства и удельных княжеств специальных мер по обороне границ. Внутренние

военные акции против непокоренных северо-восточных племен носили эпизодический характер и не отличались масштабностью. Согласно конфуцианскому учению первой заботой любого правителя должно быть благо подданных, а второй – их воспитание. Поэтому в Японии на протяжении столетий оценка центральной и местной власти определялась, прежде всего, сопутствующим ей по времени ростом благосостояния населения и общим благополучием дел.

Россия же воевала с соседними кочевыми и оседлыми народами беспрестанно, подвергалась нападениям и нападала сама, теряла свои земли и завоевывала новые. Это сделало военно-оборонительную функцию первой и главной в числе задач государственной власти. Огромная территория, многонациональный состав населения и подвижность границ закрепили эту особенность и добавили к числу главных функций полицейскую – поддержание порядка и подавление внутреннего сопротивления. Согласно некоторым подсчетам, начиная с X века в России на один год мирной жизни приходилось два года войны, т. е. 2/3 своей истории Россия провела в войнах. В нашей стране правителей всегда оценивали по двум главным критериям: насколько он расширил территорию государства и укрепил его в военном отношении. Не случайно к великим русским государям неизменно причисляют Петра Первого и Екатерину Вторую – при них военные победы и территориальные завоевания были особенно значительными. А упоминая правление Ивана Грозного, непременно отмечают покорение им Казанского ханства в 1552 г.

Военный аспект национальной истории и роль государства – один из наиболее контрастных критериев, различающих Россию и Японию. В силу своей значимости он породил целые пласты общественно-политических различий в организации жизни в двух странах. Так, например, для японского менталитета в высшей мере характерно стремление обеспечить преемственность в развитии страны и избежать крайних проявлений конфликтности в переломные моменты истории. По японским представлениям, смена исторических этапов должна проходить по возможности мягко и безболезненно, без насилия и репрессий. И японская история дает множество таких примеров.

Военное сословие, отстранившее от власти хэйанскую аристократию во главе с императором в конце XII в. лишило ее экономического могущества, но не уничтожило физически и сохранило приемлемые условия жизни. Военные лидеры Тайра Масакадо, Минамото Ёситомо и Минамото Ёсинака, захватив власть, даже не помышляли занять место императора и основали собственную столицу на более чем почтительном удалении от старой. В течение семи веков в стране существовало фактически два центра власти: один – реальный в Камакура, а затем в Эдо, второй – символический в Киото.

¹⁰ Известия. 07.12.2006, с.10.

В 1868 г. император вернулся на законный трон, и снова смена власти прошла довольно мирно: последний сёгун Токугава Ёсинобу (1837–1913) отказался от вооруженной борьбы под давлением общественного мнения. И это несмотря на трехкратное превосходство в живой силе и готовность сторонников сёгуна драться до конца. В этот исторический момент решающую роль сыграли моральные факторы: 1) стремление избежать полномасштабной гражданской войны; 2) боязнь превратиться из правителя в мятежника. Узнав, что защитники императора подняли парчовый штандарт, символ высшей государственной власти, сёгун не только покинул рвущееся в бой войско, но и обезглавил его, забрав с собой двух военачальников, братьев Мацудайра. Компромиссы на этом не закончились. После отречения Токугава Ёсинобу его дальнейшая судьба решалась за столом переговоров в Малом дворце. Победители смягчили первоначальные требования и пошли на серьезные уступки. Было решено, что сёгун лишается только высших постов и должностей, а второстепенные будут оставлены. Кроме того, в 2 раза была снижена доля отчуждаемых у него земельных угодий.

Стремление к консолидации властной элиты в этот переломный момент японской истории не может не удивлять. В течение 30 лет после реставрации Мэйдзи все удельные князья, боровшиеся против императора, получили от него высшие дворянские титулы и участвовали в управлении страной. Единственным исключением оставался бывший сёгун. Он жил личной жизнью, оставался в тени, и все время откладывал визит к императору. В 1898 г. он, наконец, решился посетить императорский дворец. Формальная встреча двух правителей завершила процесс примирения аристократии и воинского сословия. Вскоре Токугава Ёсинобу получил титул герцога и формально вошел в состав высшего дворянства¹¹.

Для русского менталитета более характерна бескомпромиссность, поэтому в политической борьбе побежденному, как правило, не приходится рассчитывать на великодушие победителя. Судьба последнего российского императора Николая Второго и его семьи – яркий, но не единственный пример. Бескомпромиссная борьба с идейными и политическими противниками вплоть до физического уничтожения широко практиковалось в России и до, и после революции 1917 г. Гражданская война 1918–1922 гг. также отличалась крайней жестокостью.

Другая важная черта российских реформ и преобразований, не свойственная японцам, – стремление к кардинальному слоому всех предшествующих реформ и возведению на их обломках совершенно новых. Это качество, вероятнее всего, сформировалось за последние пять столетий, когда по мере быстрого расширения границ империи русские часто оказывались в роли первопроходцев на новых землях.

¹¹ *Сиба Рётаро*. Последний сёгун. Жизнь Токугава Ёсинобу. М., 2000, с. 202, 210, 211.

Только за годы столыпинской реформы из центральных районов в Сибирь переселилось более 3 млн. крестьян. Возможности использования прошлого опыта в таких случаях обычно ограничены, и первооткрывателям приходится полагаться больше на смекалку и сообразительность. Такие черты русского характера, как нелюбовь к однообразным длительным усилиям и склонность к реформенному радикализму также играют немаловажную роль.

Реформа в японском понимании представляет собой последовательный и постепенный процесс, направленный на изменение существующей ситуации, с неперенными остановками, оценкой промежуточных результатов и внесением необходимых коррективов¹².

Отмеченные различия в значительной мере продиктованы разными взглядами на сущность таких категорий, как общественная гармония и общественная целесообразность. Принцип гармонии (*ва*) является ключевым для японского культурного архетипа. Он был изложен в первом параграфе известного «Уложения» Сётоку Тайси из 17 статей, составленного в 604 г.: «Следует ценить согласие, и отсутствие духа мятежности должно составлять основу... Когда верх демонстрирует согласие, а низ – дружелюбие, всегда существует взаимное понимание в обсуждаемых делах, они движутся сами собой»¹³. В отличие от Японии в России соображения целесообразности чаще брали верх над стремлением уладить вопрос мирным путем и с наименьшими потерями. Последовательность и бескомпромиссность в борьбе считается одной из отличительных черт русского национального характера, которая не раз выручала в войнах с захватчиками, но усложняла решение внутренних конфликтов.

В 1995 г. в 23 странах был проведен опрос, давший интересные результаты. На вопрос о том, какая функция государства важнее – гарантия общественного спокойствия или личных свобод граждан – в пользу первой высказалось 67% японцев и 42% русских¹⁴. Эта разница поставила японцев на второе, а русских – на двадцать первое место среди 23 стран. В России, прошедшей в XX в. через три революции, одну гражданскую и две мировые войны, голод и массовые политические репрессии, устранение общественных недостатков революционными мерами прямо поддержали всего 9,7% опрошенных (7-е место). А в Японии, не знавшей столь масштабных потрясений, таковых оказалось в 4 раза меньше – 2,7% (22-е место)¹⁵. Таким образом, в решении социальных

¹² *Такэути Ясуо*. Нихондзин-расиса то ва нани ка (Что значит быть настоящим японцем?) Пи-Эйч-Пи бунко, 2000. с. 42–44.

¹³ Нихон сёки (Анналы Японии). СПб, 1997, т.2. с. 94.

¹⁴ Сэкай нидзю санкакоку катикан дэа букку (Данные опросов населения в 23 странах мира). Доюкан, 1999. с. 28.

¹⁵ Там же, с. 24.

проблем по признаку «компромиссность – бескомпромиссность» русские и японцы при сравнении с другими нациями оказываются едва ли не полными антиподами.

В основе как русского, так и японского культурного архетипа лежат психология и мораль сельской общины, являвшиеся до недавнего по историческим меркам основой формирования национального характера и менталитета. Однако глубокие различия в исторических условиях формирования последнего обусловили тот факт, что отличий и несовпадений в менталитете русских и японцев гораздо больше, чем общих черт. Объем статьи позволяет коснуться здесь только двух аспектов – отношение к религии и коллективизма.

Религиозность

Россия и Япония заимствовали свои основные религии извне, в обеих странах они наложились на местные религиозные представления, поэтому религиозное мироощущение обоих этносов имеет синкретический характер. В Японии степень синкретизма намного выше (буддизм, синто, конфуцианство, даосизм), чем в России (православие и язычество), что с избытком компенсируется современной поликонфессиональностью. Кардинально различаются отношение к религии и занимаемое ею место в жизни общества. По данным опросов, в Японии число верующих составляет около трети населения, около 80% из них считают себя буддистами¹⁶. Отношение к религии в целом довольно легкое и необременительное. Среди всех процедур, относимых японцами к религиозной деятельности, самой популярной является посещение могил предков – регулярно это делают 70% японцев, в том числе 57% неверующих¹⁷. Далее по убывающей следуют: покупка в храмах охранных амулетов (33%), обращение к божествам с разными житейскими просьбами (28%), загадывание желаний и предсказание судьбы (*омикудзи*, 22%), редкое участие в богослужениях (14%), постоянное участие в богослужениях (13%), редкое чтение религиозных текстов (7%). Еще 9% японцев не делают ничего из названного выше¹⁸, т. е. являются чистыми атеистами даже по японским меркам. Интересно, что и к таким опосредованно религиозным атрибутам, как амулеты, просьбы о милостях и угадывание судьбы, прибегает абсолютное меньшинство населения, что говорит о вполне реалистичном отношении японцев к небесным силам. В то же время 46% японцев, в том числе

каждый четвертый атеист убеждены, что для счастья в жизни религия необходима¹⁹.

Японская культура обладает удивительной способностью примирять и объединять разные религиозные идеи и принципы. Согласно религии *синто*, японский император является прямым потомком богов и должен править вечно. Конфуцианство же учит, что правитель не имеет вечного статуса, его правление временно. Восприняв конфуцианство в целом, японцы исключили не устраивающий их пункт о правителе. Буддизм и *синто* они примирили по-другому, объявив синтоистских богов множественными воплощениями Будды.

Светская и религиозная власть, светская и религиозная деятельность всегда существовали в Японии раздельно, а в немногочисленных точках соприкосновения последняя занимала подчиненное положение. Даже в средние века, когда буддийская мысль достигла высокого уровня развития, ее влияние на светскую жизнь оставалось незначительным. Военачальники часто прибегали к советам ученых монахов, но никогда не клялись им в верности и не защищали их интересы, как это было, например, в Индии с мудрецами гуру. В Японии церковь и религия не освящали устои общественной морали и нравственности подобно христианству в России и Европе. В Японии нравственное воспитание всегда осуществлялось в рамках школьного обучения без прямого влияния церкви. Такое положение сложилось уже к завершению мирного объединения страны в начале XVII в. Позднее при правительстве *бакуфу* было создано специальное управление по делам буддийских и синтоистских храмов (*сядзи бугё*), контролировавшее их деятельность.

Слабость религиозного чувства подчеркивает важнейшую особенность японского культурного архетипа – приземленность, конкретность и утилитарно-практическую направленность мышления, вторичность любых идейно-теоретических установок по сравнению с практической деятельностью человека, его общественными связями и положением²⁰. Экстремальные формы религиозного культа, связанные с уходом от реальной жизни, в целом нехарактерны для Японии. Правда, закрытые секты такого рода существуют, но в них всегда присутствует обязательный для японского архетипа элемент – безграничная преданность членов секты групповым интересам и ее персональному лидеру. Идейно-религиозная деятельность закрытых сект опирается на мощный фундамент социальных связей – самого прочного японского материала.

В целом японцы относятся к религии терпимо, гибко и прагматично – любая религия хороша, если помогает в практической жизни. Но глубоких чувств к ней не испытывают: религиозным организациям доверяет

¹⁶ Нихондзин-но икэн 150 (Мнения японцев по 150 вопросам). Составлено лабораторией по изучению общественного мнения «Июмиури симбун», 1982. с. 233.

¹⁷ Там же, с. 234.

¹⁸ Данные 1993 г. См.: Гэндай нихондзин-но исики кодзо Дайсихан (Самосознание современных японцев). Вып. 4. – Эн-Эйч-Кэй хосо бунка кэнкюдзё, 1998. с. 105.

¹⁹ Нихондзин-но икэн 150, с. 232.

²⁰ Подробнее см.: Hasegawa Nyozeikan. The Japanese Character. A Cultural Profile. Translated by John Bester. Greenwood Press, 1965. с. 27–32.

только 12,5% населения (последнее, 23-е место)²¹. С западной точки зрения, религиозное чувство японцев эклектично, отличается отсутствием сверхценных сакральных идей и тесно связано с социальной этикой.

Совершенно иная ситуация в России. Как и в Византии, православная церковь формально подчинялась светской власти, но имела обширную сферу влияния, в которой у нее не было конкурентов. С ее силой не могли не считаться даже монархи, поскольку на Руси всегда верили, что царская власть от бога. Церковь освящала их браки, короновала, определяла сакральный ритуал и вообще легитимизировала действия светской власти в глазах верующих. Она была вторым крупнейшим землевладельцем в стране и обладала мощной материальной базой, принимала активное участие во всех общественно значимых событиях. В течение многих столетий глубокая набожность почиталась на Руси величайшей добродетелью (в том числе и для царей), а усердная молитва считалась лучшим средством для решения любых проблем. Многовековое противостояние с католицизмом обострило религиозное чувство, усилило его конфессиональную закрытость и нетерпимость к иноверцам. Параллельно с возвышением имперской власти в России росли авторитет и амбиции власти духовной, которая стала претендовать на гегемонию среди православных народов. Таким образом, русское религиозное сознание постепенно приобрело качества, совершенно нехарактерные для японского мироощущения.

Понимая значение религиозного культа в жизни российского общества, большевики после 1917 г. умело использовали традицию в своих интересах. Церковь репрессировали, а ее место заняла КПСС. Вместо учения Христа в умы рабочих и крестьян тотальными методами внедрялась коммунистическая идеология, она была объявлена единственно верной и вечной, как само христианство. Тело отца революции мумифицировали по образцу святых мучеников и поместили в мавзолей, сделав его местом официального паломничества. Статуи, портреты и бюсты Ленина заменили иконы в общественных местах, а в учреждениях и домах культуры появились «красные уголки» с коммунистической символикой. Поэтому партию большевиков можно в известной мере считать преемницей православной церкви, сменившей цель, но не средства идеологической работы с населением.

Несмотря на 70 лет активной атеистической пропаганды, религия продолжает занимать заметное место в жизни россиян. По данным опросов, 54% считают себя приверженцами православия²², а среди всех общественных институтов церковь занимает второе место по доверию

населения (после армии)²³ – в 1995 г. об этом заявили 61,9% россиян²⁴. Признавая равенство всех конфессий, 52,7% всех опрошенных ВЦИОМ граждан, тем не менее, полагают, что православие должно играть особую роль в жизни общества²⁵. Многие атеисты также положительно относятся к православной религии, считая ее важной частью национальной культуры. Сегодня в России заметна тенденция к превращению православия в государственную религию, по мере того как церковь все чаще публично выражает свое отношение к важнейшим событиям светской жизни, формируя общественное мнение. Мода на лояльность русской православной церкви среди политиков катализирует этот процесс.

Коллективизм

При сравнении с евро-американским культурным архетипом, который принимается обычно за точку отсчета западными учеными, русские и японцы, безусловно, попадают в число коллективистов. Однако если отвлечься от существования западной цивилизации, то между ними обнаруживается столько отличий, что впору говорить об антиподах.

Русский коллективизм уходит своими корнями в идеологию крестьянской общины – до начала XX в. крестьяне составляли 90% населения страны. Община (*задруга*, *мир*, *собор*, позднее *артель* и *колхоз*) на протяжении веков являлась основной формой социального существования огромных масс населения. Ее отличительные черты – коллективное владение средствами производства, общий труд и справедливое распределение благ. Николай Бердяев отмечал, что для русского коллективного сознания более характерна озабоченность справедливым распределением результатов труда, чем повышением его эффективности. Общинное понимание справедливости позволяло брать материальные блага и ценности там, где их много, и передавать туда, где их мало. Этим в значительной мере объясняется та легкость, с которой идеи большевиков с их равенством, братством и перераспределением богатств захватили в 1917 г. миллионные массы крестьян.

Другая отличительная черта русской общины – ограничение личной свободы ее членов. Член крестьянской семьи не мог покинуть ее без разрешения отца и сельского старосты, работник артели не имел права работать на стороне, не сообщив об этом товарищам. Традиции кланового крепостничества, существовавшие до 1861 г., были восстановлены в колхозном укладе советской власти, когда крестьяне были лишены паспортов и не могли выехать из деревни без разрешения председателя. Собрания сельской общины предполагали консенсус и

²¹ Сэкай нидзю санкакоку катикан дэта букку (Данные опросов населения в 23 странах мира). Доюкан, 1999, с. 95.

²² А. В. Сергеева. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2006, с. 188.

²³ Richmond Yale. From Nyet to Da..., 1986. p.30.

²⁴ Сэкай нидзю санкакоку катикан дэта букку, с. 95.

²⁵ Пресс-выпуск ВЦИОМ, № 442. 04.05.2006.

принятие единогласного решения, которое становилось обязательным для всех. Несогласие рассматривалось как посягательство на общие интересы. В этом истоки последующей тоталитарности советского общества, его нетерпимости к инакомыслию и борьбы с политической оппозицией, диссидентами, «врагами народа» и прочими «отщепенцами»²⁶. Отъезд из страны, любые контакты с заграницей – предательство интересов общины, разросшейся до национального масштаба. И здесь налицо умелое использование советской властью традиций крестьянской общины в политических целях.

В русской общине все равны, духовно близки друг другу, все знают обо всех все, легко вступают в контакты, работают сообща, помогают друг другу, старшие поучают младших и друг друга. Все эти черты присутствуют в поведении современных россиян, даже если они горожане во втором или третьем поколении – срок слишком мал для смены базовых поведенческих стереотипов. Чувство духовной общности, эмоциональная насыщенность межличностных контактов, взаимная заинтересованность друг в друге, моральная поддержка – необходимые условия для того, чтобы русский человек чувствовал себя счастливым. Тип индивидуального поведения современного западного горожанина (независимость, самодостаточность, неприкосновенность), все еще остается чуждым русскому человеку.

Японский группизм также уходит своими корнями в психологию крестьянской общины, но имеет свои отличительные черты. В отличие от России японские группы в большинстве имеют закрытый характер – их члены не отделяют себя лично и свои интересы от интересов группы. В довоенной Японии практически все группы имели закрытый характер, в наше время эта черта медленно ослабевает.

В японской группе существует основанная на возрасте и сроках вхождения в группу иерархия и разделение функций. Члены группы общаются между собой с учетом внутригрупповых иерархических отношений, широко используя систему знаковых отличий (вежливые формы, обращение по должности и т. п.). Общение в японской группе (впрочем, как и вне ее) отличается высоким уровнем межличностных барьеров. Они преодолеваются с помощью многочисленных норм и правил, составляющих основу повседневного этикета. В Японии нужно знать, как правильно обмениваться приветствиями, как принимать и вручать подарки, как входить в чужой дом и покидать его, и многое другое. Усвоение многочисленных этикетных норм составляет важную часть современного японского воспитания, которое в свою очередь обеспечивает высокую этнокультурную гомогенность японского общества и затрудняет вхождение в него представителей иных культур. Когда межличностное и межгрупповое общение проходит по установлен-

ным правилам, оно продуктивно. В отличие от русских, предпочитающих прямое, межличностное общение с элементами юмора, игры и импровизации, японцы общаются между собой подчеркнуто корректно, сдержанно и предельно серьезно²⁷ – чувство юмора не считается в Японии особым достоинством.

Внутригрупповые законы приоритетны перед внешними, они обычно не разглашаются и не обсуждаются вне группы. Это соотношение было заложено конфуцианским учением, которое стало впоследствии основой социальных норм в Японии. Если отец семейства нарушал закон, члены семьи имели право умолчать об этом, хотя во всех других случаях их обязывали доносить о нарушениях властям. Сегодня политики, бюрократы и бизнесмены в Японии берут и дают взятки, которые служат средством регулирования межгрупповых отношений. В японской коррупции удельный вес групповых интересов намного выше, чем в западных странах.

В японской группе все решения принимаются коллегиально, после общего обсуждения (*нэмаваси*). Высшие инстанции не принимают важных решений самостоятельно, без согласования с низшими. Как правило, проект движется снизу вверх, получая одобрение на каждом уровне (система называется *хингисэй*). Обратный порядок – исключительно редкое явление. Ни на этапе обсуждения проблемы, ни на этапе ее решения группа не считается со временем или усилиями – важен только результат, и здесь лояльность и самоотдача всех членов группы являются обязательными. Высокое качество конечного результата усилий при явной их избыточности – характерные особенности групповой деятельности японцев. Высоко оценивая постановку школьного обучения в Японии начала XX в., Н. И. Конрад, тем не менее, отмечал высокую энергоемкость школьной организации и общее несоответствие всех видов затрат получаемому результату²⁸.

В современной деловой практике российские производственные и управленческие группы (предприятия, учреждения) все чаще отходят от классического общинного образца в пользу авторитарного руководства и персональной ответственности, японские же группы продолжают сохранять важнейшие черты коллегиальности.

Если говорить в целом, то на поведенческом уровне, определяющем основные черты национального характера русских и японцев, отличий гораздо больше, чем сходств, что в значительной степени обусловлено глубокими различиями в климатических, географических и исторических условиях формирования двух цивилизаций. Широкою русской душу привлекает все большое и масштабное, утонченную японскую –

²⁷ Подробнее об этом см.: *Дыбовский А. С.* Ритуал и игра...

²⁸ *Конрад Н. И.* Современная начальная школа в Японии. – Из журнала министерства народного образования. Спб., 1913. с. 156.

²⁶ Подробнее об этом см.: *Richmond Yale.* From Nyet to Da..., p.35–37.

все аккуратно-миниатюрное. Россия и СССР известны своими социальными, экономическими, инженерными проектами мирового или континентального масштаба. Япония известна садами и парками, в уменьшенном виде воссоздающими горы, леса и реки, выращиванием миниатюрных деревьев (*бонсай*), созданием самых маленьких в мире технических устройств и т. д.

Россия и СССР не раз оказывались непосредственными участниками исторических событий глобального масштаба. Поражение от татаро-монголов и победа над Османской империей, революция 1917 г. и победа во второй мировой войне, соперничество с США и распад СССР подпитывают русский национализм и придают ему экстравертный характер с выраженным мессианским акцентом. В начале XVIII в. Россия начала осознавать себя державой мирового масштаба, способной влиять на судьбы других народов. После 1917 г. эта черта национального самосознания еще более усилилась, и продолжает оставаться таковой и сегодня.

Япония, став мировой экономической державой, лишь в последние два десятилетия приступила к освоению методов международной культурной экспансии. Но главное внимание она по-прежнему уделяет странам Юго-Восточной Азии – свидетельство того, что и сегодня эта страна осознает себя лидером регионального масштаба.

Японский национализм интровертен, он имеет преимущественно внутреннюю направленность и питается чувством почти семейной общности, единства, культурной обособленности и самобытности японцев, их традиционализмом. Единственная крупномасштабная военная экспансия на континенте в первой половине XX в. показала, что японцам трудно ориентироваться в сложной, многофакторной международной обстановке. Исследователи вообще отмечают приверженность японцев к сравнительно простым и символическим вещам и не любовь к сложным по содержанию понятиям и категориям²⁹. По мнению Накамура Хадзимэ, японцы в сравнении с другими народами более просты, честны и преданны, они менее склонны к заключению сложных политических или дипломатических сделок. В эпоху Токугава простоту, честность и искренность (в конфуцианском понимании) часто называли главными чертами японского национального характера, а суть самого *синто* усматривали в той же простоте и честности³⁰. Это мнение разделяет современный исследователь Кисимото Хидэо: «Непосредственное восприятие играет важнейшую роль в жизни японцев. Оно интроспективно и предельно конкретно. Если рассуждения при-

нимают слишком уж абстрактный характер, японец быстро теряет к ним интерес»³¹. Возможно, этой особенностью японского мышления объясняется тот факт, что Япония не дала миру таких мыслителей, как Чжу Си или Ван Янмин.

В отличие от японцев, для русских характерно стремление жить широко и ярко, не сдерживая душевных порывов и широких жестов, их привлекают контрасты и крайности. «Если уж воровать, то миллион, а влюбляться – так в королеву», «выпивать – так до бузы, а тосковать – так до слезы» и т. п. В Японии не было ничего напоминающего древнюю русскую забаву – драться «стенка на стенку» без всякого повода, просто для адреналинового удовольствия. Знакомство с этой традицией неизменно вызывает их изумление.

Когда в дело вступают чувства и эмоции, русские могут сдвигать горы и совершать подвиги, но механический, монотонный труд без дополнительной мотивации – их уязвимое место. В Японии, наоборот, высшим достоинством почитается умение держать под контролем свои мысли и чувства, избегать крайностей и контрастов, делать все методично и последовательно, помнить об интересах окружающих. Любые проявления повышенной эмоциональности нежелательны, а угроза непредсказуемого развития ситуации – испытание для японской психики.

В межличностных отношениях русские высоко ценят глубокую и бескорыстную дружбу без барьеров и ограничений, японцы же на первое место ставят личную преданность в сочетании с этикетом – его несоблюдение ведет к дисгармонии в отношениях. Об этом говорят известные японские пословицы: *ситасики ни мо рэйги ари* (и в дружбе соблюдай этикет), *ситасики ни мо каки о сэй* (и в дружбе нужны барьеры). С точки зрения японцев отношения между друзьями в России часто выходят за грань элементарной воспитанности, а русскому человеку бывает трудно отличить дружбу японцев от простой вежливости.

Японцы не умеют и не любят спорить с партнером, дискуссии и вообще публичные речи с целью кого-то в чем-то убедить – не их конек. Ревнитель ортодоксальной японской культуры Мотоори Норинага писал: «С незапамятных времен в нашей стране не принято было рассуждать даже о Пути [богов]. Классик [Какиномото-но Хитомаро] говорил: “В нашей стране бамбука и риса не вели споров со времен богов”. Не спорить – значит не разглагольствовать попусту, как это бывает в других странах»³². При возникновении конфликтной ситуации для японца естественнее уйти от спора и, взвесив все тщательно, попытаться найти приемлемый путь к компромиссу. А затем начать делать практические шаги по сближению позиций.

²⁹ Yukawa Hideki. Modern Trend in Western Civilization and Cultural Peculiarities in Japan. – Japanese Mind / Charles A. Moore. Tokyo, 1967, p. 56–59.

³⁰ Hajime Nakamura. The Way of Thinking of the Eastern People. Greenwood Press, 1960. с. 499–500.

³¹ Kishimoto Hideo. Some Japanese Cultural Traits and Religions. – Japanese Mind / Charles A. Moore. Tokyo, 1967, p. 112.

³² Hajime Nakamura. The Way of Thinking of the Eastern People, с. 471.

Помимо чувства гармонии (*ва*) такое поведение определяется соотношением двух других важнейших для японского культурного архетипа понятий: *татэмаэ* (показная внешность) и *хоннэ* (скрытая суть). *Татэмаэ* – это то, что можно, должно и уместно демонстрировать на людях. *Хоннэ* – это то, что на самом деле движет человеком и что в норме должно быть скрыто от посторонних глаз. Японцы считают, что демонстрировать *хоннэ* можно только в отдельных, особых случаях. Этим объясняется общеизвестная сдержанность японцев в проявлении таких интимных чувств как скорбь, восторг, гнев и т. д. По замечанию писателя Кунихиро Масао, японцам свойственна особая «эстетика умолчания», возвышающая скрытые, невысказанные чувства, и делающая вульгарным их вербальное выражение³³.

Незнакомым с японской культурой русским такое поведение в неординарных ситуациях может быть непонятно и восприниматься как признак слабости или даже недалекости, а сдержанность в проявлении чувств может быть истолкована как черствость или бесчувственность. Японцев же, наоборот, искренне удивляет готовность русских высказывать свои мысли и чувства по любому поводу и без особых церемоний. Кому-то такая открытость нравится, кому-то – нет. Во всяком случае, в прошлом излишне откровенных по японским меркам людей, не разграничивающих *татэмаэ* и *хоннэ*, осуждали жестко, говоря, что такой человек «подобен жабе – открывает рот и все внутренности видно». В России же, наоборот, всегда осуждали людей, которые думают одно, а говорят другое, называя их лицемерами.

В Японии мало известно о глубинных особенностях русского менталитета. Серьезных исследований на эту тему нет. Причиной тому не только невысокий, и в целом поверхностный уровень двусторонних культурных связей, но и слабость японцев в обращении с такими сложными и многомерными категориями, как культура и менталитет другого народа.

Русские военные моряки, появившиеся в Японии в середине XIX в., удивили японцев широтой практических знаний и навыков, а также неуемным духом первооткрывателей. Современная японская русистика наделяет русский национальный характер следующими отличительными чертами: 1) выносливость и терпение (русские могут работать в невероятно тяжелых условиях); 2) эмоциональная открытость; 3) простота в поведении и общении (не склонны к соблюдению этикетных норм); 4) веселый нрав и оптимизм³⁴; 5) безалаберность и непунктуальность, пренебрежение к мелким деталям; 6) бесцеремонность, а порой

и суровость в отношениях между людьми³⁵; 7) государственный патриотизм (ревностно отстаивают интересы родины)³⁶.

По мнению японцев, главными отличительными чертами японского характера в глазах русских являются: 1) трудолюбие и старательность; 2) вежливость и предупредительность; 3) пунктуальность и внимание к деталям; 4) умеренность и сдержанность³⁷.

Важно отметить, что все названные свойства следует воспринимать, прежде всего, в их денотативно-содержательном смысле, по возможности абстрагируясь от коннотативно-оценочных характеристик, так как одно и то же базовое качество может определять диаметрально противоположные черты характера или поведения. Например, свойственное японцам повышенное внимание к деталям может на практике обернуться как банальной мелочностью, так и замечательным перфекционизмом в ремесле или искусстве. Слабость логического мышления и нелюбовь к абстрактным понятиям могут трактоваться как антиинтеллектуальность (западное определение)³⁸, или как «экономия мысли» (японская трактовка)³⁹. А пресловутая широта русского характера лежит в основе не только щедрости и великодушия, но в такой же степени – безалаберности и бесцеремонности.

А какие моральные качества больше всего ценят в себе сами японцы? Согласно опросам, первая пятерка главных человеческих достоинств выглядит так: 1) добросердечность (*синсэцу*) – 75%; 2) сила характера (*кондзё*) – 58%; 3) безукоризненное поведение – 53% (*хинко хосэй*); 3) серьезность (*мадзимэ*) – 50%; 4) трудовая дисциплина (*мукэкин* – буквально отсутствие прогулов – 25%. Интересно, что корректное поведение (читай: этикет) ценится больше, чем серьезность. Наихудшими привычками и чертами характера японцы считают следующие: 1) токсикоманию (*синна асоби*) – 77%; 2) лживость (*гомасури*) – 62%; 3) половую распущенность (*фури сэксу*) – 40%; 4) равнодушие (*муансин*) – 40%; 5) индивидуализм (*кодзинсюги*) – 39%⁴⁰. В этом перечне обращает на себя внимание эклектичность, с которой в один список попали столь разные человеческие привычки и черты характера – токсикомания и лень, половая распущенность и равнодушие, добросердечность и отсутствие прогулов. Это подтверждает существующее мнение о том, что эклектичность свойственна не только религиозному чувству, но

³⁵ Эта черта понимается как отсутствие в русской культуре специфической японской категории *амаэ* (забота, предупредительность, учет интересов, вкусов, слабостей партнера и снисходительное к ним отношение).

³⁶ *Тэратани Хироми*. Нихондзин то росиядзин – коко га отигаи (Японцы и русские: вот в чем главные отличия). Нэсуко, 1990. с. 28–33.

³⁷ Там же, с. 35–37.

³⁸ *Moore Charles A.*. The Enigmatic Japanese Mind, p.290–291.

³⁹ *Такэути Ясuo*. Нихондзин-расиса то ва нани ка, с. 72.

⁴⁰ Нихондзин-но катикан (Моральные ценности японцев). Сисэйдо, 1970. с. 15.

³³ *March Robert M.*. Reading «The Japanese Mind». Tokyo, 1996. p. 42.

³⁴ Интересно, что, по мнению американцев, русскому архетипу, наоборот, свойствен глубокий пессимизм (русская тоска, хандра). См.: *Richmond Yale*. From Nyet to Da..., p. 42–45.

также мировосприятию и мышлению японцев вообще⁴¹. Правда, сами японцы склонны считать такое отношение к жизни не эклектичным, а гармоничным.

Вероятно, не будет ошибкой считать, что в целом русский и японский культурные архетипы оппозиционны друг другу, хотя имеют некоторые отмеченные выше общие черты, по которым они противопоставляются евро-американской культурной традиции. Русские в первую очередь обращают внимание на множественные объекты, японцы – на единичные. Там, где русский видит лес, глаз японца выделяет дерево или отдельную ветку. Взгляд русского человека притягивает линия горизонта, японец смотрит себе под ноги («дальнозоркость» и «близорукость» взгляда по определению А. Н. Мещерякова⁴²). Для русского важнее всего ухватить суть и решить задачу в принципе, на детали он обращает гораздо меньше внимания. Вероятно, это одна из причин того, что российские законы нередко либо остаются на бумаге, либо работают не так, как задумано. Японца же больше привлекает именно обдумывание и шлифовка деталей. Русские умеют оригинально рассуждать и вести глубокие дискуссии – японцы сильны в практических действиях. Русские хорошо чувствуют себя в нестандартных ситуациях, требующих повышенного эмоционального тонуса и импровизационных решений, – японцы великолепно справляются с рутинной работой, требующей внимания и тщательности. Русские склонны пренебрегать установленными нормами, когда это выгодно или целесообразно, а для японца точное выполнение предписаний составляет лучшую часть его жизни. Японцев удивляет легкость, с которой русский человек может отдать последнее нуждающемуся, и в то же время позаимствовать в нужный ему момент чужую вещь (сигареты, телефон, мелкие деньги) – здесь налицо глубокие различия в поведенческих стереотипах и моральных нормах двух этносов. Их преодоление затрудняется обоюдно плохим знанием этнокультурных реалий и давлением стереотипов с обеих сторон.

Полтора столетия сложных, по большей части напряженных отношений между двумя странами внесли свой негативный вклад в дисбаланс сегодняшнего взаимного восприятия друг друга. По данным опросов, проведенных ВЦИОМ и Левада-Центром во втором полугодии 2005 г., хорошо или очень хорошо относятся к Японии от 66% до 72% россиян, плохо – от 18% до 16% соответственно⁴³. В Японии картина противоположная. О своей симпатии к России заявили 16%, об антипатии – 78% японских респондентов. В этом регионе хуже, чем к России, японцы относятся только к бывшим среднеазиатским республикам СССР и ближневосточным странам⁴⁴.

После 1945 г. средства массовой информации в обеих странах долгое время создавали и поддерживали в лице соседа образ врага. В СССР пропаганда носила преимущественно политический характер – она в первую очередь была направлена против Японо-американского договора безопасности и возрождения японского милитаризма. Культура и образ жизни японцев особой критике не подвергались. В японской пропаганде центральное место официально занимала территориальная проблема, но на ее основе был создан тотально негативный фон для восприятия всего, что связано с Советским Союзом. После распада СССР негативное влияние СМИ в России сошло на нет, в Японии же территориальные претензии приобрели еще более жесткий характер. При этом никакой положительной информации о нашей стране в японских СМИ по-прежнему нет. Так что приведенные выше результаты вполне закономерны.

Есть и другая причина культурологического свойства. Как показали недавние опросы общественного мнения, русские и японцы неодинаково относятся к информации, получаемой от своих СМИ. В России газетам, журналам и телевидению полностью или частично доверяют всего 37,6% населения, в то время как в Японии эта цифра почти в 2 раза выше – 67,7%⁴⁵. Следовательно, даже в СССР эффективность СМИ в деле создания образа врага была ниже, чем в сегодняшней Японии. Это достаточно существенный фактор, которым не стоит пренебрегать.

Даже после решения самой острой на сегодняшний день территориальной проблемы потребуется еще немало времени и усилий, чтобы преодолеть сложившиеся идейно-политические предрассудки и межкультурные различия между народами России и Японии. В этом плане особая ответственность возлагается на профессионалов – деятелей науки, культуры и образования, хорошо знающих особенности национального характера и менталитета соседнего народа. Глубокое и доброжелательное изучение друг друга, широкая публикация результатов таких исследований и формирование положительного общественного мнения в обеих странах – единственный путь, который может привести к улучшению взаимного восприятия и поиску новых точек соприкосновения между соседями, представляющими столь разные, но в чем-то и схожие цивилизации.

Заключение

Итак, сопоставление русского и японского этнокультурных архетипов является сложной и многоаспектной задачей, а его результат зависит от многих факторов, в том числе и от чисто внешних. При сопоставлении с евро-американской культурной традицией между русским и японским архетипами обнаруживается немало сходных черт, изолированное же сравнение дает основания для их противопоставления.

⁴¹ См.: Moore Charles A. The Enigmatic Japanese Mind, p.295.

⁴² Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии. СПб., 2002. с. 24.

⁴³ ВЦИОМ. Пресс-выпуск, № 342, 21.11.2005; Левада-Центр. Пресс-выпуск, август 2005.

⁴⁴ Mansfield Foundation. Asian Opinion Poll Database, October 2004.

⁴⁵ Такахаси Тору. Нихиндзин-но катикан. Сэкай ранкинг, 2003. с. 189–191.

На цивилизационном уровне Россия и Япония имеют универсальные общие черты, свойственные и другим цивилизациям: реципиентный характер, традиционализм, устойчивость основных параметров национального культурного архетипа.

На государственном уровне обнаруживаются как сходства, так и различия. Последние продиктованы разными историческими, географическими и климатическими условиями формирования государственности и их значительно больше. Общими чертами являются государственный патернализм и поддержка национальной культуры, считающейся общественным достоянием. Для обеих социальных систем характерен сравнительно высокий удельный вес групповых интересов и группового мнения в поведении индивида. Главные различия: основные функции государственной власти, роль и значение религии в жизни общества, жесткость социальной иерархии.

На индивидуально-поведенческом уровне между русскими и японцами преобладают различия. Они весьма многочисленны, имеют более частный характер и отражают специфику мировоззренческой этики двух этносов. Русский архетип демонстрирует преимущественно экстравертный, японский – преимущественно интровертный тип мировоззрения и поведения. Обнаруживаемые на этом уровне общие черты и отличия, по-видимому, и должны стать главным объектом сравнительного анализа двух этнокультурных архетипов.

Представления россиян о Японии и российско-японских отношениях по материалам опросов общественного мнения в Санкт-Петербурге и Владивостоке

Ю. Д. Михайлова

В современном цивилизованном мире внешняя политика государств не может проводиться без учета общественного мнения. Политические деятели нередко выступают заказчиками опросов, призванных оценить отношение общественности к различным сценариям развития событий на международной арене и в переговорах с зарубежными партнерами зачастую мотивируют свои позиции ссылками на общественное мнение. Если в бывшем СССР внешнеполитическая деятельность практически никак не зависела от позиций рядовых членов общества и, наоборот, общественное мнение подвергалось целенаправленной пропаганде «сверху», то в настоящее время в России существуют многочисленные социологические центры и агентства, регулярно отслеживающие представления россиян о внешнеполитических партнерах страны и проблемах внешней политики. Вместе с тем это не означает, что внешнеполитический курс правительства России полностью зависит от мнения граждан страны. Показательно, что во время встречи в январе 2003 г. В. Путин и Дз. Коидзуми договорились продолжать «усилия по разъяснению общественности обеих стран о важности заключения мирного договора и поступательного развития двусторонних отношений во всех областях».

Наиболее регулярно опросы общественного мнения по Японии и российско-японским отношениям проводятся Фондом «общественное мнение»¹. В конце 90-х годов в центре внимания ФОМа находился так называемый территориальный вопрос, а именно осведомленность о нем жителей России и их представления о возможностях его разрешения. В 2001 г. ФОМ запустил проект «Геополитика. Япония», в котором круг вопросов был расширен и стал включать мнения россиян об этой стране вообще. Другим важным центром социологических опросов по Японии является Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока во Владивостоке². В соответствии с геогра-

¹ <http://bd.fom.ru/cat/frontier/countries/Japan>

² Данные опросов, проводившихся в этом институте, были представлены на совместных российско-японских симпозиумах, проводившихся в Киото в 2004 и 2006 гг.: Ларин В. Л. Японский фактор в развитии Тихоокеанской России на рубеже веков: Ларина Л. Л. Соседние страны в представлениях молодежи Приморского края.

фическим положением института проводимые им опросы ставят своей целью выявить воздействие «японского фактора» в развитии российского Дальнего Востока в сопоставлении с китайским, южно-корейским факторами и др. Министерство иностранных дел Японии также проявляет заинтересованность в существующих у россиян представлениях о Японии и периодически проводит соответствующие опросы³.

Опросы, лежащие в основе настоящей статьи, были нацелены на выяснение представлений россиян о Японии, российско-японских отношениях и перспективах их развития. Нас также интересовали источники информации о Японии в России. При этом главное внимание было направлено на роль визуальных средств информации в формировании «образа» Японии. Вопросы предполагали пятиступенчатые ответы по шкале Ликерта, однако в части вопросов, касающихся ассоциаций с символами Японии, предусматривались открытые ответы.

Опросы проводились в ноябре-декабре 2004 г. во Владивостоке и в октябре-ноябре 2005 г. в Санкт-Петербурге⁴. Эти два города были выбраны в силу их географически разного положения по отношению к Японии, что предполагало наличие различий в ответах. Вместе с тем оба города являются крупными промышленными, культурными и научными центрами с высоким уровнем образования населения, что потенциально давало возможность одинаковых ответов.

Использовался «маршрутный метод» сбора данных, т. е. перед интервьюерами в каждом городе была поставлена задача получить ответы от 500 респондентов, и они шли по выбранному маршруту, переходя от одного человека к другому, пока не собрали требуемое количество ответов. Выборка респондентов была квотной с несвязанными признаками – отдельно контролировалось процентное распределение возраста, образования и занятости. Контрольные цифры для выборки были взяты из данных Всероссийской переписи населения 2002 г. по Санкт-Петербургу и Владивостоку. Особо контролировалась квота людей с высшим образованием так, чтобы она не превышала 30%, и лиц старше 50 лет (25%). Одна из задач опроса состояла в том, чтобы выяснить существование отличий во взглядах на Японию и российско-японские отношения в зависимости от образования и возраста. Предполагалось, что последний показатель особенно важен в условиях современной России, так как он связан не просто с разностью поколений, но может указывать и на изменение системы ценностей в связи с происшедшими в течение

последних 15 лет социально-политическими переменами в стране. По мнению интервьюеров, респонденты с готовностью отвечали на вопросы, касающиеся Японии и российско-японских отношений. С одной стороны, это может свидетельствовать о заинтересованности в Японии, особенно у жителей Владивостока. Однако, с другой стороны, люди могли пресытиться часто проводимыми в последнее время опросами на темы внутрисполитической и общественной жизни России, а данный опрос просто выгодно отличался от других новизной проблематики.

Следует иметь в виду, что опросы проводились в начале второго срока президентства В. Путина, когда экономическая ситуация в России значительно стабилизировалась. Как известно, темпы экономического роста на 2004 г. составили более 6%, что создавало благоприятные условия для привлечения дополнительных инвестиций в российскую экономику. В связи с ростом экономики в России возник бум личного потребления, что стало сказываться и на российско-японском товарообороте, который достиг в 2004 г. 7,5 млрд. долл., а в 2005 г. 10 млрд. долл. Тем не менее в 2005 г. доля японских инвестиций в России составляла только 0,2% от общего объема иностранных инвестиций, хотя в настоящее время наметилась тенденция к их возрастанию⁵. В 2003 г. состоялась встреча Путина и Коидзуми, на которой был принят совместный План действий, а в 2005 г. Коидзуми, после долгих колебаний, все же принял участие в праздновании 60-летия победы в Москве. На 2005 год пришлось несколько юбилейных дат в русско-японских отношениях, которые могли привлечь дополнительный интерес к Японии со стороны россиян. Однако никаких изменений в подходах к решению территориальной проблемы и заключению мирного договора не наблюдалось.

Источники информации о Японии и чувство соседства

Из диаграммы 1 видно, что для большинства респондентов как в Петербурге, так и во Владивостоке телевидение является основным источником информации о Японии. Причем это справедливо в отношении всех возрастных групп и лиц с разным уровнем образования⁶. Однако существуют определенные различия между Петербургом и Владивостоком в том, что именно из увиденного по телевизору больше и лучше запоминается их жителями. Во Владивостоке больше всего запомнились передачи, рассказывающие о национальных обычаях Японии, а на втором месте стоят передачи о природе. В Петербурге, наоборот, сильнее

³ <http://www.mofa.go.jp/mofaj.area/russia/yoron05/index.html>).

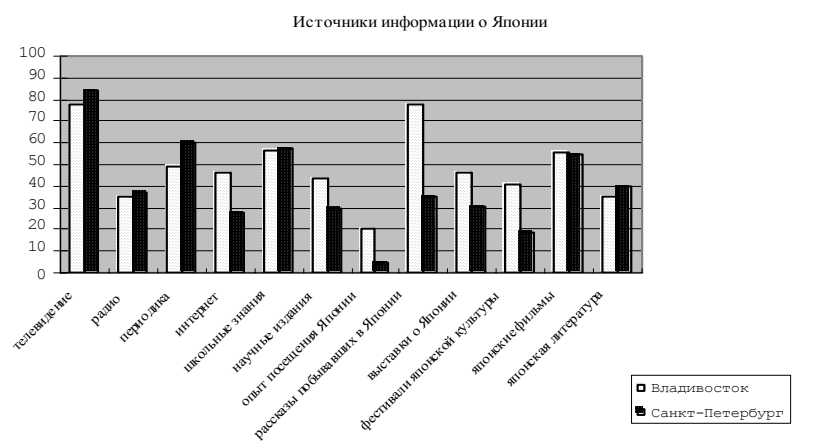
⁴ Автор приносит свою благодарность сотрудникам социологической лаборатории Регионального центра проблем качества Дальневосточного государственного университета Г. В. Гембацкой и С. Д. Забановой и сотруднице Центра политического менеджмента факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета О. В. Поповой за проведение опросов общественного мнения и обработку данных.

⁵ <http://en.rian.ru/analysis/20060725/54252957.html/> Объем японских инвестиций в российскую экономику на 2004 г. составил 85 млн. долл., а из России в Японию в 2003 г. поступило всего 908 тыс. долл., см: И. Куранова, Инвестиционное сотрудничество между Россией и Японией. – Проблемы Дальнего Востока, 2005, № 10. с. 120.

⁶ При подсчетах число ответивших «да» и «скорее да» было объединено в одну группу.

запоминается природа, а потом следует образ традиционной Японии. На третьем месте у жителей Владивостока фигурирует технико-экономическое развитие Японии, в частности электронная промышленность и современные города-мегаполисы с их небоскребами и многоуровневыми развязками. В памяти петербуржцев на третьем месте стоят события, связанные со второй мировой войной, тогда как во Владивостоке они оказались отодвинутыми в конец списка и следуют уже после информации о незаконном вывозе морепродуктов из России, образе жизни и внешности японцев, а также о территориальной проблеме. Различия в степени присутствия темы войны в исторической памяти легко объясняется тем, что опрос в Петербурге проводился на год позже, чем во Владивостоке и пришелся на 60-летнюю годовщину с окончания второй мировой войны.

Диаграмма 1
(в % от числа опрошенных)

Следующей по степени запоминания после войны темой для петербуржцев оказался лов морепродуктов в российских территориальных водах и связанное с этим браконьерство, а также «территориальный вопрос». Информация о технико-экономическом развитии Японии заняла последнее место в «телевизионной памяти» петербуржцев.

Вторым по значимости источником информации для владивостокцев являются рассказы знакомых, побывавших в Японии. Здесь Владивосток опережает Петербург на 40%, хотя доля людей, посетивших Японию, в принципе незначительна.

Важную роль в качестве источника информации играет кино. Среди перечисленных фильмов упоминаются как ленты, появившиеся на экране еще в советское время (работы Куросава Акира, «Легенда о Нарояме»), совместные советско-японские фильмы типа «Москва, любовь

моя»), так и популярные японские *анимэ* «Акира», «Сэйраму» и т. п. Но наибольшее впечатление на российского зрителя производят фильмы Такэси Китано «Затоичи» и «Куклы». Популярность японских кинофильмов может объясняться их высоким художественным мастерством, регулярно проводимыми в России с 60-х годов фестивалями японского кино, а также их доступностью в последнее время в форматах видео и ДВД. Вместе с тем фильмы могут запоминаться не только как источники информации собственно о японской истории, жизни или природе, а еще и потому, что они поднимают проблемы и вызывают переживания, созвучные россиянам.

Достаточно важным источником информации является периодика, хотя ее значимость на 10% выше в Петербурге, чем во Владивостоке, и к ней чаще обращаются представители старшего поколения. Показательно, что среди газет и журналов фигурируют и японские периодические издания на русском языке. Из иллюстрированных изданий и во Владивостоке, и в Петербурге лучше всего запоминаются те, в которых рассказывается о японских анимационных фильмах. Смотрят эти фильмы в основном младшее поколение и лица с неполным средним образованием. Далее следуют те журналы, в которых изображается природа и архитектура Японии, затем рекламы и другая информация об автомобилях, которые привлекают в основном среднее и старшее поколения. Следует отметить, что довольно слабо в памяти жителей России присутствуют образы женщин, причем, как правило, – это персонажи мультфильмов или изображения женщин в кино.

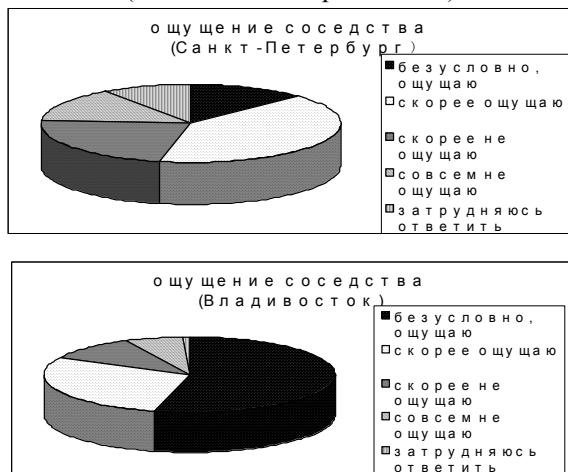
Намного меньшую роль как источник информации играет радио. Учитывая, что водители автомобилей, как правило, включают радио во время поездок, это может означать, что информационные передачи, связанные с Японией, транслируются по радио довольно редко, или что люди просто предпочитают развлекательные программы. Сведения, полученные в школе, занимают практически одинаковое место как источник информации в обоих городах и во всех возрастных и образовательных категориях; то же самое можно сказать и о литературе как источнике информации.

Наибольшие расхождения между Петербургом и Владивостоком наблюдаются в использовании Интернета (во Владивостоке он используется больше на 15%), чтении научной литературы (во Владивостоке больше на 13%), в опыте пребывания в Японии (во Владивостоке больше на 15%), в получении информации во время посещения выставок о Японии и фестивалей японской культуры, которые чаще устраиваются во Владивостоке. Среди проводимых там выставок лидируют выставки композиций цветов, далее следуют выставки достижений в науке и технике и выставки, посвященные экологической тематике. Такие расхождения нетрудно объяснить тем, что в силу географической близости к Японии владивостокцы сильнее заинтересованы в получении

информации об этой стране и имеют больше возможностей для этого. Более активное использование Интернета в качестве источника информации жителями Владивостока может объясняться как перечисленными факторами, так и известным «эффектом периферии», т. е. жители окраин вообще более активно используют Интернет как источник информации, чем жители центральных городов.

Не удивительно, что жители Владивостока гораздо более четко воспринимают Японию как страну-соседку. Разница по сравнению с Петербургом составляет более 40%. Тем не менее, интересно, что в Петербурге совокупное число ответивших безусловно «да» и «скорее да» равнозначно числу давших безусловно утвердительный ответ во Владивостоке (см.: диаграмму 2). Другими словами, более половины респондентов Петербурга склонны думать о Японии как о соседней стране. Во Владивостоке ощущение соседства по отношению к Японии несколько более (на 10%) присуще средней (30–49 лет) и старшей (от 50 лет) возрастным группам.

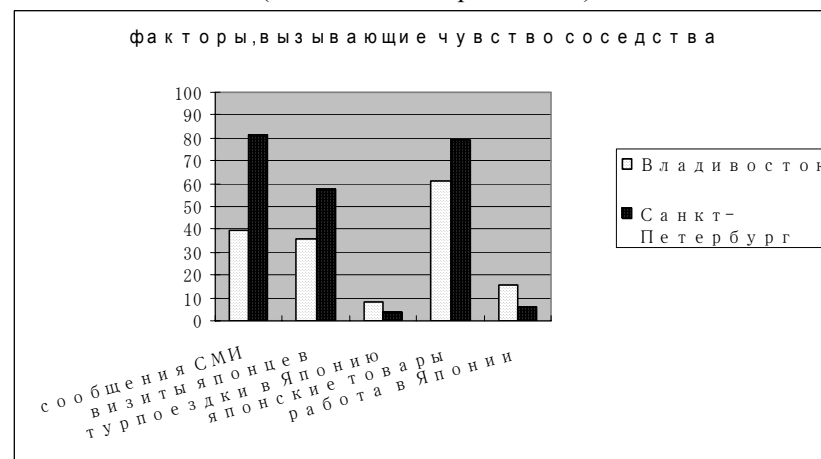
Диаграмма 2
(в % от числа опрошенных)

Под влиянием каких же факторов жители Владивостока и Петербурга воспринимают Японию как соседнюю страну? Из диаграммы 3 видно, что для Петербурга – это прежде всего средства массовой информации – здесь их влияние в 2 раза больше, чем во Владивостоке. Промышленные изделия из Японии являются столь же важным фактором влияния. Однако, если для Петербурга их значимость равноценна средствам массовой информации, то во Владивостоке они опережают воздействие СМИ на 20%. Японцы, посещающие Россию, являются третьим по значению фактором влияния, но его действие сказывается сильнее в Петербурге, чем во Владивостоке. Возможно, здесь играют

роль японские туристы, для которых Петербург всегда был весьма привлекательным местом.

Диаграмма 3
(в % от числа опрошенных)

В то же время Владивосток опережает Петербург по числу людей, для которых собственные впечатления от посещения Японии с целью туризма или работы являются фактором, позволяющим ощущать соседство этой страны. Тем не менее, как отмечалось выше, доля таких людей и во Владивостоке весьма незначительна. Показательно, что пять респондентов из Петербурга указали в графе «другие факторы» на проблему Курильских островов в качестве причины восприятия Японии как соседней страны.

Формирование отношения к Японии

Жители Владивостока и Петербурга проявили достаточное единодушие в оценке факторов, формирующих у них положительное или отрицательное отношение к Японии. На первом месте с точки зрения положительной оценки фигурируют экономические и технические достижения Страны Восходящего Солнца и японские промышленные товары; далее следует уровень жизни в Японии и традиционная культура. Уровень жизни кажется чуть более привлекательным жителям Владивостока, а традиционная культура – жителям Петербурга.

Доля лиц, положительно воспринимающих японскую кухню, внешний вид японцев, массовую культуру страны, характер японцев и их стиль делового общения, примерно одинакова с долей лиц, относящихся к ним безразлично или отрицательно. Массовая культура оценивается примерно на 30% ниже, чем традиционная; уровень жизни в целом коти-

руется на 30% выше, чем японская кухня. На последнем месте, с точки зрения положительной оценки, стоит внешняя политика Японии.

Несмотря на то, что расхождения по возрасту в ответах респондентов незначительны, все же заметна тенденция, согласно которой представители молодого поколения в возрасте от 15 до 29 лет менее положительно оценивают Японию и японцев. Жители Петербурга незначительно опережают Владивосток по общему положительному восприятию Японии.

Российско-японские отношения

Отрицательная оценка внешней политики Японии, по-видимому, связана с неудовлетворенностью, испытываемой многими по поводу состояния российско-японских отношений. Доля лиц, признающих отношения хорошими, составляет 37% во Владивостоке и 38% в Петербурге. Примерно такова же доля и тех, кто считает отношения не совсем хорошими. Вместе с тем довольно значительная часть респондентов затруднилась ответить на этот вопрос (см.: диаграмму 4). При этом заметных расхождений в ответах между жителями двух городов, представителями разных возрастных и образовательных групп не видно.

Диаграмма 4

(в % от числа опрошенных)

Важно учитывать, в чем россияне видят для себя пользу от улучшения отношений между двумя странами. Прежде всего, это потенциально благоприятное воздействие на социально-экономическую ситуацию на Дальнем Востоке (см.: диаграмму 5).

Польза развития российско-японских отношений для России

Естественно, такая точка зрения ярче выражена у жителей Владивостока. Однако при ответах на более конкретные вопросы, такие, как «нужны ли японские инвестиции для экономики России» и «нужна ли России Япония как рынок сбыта энергосырья», доля уверенности как петербуржцев, так и владивостокцев оказалась значительно меньшей (при ответе на первый вопрос примерно на 20%, а при ответе на второй на 30%).

Диаграмма 5
(в % от числа опрошенных)

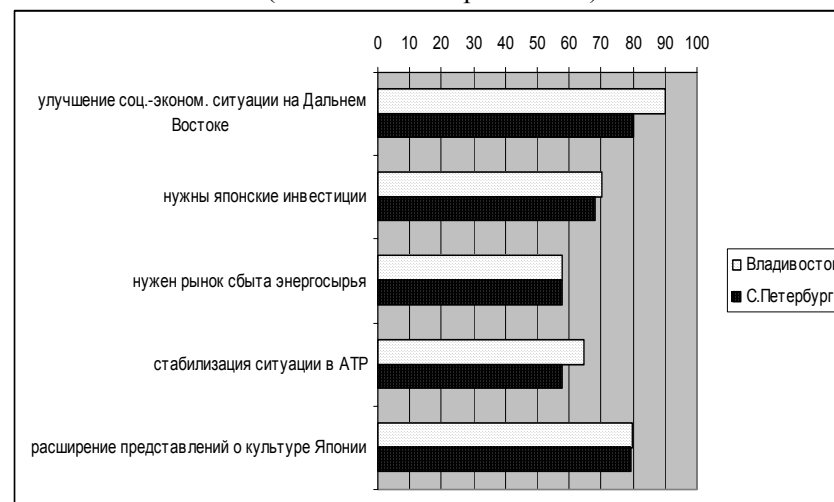
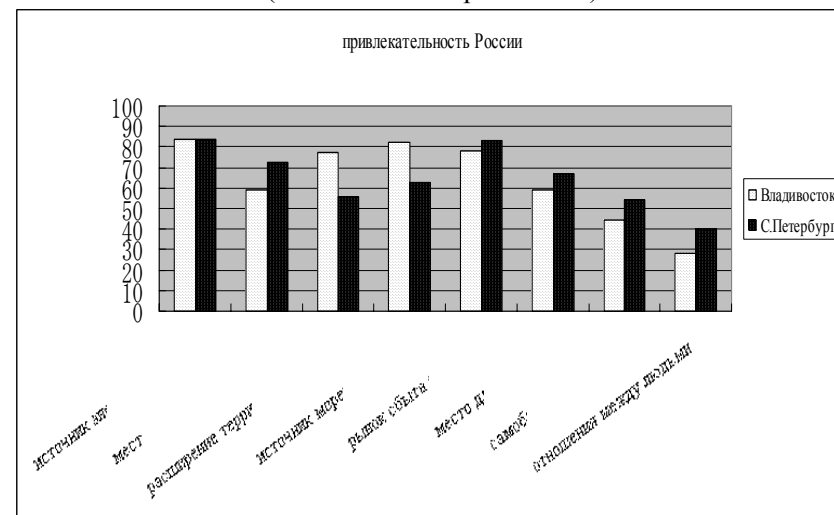

Диаграмма 6

(в % от числа опрошенных)

Примерно в такой же степени россияне увязывают российско-японские отношения со стабилизацией ситуации в странах Азиатско-тихоокеанского региона. Однако значительно большее число респондентов видит смысл развития отношений в расширении представлений о

культуре Японии. В целом такие ответы отражают недостаточно активное экономическое сотрудничество между странами.

Однако, по мнению россиян, Россия может привлекать японцев как источник энергоресурсов, как рынок сбыта товаров и, правда, в меньшей степени, как место для капиталовложений и туризма. Менее высоко (на 30–40% ниже по сравнению с оценкой привлекательности страны как источника энергоносителей) оценивается ее привлекательность с точки зрения культурных ценностей и еще ниже (на 40–50%) с точки зрения отношений между людьми. В этих ответах явно виден акцент на экономические возможности России при низкой оценке других факторов.

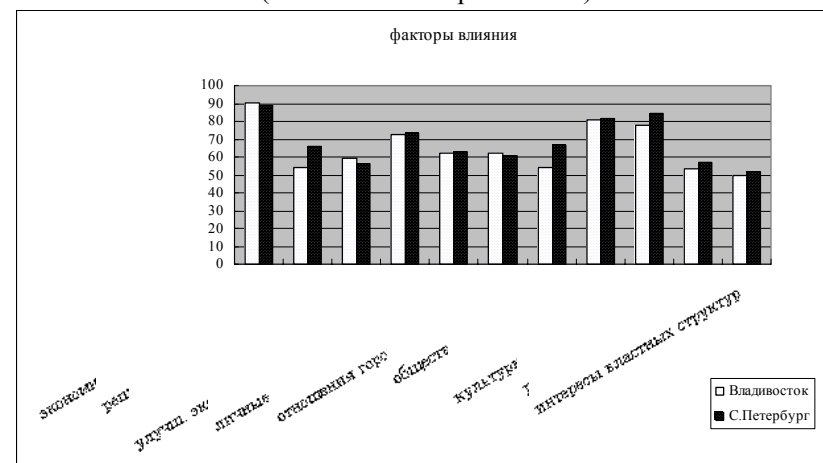
Россияне также предполагают, что Япония может стремиться расширить свою территорию за счет России и использовать ее территориальные воды как источник морепродуктов.

В ответах о привлекательности России для Японии заметны различия по городам и возрастным группам. Так, жители Владивостока придерживаются более скептических взглядов, чем жители Петербурга, (разница примерно в 12%) относительно привлекательности России как подходящего места для вложения японских капиталов. Однако владивостокцы гораздо сильнее, чем петербуржцы (на 20%), убеждены в желании японцев расширить свою территорию за счет Курильских островов и использовать ее территориальные воды как источник морепродуктов; в Петербурге такого мнения придерживается главным образом среднее поколение. Тенденция низкой оценки культурной привлекательности России особенно видна у представителей молодого и среднего поколения Владивостока. Негативная оценка отношений между людьми также ярче выражена во Владивостоке. Акцент на культурную привлекательность России более характерен для лиц старшей возрастной группы, особенно в Петербурге.

При ответах на вопросы о том, какие факторы могли бы повлиять на улучшение российско-японских отношений, жителями обоих городов приоритет признавался за необходимостью развития экономического сотрудничества, туризма и культурно-научного обмена (см. диаграмму 7), т. е. за теми факторами, где обе страны находятся во взаимодействии. На 20% меньше респондентов считают, что улучшение отношений зависит от улучшения экономической ситуации собственно в России и на 10% меньше видят ее в необходимости уменьшения коррупции в своей стране. Еще меньше россияне предполагают, что личные позиции глав государств, отношения между городами-побратимами или общественное мнение способны повлиять на улучшение отношений между странами. Среди высказавших последние две точки зрения преобладают люди старшего возраста. Наоборот, в целом невелика доля тех (50%), кто считает, что властные структуры каждой из стран заинтересованы извлечь для себя какую-либо выгоду из улучшения отношений между странами или что это зависит от расстановки сил в мировом сообществе.

Такие ответы присущи в основном лицам с высшим образованием и старше 50 лет. Респонденты признают, что решение территориального вопроса может способствовать улучшению отношений между странами, но он отнюдь не фигурирует в их ответах как главный фактор.

Диаграмма 7
(в % от числа опрошенных)

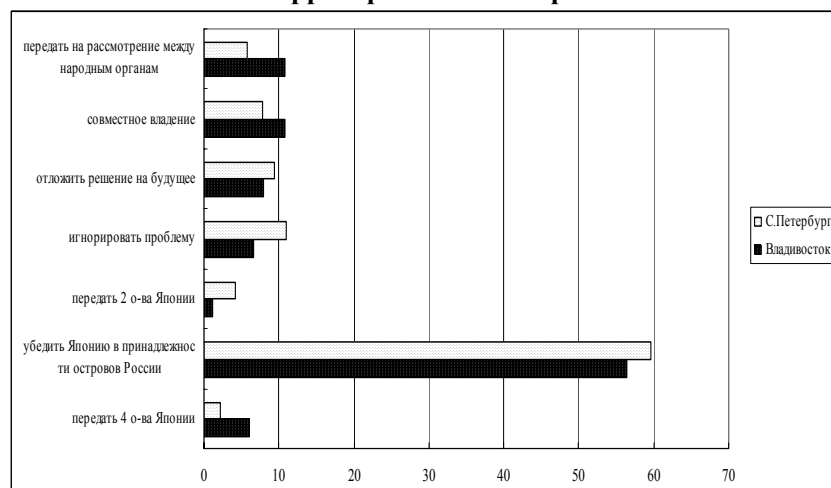

В Японии доминирует мнение о том, что камнем преткновения в российско-японских отношениях является территориальный вопрос⁷. Как жители Владивостока, так и жители Петербурга согласны с тем, что Япония хочет получить от России острова, но в ответах на вопрос «какими вы видите пути решения территориального вопроса», подавляющее большинство респондентов придерживается мнения о том, что Японию следует убедить в правомерности принадлежности этих территорий России (см.: диаграмму 8). Все же небольшая доля респондентов предлагает осуществлять совместную эксплуатацию территорий, отложить решение вопроса на будущее или передать его на рассмотрение в какую-либо международную организацию. Характерно, что ими в основном являются лица с высшим образованием, т. е. наиболее знающие и думающие люди. Совсем незначительный процент респондентов допускает возможность передать хотя бы два острова Японии, либо даже все четыре, и опять это лица с высшим образованием. Следует отметить, что россияне в целом редко обсуждают в своей среде события, связанные с российско-японскими отношениями, но иногда это все же

⁷ Наиболее последовательно эта точка зрения проанализирована в работах: Tsuyoshi Hasegawa. Japanese Perceptions of the Soviet Union: 1960–1985. – Acta Slavica Iaponica. 1987, № 5, p.37–70; Hasegawa Tsuyoshi. Japanese Perceptions of Russia in the Post-War Period. – Japan and Russia: the Tortuous Path towards Normalization, 1949–1999, ed. by Gilbert Rozman, St. Martin's Press, 2000; Кимура Хиросу, Тои ринкоку (Далекая соседняя страна), Киото, 2002.

происходит преимущественно среди людей старше 50 лет и имеющих высшее образование.

Диаграмма 8 (в % от числа опрошенных)
Территориальный вопрос

Символы Японии

Опросы, основанные на открытых вопросах и предполагающие ответы в свободной форме, часто критикуются из-за отсутствия научной методологии. Тем не менее, будучи свободными от ограничений заранее сформулированных ответов, они могут пролить дополнительный свет на представления россиян о Японии. Этой методикой мы руководствовались при выяснении символов, с которыми Япония и японцы ассоциируются в сознании россиян вообще. Схожие по значению символы были ранжированы по категориям и вычислен процент частоты упоминаний символов каждой категории от общего числа ответивших на данный вопрос. Один и тот же респондент мог перечислить несколько символов, но символы, входящие в одну категорию, засчитывались только один раз. Были выделены следующие категории символов:

государственные и национальные символы: *государственный флаг, восходящее солнце, Токио, гора Фудзияма, сакура, журавль, дракон, император, кимоно, национальный костюм;*

символы, связанные с географией и природой: *пейзажи, сопки, пляж, море, Азия, Восток, рисовые поля, небольшая площадь страны;*

история и исторические символы: *Хиросима, Нагасаки, мировая война, Квантунская армия, сёгун, самурай, камикадзэ, харакири, Перл-Харбор, борьба за мир, Мисима Юкио;*

отношения с Россией: *Курильские острова, Халхин-гол, Порт-Артур, война 1945 г., враг, «Варяг», Цусима, браконьеры, рыба, «зарядят на наши острова и морепродукты», контрабандисты;*

экономика и техника: *прогресс, промышленные изделия, бытовая техника, автомобили, высокие технологии, «Тойота», «Сони», «Панасоник», телевизор;*

социальные проблемы: *якудза, мафия, самоубийства;*

особенности внешности и черты национального характера: *узкие глаза, улыбающиеся лица, азиаты, небольшой рост, улей с пчелами, толпа людей, наглость, фанатизм, хитрость, жестокость, чистоплотность, честность, смекалистый народ, чувство меры, мужество;*

отношения между людьми: *дисциплина, гиперрегулирование, уважение, гармония, поклоны, вежливость, почитание старших, воспитанность, преданность хозяину, доброжелательность, честность, культура общения, покорность женщины;*

традиционная культура: *восточные единоборства, икэбана, бонсай, сад камней, поэзия хокку, гейша, Кабуки, оригами, сумо;*

современная массовая культура: *Мураками Харуки, Китано Такэси, мультфильмы, девушки с большими глазами, тамагочи, покэмон, ниндзя, Куросава, музыкальные ансамбли;*

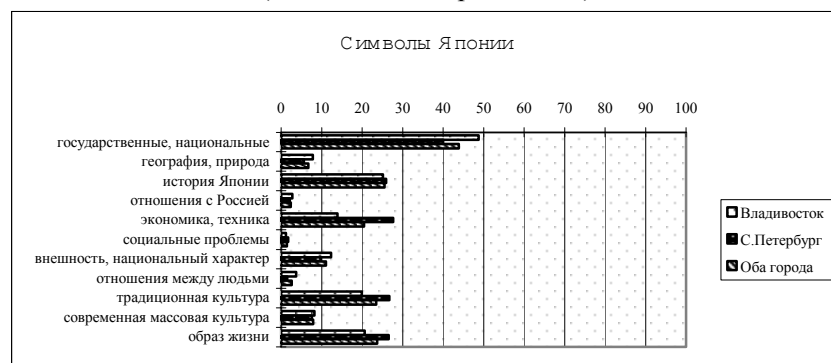
образ жизни: *палочки, суси, морепродукты, сакэ, иероглифы, мегаполисы, скоростные дороги, скопленность людей, комфорт, ресторан, зонтик, стабильность, долгожительство.*

Распределение символов по категориям довольно условно, поскольку многие символы могут принадлежать к разным категориям. Например, многоярусные развязки автомобильных дорог, с одной стороны, смогли появиться в силу высокого развития уровня дорожно-строительных технологий и промышленности в целом, но, с другой стороны, они являются неотъемлемым атрибутом современной жизни, поэтому были отнесены нами к категории «образ жизни». «Суси» являются традиционным национальным блюдом и в таком качестве их можно было бы отнести к категории «традиционной культуры». В то же время это обычная пища людей в современной Японии, поэтому мы включили их в категорию «образ жизни». «Дракон», строго говоря, является символом Китая, а не Японии, но респонденты употребляли его в качестве японского национального символа. Когда-то кимоно было повседневной одеждой японцев, но с тех пор как японские женщины стали путешествовать на запад одетыми в кимоно, оно приобрело значение национальной одежды. Хотя и сейчас кимоно надевается в определенных жизненных ситуациях, особенно во время праздников, в целом в сознании западных людей оно превратилось в символ Японии.

Наиболее интересным примером полисемантичности стал часто употребляемый в качестве символа Японии образ «самурая». Его происхождение уходит своими корнями в историю. Так назывались средневековые

воины, которые находились на службе у феодалов. Поведение самураев определялось воинским и моральным кодексом «бусидо». Кодекс предписывал преданность вышестоящим, строгое соблюдение определенных моральных обязательств, высоко ставил понятия долга, достоинства, чести. В случае нарушения предписанных норм, самурай был обязан покончить с собой, сделав харакири, чтобы не запятнать позором себя и свою семью. С конца XIX в., когда Япония стала проводить политику войн на континенте, в сознании европейцев самурай превратился в символ агрессивной Японии и широко использовался, в частности, в советской антияпонской пропаганде⁸. Во время второй мировой войны и после нее он стал ассоциироваться с камикадзе, погибшими, как считалось, бессмысленной смертью накануне капитуляции Японии. Во время войн и территориальных конфликтов между Россией и Японией самурай вызывал отрицательные эмоции – отторжение, ненависть или презрение. Однако в последнее время в связи с испытываемым в России дефицитом понятий о долге и доблести, порядочности и чувстве ответственности, этот образ приобретает новые нюансы, становясь олицетворением указанных выше понятий. Проникновение в Россию массовой культуры Японии, в частности, фильмов Китано Такэси и *анимэ*, многие персонажи которых являются героическими и благородными самураями, способствовало внедрению этого образа в массовое сознание россиян. Однако, учитывая исторические корни образа, мы отнесли его к категории «история и исторические символы», так же как и самурайский обычай «харакири».

Диаграмма 9
(в % от числа опрошенных)

Как показывает диаграмма 9, степень частотности употребления тех или иных символов в целом одинакова для Владивостока и Петербурга.

⁸ Mikhailova Yulia, Japan's Place in Russian and Soviet National Identity – from Port Arthur to Khalkhin-gol. – Japanese Slavic and East European Studies, 2002, vol. 23, p. 22–28.

Наибольшая частотность в обоих городах связана с государственной и национальной символикой (в среднем 43,9%). На втором месте стоят исторические символы (25,5%), причем не только разбивавшийся выше символ «самурая», но и конкретные исторические события, а среди них в первую очередь атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Достаточно много символики, особенно у петербуржцев, связано с образом жизни японцев – 26,7% по сравнению с 20,6% во Владивостоке. Здесь, вероятно, сказывается появившаяся в последние годы в России мода на японские суси, которые были отнесены нами к категории «образ жизни». В ответе одного респондента слово «ресторан» вообще фигурировало как символ Японии. Следует отметить, что и в реальной жизни рестораны являются одним из наиболее популярных мест проведения досуга в этой дальневосточной стране. Традиционные символы Японии несколько в большем количестве присутствуют в сознании петербуржцев (26,7% по сравнению с 19,9% во Владивостоке). Среди них часто фигурируют «восточные единоборства». Последние были популярны в России еще в советское время, однако, вероятно, что увлечение президента В.Путина дзюдо могло добавить популярность этому символу.

Символы, связанные с промышленным развитием и высокими технологиями тоже преобладают в сознании петербуржцев (27,7% по сравнению с 13,9% – это наибольший разрыв между показателями Владивостока и Петербурга). Владивостокцы опережают петербуржцев по частотности ассоциаций Японии с природой, с контекстом российско-японских отношений; в их ответах чаще возникают символы, связанные с внешностью и национальным характером японцев (12,3% по сравнению с 9,5%), межличностными отношениями в Японии (3,7% по сравнению с 1,5%) и с массовой культурой. К сожалению, большинство символов русско-японских отношений вызывают негативные ассоциации и связаны с войнами, территориальными конфликтами и спорами. Наименьшая частотность ассоциаций относится к социальным проблемам, что, конечно, не означает, что последние отсутствуют в Японии – просто они скрыты от постороннего взгляда.

Как отмечалось выше, многие символы имеют многомерное содержание или же их значение меняется во времени. Важно и то, что символы из сугубо «японских» могут становиться более «русскими». Например, в последние десятилетия существования Советского Союза японские автомобили и бытовая электроника символизировали «японское экономическое чудо». В сочетании с уникальными культурными традициями страны они служили формированию образа экзотической Японии. В настоящее время японские машины, телевизоры и видеотехника настолько широко распространились в России, что являются сейчас почти необходимым атрибутом жизни «новых», да и не только «новых русских». В этом случае они соотносятся с комфортной, благополучной и обеспеченной жизнью и становятся как бы критерием самооценки русских,

уменьшая в то же время экзотичность Японии. С этой точки зрения наибольшее сочетание частотности употребления символов традиционной культуры с символами экономического развития и высоких технологий, наблюдаемое в Петербурге, говорит о том, что в этом городе больше, чем во Владивостоке, сохранился образ Японии, унаследованный с советских времен. Выделение жителями Владивостока символов, связанных с внешним видом и характером японцев и с отношениями между людьми, свидетельствует о том, что они имеют больше возможностей наблюдать японцев в реальной повседневной жизни.

* * *

Время, когда Япония фигурировала в российском сознании на уровне прекрасного мифа, по-видимому, уходит в прошлое⁹. Особенно это справедливо для жителей российского Дальнего Востока, которые в своей повседневной жизни имеют в настоящее время довольно обширные контакты с Японией. На основании анализа данных настоящего опроса можно сделать вывод о том, что многие в России стали более прагматичны и трезво подходят к Японии и к оценке отношений с ней. Суть и возможности развития российско-японских отношений рассматриваются, прежде всего, с точки зрения пользы, которую они могут принести России и живущим в ней людям, и эта польза видится в экономическом плане. В последнее время в России придается значение развитию промышленности, усвоению новых технологий, строительству инфраструктуры, а не просто экспорту природных ресурсов. Именно для этого могут пригодиться отношения с Японией, уровень развития промышленности которой всегда по достоинству высоко оценивался россиянами. Развитие туризма и научно-культурного обмена есть не просто некий нейтральный, лежащий вне политики, вариант отношений, а один из путей развития экономического сотрудничества. Известно, что человека всегда больше волнует то, что происходит рядом с ним и касается его лично, а не относится к области «большой геополитики». Представляется, что в последнее время Япония начинает присутствовать в реальной жизни россиян, хотя экономические отношения между странами недостаточно развиты.

Наша гипотеза о том, что новые ценностные ориентации молодого поколения должны принципиально отличаться от ориентаций старшего поколения и что это каким-либо образом может отразиться на российско-

японских отношениях, не подтвердилась только частично. Молодому поколению свойственно более прагматическое и в то же время более критическое отношение к Японии. Однако скорее можно говорить о том, что в сознании россиян в целом происходит переориентация на более практические, экономические ценности, хотя многие еще не оправались от кризиса идентичности, возникшего после распада Советского Союза. Именно в силу такой переориентации «образ Японии» утрачивает свои мифологические черты.

Анализ символов также показывает, что между символами Японии и реальной жизнью в России существует определенная психологическая связь. Появляются новые символы Японии, а старые наполняются новым содержанием. Этот процесс определяется изменениями российской реальности и представлений жителей России о себе самих, что лишний раз подтверждает идею о зависимости образа «другого» от самоидентификации людей. Информация, которую несут СМИ, в том числе и визуальные, не «транслируется» непосредственно в символы, а всегда проходит через процесс преломления в сознании. Так, существование различий между запомнившимися телевизионными передачами и символами Японии вполне закономерно, а популярность японских *аниме* и *манга* в России объясняется не только их доступностью, но и тем, что они выражают проблемы, общие для некоторых групп японской и российской молодежи¹⁰.

Намечающееся «присутствие» Японии в жизни россиян отнюдь не означает, что это должно автоматически ликвидировать проблемы в отношениях между странами. Как было показано выше, большинство респондентов считает, что четыре Южно-Курильских острова должны принадлежать России. Однако однозначность такого ответа отнюдь не очевидна и может трактоваться по-разному. Его можно рассматривать как проявление российского патриотизма или национализма или как обыкновенное нежелание отдавать приобретенное. Вместе с тем возможно (и это отмечалось интервьюерами), многие опрошенные просто считают такой ответ наиболее политически корректным для русских и дают его в том случае, когда анализ не требуется. Такой нюанс нельзя не учитывать.

⁹ Хотя корни подобного мифа уходят ко времени первых сведений о Японии в России, его распространению в советское время способствовали талантливо написанные книги В. Цветова и В. Овчинникова, а также их передачи по телевидению. Созданный ими образ Японии продолжал оставаться в сознании многих россиян на протяжении 90-х годов. См.: Куланов А. Е. Образ Японии в современной России. – Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004, с. 55–73.

¹⁰ Mikhailova Yulia. Apocalypse in Fantasy and Reality: Japanese Pop Culture in Contemporary Russia. – In Godzilla's Footsteps. Japanese Pop Culture Icons on the Global Stage. New York, 2006, p. 181–199.

Е. А. Сиваков

Религия – один из древнейших феноменов человеческой природы. Согласно Фрейдю религия является универсальным феноменом, связанным с «исполнением древнейших, сильнейших и жизненно необходимых желаний человечества». Религия стремится связать человека с Богом, с высшей, трансцендентной силой, ее главная цель – обеспечить человека моральной опорой и дать ответ его духовным исканиям. Связь, которую осуществляет религия, носит сугубо личный характер. Тонкость феномена религии заключается в том, что она, выступая предметом индивидуальной веры и самостоятельной мировоззренческой парадигмой, не может быть идентифицирована в рамках шкалы Истинное – Ложное. При этом то, что понимается под религией в настоящее время, носит характер организованного института, в котором доминирует влияние человека – основателя религии¹.

Религия, как отмечал М.Вебер, в значительной мере определяет «векторы социального поведения людей». Свобода вероисповедания относится к основным правам человека – т. е. тем естественным правам, которые закреплены в конституционных правах и свободах (иными словами, законодательно регламентированы) и обеспечены системой гарантий и механизмов защиты². По сей день практически во всех обществах религия продолжает оставаться существенным компонентом жизнедеятельности людей, достаточно независимым от политики и экономики – однако иногда она становится послушным инструментом в руках тех, кто использует ее в своих корыстных интересах.

Свобода вероисповедания приводит к распространению в настоящее время такого явления, как религиозный плюрализм, когда, помимо основных мировых религиозных течений, возникает еще и множество так называемых «новых религий», представляющих собой ответвления первых. При этом среди новых религий немало таких, которые не только негативно воздействуют на психическое здоровье своих адептов, но и представляют серьезную угрозу для общества, используя террористические методы для достижения своих целей. Именно поэтому в Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод сделана следующая оговорка: «Свобода отдельной религии должна

быть ограничена в интересах демократического общества с целью охраны общественной безопасности, для сохранения общественного порядка, здоровья или морали или для охраны прав и свобод других...»³.

Принимая во внимание описанные выше морально-этические аспекты, связанные со спецификой религиозного знания, становится понятно, почему при разработке законодательных актов, которые бы гарантировали религиозную безопасность, эксперты испытывают сложности как с определением понятия, так и с поиском способов противодействия опасным представителям «новых религий». Говоря о терминологии, следует отметить, что наиболее точно отражает сущность опасных для общества религиозных объединений термин «деструктивная религиозная организация», имеющий своими аналогами два других – «деструктивный культ» и «тоталитарная секта».

При этом совершенно необходимо различать понятия «секта» и «тоталитарная секта», поскольку само по себе понятие «секта» не несет в себе негативной коннотации. Официальное определение этого понятия таково: религиозная секта (лат. *secta* — замкнутая группа людей), обособленная группа верующих, отошедших от той или иной церкви или общины⁴. Итак, секта – это группа лиц, замкнувшихся в своих интересах (в том числе культовых), не совпадающих с интересами общества. Сектами можно назвать большинство новых религиозных движений как ответвлений от каких-либо традиционных религий, и это наименование не несет в себе характеристики такой организации как чего-то плохого. Напротив, религиозные секты могут оказывать культурообразующее влияние на традиции народов и постепенно превращаться в мощные религиозные позитивные движения, отличаясь от материнской религии только некоторыми догматами.

Деструктивное религиозное объединение, напротив, представляет из себя авторитарную иерархическую организацию любой ориентации, разрушительную по отношению к естественному гармоническому духовному, психическому и физическому состоянию личности (внутренняя деструктивность), а также к созидательным традициям и нормам, сложившимся социальным структурам, культуре, порядку и обществу в целом (внешняя деструктивность).

Пытаясь определить, где проходит граница между религией и сектой, эксперты сталкиваются с проблемой нахождения объективного критерия. Можно сказать, что критерий, наилучшим образом характеризующий секту, – это использование веры для достижения целей, не

³ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (<http://www.hro.org/docs/ilex/coe/conv.htm>)

⁴ Вронский О. Г., Колосов Д. В., Родин А. В. История отечества с древнейших времен до наших дней. М., Славянский дом книги, 2003, с. 634.

¹ Новейший философский словарь. М., Серия: Мир энциклопедий. Книжный дом. 2003.

² Конституция Российской Федерации. М., 2001, с. 28.

имеющих ничего общего с духовностью, таких, как обогащение, амбициозные планы и т. д. Многие секты сегодня преследуют и такую корыстную цель, как господство над людьми.

Говоря о религиозной жизни современной Японии, следует отметить ее высокую диверсифицированность, при которой в полном согласии действуют и сосуществуют многие конфессии. Это связано с особенностями исторического формирования религиозного осознания японцев. Фактически отношения государства и религии были оформлены в соответствующих статьях конституции 1947 г., где были провозглашены свобода религии и принцип секуляризации, т. е. четкое разделение светской и религиозной жизни без взаимного вмешательства. После установления законодательного барьера между общественной (политической) и частной (религиозной) жизнью отношение японцев к вере стало делом сугубо личным, интимным, а вопросы о принадлежности к той или иной конфессии – бестактными и неэтичными. В апреле 1951 г. был принят Закон о религиозных юридических лицах, предоставивший всем религиозным организациям право владеть храмами и святынями, заниматься хозяйственной деятельностью, а всем органам государственной власти – не вмешиваться в отправление служб и другую религиозную деятельность. В результате не только административные органы, но и полиция, и суды по большей части смотрели сквозь пальцы на порой противоправные поступки религиозных организаций. Предлог был весьма убедительным: принцип невмешательства государства в дела религии. Но именно из-за этого была написана одна из самых драматических страниц в истории новых религий.

Организация «АУМ Синрикё» – тоталитарная секта, использовавшая для достижения своих целей террористические методы, получила печальную известность во всем мире. Ее основатель, Асахара Сёко (настоящее имя – Мацумото Тидзуо) родился в семье бедного ткача циновок татами в деревеньке на о-ве Кюсю. Наследственным заболеванием в семье было слабое зрение: еще в детстве Асахара потерял зрение из-за глаукомы, как и его старший брат, тоже ослепший в раннем детстве. В шесть лет Асахара был отправлен в интернат для слепых, где обучился иглоукалыванию и массажу, став по окончании института специалистом по иглотерапии. Тогда же он начал интересоваться религией и философией – некоторое время Асахара провел в Индии, где обучался у знатоков буддизма, причем изучал он не только буддизм, но и теории Мао Цзе Дуна. После женитьбы, в 1978 г. Асахара работал в аптеке г. Фунабаси префектуры Тиба – и привлекался к судебной ответственности за мошенничество при выписке счетов на сумму 6,7 млн. иен. В 1981 г. он открыл собственную Китайскую клинику иглоукалывания и гомеопатических препаратов в этом же городе и организовал продажу фальшивых лекарств, предлагая лечение страдающим ревматизмом людям старше 60 лет. На продаже фальшивых лекарств он «заработал»

около 40 млн. иен, после чего был арестован и по суду оштрафован на 20 тыс. иен.

В это же время, начиная с 1977 г., Асахара начал заниматься йогой и созданием своего учения. В 1981 г., ознакомившись с философией и историей религии, он присоединился к новой религиозной секте под названием Агон Сю, чье учение представляло собой слияние элементов раннего буддизма, тантризма, индуизма и йоги. После ареста за торговлю поддельными лекарствами его вынудили покинуть секту Агон Сю – и тогда в 1984 г. он вместе с несколькими товарищами открыл учебный центр йоги AUM Inc. в Токио и одновременно основал компанию по продаже религиозных товаров. В этом же году Асахара открыл зал для занятий йогой и основал компанию по продаже религиозных товаров, а в 1986 г. его организация приняла облик религиозной секты. Причем убежденный в своих «сверхспособностях» он называет созданную им организацию «Общество святых отшельников-мудрецов». В этом же году Асахара начинает позиционировать себя как святого человека: он совершает поездку в Гималаи и затем объявляет, что достиг «окончательного спасения»⁵. С июля 1987 г. его организация получила название «АУМ Синрикё» («Учение истины АУМ») – первая часть названия организации представляет собой тантрическую сложную биджа-мантру (короткая мантра из одного слога), являющуюся составной из трех звуков, каждый из которых в свою очередь символизирует функцию по отношению к Вселенной, т. е. она является как бы аббревиатурой, поэтому и состоит из трех заглавных букв. С 1989 г., когда секта была официально зарегистрирована японскими властями и создала множество отделений по всей стране, она приобрела известность в Японии. Организация начинает усиленную пропагандистскую кампанию по призыву новых верующих, что становится причиной трений с общественностью.

В связи с тем, что «АУМ Синрикё» во многих документах именовала себя «буддийской общиной», духовные представители Далай-Ламы поспешили провести разграничение между буддизмом и деятельностью секты, заявив: «Ни Далай-Лама, ни представители традиционного тибетского буддизма не одобряют того, что он делает. Приверженцы традиционного буддизма не поддерживают миссионерскую работу и считают, что принципам буддизма противоречит стремление обращать в свою веру других людей. Эта секта ни в коем случае не принадлежит к тибетской традиции. Тибетские буддисты не занимаются обращением в свою веру, не пытаются создавать отдельные группы, секты верующих. Подход Асахара состоит в следующем: он говорит людям, что вам следует обращать в свою веру других людей, и, если вы обратите как

⁵ Асахара Сёко. Досье (<http://www.km.ru/file/index.asp?data=21.09.2006%2015:11:00&archive=on>)

можно больше людей, вы обретете большую духовную заслугу. Этот подход вредоносен во всемирном масштабе, поскольку он лишь создает противоречия между представителями разных религий. И уважение между представителями разных религий в настоящее время уменьшается благодаря деятельности именно таких сект, благодаря именно такому подходу. Поскольку люди пытаются вовлечь друг друга в различные группировки или обратить друг друга в свою веру, возникают религиозные конфликты»⁶.

Примечательно, что, согласно учению «АУМ Синрикё», освобождение людей от страданий и болезней и обретение счастья в этом мире, помимо религии, требует еще и политической активности. Для этой цели была сформирована «Партия истины», и в 1990 г. она выдвинула 25 кандидатов на выборы в Палату представителей Японии, но потерпела поражение, набрав всего 1782 голоса. Считается, что именно с тех пор деятельность организации приобретает антиобщественный характер.

В своей книге «Провозглашая себя Христом» Асахара объявил себя очередным воплощением Христа (Мессии) на Земле. Одним из его аргументов в пользу этого утверждения являются трактовки пророчеств Нострадамуса, а также то, что у него «такая же волнистая борода, как и у Иисуса Христа». Асахара писал: «Сим провозглашаю себя Христом. Я думаю, что вы сами убедитесь в этом, читая эту книгу. До 23 октября 1991 г. я не читал ни одной страницы Нового Завета за исключением Откровения Святого Иоанна Богослова. Я убедился, что в этой книге содержится пророчество о том, что я являюсь Спасителем... Иисус говорит, что тот, кто “будет свидетельствовать обо Мне”, и есть “Дух истины, который от Отца исходит”. Это относится ни к кому другому, как ко мне»⁷. Толкуя Откровение Иоанна Богослова, Асахара предрекал 1 августа 1999 г. катастрофу Армагеддона (третью мировую войну) и утверждал, что все люди грешны и для спасения душ они должны быть убиты. И только если четверть мировой популяции людей станет последователями его учения, то, по его словам, можно будет «избежать взрыва горы Фудзи, уменьшить вред от третьей мировой войны и других бедствий, вызванных людьми и явлениями природы». Причем даже в предсказании грядущего апокалипсиса присутствовал неизменный для «АУМ» политический оттенок: Асахара заявил, что Армагеддон, третья мировая война с Японией начнут Соединенные Штаты Америки.

Таким образом, хотя идеология секты и была проникнута японской спецификой, ее убеждения имеют тесную связь со многими современными религиозными течениями по всему миру. Например, тот факт, что Асахара мнил себя реинкарнацией Иисуса Христа, позволил ему

добавить к буддийской доктрине такие традиционно иудейско-христианские понятия, как Страшный Суд и Армагеддон. В связи с этим, а также в целях получения более ясной картины особенностей этого учения, стоит подробнее остановиться на его истоках. Учение основано на тибетской религии, характерными чертами которой являются сверхъестественные силы и эсхатология (учение о конечных судьбах мира и человека). Якобы «содержащее в себе сущность всех религий» учение носит эклектический характер и содержит в себе множество разрозненных элементов: из северного буддизма (махаяны), тибетского эзотерического буддизма, индуизма, в частности, индийской йоги, тантризма и христианства. Кроме того, в этот коктейль были подмешаны еще китайское учение о горных отшельниках, западный спиритизм, астрология, текст Апокалипсиса и предсказания Нострадамуса. Сам Асахара утверждал, что учение основывалось на его альтруистической философии, в центре которой стоит идея «спасения» всего человечества, основанная на трех принципах: 1) избавление людей от болезней; 2) достижение счастья в этом мире; 3) достижение просветления и освобождения⁸.

Кроме того, можно вспомнить средневекового буддийского мыслителя Синрана, чья школа рассматривается многими религиоведами как исток японского мистицизма⁹. Особенно важно в учении Синрана то, что он разрушил устоявшиеся представления относительно Добра и Зла: он утверждал, что представления о Добре и Зле относительны. Синран рассматривал Добро как одно из измерений Зла, которое путем самоотрицания превратилось в свою противоположность, и считал, что нельзя ограничиться простым избеганием Зла. Таким образом, человек, оказавшийся в плену категорических представлений о Добре, на самом деле пребывает во Зле. Коротко позиция Синрана выражалась так: «возвести в принцип отсутствие принципа». По учению Синрана, сердце человека изначально нельзя считать ни хорошим, ни дурным – оно может стать добрым или злым, потому что легко изменяется под воздействием кармы¹⁰.

Тезис Синрана – «ради спасения в Чистой Земле можно убить и сто, и тысячу человек» – долгое время воспринимался в Японии как гипербол, иносказание. Никому и в голову не могло прийти, что такое может произойти в реальной действительности, да еще в наши дни. Возникает вопрос: зачем кому-то понадобилась «последняя мировая война», почему мир должен обрести спасение именно таким образом?

⁸ Латышева М. Преподобный терроризм. (<http://www.russk.ru/st.php?idar=1000105>)

⁹ Накамура Юдзиро. Зло и грех в японской культуре. Еще раз об «АУМ Синрикё», (перевод Л. Ермаковой), – «Иностранная литература», 1997, №8.

¹⁰ Введение в буддизм. Буддизм в Китае и на Дальнем Востоке (http://buddhism.org.ru/buddhism_09.html)

⁶ Падение «АУМ Синрикё». – Япония сегодня (<http://www.japantoday.ru/znakjap/politik/0204/P-Y20.shtml>)

⁷ Асахара Сёко. Провозглашая себя Христом, М., АУМ Синрикё, 1993, с. 87.

По словам Асахара, современное положение в мире таково, что последняя мировая война все равно неизбежна, причем в самом ближайшем будущем. Следовательно, необходимо сделать все для того, чтобы люди, избранные свыше (т. е., попросту говоря, члены «АУМ Синрикё»), смогли при этом выжить. Целесообразнее нанести упреждающий удар по предполагаемым противникам и истребить их в возможно большем количестве. Может показаться, что случайные жертвы отдали свою жизнь напрасну, однако на самом деле это не так – мистический статус душ невинно убиенных существенно повысится благодаря происшедшему.

Известно, что Асахара вынашивал планы захвата мировой власти. Структура его организации была похожа на структуру правительства Японии и включала в себя различные «министерства» по всем сферам жизни японского общества (что примечательно, ключевой пост в кабинете был отведен министру науки) и «секретариат», которые должны были стать основой будущего государства. Таким образом, организационная структура «АУМ Синрикё» – государство в государстве – была призвана заменить японскую власть после Апокалипсиса. Для наведения порядка Асахара намеревался создать масштабные «полицейские силы», которые должны были пройти подготовку в России¹¹.

Притязания на мировое господство не были пустым звуком. Свои цели Асахара излагал следующим образом: «Гитлер был политическим диктатором, Мао Цзэдун был идеологическим диктатором. Для того чтобы привести людей к освобождению, я хотел бы стать религиозным диктатором»¹².

Накамура Юдзиро выдвигает еще одну, крайне неожиданную версию деструктивной направленности «АУМ». Это – обостренное «чувство момента», которым обладал Асахара. Он все время жил в ощущении, что его время уходит, и очень торопился. Заявляя о надвигающейся гибели мира, на самом деле Асахара все время помнил об угрозе, нависшей над его собственной жизнью, которая всецело зависела от динамики его быстро прогрессирующей болезни (сахарного диабета), и больше всего опасался, что рухнет построенная им пирамида власти¹³. В таких случаях воля к власти обычно бывает неразрывно связана с комплексом саморазрушения, который в свою очередь еще более обостряет честолюбие и властные инстинкты.

Любопытно, что на философию «АУМ Синрикё» также оказал огромное влияние (разумеется, без всякой своей на то воли) и американский

фантаст русского происхождения Айзек Азимов: Асахара, по собственному признанию, видел себя одним из героев Азимова, Гарри Шелдоном – блестящим математиком, который сформулировал новую науку «психоисторию» (науку истинного предсказания) и пытался спасти человечество от Апокалипсиса, сформировав секретное религиозное общество, которое должно будет восстановить цивилизацию после ее падения¹⁴.

Этот факт объясняет, почему Асахара стал инициатором создания при «АУМ Синрикё» научно-исследовательского центра и вербовал себе в единомышленники многих ученых. Действительно, ядро «АУМ» составляли люди с высшим образованием и достаточно амбициозные – в секте работало около 8 тыс. врачей, юристов, ученых – однако всех их объединяло такое качество, как маргинальность: все они не нашли себе места в обществе. В секту также привлекались люди состоятельные, которые могли пожертвовать значительные средства. При этом такие члены секты всегда оставались на периферии организации.

Объединяющей характеристикой тоталитарных сект является то, что их членами становятся преимущественно люди с неустойчивой психикой, не имеющие ясных нравственных критериев, духовных и культурных знаний. В секту попадает тот, кто не хочет искать ответы о смысле бытия; о том, как познать истину. Обычно такой человек ищет легкий путь к духовности и находит его в некоем суррогате, при помощи которого его заманивают в секту, где используют потем в корыстных целях. При этом человек как бы избавляется от ответственности за собственную жизнь, оказываясь в полной зависимости от сектантского учения. Специалисты сравнивают сектантскую зависимость с наркотической.

Так, в постиндустриальной Японии адептами секты становились многие студенты колледжей и университетов, где в конце 80-х работали вербовщики «АУМ Синрикё». Что же заставляло молодых и перспективных людей, только начинающих жить, разделять идеи культа, проповедующего апокалипсис? Если анализировать причины их интереса к «АУМ», то можно отметить следующее. Одна из них состоит в том, что после войны в Японии наблюдался очевидный духовный вакуум, и молодежь – прослойка, наиболее склонная к религиозным поискам, – реагировала на эту ситуацию болезненно. Для многих последователей, особенно молодых, главная привлекательная черта «АУМ» заключалась именно в силе воли Учителя, в его непререкаемой власти, которая сочеталась в нем с явным стремлением к гибели. Верующим казалось, что благодаря мощному саморазрушительному порыву в Учителе как бы оживает вся жизненная энергия космоса. По

¹¹ Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера. – Информационно-аналитический вестник. Белгород, 1997, №1, с.214.

¹² Там же, с.215.

¹³ Накамура Юдзиро. Зло и грех в японской культуре. Еще раз об «АУМ Синрикё», (перевод Л. Ермаковой), – «Иностранная литература».1997, №8.

¹⁴ Латышева М. Преподобный терроризм (<http://www.russk.ru/st.php?idar=1000105>)

словам специалиста по новым религиям Сусуму Симадзону, «сила Асахара, несомненно, таилась в его дерзости и неумеренной энергии»¹⁵.

«АУМ» внес в японскую религию принципиально новый элемент: требование тотального подчинения лидеру, которое осуществлялось через суровую аскетическую практику. Секта была построена по строго централизованному принципу, с реализацией принципа абсолютного подчинения нижестоящих адептов вышестоящим. Каждый новый адепт культа заносился в компьютерный каталог, ему присваивался личный номер и, после инициации, новое имя. После этого все происходящее с адептами культа строго учитывалось и фиксировалось: изменение сознания, денежные пожертвования, цвет и размеры сданной одежды, количество реализованных кассет, книг и плакатов, дружеские связи, посещение семинаров и медитаций и т. д. Специфическими чертами секты являлось также использование глубокой конспирации, режима секретности внутри культа и культивирование тотальной слежки среди адептов. Кроме того, адепт мог подвергаться культовому воздействию и вне общения с другими адептами: по оценкам специалистов, до 80% адептов «АУМ Синрикё» пришли в культ после просмотра телевизионных и прослушивания радиопрограмм этого культа. Также отмечалось использование наркотических веществ и психоэнергетических средств (аудиокассеты) в процессе установления и поддержания контроля сознания адептов.

Культовая практика в «АУМ Синрикё» представляла собой совокупность многообразных форм йоги, которые позволяли достичь экстаза, сложных и динамических галлюцинаций и даже *самадхи* – экстремального, почти безжизненного состояния. Таким образом, очевидно, что эта практика содержит в себе факторы риска, особенно для той части верующих, которые по состоянию своего здоровья, либо неокрепшего молодого организма и психики не в состоянии выносить чрезмерные психофизические и моральные нагрузки. Также известно, что на занятиях руководители заставляли адептов многократно повторять строки из произведений Учителя, в частности, следующие: «Человек непременно умрет. Человек обязательно умрет». Подобного рода занятия являлись одним из путей подготовки человека к необходимости пожертвовать жизнью во имя целей «АУМ Синрикё»¹⁶.

Важнейшим отличием стратегии «АУМ Синрикё» от прочих культов, имеющих тайный, эзотерический характер, когда главные истины тщательно скрываются от посторонних, была ее ярко-выраженная политизированность, а также четкое выделение стратегических соперников. Так, в январе 1995 г. в ежемесячном журнале «Ваджрана Сакка»,

принадлежащем «АУМ», была опубликована статья откровенно антисемитского характера «Еврейские амбиции: тотальное покорение мира». Этот трактат позиционировал себя как манифест десятилетия антисемитской пропаганды в Японии¹⁷.

Также сообщалось, что на сайте «АУМ» специальный раздел был полностью посвящен именно антисемитской направленности деятельности секты, где были размещены тексты «Протоколов сионских мудрецов» с комментариями, а также 58 статей крайней антисемитской направленности (примечательно, что они были доступны только в русскоязычной версии сайта)¹⁸.

С начала 90-х годов Асахара Сёко начал постепенно переходить от слов к действиям. Так, в апреле 1990 г. «АУМ» произвела атаку на японский парламент с применением ботулотоксина, а в июне 1993 г. мишенью террористов стала свадьба наследного принца. Позже, в том же месяце члены секты совершили попытку распыления штаммов сибирской язвы с крыши здания в Токио. К счастью, в результате этих терактов пострадавших не было. В 1994 г., чтобы доказать справедливость своих пророчеств и приблизить ожидаемый Апокалипсис, Асахара отдал личный приказ об осуществлении террористического акта с использованием отравляющих веществ. Теракт был совершен в японской префектуре Нагано, в результате чего погибло семь человек – факт изготовления адептами этой организации отравляющего газа для данного теракта позже признали руководитель химических испытаний Масами Цугия и врач Икуо Хаяси. Следующим, получившим печальную известность во всем мире, шагом адептов «АУМ» стал террористический акт в метрополитене Токио. Во время часа пик в центральной части токийского метро утром 20 марта 1995 г. пятеро специально отобранных боевиков секты с помощью зонтиков проткнули целлофановые пакеты, в которых находился жидкий нервно-паралитический газ зарин (еще немецкие нацисты применяли его в отношении узников концлагерей), после чего спешно вышли на поверхность. В день «зариновой атаки» в метрополитене Токио от распыленного под землей адептами секты отравляющего газа погибло 12, и получили травмы различной тяжести более 5 тыс. человек. Поезда и станции метро превратились в подземные ловушки. У многих пострадавших после этого теракта, ставшего самым крупным за всю послевоенную историю страны, до сих пор не прекращаются головные боли и проблемы с дыханием.

С самого начала полицейского расследования трагедии руководство секты стало яростно отрицать свою причастность к этой акции. Однако тщательный обыск зданий и складов на принадлежащем секте участке земли у подножия национальной святыни – горы Фудзи – показал

¹⁵ <http://www.japantoday.ru/znakjap/nauka/0204/N-Y3.shtml>

¹⁶ Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера. – Информационно-аналитический вестник. Белгород, 1997, №1, с.230.

¹⁷ Кармон Элай. Антисемитизм «АУМ Синрикё» – Опасное возрождение, ICT, 1999, с.34.

¹⁸ Там же, с. 62.

обратное. На этом участке «АУМ Синрикё» был возведен небольшой химический завод, оснащенный дорогостоящим первоклассным оборудованием, а также было складировано свыше тысячи бочек с 40 различными химическими веществами. Эти химические вещества были подобраны таким образом, что из них можно было создавать или смертоносные газы, или искусственные наркотики, или взрывчатку. Следственными органами Японии было установлено, что на химическом минизаводе «АУМ Синрикё» было налажено производство нервно-паралитических газов, в том числе зарина, который был применен во время смертоносной газовой атаки в токийском метро. При производстве таких газов необходимо тщательно соблюдать технологический процесс и меры безопасности, а на минизаводе газ производился кустарно с многочисленными нарушениями, что, по предварительным данным, не раз приводило к человеческим жертвам: по свидетельству ряда приверженцев секты, на территории завода по ночам происходили тайные захоронения, без ведома властей. Существует вероятность, что это были жертвы производства или испытания зарина¹⁹.

«АУМ Синрикё» известна своим увлечением новейшими технологиями военного применения. Организация занималась бактериологическим оружием: при обыске в центре «АУМ» было обнаружено до 500 томов по биохимии, в том числе книги по культивированию бактерий. Найдены были также и инкубационные установки, «бульоны» с бактериями – в общем, все, что требовалось для производства отравляющих веществ бактериологического типа. Секта пыталась создать собственное биологическое оружие, мечтала разработать технологии, способные провоцировать крупные землетрясения. В результате расследования японской полиции удалось также обнаружить у одного из адептов секты подробную секретную документацию о сверхсложнейшем и сверхновейшем процессе обогащения урана. «АУМ Синрикё» вела также ядерные исследования непонятного назначения на своей главной базе у подножия Фудзи, которая была впоследствии разгромлена полицией²⁰.

Выясняется, что предсказываемый Асахара «конец света» собирался организовать он сам, причем основательно к этому подготовился, пытаясь создать оружие массового уничтожения и выстроив противоатомное убежище, снабженное индивидуальными средствами защиты, поскольку сам Асахара, разумеется, планировал выжить. Оказывается, «АУМ Синрикё» располагала большим массивом закрытой информации об атомных объектах в России, на Украине и ряде других стран. Как сообщило в 2000 г. Токийское полицейское управление, группировка религиозных фанатиков добыла эти данные путем нелегального

доступа в компьютерные сети, используя «родственные» частные компании. Например, одна из них, компьютерная фирма «Вэйнкер» имела контракт на разработку системы обработки деловых данных для крупной машиностроительной корпорации «Исикавадзима-Харима» – из ее базы данных сектанты скачали, в частности, информацию о заказанном Россией устройстве, связанном с процессом обработки плутония. Были украдены также данные о системе безопасности на Чернобыльской АЭС, которую заказало министерство иностранных дел Японии для предоставления Украине в качестве помощи. Путем компьютерной кражи сектанты получили данные о ядерных объектах в КНР, Южной Корее и на Тайване, а также собрали немало закрытых сведений о путях и методах перевозки радиоактивных веществ внутри Японии²¹.

Асахара Сёко, скрывавшийся от властей в религиозном центре секты недалеко от Токио, был арестован 16 мая 1995 г., а к марту 1996 г. еще свыше 400 адептов секты; все они подозревались в совершении разного рода преступлений, в том числе убийств и похищений людей. В декабре 1995 г. по решению суда был наложен арест на все банковские счета и недвижимость секты, а весной 1996 г. «АУМ Синрикё» была объявлена банкротом. Ее штаб-квартира в Токио была закрыта, имущество подлежало распродаже, а вырученные средства пошли на выплату компенсаций жертвам террористического акта 1995 г. По сообщению газеты «Йомиури», имущество «АУМ Синрикё» на момент террористического акта в марте 1995 г. оценивалось не менее чем в 2,5 млрд. иен, или 29 млн. долл. Асахара (или те, кто стоял за его спиной) оказался обладателем земельных участков общей площадью 136 тыс. кв. м, 16 зданий в Токио и в десяти префектурах страны²².

Судебный процесс по делу секты «АУМ Синрикё» тянется уже в общей сложности 12 лет и не завершен до сих пор. 27 февраля 2004 г. Асахара Сёко был вынесен смертный приговор. Он был признан виновным по главным пунктам из 13 предъявленных ему обвинений, связанных с убийствами 27 человек. Токийский окружной суд признал, что Асахара сыграл главную роль в организации газовой атаки в Токийском метро, такой же, как в г. Мацумото годом раньше, а также в убийстве вместе со всей семьей адвоката, пытавшегося помочь жертвам сектантов²³.

Сам Асахара свою вину не признает до сих пор, и немаловажно подчеркнуть, что за его освобождение до сих пор ратует множество сторонников, причем весьма недвусмысленно. В конце марта 1997 г. было совершено покушение на начальника Главного полицейского управления Кодзи Кунимацу, возглавлявшего комиссию по расследо-

19 Жаринов К. В. Терроризм и террористы. Минск, 1999, с. 23.

20 Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера. – Информационно-аналитический вестник. Белгород, 1997, №1, с.265.

21 Православие.Ru (http://www.pravoslavie.ru/news/03_31/06.htm)

22 Тай тэроризму сэно (Борьба с терроризмом). – Йомиури симбун Кэнса Хомбу. 2002, с. 139.

23 <http://www.japantoday.ru/arch/news/0311/0311.shtml>

ванию террористического акта в токийском метро. Неизвестный выпустил в него несколько пуль и скрылся. В Интернете функционирует несколько сайтов (в том числе русскоязычных) в поддержку своего духовного лидера, а адвокат Асахара Ватанабэ Осаму даже издал несколько лет назад книгу под названием «Думаете, казните Асахара и жить станет легче?». В своем труде Ватанабэ утверждает, что исход суда был предрешен еще до его начала, т. е. судьи, закрывая глаза на реальные факты, просто разворачивали сценарий, написанный государством и ежедневно озвучиваемый СМИ²⁴.

Вместе с бывшим лидером «АУМ Синрикё» к казни через повешение были приговорены еще 12 членов секты, однако до сих пор ни один из приговоров не приведен в исполнение – это при том, что в сентябре 2006 г. смертный приговор Асахара был подтвержден высшей судебной инстанцией Японии, а Верховный суд, признав его виновным по всем 13 пунктам обвинения, отклонил последнюю жалобу адвокатов.

Несмотря на отрицательное отношение общества к «АУМ Синрикё», эта секта и сейчас продолжает обретать своих последователей. Согласно опросу, проведенному Кимиаки Нисида, профессором университета Сидзуока, последователи «АУМ Синрикё» в отличие от адептов других сект необычайно уверены в истинности своего учения и достоинствах этой религиозной организации, даже тогда, когда они покидают секту. Как показывает статистика, из 200 бывших последователей «АУМ Синрикё», обратившихся за консультацией к психологам, лишь 40 человек окончательно порвали с сектой и ее учением²⁵.

К сожалению, секта «АУМ Синрикё», признанная международными религиозными и правовыми организациями тоталитарной и деструктивной, широко распространила свое влияние и на Россию, где ее филиал начал действовать еще с конца 80-х годов и был зарегистрирован в начале 1992 г. Будучи тонким психологом, Асахара весьма точно рассчитал время и направление основного удара своего учения. «АУМ» в целях собственного расширения и укрепления использовала то хаотическое состояние, в котором оказалась Россия после распада системы социализма, когда наступил период полнейшей идеологической и религиозной растерянности. Благодаря своему «постмодернистскому» характеру, «АУМ», искусно комбинировавшая восточный мистицизм и научность, обладала особой притягательностью. Богатые финансовые возможности позволяли организации оплачивать теле- и радиотрансляцию, так что пропаганда велась весьма активно. В итоге в 1993–1994 гг. «АУМ Синрикё» была в России самой широко рекламируемой органи-

зацией. В первые несколько месяцев своей деятельности она заплатила около миллиона долларов, обеспечив себе ежедневную часовую программу на радиостанции «Маяк» и получасовую еженедельную передачу на канале «2x2». Громадные средства были потрачены на рекламу в печати, миллионными тиражами издавались цветные листовки и плакаты, рекламные объявления транслировались по всей радиосистеме московского метрополитена. В том же году секта была зарегистрирована министерством юстиции – с центром в Москве. С того времени с периодичностью в один – два месяца стали проводиться массовые инициации с интенсивной медитацией на стадионе «Олимпийский» и в других местах²⁶. Вскоре адептами «АУМ Синрикё» в России стали уже около 55 тыс. человек.

В настоящее время, после запрещения деятельности филиала секты в России, движение «АУМ Синрикё» сейчас не имеет такой массовости, какая была до 1995 г., однако, по данным правоохранительных органов, несколько разрозненных групп ее последователей общей численностью около 1500 человек в условиях конспирации действуют во многих российских городах, а также государствах СНГ. Некоторые группы отошли от учения Асахара и выдвигают свои теории, например, секта Гухья-Самаджа в Симферополе. Самая крупная из известных баз располагается в деревне Ельцы Юрьев-Польского района Владимирской области, где построены три современных коттеджа, возведена гостиница и центр отдыха²⁷. Примечательно, что эти группы номинально действуют на законных основаниях и не могут быть привлечены к ответственности. Закон о свободе совести 1997 г., введя понятие «религиозная группа без права юридического лица», по сути, позволяет им действовать без регистрации и распространять свое «учение», если только не имеет места такое вопиющее нарушение уголовного кодекса, как в следующем эпизоде.

Так, летом 2000 г. в центре Владивостока сотрудниками ФСБ был задержан один из членов «АУМ Синрикё» Алексей Юрчук. Как показало предварительное следствие, вместе с 15 другими членами секты он готовился к освобождению своего духовного лидера Асахара Сёко. По информации спецслужб, еще в 1999 г. в России члены этой организации начали тайную подготовку серии террористических актов в крупных городах Японии. Предполагалось, что взрывы, которые должны были прогреметь на всей территории Страны восходящего солнца, заставят правительство Японии освободить лидера секты. После этого на частном катере, закупленном членами группы фанатиков, предполагалось переправить его в Приморье, где для нелегального размещения

²⁴ Ватанабэ Осаму. Думаете, казните Асахара и жить станет легче? (<http://verity1.wordpress.com/vatanabe>)

²⁵ Падение «АУМ Синрикё». – Япония сегодня (<http://www.japantoday.ru/znakjap/politik/0204/P-Y20.shtml>)

²⁶ Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера. – Информационно-аналитический вестник. Белгород, 1997, №1, с. 223.

²⁷ Православие.Ru (http://www.pravoslavie.ru/news/16_03/05.htm)

Асахара во Владивостоке и в поселке Славянка было приобретено несколько квартир. На тот случай, если бы их замыслы были раскрыты и правоохранительные органы начали аресты, фанатики намеревались захватить заложников в Приморье и добиваться своей цели террористическими методами, даже если бы пришлось прибегнуть к массовым убийствам. Осенью 1999 г. Юрчук связался с одним из руководителей «АУМ Синрикё» в Японии и договорился о материальной поддержке, получив на операцию по освобождению Асахара порядка 100 тыс. долл. На эти деньги было закуплено вооружение: пистолеты, автоматы, взрывчатка. Несколько взрывов в трех японских городах – Токио, Аомори и Саппоро – должно было произойти в середине июля 2000 г., накануне саммита «Большой восьмерки» на Окинаве. В правительство Японии стали поступать письма с угрозами терактов, если Асахара Сёко не будет освобожден, но за две недели до начала акции члены террористической группы были арестованы²⁸.

Следует отметить, что в ежегодном докладе госдепартамента США о международном терроризме 2 мая 2002 г., в перечне террористических организаций Россия упоминается именно как страна с неустановленным числом сторонников японской секты «АУМ Синрикё». Таким образом, террористическая деятельность секты «АУМ Синрикё», по мнению американского госдепартамента, оказалась значительно более разрушительной, нежели военные действия чеченских экстремистов. О продолжении деятельности секты свидетельствует и наличие в свободном доступе в Интернет ряда тематических веб-сайтов, разрабатываемых адептами секты «АУМ Синрикё», таких, как, например, активно функционирующее «Сообщество учеников Духа Истины Его Святейшества Преподобного Учителя»²⁹.

Сегодня «АУМ Синрикё», даже лишившись своего духовного лидера и будучи запрещенной японскими властями за многочисленные преступления, продолжает свою деятельность. Секта изменила название на «Алеф», активизировала свою деятельность и представила журналистам штаб-квартиру в Токио и новые офисы в префектуре Осака³⁰. По данным министерства юстиции Японии, в рядах «Алеф» в настоящее время состоят 7,5 тыс. последователей в Японии и несколько сотен за границей.

Согласно сообщению «Асахи симбун», секта проводит крупномасштабную кампанию по вербовке новых приверженцев с помощью электронной почты, с использованием университетских базы данных, чтобы войти в контакт с более чем 40 тыс. студентов колледжей. Особую тревогу у правительства вызывает то, что «новая АУМ», владеющая в

настоящее время 13 компьютерными фирмами, активно пропагандирует свои идеи в Интернете – этим направлением деятельности «Алефа» непосредственно руководит один из ближайших сподвижников Асахара, Фумихиро Дзёю³¹. Примечательно, что последний является бывшим руководителем культа «АУМ Синрикё» в России. В декабре 1999 г. он вышел на свободу после тюремного заключения и, согласно сделанному в январе 2002 г. заявлению правления секты, сейчас является лидером секты.

Возникает ощущение, что «Алеф» пытается всячески оправдаться в глазах общественного мнения. Принеся официальные извинения за террористическую акцию, представители организации заявили в 1999 г., что посредством созданного компьютерного бизнеса намерены заработать средства на выплату компенсаций ее жертвам. По словам руководства, «Алеф» является совершенно безобидной религиозной организацией, и с 1999 г. она якобы выплатила в качестве компенсаций жертвам 303,5 млн. иен. Также утверждается, что организация помогает и пострадавшим от нападений на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г.

Однако министерство юстиции Японии все же признает, что «от действующих в стране религиозных сект по-прежнему исходит угроза»³². В связи с этим 10 ноября 2004 г. в Токио прошло заседание Специального комитета по вопросам общественной безопасности. Его участники приняли решение на пять лет продлить действие закона, позволяющего вести наблюдение за деятельностью организаций, члены которых совершали массовые убийства в течение последних 10 лет, в том числе с применением в этих целях отравляющего газа зарин. В этом законе, который был принят в 1999 г. и который предполагает возможность обысков без ордеров, конкретно название секты «АУМ Синрикё» не указано, однако речь идет, прежде всего, о деятельности именно этой организации и смежных с ней культов.

Согласно опросу, опубликованному в 2005 г. в газете «Йомиури», 84% японцев опасались повторения терактов – особенно на фоне угроз со стороны «Аль-Каиды», вызванных развертыванием контингента сил самообороны Японии в Ираке. Однако при этом из 1795 опрошенных 73% признались, что ждут угрозы именно от «АУМ Синрикё»³³.

Таким образом, по мнению японских правоохранительных органов, в настоящее время секта «АУМ Синрикё» все еще представляет собой несомненную опасность. При этом особая сложность в осуществлении контроля над ее деятельностью заключается в том, что ее адепты распространяются во многих странах мира, в том числе и в России. Правда, отдельными японскими аналитиками высказывается тезис о том, что

²⁸ Слова и дела российских учеников Асахара (<http://iriney.vinchi.ru/sects/killers/aum/002.htm>)

²⁹ <http://community.livejournal.com/shinrike/>

³⁰ http://www.rian.ru/rian/intro.cfm?nws_id=603432

³¹ Там же.

³² <http://www.mofa.go.jp/announce/speech/un2005/un0501-3.html>

³³ <http://www.yomiuri.co.jp/national/news/20050206i301.htm>

эта опасность нагнетается японскими спецслужбами намеренно – для получения финансирования и для саморекламы³⁴. Как бы то ни было, под лозунгом борьбы с «АУМ Синрикё» и подобными ей тоталитарными сектами японские спецслужбы получают практически неограниченные санкции – вплоть до осуществления наблюдения, проведения обысков и применения спецсредств.

В последнее время проблема деструктивных культов привлекает серьезное внимание научных организаций. Так, в отдельных европейских странах эта проблема была подвергнута внимательному рассмотрению специальными комиссиями, которые назначались парламентами, и она послужила основной причиной радикального изменения религиозного законодательства – в том числе и российского.

Что касается непосредственно мер обеспечения религиозной безопасности и способов борьбы с деструктивной деятельностью отдельных сект и культов, то в этом случае наиболее проблематичным оказывается само определение религиозной организации, в качестве признаков которой обозначены: «вероучение, совершение религиозных обрядов, религиозное обучение». Очевидно, что, согласно данному определению, религиозными являются действия, совершенные только религиозной организацией. Однако если же некая группа не зарегистрировалась в качестве *религиозной* и не употребляет термина «религия» применительно к себе, то ее деятельность будет рассматриваться как светская даже в тех случаях, когда она является однозначно оккультной. И стоит только какой-либо группе заявить, что у нее не религиозное вероучение, а, например, «духовное знание», как ее уже нельзя будет определять в качестве религиозной. Кроме того, даже в случае объявления религиозной организации «запрещенной» она совершенно не обязательно приостанавливает свою деятельность³⁵.

Очевидно, что в связи с наличием значительного числа сложностей, сопутствующих важнейшему делу обеспечения религиозной безопасности, одним из приоритетных направлений сдерживания сектантской экспансии является более полное информирование населения о деятельности, в том числе и криминального характера, различных религиозных организаций.

Подводя же итог анализу идеологии и деятельности секты «АУМ Синрикё», хочется привести высказывание одного из крупнейших исследователей феномена новых религий Юдзио Накамура: «История с “АУМ Синрикё”, в которой переплелось множество сложных сюжетных линий, отражает самую суть культурной ситуации в современной

Японии. Однако я больше всего боюсь, что наше общество предаст эту историю забвению, так и не разобравшись, что, собственно, произошло, не выявив главных болевых точек. Есть люди, которые пребывают в уверенности, что члены “АУМ Синрикё” были просто кучкой сумасбродов, а учиненные ими преступления – вздор и случайность. Однако нечасто происходят события, в которых столь ярко выявились бы скрытые свойства японского общества и культуры»³⁶.

«АУМ Синрикё» оставила глубокий и болезненный след в японском обществе, и ее история фундаментальным образом связана с культурной и социально-исторической спецификой Японии. Общество стоит перед нелегким вопросом – как относиться к случившемуся, как его преодолеть, причем не только в религиозном отношении, но и в идеологическом, и в философском. Ведь если вспомнить о разнообразии внезапно появившихся экстремистских религиозных культов и о трагических эпизодах, напрямую связанных с этой новой тенденцией, а также о росте исламского фундаментализма, тесно связанного с проблемой международного терроризма, то можно понять, что подобные явления – характерная примета нашего времени. И чтобы все перечисленные выше напасти нашего времени получили благополучное разрешение, имеет смысл не просто бороться по отдельности – с сектантами либо с террористами, не просто устранять последствия их злодеяний, а всерьез задуматься о культуре и обществе в глобальном, общемировом контексте.

³⁴ Митани Кадзума. «Нагаи Мими но Кокка» – Нихон но Интэридзэнсу но Якувари («Государство с длинными ушами») – роль японских спецслужб). Токио, 2004. с., 231.

³⁵ Олейник И. В., Соснин В. А. Тоталитарная секта. Как противостоять ее влиянию. М., Генезис, 2005, с. 40.

³⁶ Накамура Юдзио. Зло и грех в японской культуре: Еще раз об «АУМ Синрикё» (перевод Л.Ермаковой). – «Иностранная литература», 1997. №8.

В. Э. Молодяков

«Книги имеют свою судьбу». Банально, но от того не менее верно. Верно и то, что книги влияют на судьбы людей, причем порой через много десятилетий.

В 14 лет я начал собирать старые книги. Случайно или нет, но первой из них были «Корни японского солнца» Бориса Андреевича Пильняка (1894–1937), выпущенные ленинградским издательством «Прибой» в 1927 г. Тогда автор интересовал меня больше, чем предмет изложения – вояж в Японию в 1926 г. Чуть позже на полке появились «Камни и корни», изданные «Худлитом» в 1935 г., – итог второй поездки в 1932 г. Увлечение Пильняком прошло быстро, интерес к Японии остался на всю жизнь.

Первую научную статью, опубликованную в 1989 г. в «Проблемах Дальнего Востока», я посвятил Пильняку и его книгам о Японии – еще не переизданным и мало кому известным. Ничего особо выдающегося в статье не было, но ее предварительно прочитал и одобрил Борис Борисович Андроникашвили-Пильняк, сын писателя и сам писатель, «автор ярких, светлых и веселых повестей и рассказов, тонко повествующих о серьезных вещах», как говорилось в одном из некрологов по поводу его безвременной кончины в 1996 г. До сих пор помню, как он похвалил «галльскую ясность» моего творения. В 1995 г. журнал «Знакомьтесь – Япония» перепечатал книгу Б.Пильняка «Корни японского солнца», воспользовавшись моим экземпляром. Наконец, в 2004 г. появилось научно подготовленное издание с подробным комментарием французской исследовательницы Дани Савелли, к которому мы еще не раз обратимся.

Борис Пильняк был одним из популярнейших прозаиков 20-х годов, признанным, несмотря на «советскость», даже в эмиграции. Дореволюционные дебюты и первый сборник рассказов «С последним парходом» (1918 г.) прошли незамеченными, но в начале 20-х годов Борис Андреевич ворвался в литературу подобно вихрю. Роман «Голый год», книга рассказов «Былье», повести «Расплеснутое время» и «Третья столица» всего за несколько лет сделали его знаковой и даже культовой фигурой новой русской прозы, отразившей реалии послереволюционного «расплеснутого времени».

По принятой в то время терминологии Пильняка называли «попутчиком» – «тем, кому по пути с революцией», как он сам объяснял это

слово японцам в 1926 г. «Попутчики» располагались посередине между «пролетарской» и «буржуазной» литературой. Пильняка относили к «правым попутчикам», ближе к «классовому врагу». Читатель его любил, критика больше ругала, советская власть и привечала, и одергивала. Такие люди были нужны ей в качестве «большевизма с человеческим лицом».

Свободный выезд за границу из Советского Союза к 1923 г. постепенно сошел на нет, особенно если это касалось людей известных. С каждым годом гайки закручивались все туже. До конца 20-х годов на выезд требовалось разрешение, получение которого мотивировалось творческой необходимостью и обуславливалось наличием «правильных» контактов за рубежом. В 30-е годы писатели ездили за границу не столько по собственному желанию (с ним уже мало кто считался), сколько в «командировки» с конкретными поручениями, что, впрочем, практиковалось и раньше. Художник Юрий Анненков (первый иллюстратор «Двенадцати» Блока) вспоминал, с каким удовольствием его приятель Владимир Маяковский предавался радостям «буржуазной» жизни во Франции, включая азартные игры. Поведение поэта никто не контролировал (по крайней мере, это не бросалось в глаза), но нынешний приезд и разрешение на следующий надо было «отработать» соответствующим количеством разоблачительных виршей, что Владимир Владимирович исправно делал... и чего немного стеснялся при новой встрече с Анненковым.

Пильняк был «выездным» до середины 30-х годов. Два его приезда в Японию отлично укладываются в приведенную схему.

«Корни японского солнца» – книга поэтичная и совершенно аполитичная. «Политика» в ней присутствует лишь постольку, поскольку автора принимали в Японии сначала как посланца советской литературы и только потом как лично «Пирияку-сан» (его произведения только-только начали переводиться на японский язык). Отдавая себе в этом отчет, он писал: «Все, что выпало мне в Японии, я принимаю никак не на мой счет, а на счет нашей советской общественности, представителем которой я был там»¹. «Камни и корни» – книга предельно политизированная и производящая впечатление торопливого черновика, «материалов к роману», хотя автор писал ее не впопыхах и несколько раз перерабатывал текст. Это обуславливалось и социальным заказом, и творческими задачами, которые в тот момент ставил перед собой автор. Новое время – новые песни.

В Японии Пильняк и его спутница – актриса Ольга Щербиновская, которую он представлял как жену, находились под постоянным и от-

¹ «Корни японского солнца» цитируются без дополнительных сносок по изданию 1927 г., «Камни и корни» – 1935 г.

кровенно докучавшим им надзором полиции². Визитер из Советской России – всего через полтора года после восстановления дипломатических отношений – казался японским властям «опасным большевиком» и «красным агитатором». «Мы будем неотступно следить за ним и вынудим его уехать» – подобными фразами пестрят документы японского министерства внутренних дел³, хотя посольство в Москве выдало ему визу с соблюдением всех необходимых формальностей. «Японское правительство явно преследует цель отбить у красных охоту посещать страну» – записывал 27 марта 1926 г. французский посол в Токио и знаменитый поэт Поль Клодель (Савелли, с. 224). Доходило до смешного: на перроне Токийского вокзала местным литераторам и сотрудникам советского полпредства пришлось встречать Пильняка в полном молчании, чтобы избежать «демонстраций». Только переводчику Осэ Кэйси полиция разрешила сказать: «С приездом». А то совсем уж нехорошо получалось...

И тогда, и сейчас многих занимал вопрос: кто послал Пильняка в Японию? Д. Савелли, изучившая материалы как российских, так и японских архивов, убедительно доказала, что никто его специально не посылал: японские писатели, а именно Японско-русское литературно-художественное общество (ЯРЛХО) Бориса Андреевича пригласило, советские власти – отпустили. Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД) и Всесоюзное общество культурных связей с границей (ВОКС) проявили определенный интерес к поездке, но особого содействия писателю не оказали, хотя он объективно «работал» на них.

«Культурные связи – одно из немногих средств улучшения наших отношений с Японией», – писал 29 июня 1928 г. полпред в Токио А. А. Трояновский заместителю наркома по иностранным делам Л. М. Карахану, который отвечал за дальневосточные дела (Савелли, с. 169). Через четыре с половиной года ту же мысль повторил представитель ВОКС (в ранге первого секретаря полпредства) М. Г. Галкович: «Я не рассматриваю наши культурные отношения как нечто изолированное от наших политических задач, они во многих пунктах друг с другом переплетаются, вот почему дела культурные имеют, конечно, и политическое значение» (Савелли, с. 169). Схожей точки зрения придерживался, например, Гото Симпэй, который в первой трети XX в. сделал для развития русско-японских отношений больше, чем любой другой японец его и нескольких следующих поколений. После концерта скрипача

Наума Блиндера он сказал: «Через подобное искусство осуществляется близость и дружба Японии и России»⁴.

Проявили интерес к Пильняку и японские газеты – опять же как к «советскому», потому что «советское» было в моде, а прямо «коммунистическое» – под запретом. Для газет это был бизнес, для литературных и культурных обществ – залог успеха их деятельности. «В Японии реклама – это все», коротко и четко писал в Москву советский консул в Кобэ (Савелли, с. 176). Любовью ко всему новому особенно отличалась «Осака Асахи», в рекламных целях организовавшая летом 1925 г. перелет Токио-Рим через территорию Советского Союза. Отклик «Известий» (30 августа) на их появление в Москве был многозначительно озаглавлен «Японские летчики – вестники сближения». Статья, значение и содержание которой далеко выходили за рамки конкретного повода, появилась без подписи, но написал ее не кто иной, как... нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин⁵. Насколько известен тогда был факт его авторства, я, к сожалению, не знаю.

Тема авиации возникла здесь не случайно. Пильняк летал из Токио в Осака на двухместном самолете, принадлежавшем «Асахи». Оба издания газеты – токийское и осакское – напечатали его фотографии в костюме авиатора. Что и говорить, отличная реклама! А писатель, попавший в воздушную бурю, набрался потрясающих впечатлений, которым посвятил заключительную часть книги.

Во время пребывания в Японии Пильняк активно печатался в местных газетах. Его статьи, написанные по горячим следам увиденного и составившие позднее основу «Корней», немедленно переводились на японский и принесли автору неплохой доход. Гонорары, как советские, так и иностранные, позволяли ему жить на широкую ногу. «Он имел в своем распоряжении столько времени и денег, сколько хотел» (Савелли, с. 227). Именно это обстоятельство смущало японскую полицию, наводя ее на мысль о «секретных фондах Коминтерна».

До поездки в Японию Пильняк успел поехать по Европе. Несмотря на беспартийность, «буржуазные замашки» и некоторую склонность к эпатажу – как в литературе, так и в жизни – он был на хорошем счету у властей. «По-моему, таким писателям, как Пильняк, надо давать говорить целиком все, что они думают, – писал 3 декабря 1923 г. нарком просвещения А. В. Луначарский начальнику Главлита П. И. Лебедеву-Полянскому (в писательской среде того за глаза называли «Лебедев-Подлянский»). – Если он ляпнет что-нибудь неприемлемое, попробем его через критику. Надо стараться о том, чтобы дать писателям возможно большую свободу слова, ограничивая их только в самых крайних случаях,

² Во время второго приезда писатель нашел, что японская полиция «очень европеизировалась. Шпики, явно приставленного, в 32-м году я видел всего лишь один раз», однако некоторые из его прежних знакомых уже оказались в заключении».

³ Савелли Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. – Пильняк Б. Корни японского солнца. М., 2004, с. 221. Далее ссылки на это издание в тексте (Савелли) с указанием страницы.

⁴ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 455–460.

⁵ Цит. по: Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917–1932. М., 1975, с. 327.

когда становится совершенно ясно, что та или иная фраза, слово или произведение, являются чуть-чуть прикрытой контрреволюционной прокламацией или наглой порнографией. Во всех остальных случаях цензура не должна быть пускаема в ход по отношению к художникам. Я имею основание думать, что так смотрят на это руководящие умы нашей партии, а не только один я»⁶. Среди партийных вождей, ценивших Пильняка, первым надо назвать Троцкого, который хвалил его в печати и защищал его книги от цензуры. В 1922 г. вопрос о конфискации уже напечатанной книги Бориса Андреевича «Смертельное манит» обсуждался... на Политбюро, членам которого было предписано ознакомиться со спорными произведениями⁷. Как будто им больше нечего было делать!

Настоящий гром грянул летом 1926 г. с появлением в «Новом мире» «Повести непогашенной луны» о смерти командарма Григорьева на операционном столе. Мало-мальски осведомленные современники видели в этом прозрачный намек на смерть наркома по военным и морским делам М. В. Фрунзе в конце 1925 г. Предвидя возможные кривотолки, Пильняк в предисловии поспешил откреститься от подобной аналогии и посвятил повесть видному партийному критику А. К. Воронскому, но это никого не ввело в заблуждение. Майский номер «Нового мира» за 1926 г. был конфискован, а издание сборника рассказов, включавшего повесть и уже оплаченного Госиздатом (с этими деньгами Пильняк приехал в Японию), остановлено. Воронский публично и не слишком деликатно отказался от посвящения. Эмигрантские издания срочно начали перепечатывать «Повесть» как «правду о смерти Фрунзе» (передо мной – приложение к софийской газете «Русь», где повесть уместилась в два газетных листа, сфальцованных в брошюру). Секретный циркуляр Главлита от 27 мая 1926 г. за подписью Лебедева-Полянского гласил: «Впредь до особого распоряжения не допускать помещения произведений Пильняка в толстых партийно-советских журналах и сборниках и вычеркивать фамилию названного писателя из списка сотрудников этих журналов»⁸. Автору пришлось долго каяться, но на этот раз «пронесло». В годы перестройки запретная повесть стала едва ли не самым известным произведением Пильняка – непременным атрибутом его «изборонок» и основой для художественного фильма.

Вторая поездка Бориса Андреевича в Японию – с 6 мая по 18 июня 1932 г. – совсем другое дело. Можно встретить утверждения (со ссылкой на дневник К. И. Чуковского), что она была «навязана» писателю Сталиным и Караханом. Слово «навязана» здесь явно не подходит: путешествовать Пильняк любил и готов был «отрабатывать» поездки и

лекциями, и книгами, о чем сам не раз писал в инстанции. Сейчас от него требовалась не просто «книга о Японии», но такая книга, которая отвечала бы политическим расчетам вождя и его соратников.

Дело было еще в том, что через несколько лет после возвращения из Японии Пильняк снова «проштрафился» (его собственное выражение из письма по поводу «Повести непогашенной луны»). В 1929 г. он опубликовал в берлинском эмигрантском издательстве «Петрополис» (выпуская также произведения советских авторов, причем в основном пиратские) повесть «Красное дерево», запрещенную Главлитом. Итогом стала мощная пропагандистская кампания, под молот которой вместе с Борисом Андреевичем угодили Евгений Замятин за роман «Мы», опубликованный в США в 1924 г. и в пражском журнале «Воля России» в 1927 г., и Анатолий Мариенгоф, напечатавший в том же «Петрополисе» в 1928 г. роман «Циники», издание которого в Ленинграде было остановлено. Возмущенные травлей, Замятин и Пильняк заявили о выходе из Всероссийского союза писателей. Для Замятина, наиболее упорного из троих, дело закончилось прекращением издания его собрания сочинений, перекрытием возможностей печататься, письмом Сталину и отъездом за границу с разрешения властей (фактически – высылкой) в 1932 г. Мариенгофу пришлось покаяться за первый роман, хотя его рукопись была передана в Берлин с разрешения Главлита, и тихо радоваться, что появление его второго романа «Бритый человек» в «Петрополисе» в 1930 г. прошло незамеченным. Репрессии его минули, но из «литературного процесса» он выпал раз и навсегда.

Пильняк покался, и ему поверили. Повесть «Красное дерево», впервые напечатанную в СССР только в 1989 г., он в переработанном виде включил в роман «Волга впадает в Каспийское море», благополучно изданный в Москве в 1930 г. Кстати, в этой повести место действия – русская провинция – характеризуется словами «Город – русский Брюгге и российская Камакура». Завершилось издание восьмитомного собрания сочинения. Но Пильняк срочно принялся писать очерки о «стройках коммунизма» – быстро, идеологически выверено и «производственно» – с обилием фактов и цифр. Сегодня это почти невозможно читать. Несколько раз ездил за границу, привезя из США в 1931 г. «американский роман» «О'кэй» и знаменитый среди московских писателей «форд», а из Японии – «Камни и корни». Ему недвусмысленно дали понять, чего от него ждут. Он стал солдатом имиджевой войны.

В 1926 г. Пильняк увидел относительно процветающую и благополучную страну. Увидел глазами писателя, особо не пленявшегося дешевой экзотикой в духе «колониальных романов» Пьера Лоти или Клода Фэррера, хотя более серьезные певцы «живописной Японии» вроде Лафкадио Херна оказали на него несомненное влияние. Как настоящий писатель, оказавшись в чужой стране, он записывал не только свои впечатления, но и рассказы сопровождавших его людей, поверья

⁶ Из переписки А. В. Луначарского и П. И. Лебедева-Полянского. – De visu. 1993, № 10.

⁷ Фрезинский Б. Литературная почта Карла Радека. – Вопросы литературы. 1998. № 3.

⁸ Из переписки А. В. Луначарского и П. И. Лебедева-Полянского. – De visu. 1993, № 10.

и преданья. В отличие от многих предшественников Пильняк почти ничего не напутал, а в редких случаях его поправлял или дополнял в своих «глоссах» японовед Р. Н. Ким. Он же написал о «Японии № 2», прошедшей мимо Бориса Андреевича, – о положении рабочего класса и истории революционного движения. Автор «Корней» только заглянул на шелкопрядильную фабрику (по данным полиции, пристально следившей за гостем, всего на десять минут), и то сделал это по настоянию принимавшего его «левого» писателя Акита Удзяку. «Возможно, жизнь рабочих подскажет интересный сюжет» – записал Акита в дневнике (*Савелли*, с. 209). Но Пильняка это совершенно не заинтересовало.

Главное чувство, переполняющее «Корни», – удивление. Удивляло то, что «сверстница Греции, племянница Ассирии и Египта» – простим автору некоторую вольность, обусловленную, видимо, знакомством с легендарной, а не исторической хронологией, – еще существует. И не просто существует, а, будучи, по европейским понятиям, на краю земли, рвется в будущее. Но больше удивляло то, что эта страна, «имеющая супердредноуты, газеты с миллионными тиражами и вертикальные тресты, одной ногой еще стоит в средневековье». «Европейское» в Японии, пусть и переделанное на местный лад вряд ли могло поразить Пильняка. Поразило свое, неповторимое. И то, что «Япония нашла в себе силы стать молодой страной – силы, указывающие на то, что у этой страны очень много *молодости*» (курс. наш – *В. М.*). «Япония больше всех сохранила свои национальные черты – и больше очень и очень многих стран, виденных и знаемых мною, Япония готова выйти из-за заборов национальной своей культуры на большую дорогу – культуры не национальной, а человеческой Земного Шара».

В 1926 г. от Пильняка не требовали «разоблачений». От него вообще ничего особо не требовали. Ортодоксальная критика в «Правде» 24 июня 1927 г. раскритиковала «Корни» устами профессора-японоведа Олега Плетнера, брат которого Орест к тому времени благополучно осел в Японии: «Настоящей, живой и реальной Японии он не увидел. Все неверно, все фальшиво в этой книге. Хуже того. Он видит Японию через ложные очки правых японских деятелей, он пишет строчки, достойные только японского ура-патриота... Мы считаем (своим) долгом обратить на это внимание “советской общественности”, предупредить ее, что эта книга не только неверная и фальшивая, но и просто вредная книга... Итого – быт Японии в книге не отражен. Изображено что-то фальшивое, неверное, играющее на руку японскому империализму. Советская общественность должна отказаться от согласия с таким освещением Японии».

Через десять лет такой донос стоил бы писателю жизни. Однако, 3 июля Плетнеру на тех же страницах ответил П. Ф. Сапожников, – между прочим, заместитель заведующего подотделом пропаганды Агитпропа

ЦК ВКП(б): «Мне кажется суровым и неверным утверждение проф. Плетнера, что очерки Пильняка – книжка сплошь “вредная” и “играющая на руку японскому империализму”... Пильняк все же попутчик, а не враг. Он ездил по Японии... чувствуя себя представителем советской общественности, не пролетарской, конечно, общественности, и, тем паче, не коммунистической, но все же советской... Рассуждения Пильняка по части социологии беспомощны, слабы и совершенно неверны, (но)... Пильняк рассказывает нам об интересе японской интеллигентной общественности к Советскому Союзу и к советской культуре, Пильняк упоминает о революционных японских писателях... Пильняк говорит об упорстве и организованной воле японского труда... Пильняк далеко стоит от нашей, пролетарской общественности. Но Пильняк находится все же в пределах советской общественности, и суровая критика его произведений, бичуя его недостатки, не должна нарушать “меру”». Рядом была напечатано краткое письмо самого писателя в редакцию, о том, что он «никак не может считать себя “империалистом”», а своих «токийских товарищей главным образом наших советских деятелей» – «ура-патриотами»⁹.

На этом полемика закончилась. Помнил ли Пильняк о ней, когда писал «Камни и корни», точно сказать не берусь. Но некоторые «подсказки» относительно того, как надо перестроиться, в ней были – и у Плетнера, и у Сапожникова. Переиздавая «Корни японского солнца» в 1930 г. в собрании сочинений, автор внес в текст некоторую правку, но не настолько значительную, чтобы пришлось говорить о новой редакции книги. Переписыванием ее он занялся после второго вояжа.

«Корни японского солнца» вписываются в прозу Пильняка середины 20-х годов. «Камни и корни», законченные в 1933 г., входят в его очерки 30-х годов, которые явно были не велением души, но средством реабилитировать себя в литературе и получить возможность спокойно работать над главными книгами – романами «Созревание плодов» (опубликован в 1936 г.) и «Соляной амбар» (закончен в 1937 г.; впервые полностью опубликован в 1990 г.). «Корни японского солнца» – при всей фрагментарности, вообще присущей художественной манере Пильняка, – производят впечатление цельного и продуманного произведения. «Камни и корни» больше похожи на писательский блокнот: десятки выписок из газет, «ликбезовская» информация о политических партиях, пересказ современных японских романов и пространные цитаты из них и даже... таблицы распределения земельных богатств и расходов на обработку единицы сельскохозяйственных площадей. Мало того, что в книге нет ничего художественного: она – результат «превращения писателя в машину, автомат, воспроизводящий то, что от него ожидают» (*Савелли*, с. 245). В ней почти нет ничего личного, за

⁹ Обе статьи и письмо Пильняка перепечатаны в издании «Корней» 2004 г. (с. 267–273).

исключением яркого, хотя и по-пильняковски клочковатого, описания военного мятежа 15 мая 1932 г.

Главное «личное» в новой книге – ожесточенная полемика с... «Корнями японского солнца». Сначала речь идет о вещах вполне объективных: «Между теперешними днями и теми днями, когда я впервые был в Японии, лежит без малого десятилетие (между поездками – шесть лет, между книгами – восемь. – В. М.). Это – не только время, когда менялась Япония, но в первую очередь время, когда менялся советский писатель, учился и рос вместе со своей страной и своей эпохой». Что это было за время – мы знаем. «Писателям нашей эпохи нельзя обходить историю и нельзя отставать от нее», – повторял Пильняк как заклинание.

Дальше начинается самобичевание: «Я должен заявить сейчас советскому читателю, что “Корни” – неверная книга. Я прошу читателей выбросить с их книжных полок седьмой том моего гизовского “собрания сочинений”. Что касается переводов этой книжки, я прошу в первую очередь уничтожить ее японский перевод». Плетнер был бы доволен, если бы не умер в 1929 г.

Понятно, что это – риторическая фигура. Однако неосторожно сказанное имеет обыкновение сбываться. Через пять лет после поездки и через два года после выхода второго издания «Камней и корней» Пильняка арестуют и еще через год расстреляют. Тогда с книжных полок будет выброшен не только «седьмой том», но и все остальные. Книги Бориса Андреевича будут находиться в спецхране в течение 20 лет, а многие и полвека.

Пильняк бичует не только себя, но и всех остальных европейских воспевателей «живописной Японии», которых много переводили и читали в России: «Писателей порядка Пьера Лоти, Клода Фаррера, даже Бернгарда Келлермана за его путешествие вокруг мира в шесть месяцев и, само собою, автора «Корней японского солнца» – следовало бы привлечь к суду за диффамацию, сделать бы им снисхождение по милосердию за их безграмотность, в тюрьму на первый раз не сажать, но – лишить права публиковать свои вещи впредь до обретения грамотности, понеже литература есть дело общественное, но не паркетное».

Накликал, накликал Борис Андреевич и запрещение печататься, и суд, и тюрьму. Только вот на снисхождение зря рассчитывал. Хотя в отношении Лоти («Госпожа Хризантема»), Фаррера («Душа Японии», она же «Битва», и «Прогулка по Дальнему Востоку») и, в гораздо меньшей степени, Келлермана («Страна хризантем») он во многом прав – книги это поверхностные, изобилующие ошибками и благоглупостями, да к тому же отмеченные презрением «белых» к «азиатам». Последнее особенно характерно для Лоти, которому за «Госпожу Хризантему» блестяще отомстил Акутагава Рюносукэ рассказом «После

банкета». В нем иностранцы, увиденные глазами «госпожи Хризантемы», выглядят не менее комично и нелепо, чем японцы и японки у Лоти.

Но Пильняк не ограничился любителями экзотики и мэтрами «колонияльного романа». «Вместе с этими писателями следовало бы на скамью подсудимых посадить и глубокоуважаемых ученых исследователей порядка профессора Е. Г. Спальвина и Лафкадио Херна и прочих, многим известных, путающих по учености своей, к примеру, за изучением какой-нибудь тысячилетней Мурасаки Сикибу, тысячилетия с сегодняшним днем и, кроме этой Мурасаки Сикибу, ничего не знающих толком».

Тут не обойтись без более подробных комментариев.

Сын ирландца и гречанки, Лафкадио Херн (сейчас эту фамилию принято записывать именно так) приехал в Японию в 1890 г. уже известным писателем и журналистом, влюбился в эту страну и остался в ней навсегда. Он принял японское имя «Коидзуми Ягумо» (оно выбито на его надгробии на токийском кладбище Дзосигая), женился на японке и полностью погрузился в мир «новой родины», где провел последние 14 лет жизни. Лучшие книги Херна написаны именно о Японии. Более того, из его обширного литературного наследия (16 томов посмертного собрания сочинений) только они выдержали испытание временем и постоянно перепечатываются до сих пор; если переиздается что-то другое, то это не более чем отблеск славы «Херна, писавшего о Японии». В России его книги о Японии переводили еще до революции, так что Пильняк наверняка читал их. Однако он называет их автора «ученым», что, по меньшей мере, выглядит странно. Херн был писателем и эссеистом, претендовавшим на интерпретацию Японии, но никак не на ее академическое изучение.

В отличие от Херна, Евгений Генрихович Спальвин (1872–1933) был ученым академического типа и потомственным лингвистом (его отец – автор первой латышской грамматики). Выпускник восточного факультета Петербургского университета, Спальвин стал одним из первых профессиональных японоведов в нашей стране, жил и работал в Японии еще до русско-японской войны, потом перебрался во Владивосток, где был профессором Восточного института. Для своего времени Спальвин был уникальным знатоком японского языка, как в теории, так и на практике, оставив ряд ценных научных работ, учебников, пособий и хрестоматий. По воспоминаниям современников, он отличался трудным характером, но у него можно было многому научиться. Кто хотел – тот учился¹⁰.

Совершенно несправедлив и упрек в том, что Спальвин, кроме Мурасаки Сикибу – прославленной писательницы средневековья, автора

¹⁰ О Спальвине: Алтаев В. М. Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988, с. 28–35; Кочешков Н. В. Восточный институт во Владивостоке (1899–1920 гг.) и его профессора. Владивосток, 1999, с. 55–60.

«Повести о Гэндзи» – ничего в Японии не знал. Спальвин был знатком именно современности: среди его работ не только «Октограммная система изучения катаканы», но и «Первое мая 1923 года в Японии». С установлением дипломатических отношений в 1925 г. Евгения Генриховича пригласили работать в Токио переводчиком полпредства и одновременно представителем ВОКС (последние два года жизни, 1931–1933 гг., он жил в Харбине и работал в советской администрации КВЖД).

Сказанное в отношении Спальвина звучит кощунственно, во-первых, потому что тот уже умер, а во-вторых, потому что именно он консультировал Пильняка по многим вопросам во время первой поездки: в нескольких местах «Корней» видим примечания: «Абзац написан по справке профессора Е. Г. Спальвина», хотя личные отношения между ними не сложились. Что касается пожелания посадить ученых «на скамью подсудимых», то и оно вскоре сбылось с устрашающей буквальностью: в конце 30-х годов почти все советские японисты пошли под расстрел, в лагеря и тюрьмы как «японские шпионы». Та же участь ждала и самого Бориса Андреевича...

Спальвин консультировал Пильняка в специфической области японской эротики, включая проституцию. Глава «Корней» «Йосивара, ойран, гейши» вызвала особое негодование Плетнера, а Сапожникову нечего было возразить в защиту автора. Она начинается впечатляющей фразой: «Я был в публичных домах и притонах – Москвы, Берлина, Лондона, Константинополя, Смирны, Шанхая». Современники писателя не удивлялись, потому что пристрастие Пильняка к такой тематике было общеизвестным, а его книги, хотя и с боями, но прорывались через рогатки бдевшего за «коммунистической нравственностью» Главлита. «Мне самому претит пильняковская манера выражаться, – говорилось в одном из писем наркома Луначарского цензору Лебедеву-Полянскому, – но все же надо быть очень осторожным с применением выражения “порнография” к писателям, заведомо обладающим художественным талантом». Переиздавая «Корни» в собрании сочинений три года спустя, автор заменил «был» на «осматривал». Но суть-то от этого не изменилась.

«Камни и корни» тоже отдали дань теме эротики и проституции – но исключительно в плане социальной критики. «Действительно, женщины в Японии до сих пор пребывают средневековым обиходом бесправия». В «Корнях» есть жесточайшая фраза непонимания и жестокости, за которую только стыдно, о том, что – «...часть женщин идет в Йосивару по призванию, по склонности, других туда продают отцы и мужья, – потом, выйдя из Йосивары, эти женщины или выходят замуж, или возвращаются к своим мужьям...” “По призванию” туда женщины

идут так же, как “по призванию” занималась проституцией Соня Мармеладова»¹¹.

За самобичеванием стоит очень многое. Это не просто очередная «самокритика», которой власти время от времени требовали едва ли не от каждого советского писателя. Это – важный эпизод имиджевой войны. Эпизод имиджмейкинга, точнее имиджбрейкинга, – еще один удар по японскому мифу, по красивой легенде о Ёсиваре, к популяризации которой в России приложил руку и Пильняк. В новой книге он много пишет о политике и экономике, чехарде кабинетов, могуществе Тайного совета и прочих «феодалов и мракобесов», тяжелом положении деревни, каторжном труде ткачих... и многих других вещах, о которых можно было прочитать в агитпроповских и коминтерновских брошюрах. Для того чтобы написать «Камни и корни», видеть это все было необязательно. Хотя это действительно была другая Япония – пережившая мировой экономический кризис 1929–1932 гг. и вступившая в полосу «чрезвычайного времени» с началом оккупации Маньчжурии Квантунской армией в сентябре 1932 г. Обострились и советско-японские отношения. К моменту выхода книги они обострились еще больше!

«Камни и корни» опровергали и, так сказать, отменяли «Корни японского солнца». Правда, делали это своеобразно – путем обильного, не абзацами, но страницами, цитирования осужденной книги. Отказываясь от нее, Пильняк приводит примерно треть «вредного» текста! Самое интересное, что в ряде случаев, как показала Д. Савелли, цитаты из «Корней» переписаны заново, «малодушно и одновременно гениально фальсифицированы»: «Если в «Корнях и камнях» Пильняк и не демонстрирует своей готовности признать XX век веком Ленина, то все же он не называет его больше «веком Толстого» (один из упреков Плетнера – В. М.). Чтобы представить Россию в более благоприятном свете, он убирает упоминание о публичных домах и притонах Москвы... Но Пильняк не ограничился исправлениями и изъятием отдельных отрывков. Он пошел дальше... Текст перестраивался в соответствии с нормами *pretendующего на объективность* (выделено мной – В. М.) изложения». Это у такого-то субъективиста как Пильняк...

«Не было ли то крайней мерой, отчаянной попыткой еще раз опубликовать редакцию 1927 г., авторской уловкой ради ее сохранения?» – задает вопрос исследователь (Савелли, с. 242–243). Возможно, именно так и было. Возможно, «авторская уловка» заключалась в другом – Пильняку просто не хотелось писать о Японии так, как от него требо-

¹¹ Теория, согласно которой некоторые женщины являются «проститутками от рождения», разработана в конце XIX в. итальянским психиатром Ч. Ломброзо в книге «Женщина (–) преступница и проститутка»; пользовалась определенной популярностью в России, отразившись, например, в повести А. И. Куприна «Яма».

вали теперь. От него ждали полноценную книгу, а не просто очерк – другой, да и вопрос гонорара, полагаю, играл не последнюю роль. «Камни и корни» были напечатаны трижды: в 1933 г. – журналом «Новый мир», в 1934 г. – издательством «Советская литература» и в 1935 г. – издательством «Художественная литература». В последние годы перед арестом Пильняка вообще издавали много: в 1935–1936 гг. вышли два сборника малой прозы «Избранные рассказы» и «Рождение человека» и роман «Созревание плодов».

Однако и здесь не обошлось без «закавыки». «Новый мир» внезапно приостановил публикацию, возобновив ее только после личного обращения автора к Сталину. Годом позже вождь велел Кагановичу и Жданову ввести Пильняка в правление Союза советских писателей и категорически выступил против кандидатуры Л. Л. Авербаха, бывшего лидера Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) и одного из главных гонителей Пильняка¹². Сталин понимал, как можно использовать популярного и лояльного «попутчика», ненавистного «пролетарским» ортодоксам. Любопытно, что в последнем были едины и отечественные, и японские «рапповцы»: «маленький Авербах» Курахара Корэхито, критик-догматик, учивший поэтов и беллетристов, как им надлежит «отображать действительность», обмолвился в печати, что был бы рад исчезновению Пильняка с горизонта советской литературы.

Но «исчезать» добровольно Борис Андреевич не собирался. Он хотел присутствовать в советской литературе, ежегодно выпуская новые книги. Рукопись «Камней и корней» для второго издания «состоит из листов бумаги с наклеенными (иногда в ином порядке) страницами из книги 1934 г. Из этого следует, что, работая над новой редакцией, автор лишь вычеркивал отдельные фразы из старого издания и наскоро “монтировал” новый текст» (Савелли, с. 244). Как выглядит рукопись первого издания «Камней» я не знаю, но полагаю, что там тоже не обошлось без «расклейки».

Достоин упоминания и тот факт, что под первым и вторым изданиями стоят разные даты: соответственно «Лавна, Кольский фьорд. 4 января – 8 февраля 1933 г.» (стало быть, писалась всего чуть больше месяца) и «Улица Правды, май 1935 г.». Заманчиво предположить, что «само название улицы, где автор завершил свой труд должно было придать книге эмблематическую достоверность» (Савелли, с. 244). На самом деле все проще: 2-я улица Ямского поля была переименована в улицу «Правды» в честь находившейся на ней редакции одноименной партийной газеты, но со временем кавычки в названии отпали. Знаю это хорошо, потому что сам жил на той же улице.

А вот еще одно «пересечение» с Борисом Андреевичем. Окна моей токийской квартиры выходят на храм Сэнгакудзи, где покоится прах

47 верных ронинов. Пильняк был в Сэнгакудзи во время первого приезда в Японию и описал этот визит в «Корнях» (ходил ли он туда в 1932 г., не знаю): «Там у могил я не смог долго быть, у меня стала кружиться голова от дыма сандаловых курений, тлеющих перед каждой могилой, от этого синего дыма, которым очень пахнет Япония и от которого следует – на мой нос – задышаться... там накопил лубков, изданных в память этих обоженных людей, ставших в понятии национального геройства в ряд с маршалом Ноги».

Сэнгакудзи и сегодня выглядит примерно так же. Разве что дым от курений не стоит столбом, потому что посетителей меньше, в основном старички и старушки из разных префектур Японии. Но лавочки – одна с гордостью сообщает, что основана в 1887 г. – по-прежнему торгуют сувенирами с изображениями 47 ронинов. Иностранцев японские туристические фирмы туда не водят, как не водят и в музей генерала (Пильняк неверно называет его маршалом) Ноги Марэсукэ, который советский гость тоже посетил и описал.

Ноги – любимый герой националистов. Он взял Порт-Артур и был воспитателем будущего императора Сёва, а в день похорон своего сюзерена императора Мэйдзи в 1912 г. вместе с женой сделал себе *сэнпукку* (Пильняк, в соответствии с европейской традицией, использует до сих пор более привычное, но не совсем верное слово «харакири»). За общим абрисом героя и верного самурая не видно многого другого: неудавшейся военной карьеры, скандалов, увольнения в запас, бессмысленной осады Порт-Артура, в ходе которой генерал потерял двух сыновей, и, наконец, предательства генерала А. М. Стесселя, сдавшего врагу боеспособную крепость. Но сейчас речь не об этом. Пильняк был поражен увиденным: «Быль жизни маршала Ноги и его смерть – суть экстракт понятий японского народа о чести и правильности жизни, – маршал Ноги – национальный герой, патриот и гражданин своей родины. Обстановка его дома, тот быт, в котором он жил, – до аскетизма просты: и до аскетизма проста его смерть, ставшая над смертью... Я ушел из дома Ноги, из парка, где приютился храм его имени (Ногидзиндзя – В. М.), – малость обалделым». Замечу, что такое же впечатление дом, который можно осмотреть только снаружи, заглядывая в окна, и храм, посвященный его памяти, производят и сегодня – вне зависимости от «плюсов» и «минусов» личности самого генерала.

Приведенный пассаж, действительно, мог принадлежать перу – точнее, кисти – японского «ура-патриота». Именно к нему прицепился Плетнер, не забыв напомнить, что Ноги – «любимый герой японских черносотенцев». Тем не менее, в «Камни и корни» вошли оба фрагмента, кроме фразы: «Я ушел из дома Ноги... малость обалделым». Но критики и цензоры не знали, что 31 марта 1926 г. «Осака Асахи» напечатала статью Пильняка о генерале, где были такие фразы (обратный перевод

¹² Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 465–466.

с японского, так как оригиналы статей Пильняка для японских газет не сохранились):

«Эпоха Мэйдзи, когда японцы прикладывали величайшие усилия, чтобы понять европейскую цивилизацию, была революционной эпохой для Японии. Осуществление японской революции затрагивало глубинные представления японского народа. Таким образом, не подлежит сомнению, что генерал Ноги тоже был революционером... Я испытываю чувство глубочайшего уважения к генералу Ноги. Сила духа великих национальных героев, патриота и величайшего гражданина своей страны генерала Ноги вызывает чувство глубочайшего уважения... Я думал о японце генерале Ноги так, словно я сам стал одним из японцев. На самом деле, его смерть и вся его жизнь – правдивая иллюстрация выплавки японского национального характера» (Савелли, с. 141–142).

Прочитав это впервые, я был поражен. Такого не мог позволить себе ни один советский писатель, ни до, ни после Пильняка. Хорошо, что номер газеты не попал на глаза никому из бдительных товарищей, знающих японский язык. Тогда судьба Бориса Андреевича могла бы быть много печальнее. Потому что, по законам военного времени, это – участие в имиджевой войне на стороне противника.

Была ли закономерной гибель «японского шпиона» Пильняка в годы Большого Террора? Слишком деликатный вопрос для легкомысленного ответа. После XX съезда КПСС Леонид Леонов приехал в Югославию, и тамошние писатели спросили его, за что расстреляли Пильняка? Говорят, Леонид Максимович ответил, что это чистая случайность – с той же степенью вероятности перед ними мог стоять Пильняк и отвечать на вопрос, за что расстреляли Леонова...¹³.

Произведения Б. Пильняка:

Корни японского солнца. Ким Р. Ноги к змее. Глоссы. Л., 1927.

Корни японского солнца. Савелли Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. М., 2004.

Камни и корни. М., 1934; 1935.

Мне выпала горькая слава... Письма 1915–1937. М., 2002.

Анимэ: вчера, сегодня, завтра

Е. Л. Катасонова

Сегодня трудно найти человека в России, будь то ребенок или взрослый, кто никогда не слышал бы слово «анимэ» или же не видел на экранах кинотеатров, домашних телевизоров или на дисплее компьютеров ярких и самобытных, а потому легко запоминающихся героев японских анимационных фильмов. При этом всегда существовали те, кому нравится японская анимация, и те, кто просто отвергает ее как искусство. И хотя после блистательной победы «Унесенных призраками» на международных кинофестивалях и успешного проката «Инстеллер-5555» в кинотеатрах, интерес к этому искусству в последние годы резко возрос, на форумах в Интернете не прекращаются ожесточенные споры по поводу преимуществ японских и американских анимационных фильмов.

У японского слова «анимэ» тот же корень, что у его американского аналога – «анимация». На этом, пожалуй, сходство и заканчивается. Что помешало японцам позаимствовать слово анимация целиком, как это часто они делали с другими английскими словами? Скорее всего, – сама суть явления или отношение к нему. Они изменили американский термин «анимация» («animation»), что буквально означает «одушевление», на «анимэ», что ближе всего к латинскому корню «anima» – душа.

Возможно, это – далеко не научное объяснение происхождения этого мирового художественного феномена, но оно достаточно образно и точно передает его суть. В отличие от коммерческих американских лент японская анимация, почти всегда балансирующая на грани детской сказки и взрослой реальности, несет в себе мощный духовный заряд. Японские фильмы переносят нас в иные или просто вымышленные миры, позволяют заглянуть в будущее нашей планеты или же наоборот вернуться в далекое прошлое, но при этом всегда побуждают своих зрителей к серьезным эмоциональным переживаниям и философским раздумьям о смысле человеческой жизни: о добре и зле, о силе и слабости, о верности и предательстве и т.д.

Думается, что именно благодаря этой своей особенности японская анимация нашла своих приверженцев – «фэнов» по всему миру, и слово «анимэ» прочно вошло в международный лексикон, сделав Японию признанным мировым лидером в этой области культурной индустрии. Сегодня 60% всей мировой анимации создается в Японии, что одинаково успешно реализуется как на внутреннем, так и на международном

¹³ Fisher Louis. Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917–1941, N.Y., 1969. p. 300.

рынках. Согласно аналитическому центру «Dentsu Communication Institute», на родине *анимэ* его продажи выросли более чем в 40 раз – с 4,6 млрд. долл. в 1975 г. до 191,2 млрд. иен в 2004 г.¹ Еще в большей степени аудитория любителей *анимэ* пополнилась за пределами Японии за счет постоянно растущего экспорта этой культурной продукции в другие страны и в первую очередь в США. По данным министерства торговли и промышленности Японии, в 2002 г. продажи японских анимационных фильмов в США достигли 4,36 млрд. долл., что более чем в 3 раза превышает стоимость импорта стали в страну².

Казалось бы, совсем недавно японские анимационные фильмы, главная роль в которых долгие годы была отведена находчивым девочкам с нечеловечески большими глазами и миловидным созданиям с пискливыми голосами, традиционно считались культурной диковинкой, аудитория которой на Западе ограничивалась детьми и страстными любителями мультфильмов. Сегодня мода на рисованных японских персонажей захватила даже мировых звезд шоу-бизнеса и фэшн-индустрии, для которых ожившие на японских лентах оригинальные персонажи стали источником новых креативных идей.

Влияние *анимэ* можно найти едва ли не везде, начиная от голливудских блокбастеров и повседневной моды. Анимация стала привычным атрибутом клипов современных музыкальных групп. Например, известная американская рэп-метал-группа «Linkin Park» специально заказала один из клипов токийской *анимэ*-студии «GDH».

В последние годы стили и идеи из *анимэ* стали появляться и в американской мультипликации, и даже в кино. Достаточно вспомнить хотя бы диснеевский мультфильм «Мulan», в котором многие герои напоминают японских рисованных персонажей. Но самые невероятные проявления японского стиля в Голливуде – это фантастический фильм «Матрица». Он снят по мотивам популярного *анимэ* «Призрак в доспехах» (режиссер Осисии Мамору), первоосновой которого, в свою очередь послужил популярный комикс – *манга* Масамунэ Сиро «Подразделение “Доспех”».

Создатели «Матрицы» – братья Вачовски являются большими поклонниками японской *манга*-*анимэ* культуры и неоднократно признавались, что ставили перед собой задачу воспроизвести в «живую» стиль японского *анимэ*-киберпанка. Не забывает отдать дань моде на Японию и другой известный американский режиссер Тарантино, который искусно включил в повествование своей нашумевшей картины «Убить Билла» персонажей в стиле японского *манга* и эпизодами, близкими к *анимэ*.

В чем же состоит секрет столь необычного успеха японской анимации во всем мире? Наверное, как всегда и во всем у японцев, – в бережном соблюдении национальных традиций, придающих ей ярко вы-

раженный самобытный и ни с чем не сравнимый колорит, а также – в неукоснительном следовании мировым канонам этого жанра, делающим их содержание доступным и универсальным даже в аудитории, далекой от японских реалий. Однако толчком к реализации креативного начала этого симбиоза послужил необычайный экономический и технологический взлет страны в 70–80-е годы, обеспечивший Японии роль мирового лидера во многих сферах мировой экономики и техники.

Другими словами, за успехами японской анимации стояла процветающая японская экономика. Не случайно именно 80-е годы XX в. – период экономического процветания страны – признаны «золотым веком» в истории *анимэ*. Не последнюю роль в этом процессе сыграло то, что японцы изначально не считали графическую массовую культуру чем-то второстепенным. Полагают, что японские художники комиксов, взяв физическую форму у Запада, соединили ее с традицией иллюстрированного рассказа и юмористическими рисунками, внесли свои оригинальные идеи и тем самым дали рождение этому жанру.

Достаточно известный факт, что источником для всей японской анимации явились японские комиксы – *манга*. Возникшая в Японии в 70-е годы *анимэ*-индустрия стала прямым продолжением *манга*-индустрии. На самом деле эти два жанра настолько с исторической и художественной точки зрения тесно связаны между собой, что вполне правомерно говорить о них как о двух составляющих единой комикс-культуры. Многие *анимэ* свободно обращаются с героями и сюжетом *манга* и часто требуют знания первоисточника и т. д. Показательно, что вплоть до 70-х годов анимация обозначалась словами «ТВ-*манга*» и «*манга-эйга*».

Обращаясь к историческим корням и художественным особенностям этого культурного феномена, следует принять во внимание следующие важные моменты. Японцы мыслят и передают свои мысли своеобразными картинками, запечатленными в иероглифах. Мастер кисти и туши может так живописно и выразительно написать иероглиф, что дополнять этот образ какими-либо иными деталями или определениями просто нет необходимости, настолько он закончен и совершенен.

Однако не только рукописные, но даже печатные, т. е. лишенные всякой художественной индивидуальности и уникальности иероглифические и «алфавитно-цифровые» тексты воспринимаются разными читателями совершенно по-разному. «Если европейский интеллект воспринимает переход от текста с иллюстрациями к картинкам с подписями-комиксами как признак упадка, то с точки зрения классической дальневосточной традиции на упадок указывает как раз распад единого смыслового пространства – литературы на текстовую и графическую составляющие»³.

¹ <http://www.dn-weekly.kiev.ua>

² Там же.

³ About PC+Offline Magazine. Спецвыпуск *анимэ*. 14(37), 04.12.2004.

Сложность и неоднозначность японской письменности определили такую отличительную черту японского искусства, как его синкретичность – соединение литературы и изобразительного искусства, которые развивались параллельно, поддерживая тесную связь между собой посредством каллиграфии.

На протяжении многих веков японская иероглифика диктовала необходимость сопровождения текстов иллюстрациями-подсказками, без которых порой было сложно понять литературный текст. Вот почему практически сразу же после появления японской прозы появились и ее иллюстрированные пересказы «э-хон», в которых текста было немного, а основную роль играли иллюстрации. С одной стороны, свитки с картинками способствовали демократизации литературы, а с другой – повышению культурного уровня населения и распространению грамотности.

Такие рукописные произведения древности большей частью свертывались в трубку и имели много сходства с картинами в виде горизонтальных свитков (*эмакимоно*). Это – своего рода картины-повести, творцы которых стремились, скорее, не к созданию самостоятельных живописных произведений, а к соединению живописи с литературным творчеством.

До наших дней дошел классический образец этого искусства – знаменитый свиток «Гэндзи-моноготари», изображающий в ярких сочных красках жизнь аристократии. Он снабжен комментирующим рисунки текстом, выполненным великолепным каллиграфическим почерком и, таким образом, являет собой образец синтетического искусства, в ткань которого гармонично вплетено три его вида – живопись, литература, каллиграфия.

По своей динамичности свиток и другие картины этого жанра явно выходят далеко за рамки живописи, относящейся к пространственному искусству. Подобная форма живописи позволяла передать изображение непрерывно развертывающегося сюжета, что имело достаточно яркий своего рода кинематографический эффект.

Идея же заставить меняться картинку вслед повествованию впервые пришла в XII в. к монаху Какую (он же Тоба), которой и воплотил ее в четырех свитках – «Веселые картинки из жизни птиц и зверей». На самом деле птицы и звери, а также всякие житейские хлопоты были изображены на первых двух, два других были посвящены мирским и достаточно греховным деяниям буддийских монахов. Однако эти свитки вошли в историю японского искусства, прежде всего, как прообраз современного *манга* – простые, но выразительные линии, утрированные пропорции и ярко выраженные эмоции, но самое главное – это текстовые реплики. Еще важнее то, что жанр «*тоба-э*» вскоре получил большую популярность среди японского народа.

Многие японские художники работали в такой манере письма. При этом в дальнейшем предпринимались и попытки изображать развитие

сюжета во временной последовательности событий движением рисунков, расположенных друг за другом по горизонтальной линии без использования пояснительного текста. Среди наиболее известных произведений этого вида живописи являются «Сигисан энги-эмаки» и «Бандайнагон-эмаки». На первом из них изображена динамичная сценка, когда поднятый какой-то неведомой силой амбар богача – торговца рисом поднялся высоко в небо, к вершине горы Сигисан. На втором изображена несущаяся толпа возбужденных чиновников и горожан, окруживших горящие врата Отэнмон.

Спустя семь веков великий художник, поэт и философ Хокусай Кацусика создал живописный рассказ о быстротечности нашей жизни, составив из своих рисунков-наблюдений первый из пятнадцати томов своеобразного дневника, который он назвал «Хокусай *манга*». Примечательно, что некоторые из более чем четырех тысяч картинок имеют поразительное сходство с эскизами аниматора. В таких живописных жанровых сценках, как «Танцующие воробьи», «Метание копья», «Неформальная вечеринка» и других великолепно переданы последовательные фазы движения и т. д. Так появилось понятие «*манга*», буквально означающее «веселые картинки».

Хокусай практически предвосхитил знакомство японцев с западными комиксами, которые стали активно пропагандироваться в Японии, начиная со второй половины XIX в., после открытия страны в 1868 г. Англичанин Чарльз Виргман и француз Жорж Биго основали первые журналы комиксов – соответственно «The Japan Punch» и «Тоба-э», которые издавались на западноевропейских языках с ориентацией на иностранных поселенцев. Вскоре появились и первые журнальные комиксы на японском языке.

Поначалу их авторы копировали графический стиль своих западных коллег, но затем вернулись к манере великих соотечественников – от Тоба до Хokusая – только с использованием новых технических средств: карандаш и перо заменила кисть, в результате чего линии стали более резкими, а рисунок в целом – более динамичным и экспрессивным. Кроме того, японцам пришлось по душе идея «серийных комиксов» с постоянными персонажами. К тому же переиздание комиксов в виде книг – это чисто японское изобретение. В дальнейшем, по мере развития искусства *манга* становится полноценным художественным явлением, которое, в свою очередь, оказало огромное влияние на развитие японской анимации.

Первые эксперименты с анимацией в Японии начались еще в канун первой мировой войны. Старейшая лента, найденная в 2005 г., была создана около века назад – примерно в 1907 г. Этот короткий фильм неизвестного художника состоял из 50 нарисованных на ленте из целлулоида кадров. Изображенный на них мальчик рисует китайские

иероглифы, означающие «движущие картинки», затем поворачивается к зрителю, снимает шляпу и кланяется.

Первые же анимационные фильмы – «манга-эйга» появляются в 1917 г. Это были ленты длиной от одной до пяти минут, и создавались они художниками-одиночками, которые пытались воспроизводить ранние опыты американских и европейских аниматоров: «Новый альбом набросков» Симакава Дэкотэн и «Сражение обезьяны и краба» Китама Сэйтaro. Вслед за этим в 1918 г. Китама делает очередную работу о самом любимом японцами сказочном герое Момотаро. Эта лента была даже закуплена для показа во Франции, однако до полноценного появления *анимэ* на мировом экране оставалось еще более полувека. В 20-е годы обычная длина фильма значительно увеличилась, но все еще не превышала 15 минут. Практически все фильмы этих лет представляют попытки повторения западных сюжетов.

Наиболее известными аниматорами эпохи немого кино считаются Симакава Дэн, Коти Дзюнъити, Китама Сэйтaro, Ямамото Санаэ, Мура Ясудзи, а также Офудзи Нобору, персонажи которого были вырезаны из бумаги. Фильм Ямамото Санаэ «Гора, на которой оставляли умирать матерей» (1924 г.) считается самым старым дошедшим до нас полнометражным анимационным фильмом. Практически вся тогдашняя анимация делалась в домашних условиях, финансировалась кинематографическими фирмами в обмен на право проката. В 1932 г. Масаока Кэндзо создает первую чисто анимационную студию «Масаока Фильм Продакшн» и в 1933 г. снимает первый звуковой анимационный фильм «Сила и дела в мире».

Общественная значимость *анимэ* как популярного искусства резко возросла в предвоенные и военные годы, когда милитаристское правительство взяло это искусство под свой контроль, увидев в нем одно из самых эффективных пропагандистских средств поддержания патриотического духа населения. При этом ряд художников, не желая служить военщине, избрали для себя другой путь – сознательный уход от реальной действительности в мир чистой фантастики, приключений, эротики. На государственную финансовую и иную поддержку могли рассчитывать лишь те, кто обеспечивал политический заказ.

Именно тогда художники, избравшие путь «официоза», начали создавать так называемые «правильные» *манга* и «правильные» *анимэ* – живописные агитки типа «Воин науки приходит в Нью-Йорк» (1943 г.), вошедшей в историю исключительно благодаря своему герою – первому в мире гигантскому человекоподобному пилотируемому роботу.

Безусловно, *анимэ* не могли идти ни в какое сравнение с тем, что делалось в то время в США. Показательный пример: в начале 40-х годов для японской интеллигенции был устроен закрытый просмотр диснеевской трофеей «Белоснежки». Японцы были поражены красочностью картины (первый цветной фильм появится в Японии только в 1951 г.) и

высоким уровнем американских технологий. В кулуарах сразу же пошли разговоры о невозможности конкурировать с такой страной, как США не только в художественной, но и в военной областях.

Однако впоследствии японские аниматоры создадут собственную культуру *анимэ* и *манга*, успешно конкурирующую с западной культурой. Правда, для этого потребовались несколько десятилетий творческих поисков и напряженного труда, а в этом японцы не знают себе равных.

Они начинали в конце 40-х – начале 50-х годов, когда послевоенная экономика Японии еще находилась в состоянии кризиса, а вся культурная продукция в условиях американской оккупации ввозилась преимущественно из США. В такой ситуации японским художникам не оставалось ничего другого, как положиться на собственный талант и энтузиазм. Для поисков новых форм самовыражения они обратились к выработке новой позитивной идеологии, и она вскоре была найдена в фантастике – новый мир, новая реальность. Однако становление национальной японской анимации уже не могло быть обеспечено только за счет индивидуального творчества художников-аниматоров. На повестке дня стояла задача создания в стране крупных анимационных студий по образцу американских. Первой структурой стала «Ниппон Дога», созданная Масаока Кэндзо и Ямамото Санаэ.

Не остались в стороне от нужд общества и крупные кинокомпании, такие, как «Тохо эйга». Именно там режиссер Итикава Кон снял в 1947 г. свой первый анимационный кукольный фильм «Служительницы в храме». Но все эти начинания были пока лишь робкими шагами в области анимации: производство анимационных лент исчислялось буквально единицами, да и те были преимущественно короткометражными, а сами студии не отвечали современным требованиям.

В 1956 г. первую действительно крупную анимационную студию под названием «Тоэй Дога» создал Окава Хироси, приобретя «Ниппон Дога». Первой продукцией этой компании стал черно-белый фильм «Каракули котенка» Ябусита Ясудзи (1957 г.). А в 1958 г. здесь же был снят первый цветной полнометражный фильм «Легенда о Белом Змее», который произвел сильное впечатление на тогда еще начинающего, а в наши дни прославленного метра японского анимационного кино – Миядзаки Хаяо.

Первые полнометражные фильмы компании «Тоэй Дога» очень напоминали продукцию Уолта Диснея. В них также использовались музыкальные и песенные вставки, наравне с людьми действовали животные и т. д. Производство каждой из лент занимало около года. Это были масштабные экранизации народных (только японских и китайских, но не европейских) сказок с большим количеством персонажей, главным образом, животных. Некоторые из них даже попали в американский прокат, но провалились, после чего почти два десятилетия японская анимация практически не появлялась на экранах США.

Но вот настали 60-е годы – время революционных перемен в японской анимации, начавшееся третьим крупным проектом «Тоэй Дога» – лентой режиссера Ябусита Тайдзи «Путешествие на Запад» (1960 г.) Первоосновой для нее послужил популярный манга «Похождение Гоку» уже известного в те годы художника-мангака Осаму Тэдзука. Главным героем стал персонаж любимого на Дальнем Востоке средневекового китайского романа «Путешествие на Запад» о предприимчивом и неунывающем Сунь Укуне – повелителе обезьян.

В процессе работы над фильмом художник страстно увлекся новым для него искусством анимации и решил попробовать себя в этой новой художественной сфере. Прежде всего, Тэдзука сделал ставку на телевидение, задумав повторить успех телевизионных сериалов американской студии «Хана Барбера». Правда, в отличие от американских лент он счел своевременным отойти от сказочных сюжетов в сторону научной фантастики, которая в те годы начинала приобретать все большее число поклонников в Японии.

Второй предложенный им хитрый ход – переход к малобюджетной анимации, которая должна была привлечь зрителей не дорогостоящими техническими трюками, а оригинальными и увлекательными научно-фантастическими сюжетами.

И, наконец, третье принципиальное нововведение Тэдзука – это созданная им и с блеском претворенная в жизнь художественная концепция так называемой «ограниченной анимации». Она строилась, прежде всего, на задаче экономии творческих и финансовых ресурсов путем отказа от детальной прорисовки движений персонажей (за счет уменьшения количества «кадров в секунду»), от повышенного внимания к изображению самих персонажей, фонов и т.д. Эти художественные и технические решения, конечно же, были вынужденными мерами, однако они нашли понимание и одобрение зрителей. В дальнейшем, по мере увеличения финансирования удалось довести количество «кадров в секунду» до мировых производственных стандартов, не теряя при этом качества прорисовки деталей.

Эти новые, по существу, революционные идеи Тэдзука в дальнейшем в значительной степени обеспечили *анимэ* быструю и широкую популярность на первом этапе исключительно у себя в стране. Для воплощения своих творческих планов в 1961 г. он основывает собственную анимационную студию «Муси Продакшн» и в качестве первого экспериментального фильма выпускает в 1962 г. некоммерческую ленту – «История одной улицы». Это – поэтичное, музыкальное и весьма символическое повествование об истории целого государства, показанное через сцены жизни одной улицы. Фильм имел антивоенную и антиталитарную направленность и по-новому обыгрывал многие сложившиеся к тому времени культурные и графические стереотипы мировой анимации.

Но подлинный триумф молодого режиссера начался с его следующей работы – с анимационного телесериала «Могучий Атом» (1963–1966 гг.), ставшим легендой японской кино. Строго говоря, Тэдзука не был первым в Японии создателем анимационного телесериала. По времени его обогнал Ёкояма Рюити и его работа «Календарь в картинках студии Отоги» (1962–1964 гг.), но эта лента прошла на телевидении незамеченной. И только «Могучий Атом» Тэдзука Осаму – детский фантастический сериал о приключениях смелого и умного мальчика-робота стал не только настоящим *анимэ*-хитом, но и началом новой эры анимации в национальном и мировом кинематографе.

Успех этого сериала был столь значителен, что вслед за ним экранизируются практически все самые известные *манга* этого автора: «Император джунглей», «Новый остров сокровищ» и многие другие. После этого началось неконтролируемое создание новых телевизионных *анимэ*-студий. К концу 1963 г. их было уже четыре, не считая ТВ-отделения студии «Тоэй Дога». В 1964 г. создается одна из крупнейших анимационных студий «Токио муви синся», или «ТМС», а в 1965 г. – к ней добавляется «Тацуно продакшн» и т.д.

С легкой руки Тэдзука 70-е годы в истории *анимэ* стали поистине эрой телевидения, медленно, но уверенно вытесняя кинотеатры с позиции наиболее популярного развлечения. Практически все анимационные фильмы того времени, оказавшие существенное влияние на дальнейшее развитие жанра, были именно ТВ-сериалами. Их формат был разработан Тэдзука и его коллегами в начале 60-х годов – одна серия продолжительностью около 23–25 мин. в неделю (всего около 30 минут вместе с блоками рекламы). Продолжительность сериала определялась его популярностью: успешные сериалы шли дольше, но сериалов короче 20–30 серий в 70-е годы обычно не выпускалось. Сегодня же размеры сериала в Японии кратны 13 сериям: 13, 26, 39 и т. д. Соответственно 52 серии – это год показа и т.д.

Как же следовало поступить в том случае, если зритель не имеет возможности посвящать так много времени ежедневным телепросмотрам и следить за приключения любимых героев? Это тоже предусмотрел дальновидный Осаму Тэдзука. Вслед за выходом на экраны первых серий истории о мальчике-роботе уже в 1964 г. прославленный аниматор выпускает первый в истории Японии полнометражный анимационный фильм по мотивам телесериала «Могучий Атом – космический герой». С этого момента и до начала 80-х годов основную часть полнометражной анимационной продукции Японии стали составлять именно такие фильмы – продолжения популярных телевизионных сериалов.

Однако этот новый вид *анимэ* не исключил дальнейшего развития традиционной полнометражной анимации, также широко представленной в творчестве этого выдающегося аниматора. Достаточно назвать

его последнюю работу как продюсера и автора сценария – космическую ленту «Жар-птица 2772: Космозона любви» (1980 г.), созданную режиссером Сугияма Таки. Этот фильм интересен, прежде всего, тем, что он был сделан по мотивам *манга* Тэдзука «Жар-птица», но не является его экранизацией, а представляет собой самостоятельное авторское развитие сюжета. Несмотря на морально устаревшее графическое решение, этот фильм оказал значительное влияние на многих анимэ-профессионалов и до сих пор популярен среди зрителей. Он ознаменовал собой и еще одно важное явление – рост популярности полнометражного фильма *анимэ*, созданного не на основе телесериала, а как самостоятельное художественное произведение, – формат, который получил стремительное развитие в 80-е годы – годы выхода *анимэ* на международную арену.

Как уже отмечалось, именно в 80-е годы *анимэ* и *манга* переживали свой «золотой век». Были выпущены первые сериалы из цикла «Гандам», начала свой путь к вершине легендарная Такахаси Румико. Полнометражный фильм «Акира» установил в 1988 г. рекорд как самая крупнобюджетная анимационная лента.

90-е годы стали временем широкого признания *анимэ* за пределами Японии. «Акира» и вышедший в 1995 г. «Призрак в доспехах» получили известность во всем мире. Число поклонников *анимэ* увеличилось в несколько раз. В то же время в Японии продолжали совершенствоваться технологии создания *анимэ*: студии переходили на компьютерную графику, использовали вставки трехмерной анимации и т. д. Рождались новые сюжеты, герои, характеры. Из детских мультипликационных фильмов начала XX в. японская анимация превратилась в культуру, создающую разнообразные, серьезные и забавные, эмоциональные и наивные произведения, предназначенные для детей и взрослых. При этом в последнее время стереотипное представление об *анимэ* в мире претерпело существенные изменения.

Сегодня японские *анимэ* – уже не экзотическая редкость, а практически неперенный атрибут ТВ-программ всего мира, не исключая и нашу страну, где японские анимационные ленты демонстрируются практически ежедневно и по нескольким каналам. Пока эта область японской культурной индустрии представлена в России далеко не в полном объеме: существует ряд сайтов в Интернете, в том числе «Анимэ.Ру», клуб «R.An.Ma» – Российская ассоциация *анимэ* и *манга*, основанная в 1996 г. и т. д., которые в принципе и сформировали интерес к *анимэ*.

Сегодня телесериалы – это, возможно, по-прежнему главный, но не единственный формат для современной японской анимации. По-прежнему большую популярность имеют их производные – полнометражные фильмы – своеобразные ремиксы любимых телесериалов. Причем вовсе не обязательно речь идет о продолжении единой сюжетной линии, воз-

можно и альтернативная версия одного и того же сюжета (одна и та же история, но рассказанная под другим ракурсом).

Самые известные на сегодняшний день японские *анимэ* относятся к формату полнометражных лент, они создаются как самостоятельные законченные произведения без всякой телевизионной первоосновы. Это, в первую очередь, – лента «Унесенные призраками» (Spirited Away) режиссера Миядзаки Хаяо. В 2002 г. она получила Золотого медведя на Берлинском кинофестивале, а в 2003 г. – «Оскара» в номинации «Лучший анимационный фильм». Последняя работа Миядзаки «Блуждающий замок Хоула» о волшебнике по имени Хоул и девочке, оказавшейся в теле старухи, получил высочайшие оценки критиков еще до его премьеры в США. Три фильма производства студии «Гибли» входят в пятерку самых кассовых лент в истории японского кинопроката.

Другой популярный формат *анимэ* сегодня – это так называемые OVA/OAV и ONA.

OVA (Only Video Anime) и OAV (Original Animated Video) – это ленты, которые предназначены для распространения исключительно на персональных носителях – видеокассетах для показа по телевизору или в кинотеатрах. По форме это, – как правило, сериалы.

Первое в истории Японии *анимэ*, предназначенное для продажи на видеокассетах «Даллос: Приказ уничтожить Даллос» был создан Осии Мамору на «Студии Перро» в 1983 г. С этого времени в японской анимации появилась новая степень свободы, как творческой, так и нравственной. По сути, это – самостоятельный формат, рожденный на стыке телевизионного и кинематографического *анимэ*. Он позволял создавать анимационные ленты, которые могли сочетать в себе достоинства полнометражного фильма (качество анимации и четкое единство сюжетной линии) и сериала (продолжительность, многосерийность). Одновременно возникновение видео-анимации расширило границы «дозволенного цензурой» как государственной, так и внутренней. Это не замедлило сказаться, и в 1984 г. появились первые эротические OAV-сериалы – «Лолита» и «Сливки первой ночи». Видео-анимэ было рассчитано на зрителей, имеющих достаточные средства на покупку интересующих их кассет, и с коммерческой точки зрения явилось довольно успешным *анимэ*-проектом.

Сегодня мир перешел на новые цифровые видеоносители. И по оценке отраслевой группы Nasscom, мировые сборы только от проката и продаж DVD с *анимэ* должны были составить в 2005 г. 5,2 млрд. долл. А по данным специализированного справочника «Digital Contents White Book», игры, игрушки и бесчисленное множество других товаров, так или иначе связанных с *анимэ* типа игрушек «тамагочи», «покемоны» и др., которые заполнили собой буквально все страны, только в Японии должны были принести 18,5 млрд. долл.

Наконец, аббревиатура ONA (Only Network Anime) означает *анимэ*, предназначенная для распространения в первую очередь в виде файлов и посредством Интернета. В последнее время после появления в свободном доступе в сети эти ленты после некоторого перерыва стали показываться и на телеэкранах. И хотя не исключается возможность наличия коммерческих работ в этом формате, в большинстве это – любительские короткометражки.

Вообще, производственная фэн-культура – это фундамент *анимэ*: поклонники рисуют подражания, сиквелы, занимаются перерисовками и т. д. В Японии существуют уникальные комикс-рынки типа нашей «Горбушки», где молодые ребята продают свою продукцию. Самым популярным видом самостоятельного творчества является изготовление «фанклипов» – своего рода ремиксов любимого *анимэ*. Для этого берется видеоряд из популярного *анимэ* (уже в цифровом варианте). Все это загружается в соответствующую программу, а далее – чистое творчество и полет фантазии. Получившийся результат выставляется в Интернете, либо отсылается на какой-нибудь фестиваль-конкурс, число которых возрастает с каждым годом.

Обычно фанклипы так же, как и короткометражные фильмы, – это дело рук фанатов *анимэ*, которые оккупировали Интернет в поиске себе подобных – *анимэ-фэнов*. Эта «анимэ-мания» сродни новой психической болезни, пришедшей из Японии. Эти люди – поклонники «нарисованных человечков» – нарекают себя именем «отаку». Это – ключевое слово в *анимэ*-мире.

В современной Японии словом «отаку» часто называют людей буквально одержимых каким-то одним увлечением, будь то автомобили, спорт и т. д., причем далеко не всегда со знаком «плюс», а скорее с осуждением и насмешкой. Первоначально это слово буквально означало «Ваш дом», «Вы», но со временем оно приобрело иносказательный характер благодаря фанатам научной фантастики, которые стали использовать его для обращения друг к другу и образовали что-то наподобие духовного братства – «отаку-дзоку» (в обиходе было сокращено до «отаку»).

Это слово – своего рода показатель приобщения к определенной субкультуре, однако сегодня его значение распространилось практически на всех фанатов чего-либо вообще, а по большей части именно на ярых поклонников *анимэ* и *манга*. Среда «отаку» живет по своим законам: они общаются через компьютерные сети, смотрят *анимэ* и обмениваются своими впечатлениями обо всем на свете, но в первую очередь об *анимэ*, устраивают свои вечеринки в виде косплея и т. д.

Косплей (от английского *costume play*) – это самостоятельное костюмированное шоу. Его участники наряжаются в костюмы любимых героев японских *анимэ* и видеоигр, при необходимости накладывают грим, а все дальнейшее зависит от вкуса и возможностей участников или организаторов. Конечно, порой все ограничивается лишь созданием

серии постановочных фотографий. Но случаются и настоящие театрализованные представления по мотивам того или иного рисованного произведения, а также целые *анимэ*-фестивали. Один из них ежегодно проходит в Санкт-Петербурге и проводится клубом «Анимациури» и привлекает к себе широкий круг людей, увлеченных как современной, так и традиционной классической японской культурой.

Другое чисто анимационное понятие – это фансабы или фансабберы – это люди – одержимые пропагандисты *анимэ*, которые, действуя хорошо организованными группами, добывают в Японии свежее *анимэ*, переводят диалоги, надписи и тексты песен, делают соответствующие субтитры и распространяют результат своего творчества среди всех желающих. Говоря современным языком, это – своего рода «видеопираты», правда скорее, пираты-флибустьеры, которые действуют не из корыстных побуждений или с целью наживы, а бескорыстно, из-за любви к искусству и ради морального удовлетворения.

Конечно, такое *анимэ*-пиратство с точки зрения правовых, моральных и иных норм цивилизованного общества – это открытое нарушение авторских прав, огромные потери для промоутеров и т. д. Но, с другой стороны, не будь фансабберов, *анимэ*, возможно, не получило такую широкую популярность в мире. Началось это явление в эпоху видеокассет, и, хотя фансабберов в те годы еще было мало, именно они сформировали аудиторию любителей *анимэ*. Со временем число зрителей резко расширилось, изменились и их вкусовые пристрастия, и их требования к качеству видеопроодукции: мало, кого еще может удовлетворять переснятый с телеэкрана и размноженный «подпольным» образом видеоматериал.

И тут наступало время – для профессионалов, для коммерческой деятельности которых фансабберами бескорыстно были проложены все пути в разные страны. Возможно, именно по этой причине американские и другие зарубежные компании-лицензионщики, официально работающие на рынке *анимэ*-продукции, все-таки предпочитают договариваться с фансабберами, не прибегая к помощи судебных инстанций. А в Японии на этом явлении вообще не фиксируется внимание со стороны официальных властей.

Правда, в последние годы в связи с появлением так называемых цифровых фансабберов, которые даже с телеэкрана делают вполне профессиональные копии, практически не уступающие по качеству DVD, и беспрепятственно распространяют их через Интернет, это занятие перестало быть делом избранных и иметь исключительно благотворительные цели.

Это, естественно, не может не вызывать серьезных трений с профессионалами, которые стремятся противопоставить пиратской лицензионную продукцию, но зачастую проигрывают любителям в оператив-

ности. А те продолжают первыми знакомить мир с новинками *анимэ*. Но в то же время добросовестные фансабберы сразу же сворачивают работу над проектом, как только *анимэ* выходит в лицензионном варианте в соответствующем регионе. Это означает, что подобная «пиратская» деятельность – опять же во благо официальных промоутеров, поскольку деятельность фансабберов – эффективная бесплатная реклама новой *анимэ*-продукции, экономия средств на которую во много раз окупает неизбежные потери от продаж DVD и сувенирной продукции.

В начале 90-х годов появилась новая разновидность фильмов – *анимэ* по мотивам игр, видео-приставочных или компьютерных. Впрочем, такие *анимэ* были и остаются либо рекламой, либо попытками получить дополнительные деньги за счет популярности игры.

Но существует и обратная связь. В *анимэ* уходят корнями имеющие многомиллиардные обороты телепроекты и игры типа «Ги-О» и «Покемон». Японские видео и компьютерные игры заводнили собой все мировые рынки. Игровые приставки от «Сони» и «Нинтендо» знакомят миллионы «геймеров» по всей планете с творениями японских разработчиков, таких, как Миямото Сигэру, Ю. Судзуки, Кодзима Хидэо и др. Японские видеоигры «Уличный боец», «Последняя фантазия» и другие занимают лидирующее положение среди других образцов этой продукции и пользуются самой большой популярностью среди ее основных потребителей – детей и подростков школьного возраста.

Сравнительно новое явление – появление на страницах мировой паутины нового вида компьютерных игр в системе «Онлайн». Это – не только новое лицо японской, а теперь и мировой комикс-культуры, но и целое наиболее стремительно и коммерчески успешно развивающееся направление индустрии развлечений.

И еще одно важное деление в сфере японской анимации – по ее функциональному признаку. Речь идет о коммерческой, прикладной и некоммерческой анимации.

Основным, подробно описанным типом является коммерческая анимация, которая создается для предположительного извлечения прибыли и завоевания рынка. В современном шоу-бизнесе коммерческая анимация создается в рамках более масштабного проекта, включающего продажи различных видов сопутствующей продукции – книг, комиксов, видеокассет и т. д. Коммерческая анимация в таких случаях может рассматриваться как ведущая (модели героев фильма), так и ведомой (фильм по компьютерной игре). Прибыльность проекта в таком случае определяется общей суммой всех продаж.

Прикладная анимация не является самостоятельным коммерческим проектом и обычно создается как часть такового – рекламного ролика, видеоигры, оформления фильма, ТВ-передачи и т. д. Она бывает разной суммарной длины, может вовсе не иметь сюжета и просто ограничиваться последовательностью визуальных образов. Однако в том или ином

случае – это небольшие произведения с самостоятельными персонажами, не всегда определяемые «рамочными» и другими критериями, создаваемые профессионалами. Прикладная анимация, как правило, заказывается и оплачивается создателями основного продукта, влияет на ее успех, но сама по себе не является источником прибыли.

И, наконец, некоммерческая анимация создается исключительно из художественных или творческих соображений. Речь может идти о стремлении создателей ленты проверить новую идею или технологию анимации, а также о выпуске фильмов, создаваемых специально для участия во множестве фестивалей некоммерческой анимации. Второе назначение прикладной анимации – это удовлетворение творческих амбиций непрофессиональных аниматоров.

Анимэ – это жанр искусства, которое отличается завидным многообразием: можно встретить как графические, так и живописные работы, яркие и достаточно тусклые ленты и т. д. Достаточно назвать, например, три совершенно разные по стилю работы на один и тот же классический сюжет. Это – приключенческая лента «1001 ночь – приключение Синдбада» Тайдзи Ябусита (1962 г.). И первый в мировой истории мультипликации полнометражный эротический фильм «1001 ночь», созданный Тэдзука в 1969 г. По своему увидел и воплотил известные истории художник следующего поколения Аmano Ёситака в своей ленте «1001 ночь» (1998 г.), где режиссер попытался объединить живопись, классический *манга* и компьютерную анимацию в неделимое целое.

Японским художникам-аниматорам сегодня подвластны буквально все жанры: комедия, трагедия, драма, фэнтези, психология, религия и т. д., которые зачастую несут в себе часть местной жанровой специфики.

Пожалуй, самый популярный и известный в мире жанр *анимэ* – это «махо-сёдзё» (кино о девочке-волшебнице), а самым известным образцом этого жанра является легенда, которая повествует о совершенно обычной на вид девушке, способной в определенных обстоятельствах превратиться в могущественную волшебницу и творить чудеса. Из столь банальной фабулы родилось великое множество сюжетов, порой весьма оригинальных.

С жанром «махо-сёдзё» по популярности может конкурировать только «киберпанк» – это скребущие свинцовое небо мегаполисы, разгул преступности, тирания мегакорпораций, электрические персонажи и многое, и многое другое.

Другой типичный жанр – это «спокон» – соединение спорта и силы воли. В центре сюжета герой, который упорно тренируется, преодолевая своим упорством многие природные слабости и недостатки, и, в конце концов, становится известным чемпионом, демонстрируя окружающим победу духа над телом. С ним на равных конкурирует не менее любимый и традиционный для японцев жанр «сэнтай» – буквально, отряд, команда. Это – приключения небольшой группы людей, сплоченной

общим делом. Как правило, их общей идеей является спасение мира от Зла, но возможны и другие варианты. Не все члены команды одинаково важны для развития сюжета, но кто-то обязательно должен стать главным героем.

Особо следует выделить «меха» – жанр *анимэ*, в котором ключевую роль играют всякого рода машины – роботы, техномиры и т. д. Например, главный герой сражается со Злом, сидя в кабине гигантского пилотируемого человекоподобного робота. А если в своей борьбе он будет не один, то речь идет о жанре «сэнтай». Из числа ТВ-сериалов этого жанра следует в первую очередь назвать ленту «Гиперпространственная крепость Макрос (1982–1983)», созданную Нобору Исигуро и Ёсимаса Ониси. Изначально он задумывался как пародия, созданная молодыми художниками и дизайнерами на «космические оперы». Однако по иронии судьбы фильм стал самой популярной «космической оперой» благодаря своей заглавной песне «Помнишь ли нашу любовь?» в исполнении Идзума Мари, которая заняла призовые места в японских хит-парадах.

И, наконец, целый пласт *анимэ*, вызывающий самые большие споры, но при этом неизменно привлекающий к себе самое большое число читателей. Это – «хэйти» – направление чисто эротического характера, которое сегодня покрывает примерно четверть всей продукции этой культурной индустрии, но практически редко легальным образом попадает в другие страны. Для его распространения есть много неофициальных путей, а самой простой и массовый – Интернет. Вполне естественно, именно «хэйти» навлек на себе самое большое число нареканий, острой критики и строжайших цензурных санкций, особенно за рубежом. Однако, как это ни парадоксально, именно «хэйти» стал для многих пользователей Интернета «окном» в современную культуру Японии.

В буквальном переводе слово «хэйти» означает «неправильный», «извращенный», а в последнее время «преимущественно извращенный секс». «Н» или «ecchi» – сленговое сокращение для «хэйти» относится к любым сексуальным проявлениям в *манга* и *анимэ*. Более того, степень сексуального извращения в любой продукции такого рода иногда описывает как его Н – фактор. Поэтому демонстрация секса или эротики в *манга*, например, называется «эро-манга» или «Н-manga».

Этот жанр снискал самый широкий круг поклонников, поскольку представлен большим количеством поджанров, включающих в себя практически полный спектр сексуальных и эротических мотивов. В отличие от художественных фильмов подобной ориентации японские *анимэ* в стиле «хэйти» имеет вполне связный сюжет – детективный, пародийный, героическо-фэнтезийный и пр. Но порой сцены с эротической окраской вставляются в *анимэ*, не будучи мотивированными сюжетно, а исключительно как «подарок» определенной категории довольно обширной зрительской аудитории – любителей «клубнички». Этот специальный прием получил даже специальное название – «фансервис».

При этом японская национальная специфика такова, что зачастую выделить тот или иной жанр в чистом виде представляется крайне сложным. Особо следует упомянуть об отношении японцев к мелодраме, которая далеко не всегда в этой стране является чисто женским жанром. Слезные истории в полной мере ориентированы и на мужскую аудиторию, поскольку по традиционным представлениям японцев чувствительность – вовсе не признак слабости и т. д. Точно также и мистика в японских *анимэ* вовсе не предполагает показа ужасов с того света, что традиционно называют «готикой». Мистика – это просто способ сэкономить время на объяснение, откуда что взялось, и т. д.

Анимэ четко различается по своей зрительской аудитории. Для детей и младших школьников (первые–шестые классы, до 10–11 лет) предназначаются так называемые «кодомо-анимэ». Самые первые фильмы и сериалы относились именно к этому жанру. Самый длинный и самый популярный детский телевизионный сериал в истории *анимэ* – это «Дораэмон» студии «ТМС» и «Судья Дин» по мотивам *манга* Фудзита Фудзиро (совместный псевдоним Хироси Фудзимото и Абики Мотто), который начали снимать в 1973 г., затем прекратили, но с 1979 г. он вновь появился на экране. «Дораэмон» рассказывает о приключениях обычного, но очень невезучего мальчика по имени Нобита, которому внук, чтобы исправить карму своей семьи, прислал из будущего разумного и говорящего огромного кота-робота по имени Дораэмон. Эта лента настолько любима японской детворой, что тридцатилетие *манга* «Дораэмон» отмечали здесь в 1999 г. буквально повсеместно как важнейшее событие в истории японской культуры.

Кодомо-анимэ – это огромный пласт детской анимационной культуры. Здесь также можно выделить ряд групп, которые отличаются главным образом по сюжету.

Первая группа – это экранизация классических европейских и восточных сказок и легенд, а героями – либо их персонажи, либо разумные животные. Это – своего рода продолжение традиции «анимации от Диснея», однако подвергшейся сильному влиянию других жанров, прежде всего, фантастики.

Вторая группа – весьма специфичные для Японии ленты – экранизация *манга* или самостоятельные произведения, большей частью юмористического или фантастического содержания. В них часто встречается специфически японский юмор, различного рода игра слов, ссылки на реалии из современной жизни и т. д., а потому эти фильмы малопонятны и малоизвестны за пределами Японии.

Третья группа – так называемые «прелестные» *анимэ* для маленьких девочек, веселые, беззаботные, сочетающие в себе сказку и комедию.

И, наконец, четвертая группа является переходной – своего рода мостиком для следующей возрастной группы. В этих *анимэ* прослеживаются контуры важных подростковых проблем, но они еще подаются

в несколько «облегченном» варианте: тайны и приключения для их героев пока еще более важны, чем определение своего места в жизни и т. д. В последнее время такие сериалы по своему сюжету все чаще используются для популярных игр для игровых приставок. В связи с этим на долю последней группы *анимэ* в Японии сейчас приходится наибольший коммерческий успех.

Постоянно общаясь с героями *кодомо-анимэ*, зрители-подростки уже не мыслили свою жизнь без этого времяпровождения. Они требовали для себя новых лент, в большей степени отвечающих их «взрослым» интересам. Так возникла большая рыночная ниша подросткового *анимэ* (7-й – 12-й классы, с 10–12 до 18 лет. В эту нишу, начиная с 80-х годов, активно потекли капиталы фирм-спонсоров. Молодые аниматоры поколения Осии Мамору, рассматривающие *анимэ* как средство художественного самовыражения, и умудренные профессионалы поколения Хаяо Миядзаки, уставшие рисовать «детские сериалы», выбрали именно это направление. Они создали новую индустрию, сделавшую *анимэ* ярким явлением не только японской, но и мировой культуры.

В этом возрастном сегменте среди создателей *анимэ* четко прослеживается ориентация либо на мужскую, либо на женскую аудитории. «Сёнэн-анимэ» для юношей-подростков в основном использует каноны, которые сложились уже к 1964 г. Исторически – это наиболее идеологизированный из всех видов *анимэ*. Основная его задача – воспитание в юношах таких черт, как умение работать в коллективе, готовность и желание выполнять свой долг, твердость и сила духа и т. д. Главным героем этих лент, как правило, является мальчик, обладающий необычайными способностями и четко знающий свое особое предназначение, для выполнения которого он и должен использовать свои редкие свойства. Преодолевая внешние и внутренние препятствия на своем пути к этой цели, встречая друзей и врагов, он познает жизнь. Процесс взросления героя обычно и составляет основную сюжетную канву подобных лент. Изначально в «сёнэн-анимэ» полностью доминировала научная фантастика. Она и сейчас составляет его существенную часть, хотя ее изрядно потеснили классический фэнтези, исторические повествования о средневековой Японии, мистика, киберпанки и т. д.

Женский аналог «сёнэн-анимэ» – это «сёдзё-анимэ». Здесь, как правило, доминируют два главных мотива – романтическая история и поиск главной героиней своего места в окружающем мире. В центре сюжета таких сериалов находится девочка или девушка, с которой происходят чудесные превращения. В отличие от «сёнэн-анимэ», где главный персонаж должен достичь реальных «внешних» побед, в женских фильмах основное внимание уделено эволюции внутреннего мира главной героини, а типичный сюжет связан с ее чудесными превращениями или раскрытием ее редких скрытых достоинств. При этом основное внимание

в такого рода фильмах уделяется не приключениям персонажей, а развитию отношений между ними, как социальных, так и романтических.

Сравнительно новое явление в японской анимации – это выделение еще одного дополнительного возрастного сегмента, ориентированного на зрителей от 18 до 25 лет – учащихся колледжей и университетов. Это – «сэйнэн-анимэ» для молодых мужчин и «дзёсэй-анимэ» для молодых женщин. Эти фильмы по своему содержанию мало, чем отличаются от подростковых лент. Здесь рассказываются аналогичные истории, только на более высоком повествовательном уровне.

Таковы в общих чертах основные форматы, жанры и национальные особенности японского *анимэ* – одного из самых массовых видов искусств в Японии, да и в мире тоже. Ведь, собственно говоря, о существовании значительной национальной культуры *анимэ* и *манга* можно говорить только применительно к таким странам, как США, Япония и Франции (Германия и Южная Корея пока не достигли такого уровня, России до таких высот развития культуры анимации еще далеко).

Сама культура Японии сильно повлияла на все виды и жанры искусства, не обходя своим вниманием и *анимэ*. Причем в отличие от традиционной культуры, не всегда доступной для понимания широкому кругу читателей или зрителей в других странах, японская массовая культура, построенная по мировым канонам этого жанра, при всем своем ярко выраженном национальном колорите обладает универсальностью, обеспечивающей ей популярность даже в аудитории, весьма далекой от японской культуры.

Сегодня марка «Made in Japan» гарантирует все самое актуальное, модное и качественное практически в любой сфере культурной индустрии. Во всяком случае, это в полной мере относится к современным японским комиксам и анимации, которые являются мейнстримом японской массовой культуры.

Депортированные и военнопленные японцы в Сибири в 1904–1905 гг.

В. Г. Дацышен

Русско-японская война 1904–1905 гг., явившаяся заметным событием мировой истории XX в., во многом определила не только дальнейшее развитие России и Японии, но и основные черты русско-японских отношений. За прошедшее столетие было опубликовано множество исторических работ по этой теме, исследователи подняли и проанализировали самые разные проблемы и аспекты этой войны. Однако некоторые вопросы истории русско-японской войны до сих пор не только не изучены, но и не привлекают достаточного внимания ученых и общественности.

Одним из таких вопросов является история пребывания в Сибири японцев, депортированных с Дальнего Востока или попавших в плен в ходе войны 1904–1905 гг. Например, Накамура Синтаро в своей работе «Японцы и русские» написал о русских военнопленных, но не упомянул о японских пленниках в России. В работах российских авторов, как правило, просто отмечается, что японцев в плен попало гораздо меньше, чем русских. Кроме того, без ссылок на источники указывается, что «русскими войсками было взято в плен 1700 японских военнослужащих»¹. По официальным японским данным, во время войны численность японских военнопленных составила 2104 человека. Очевидно, первым исследователем, поднявшим проблемы пребывания японских военнопленных в Российской империи, был известный исследователь Сакана Такэси. Он отмечал, что в декабре 1905 г. 1776 японских военнопленных и одна женщина находились в селе Медведь под Новгородом и еще 197 японцев – под Харбином. На этом основании он делал вывод, что «общая численность военнопленных – 1973 человек»². Недостаточно изученным остается и история депортации японцев из Приамурья во время русско-японской войны.

К началу XX в. в пределах России официально проживало 3953 японца. Число японцев, которые ежегодно посещали страну было больше.

¹ Марино В. А. Россия и Япония перед 1-й мировой войной. М., 1974, с.27.

² Сакана Такэси. Военнопленные в период русско-японской войны 1904–1905 гг. – Япония сегодня. 2002, №4.

Например, в 1900 г. в Россию въехало 5819 японских подданных³. Основная часть японцев проживала на российском Дальнем Востоке, в Сибири они встречались очень редко, за исключением Забайкалья. Большинство японских подданных, посещавших Сибирь, было связано с японской разведкой. Собственно японцы встречались в разных сферах. В 1903 г. закончил в Троицкосавске реальное училище японец Ямагучи, затем продолживший свое обучение в Петербургском университете. В Иркутском юнкерском училище он преподавал японский язык. В 1903 г. владелец лесопильного завода в Чите Д. Ф. Игнатьев пригласил из Японии четырех мастеров «лакировочного дела». Как сообщали газеты, сделанные японскими мастерами вещи сразу же начали пользоваться спросом у местного общества⁴. О том, насколько часто приезжали японские артисты в сибирские города, свидетельствует заметка, появившаяся в 1902 г. в «Енисейских губернских ведомостях»: «Представление японской труппы, состоявшееся 24 сентября в циркетеатре Черных... привлекло на этот раз не особенно многочисленную публику... труппа уже “пригляделась”. Артисты, по обыкновению, исполнили все свои номера вполне добросовестно»⁵.

Перед самым началом войны японцы стали покидать российские города. Редактор газеты «Восточное обозрение» Иван Иванович Попов писал в своих мемуарах: «Из писем тещи, сына и В. С. Ефремова я узнал, что все японцы – папиросники, прачки и прочие – уже поспешили уехать из Иркутска... Из других мест Сибири также писали, что японцы отовсюду скрылись»⁶. Но до самого начала войны сибирская общественность сохраняла крайнюю благожелательность по отношению ко всем японцам, посещавшим регион. В томской газете «Сибирский вестник» под рубрикой «Местная хроника» 22 января 1904 г.⁷ была опубликована заметка «Японец Такэси Инакова», в которой говорилось: «В настоящее время в нашем городе находится один молодой интеллигентный японец Такеси Инакова, житель г. Хакодате в Японии. Остановился он у нас на самое короткое время, проездом в Европейскую Россию»⁸. Газета сообщала, что 27-летний японец едет в Санкт-Петербург, а затем в Астрахань изучать рыбную промышленность.

С началом войны японцы, как представители напавшего на Россию государства, были лишены свободы проживания и передвижения по стране. Более того, они опасались мести со стороны русского населения,

³ Штейнгау А. И. Японская эмиграция в конце XIX века. – Россия и Восток: взгляд из Сибири. Т.1. Иркутск, 1998, с.253.

⁴ Восточное обозрение. 02.09.1903.

⁵ Енисейские губернские ведомости. 26.09.1902.

⁶ Попов И. И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989, с. 193–194.

⁷ Все даты даются по принятому в то время в России Юлианскому календарю.

⁸ Сибирский вестник. 02.01.1904.

чего, однако, не произошло. Опасения были вполне обоснованными, если учесть антикитайские настроения во время Боксерского восстания в 1900 г., жертвами которых были даже японцы. Например, в г. Бийске толпа убила японского циркового артиста, ошибочно приняв его за китайца. Возможно, при сходных обстоятельствах в Иркутске неизвестными был зарезан на улице японец⁹. В 1904 г. власти в интересах сохранения порядка и недопущения насилий стали проводить более грамотную политику, население же Сибири не проявляло ненависти и даже явно выраженной неприязни по отношению к представителям вражеской страны. Россия безукоризненно соблюдала все международные обязательства воюющей державы. Важным фактором было и подчеркнуто гуманное отношение японцев к русским военнопленным. Все это обеспечило относительно спокойную и безопасную жизнь японцам в России на весь период войны в 1904–1905 гг.

28 января 1904 г. «Иркутские губернские ведомости» сообщили: «Немногочисленная местная колония японцев обратилась к губернской администрации с просьбой оказать ей покровительство и защиту»¹⁰. На следующий день, почти через трое суток после внезапного нападения японской армии на Порт-Артур, «Иркутские губернские ведомости» сообщили, что все японцы покинули Иркутск. Сначала японцев, живших в Сибири, отправили на восток для возвращения домой, но потом, по приказу наместника Евгения Ивановича Алексеева, наоборот, с Дальнего Востока их направили в глубь Сибири. Следует отметить, что местные власти приняли решение о выселении японцев с подведомственной им территории, объявленной на военном положении, еще до принятия решения на высшем уровне, которое последовало лишь в середине февраля. Согласно предписанию Иркутского губернатора от 30 января 1904 г. проживавших в Иркутске японцев (21 человек) отправили 2 февраля в Читу в сопровождении двух жандармов. Однако по приказу Алексеева всех японцев с мест, объявленных на военном положении, направили вглубь Сибири¹¹.

С началом войны в Читу стали привозить проживавших на Дальнем Востоке японских подданных, которых размещали либо в квартирах их соотечественников, либо в тюрьме. Затем этих японцев направляли в Иркутск и далее, возвращали их в Японию морем через порты Европы. В начале июня 1904 г. из Департамента полиции сообщали: «По соглашению с Иркутским Военным Генерал-Губернатором было признано необходимым высылаемых из района военных действий японцев (не военнопленных) распределять в пределах Иркутской и Енисейской губерний, а по открытии навигации по Байкалу направлять в Европейскую Россию.

Принимая во внимание, что навигация ныне уже открыта и что высылаемые японцы вскоре начнут прибывать в Европейскую Россию, г. Министр Внутренних Дел признал необходимым расселять их в Пермской, Вологодской и южных уездах Архангельской губерний»¹².

Обязанность обеспечить довольствием депортируемых мирных японцев первоначально возложили на начальника жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги полковника Бардина¹³. Сначала гражданских лиц перевозили по Сибири в обычных пассажирских вагонах под надзором чинов Охранного отделения за счет государства, но с мая 1904 г. японцев стали перевозить в этапных вагонах, цепляемых к пассажирским поездам. Первая партия депортированных японцев в 140 человек с востока прибыла в Иркутск 6 марта 1904 г. Начальник военной охраны Сибирской железной дороги полковник Сыропятов в 1904 г. сообщал, что согласно данным «О проследовании через станцию Красноярск» (очевидно, с остановкой в Красноярске), первые депортируемые японцы (13 мужчин) проехали в Европейскую Россию через Красноярск еще 23 февраля 1904 г. Первая крупная партия депортируемых (258 японцев), прибыла в Томск 30 марта, 1 апреля через Красноярск проехали 240 японцев. В мае 1904 г. через Красноярск в г. Томск проследовали 57 мужчин и 80 женщин¹⁴.

Выселение японцев с разной интенсивностью продолжалось почти до конца войны. Например, 15 мая 1904 г. пароходом по Амуру из Хабаровска на запад были отправлены 280 японцев, выселенных из Николаевска¹⁵. Согласно донесениям Жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги в январе 1905 г. в Европейскую Россию проследовали депортируемые японцы – шесть мужчин и две женщины, в феврале – восемь мужчин и одна женщина. В апреле 1905 г. последними через Енисейскую губернию на запад были депортированы три японки¹⁶.

Несмотря на то, что было принято решение направлять всех японцев в Европейскую Россию, значительная их часть на долгое время, а некоторое число – до конца войны, остались в Западной Сибири. Одной из основных «перевалочных баз» для них стала Томская губерния. Уже в марте 1904 г. из министерства внутренних дел пришло распоряжение о переводе 500 рублей томскому губернатору «на содержание высылаемых с театра военных действий японцев и китайцев»¹⁷. 31 марта 1904 г. в Томск прибыли 152 человека «желтолицых» (так в до-

⁹ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993, с.433.

¹⁰ Иркутские губернские новости. 28.01.1904.

¹¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.32, оп.34, д. 58.

¹² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3, оп.5, д. 76, л. 69.

¹³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.32, оп.34, д.58.

¹⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.832, оп.1, д.31, л.132.

¹⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.3, оп.5, д.76, л.30.

¹⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.595, оп.3, л.216.

¹⁷ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.3, оп.18, д.1135, л.1.

кументе. – В. Д.). В подавляющем большинстве это были японцы. Вскоре они были направлены вниз по Оби, в село Колпашево Нарымского края. 4 апреля была принята партия депортируемых – 251 человек (японцев и китайцев), которых разместили на дачах Томского женского монастыря (в Спасской волости) и в селе Тогурском. На содержание депортированных (381 взрослый и 22 ребенка) властям потребовалось 2234 руб. 40 коп. в месяц¹⁸. В мае число поселенных в Томской губернии японцев и китайцев достигло 442, ожидалось прибытие еще 280 человек. С 29 мая 1904 г. началась отправка депортированных на пароходах из Томска в Тюмень, для дальнейшего следования в Европейскую Россию.

К началу лета в Томской губернии, на дачах и в Томской городской больнице, оставалось 142 человека, депортируемых из Приамурья. В последующем численность японцев, высланных с Дальнего Востока, проживавших в Томской губернии постоянно менялась. Кроме миграции, фиксировалась естественная убыль и прирост депортируемых японцев. Показательно, что к июню 1904 г. в Томске было зафиксировано на два случая смерти три родившихся ребенка. К середине июня 1904 г., согласно документам, в Томской губернии было принято и временно размещено 527 человек «административно арестованных», в подавляющем большинстве это были японцы.

Большинство депортируемых из Сибири японцев были вывезены в Европейскую Россию, но далеко не все. Например, часть депортируемых «желтолицых» до конца войны оставалась жить на заимке Томского женского монастыря. 30 сентября 1905 г. томский уездный исправник докладывал губернатору: «Имею честь донести Вашему Превосходительству, что из числа желтолицых, находящихся на заимке Томского женского монастыря, по распоряжению Вашего Превосходительства, в разные пункты Восточной Сибири в течение Сентября месяца выбыли 7 японцев и 1 китаец. В настоящее время состоит на лицо: 10 японцев, 10 корейцев и 1 китаец, всего 21 человек»¹⁹.

С начала военных действий на Дальнем Востоке в Сибири появились и взятые в плен японцы. Они двигались через восточную Сибирь с марта 1904 по сентябрь 1905 г. по Сибирской железной дороге в западном направлении. Военнопленные японцы направлялись до станции Байкал, где передавались в распоряжение начальства Сибирского военного округа. Пленных японцев военное ведомство перевозило своими эшелонами. Современники отметили, что уже в конце марта 1904 г. «проследовала по железной дороге партия военнопленных японцев с японским офицером»²⁰. 31 марта в Иркутск привезли 280 военнопленных. В первые дни войны

конечной точкой отправки пленных назначались сибирские города, например, 15 апреля из Владивостока в Томск были направлены 25 офицеров и 183 матроса²¹. Вскоре в самой Сибири пленных японцев решили не размещать, «специальный пункт» для них был устроен в Пензе.

Первые военнопленные, согласно донесению начальника военной охраны Сибирской железной дороги полковника Сыропятова, проехали через Красноярск в Томск двумя партиями в июне 1904 г. – 42 офицера и 259 солдат. Часто военнопленные двигались маленькими группами, останавливаясь на время в разных сибирских городах. В августе 1904 г. было зафиксировано присутствие в Красноярске пяти японских военнопленных. В октябре 1904 г. через Красноярск проехали сначала пять военнопленных японцев, затем еще один офицер и шесть матросов, потом еще 15 военнопленных. Если первоначально их везли в Томск, то с лета 1904 г. пленные японцы вывозились в Европейскую Россию, минуя Томск. Они направлялись из Красноярска прямо на Омск²².

О числе военнопленных, двигавшихся по Сибирской железной дороге на заключительном этапе войны, можно судить по донесениям начальника Красноярского отделения жандармского полицейского управления Сибирской дороги. С 29 декабря 1904 г. по 29 января 1905 г. через Енисейскую губернию на запад проследовал 51 военнопленный; с 29 января по 28 февраля – 214 японцев, в том числе четыре офицера; с 28 февраля по 29 марта – 276 военнопленных, в том числе семь офицеров; с 29 марта по 28 апреля – 219 человек, в том числе четыре офицера; с 28 апреля по 28 мая – 211 военнопленных японцев и один военнопленный кореец; с 28 мая по 28 июня – 243 японца, в том числе 10 офицеров; с 28 июня по 28 июля – 104 японца, в том числе один офицер; с 29 июля по 30 августа – 13 японцев, в том числе один офицер и один доктор. Последняя партия военнопленных японцев проследовала через Красноярск на запад уже после окончания войны, 1 сентября, в ее составе было 22 нижних чина и один офицер²³. Статистика движения военнопленных по Сибирской дороге через Красноярск подтверждается данными по станции Иркутск²⁴ и по Томской губернии²⁵. Таким образом, принятая в российской историографии общая численность отправленных в Россию японских военнопленных (1700 человек) является заниженной. Например, только в 1905 г. через Красноярск на запад проследовало более 1300 пленных японцев. Можно с большой долей уверенности говорить, что численность отправленных в Европейскую Россию военнопленных значительно меньше их общей числен-

¹⁸ Там же, л. 12.

¹⁹ Там же, оп. 5, д. 76, л. 286.

²⁰ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1994. с. 34.

²¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3, оп. 5, д. 76, л. 1.

²² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 832, оп. 1, д. 31, л. 252.

²³ Там же, ф. 595, оп. 3, д. 216.

²⁴ Государственный архив Иркутской области. Ф. 602, оп. 1, д. 9.

²⁵ Государственный архив Томской области. Ф. 3, оп. 5, д. 76, л. 196.

ности. Согласно донесениям полиции за весь 1905 г. на запад проследовал лишь один тяжелораненый японец и один японский военный врач. Несомненно, значительная часть солдат с обеих сторон попадала в плен, получив ранения. Таким образом, раненые японцы, очевидно, оставались в госпиталях на востоке России и в Маньчжурии. Необходимо иметь в виду, что некоторые пленные, например диверсанты, были казнены в Маньчжурии по приказу военно-полевого суда. Есть примеры, когда пленные японцы содержались в различных пунктах на востоке России, в июле 1904 г. отряд М. Сотникова захватил в плен на Камчатке командира японского отряда Гундзи и врача этого отряда, которые до конца войны там и оставались.

Далеко не все военнопленные японцы сразу же отправлялись в Европейскую Россию. В качестве места их размещения на длительное время была выбрана Томская губерния. Например, на квартирном довольствии Томского городского общественного управления с 4 мая по 29 июня находилось 26 офицеров и 182 нижних чина, с 29 июня по 4 июля – 68 офицеров и 237 нижних чинов, с 4 июля по 8 августа – 68 офицеров и 251 нижний чин, с 8 по 14 августа – 38 офицеров и 256 нижних чинов²⁶. Материалы и документы говорят о достойном обеспечении японцев всем необходимым, о хорошем к ним отношении со стороны властей и общества. Несмотря на отсутствие достаточной правовой базы, пленные сразу же получили содержание, не уступающее содержанию русских солдат. «На основании приказа по военному ведомству 1877 г. № 275 наем помещений для военнопленных производится на основании Положения о воинской квартирной повинности 8 июня 1874 г.»²⁷. Казна средств для этого выделить не успела, но уже 12 мая 1904 г. заведующий военнопленными японцами в Томске ротмистр отдельного корпуса жандармов потребовал от Томской Городской управы различный инвентарь. Позднее из Томской городской управы писали начальнику охраны пути Сибирской железной дороги полковнику Сыропятову: «Как только прибыла в Томск первая партия военнопленных японцев, заведывающий этой партией Ротмистр Лемени-Македон обратился в Городскую Управу с просьбой доставить возможные удобства при размещении военнопленных, причем обещал все доставленное возратить городу в целостности. Городская Управа, несмотря на то, что Временного Положения о военнопленных Русско-Японской войны еще не было обнародовано, употребила возможные средства для лучшей обстановки помещения для пленных, причем все доставляемые вещи сдавались под расписки служащим конвоя, Городская Управа не только доставила для пленных кровати, но и снабдила их наволочками для тюфяков, подушками и одеялами, хотя доставление

последних предметов и не было обязательно для города...»²⁸. Согласно «Списку вещей, утраченных и поломанных японцами», представленного Городской управой, военнопленные получали постельное белье, а из столовой посуду – даже столовые ножи, чайные ложки и блюда. В числе утраченных японцами летом 1904 г. вещей значилось в том числе 42 одеяла по 3 руб. 60 коп. каждое²⁹.

«Временное положение о военнопленных русско-японской войны» было утверждено 13 мая 1904 г. Этим документом закреплялись следующие нормы и принципы: «С военнопленными, как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво»; «военнопленные ни под каким видом не должны быть стесняемы в исполнении обрядов богослужения...»; «собственность военнопленных, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается неприкосновенной...»; «военнопленные могут быть подвергнуты водворению в городе... с обязательством не удаляться за известные определенные границы; но собственно заключению под стражу они могут быть подвергаемы лишь при наличности особой к тому необходимости»; «бежавшие военнопленные в случае поимки не подлежат за побег взысканию по суду...»; «военнопленные могут быть освобождаемы под честное слово, но не могут быть принуждаемы к даче честного слова...»; «военнопленные могут быть привлекаемы к разным работам сообразно с их чинами и способностями. Эти работы не должны быть изнурительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям» и пр.³⁰ На стороне военнопленных японцев были международные обязательства России, 28 мая 1904 г. при Обществе Красного Креста в Москве было учреждено Центральное справочное бюро, в котором безвозмездно работали около 10 человек, все представители высшего общества. Военные и гражданские власти в Сибири, судя по документам, не только неукоснительно соблюдали эти правила, но создавали условия для «комфортного» пребывания японцев. За соблюдением санитарно-гигиенических норм содержания пленных следили специально создаваемые комиссии³¹. При этом охранявшие пленных русские солдаты зачастую находились в худших бытовых условиях, что властями не воспринималось как ненормальное явление.

После окончания русско-японской войны военнопленные японцы были отправлены в Японию. Некоторые японцы возвращались через Сибирь. Процесс этот затянулся на многие месяцы, так как еще в начале 1906 г. российские власти собирали справки о наличии пленных японцев в России. Однако никаких документальных данных, говорящих о том,

²⁶ Там же, ф. 233, оп. 1, д. 1037, л. 36–37.

²⁷ Там же, л. 5.

²⁸ Там же, л. 24.

²⁹ Там же, л. 20.

³⁰ Там же, ф. 3, оп. 5, д. 76, л. 63.

³¹ Там же, ф. 233, оп. 1, д. 1037, л. 13.

что военнопленные японцы оставались в Сибири больше установленных двусторонними соглашениями сроков, нет. Но уже через год после эвакуации на родину японцы стали активно возвращаться в Сибирь. Летом 1907 г. был подписан «Договор о торговле и мореплавании между Россией и Японией», возобновивший действие договора 1895 г. Японцам в России были предоставлены права подданных «наиболее благоприятствуемой нации». Но осенью 1907 г. военный губернатор Забайкальской области докладывал Иркутскому генерал-губернатору: «В течение этого лета в разное время группы китайцев и японцев производили разведку и съемку местности...»³². И уже в 1908 г. в сибирских газетах обычными стали объявления об услугах японских прачечных³³. Японская миграция вернулась в Сибирь и вступила в новый этап развития.

История пребывания в Сибири в 1904–1905 гг. депортированных и военнопленных японцев не оставила заметного следа в российско-японских отношениях потому, что не имела трагических последствий и не использовалась в политических спекуляциях. В документах не зафиксировано ни одного случая насилия и даже неприязненных отношений к японцам в Сибири как со стороны государственных служащих, так и местного населения. Это является лишним подтверждением того, что русско-японская война не была столкновением двух наций или культур, а явилась порождением глобализации международных отношений и безответственностью политических элит. Исторический опыт пребывания японцев в сибирском плену и ссылке в начале XX в., как пример русско-японского взаимодействия в сложных условиях, не потерял своей актуальности и ценности и в начале XXI в.

Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 г.: за кулисами визита великого князя Георгия Михайловича в Японию

Э. А. Барышев

Русско-японские отношения в период первой мировой войны – одна из интереснейших тем в истории двусторонних связей, таящая немало невыясненных до сих пор вопросов. Они касаются прежде всего определения движущих сил сближения стран и конкретных факторов, способствовавших заключению 3 июля 1916 г. русско-японского секретного военно-политического союза. С российской стороны это сближение можно назвать «вынужденным», поскольку в условиях первой мировой войны Россия, отрезанная от Европы, не только задумывалась о том, как обеспечить безопасность своих дальневосточных владений, но оказалась зависимой от японских поставок оружия. В связи с этим Россия в процессе двустороннего сближения сыграла роль лишь пассивного участника, а инициатива в деле укрепления русско-японских отношений исходила от Японии. В прошлом отечественные исследователи, в первую очередь из-за недоступности японских источников, обращали внимание, главным образом, на позицию российской стороны. Роль главного участника этого процесса – Японии – оставалась неясной, что не позволяло выявить главные особенности русско-японского сближения в период первой мировой войны.

В связи с этим представляется чрезвычайно важным детально изложить позицию японской стороны, что позволит выявить скрытые пружины русско-японского сближения и лучше разобраться в самом механизме внутренней политики Японии. Автор постарается взглянуть на проблему русско-японского сближения через призму деятельности генерала-фельдмаршала Ямагата Аритомо (1838–1922), на протяжении нескольких десятилетий оказывавшего значительное, а в 1910-е годы даже определяющее, влияние на состояние японской внутренней и внешней политики¹.

¹ В своей статье «Русско-японская конвенция 1916 г. и ее международно-политический смысл» (Япония 2006. Ежегодник. М., 2006, с. 243–256) автор бегло коснулся взглядов князя Ямагата на проблему русско-японских отношений, однако его деятельность, направленная на реализацию русско-японского союза осталась вне рамок исследования. В японской историографии тема Ямагата Аритомо и русско-японский союз 1916 г. наиболее серьезно рассматривается в следующей работе: Мацумото Тадао. Кинсэй нихон гайко-си кэнкю (Исследования по истории японской дипломатии нового времени). Токио, 1942, с. 169–186. В англоязычной историографии эта проблема затрагивается в следующих исследованиях: Berton Peter A. The

³² Государственный архив Красноярского края. Ф.595, оп.3, д.1063, л.1.

³³ Красноярск. 01.07.1908.

Князь Ямагата и его проект русско-японского союза

Будучи одним из членов «неконституционного правительства» – Совета старейшин (гэнро), князь Ямагата уже с конца 1914 г., используя свое влияние, пытался запустить процесс русско-японского сближения. Удобной «приманкой» к такому сближению служил вопрос японских поставок оружия в Россию. Ямагата не уставал повторять, что для преодоления сопротивления военного ведомства в этом вопросе, желательно непосредственное обращение российского царя к японскому императору. 4 (17) ноября 1914 г. посол России в Токио Н. А. Малевский-Малевич посетил фельдмаршала, который заявил, что поставка оружия возможна лишь с разрешения императора Тайсё. Заместитель военного министра Осима Кэнъити (1858–1947) и другие высокопоставленные чиновники военного ведомства также неоднократно намекали особому посланнику для ведения переговоров о закупке вооружения генерал-майору Э. К. Гермониусу о желательности обращения русского царя к японскому императору. Однако российская сторона предпочла не беспокоить высочайших особ до поры до времени, не надеясь на благоприятный исход дела и потому опасавшаяся, что это может привести к «потере лица» и падению авторитета России. 8 (21) февраля 1915 г. посол Малевский-Малевич в телеграмме министру иностранных дел С. Д. Сазонову писал по этому поводу следующее: «Японскому императору было бы, несомненно, в высшей степени лестно быть осчастливленным личной телеграммой государя императора, но ручаться за полный успех столь чрезвычайного шага не берусь, не будучи точно уверен в степени того влияния, коим молодой повелитель Японии пользуется у своих министров. До сих пор его величество Иосихито не проявлял, насколько мне известно, своей личной инициативы ни в каких государственных делах»².

С начала 1915 г., когда российская армия стала испытывать острый недостаток оружия и боеприпасов, по мнению Ямагата, наступило самое благоприятное время для заключения военно-политического союза. В этих условиях генерал-фельдмаршал подготовил проект русско-японского союзного договора, получившего одобрение со стороны всех *гэнро* – Мацуката Масаёси (1835–1924), Ояма Ивао (1842–1916) и Иноуэ Каору (1835–1915). 21 февраля 1915 г. этот документ был представлен в качестве

рекомендательной записки премьер-министру Окума Сигэнобу (1838–1922). Ее содержание помогает понять логику мышления Ямагата и его основные аргументы в пользу укрепления двусторонних политических отношений. Некоторые исследователи называют подход Ямагата «теорией расовой войны» («дзинсю сэнсо-рон»), однако такое название достаточно условно, потому что не в полной мере отражает особенности его внешнеполитической концепции.

Во-первых, – это скептицизм фельдмаршала по отношению к возможности победы в «Европейской войне» стран Антанты. После полугода военных действий Ямагата полагал, что ни одной из сторон не удастся добиться абсолютного превосходства, и война, скорее всего, закончится ничем. Во-вторых, он считал, что нарушение баланса сил в мире приведет в послевоенный период к усилению международно-политического противостояния, объектом которого станет Восточная Азия и, прежде всего, Китай. В-третьих, одним из главных фаворитов на господство в указанном регионе рассматривались Северо-Американские Соединенные Штаты. В-четвертых, в случае японо-американской борьбы за Китай США могут рассчитывать на поддержку со стороны своих «белых братьев». Ямагата не без основания полагал, что на первый план могут выйти расовые различия. В-пятых, отмечалось, что создание мощной коалиции народов желтой расы под знаменем Японии на данный момент невозможно.

На основании изложенного выше фельдмаршал делал вывод о том, что единственно возможной в нынешних условиях стратегией для Японии является укрепление доверительных отношений с Китаем и создание союзных отношений с одной из европейских держав с тем, чтобы предотвратить образование антияпонской «белой коалиции». Ямагата считал, что союзный договор с Великобританией, заключенный в 1902 г. именно с этой целью, уже не может играть эту роль вследствие изменения баланса сил в мире. «Пытаться поддерживать мир в Восточной Азии с прицелом на далекое будущее, опираясь исключительно на японо-английский союз, по-видимому, недостаточно разумно. Не является ли в таком случае насущной необходимостью заключить в дополнение к японо-английскому японо-русский союз с тем, чтобы принять все возможные меры для достижения нашей цели?!».

Предполагалось, что во время войны Великобритания не сможет противодействовать заключению такого союза. Впрочем, Ямагата не собирался цепляться за формальный «военно-политический союз». Это могло быть и соглашение в виде расширенной Антанты, в котором были бы прописаны следующие пункты: 1) оказание военной помощи в случае конфликта одной из договаривающихся сторон с третьей державой; 2) сохранение территориальной целостности Китая; 3) совещание

Secret Russo-Japanese Alliance of 1916, p.119–120, 140–144; *Hackett Roger F. Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838–1922* (Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1971), p.291–300.

² № 464. Посол в Токио министру иностранных дел, 4 ноября / 22 октября 1914 г. – МОЭИ. Серия III, 1935. Т. 6. 5 августа 1914 г. – 13 января 1915 г., ч. 2, с. 24; № 160. Посол в Токио министру иностранных дел, 8 февраля / 26 января 1915 г. – МОЭИ, серия III, 1935, т. 7, 14 января 1915 г. – 23 мая 1915 г., ч. 1, с. 208–210.

по всем важным вопросам китайской политики и уважение особых прав другой договаривающейся стороны³.

Таким образом, уже в феврале 1915 г. Ямагата, заручившись поддержкой других старейшин, попытался надавить на правительство Окума с тем, чтобы ускорить заключение русско-японского союза. Однако первоначально эта попытка успеха не имела. И сам премьер-министр Окума, и, особенно, приверженец британской ориентации министр иностранных дел Като Такааки (1860–1926) всеми силами пытались «задвинуть» слишком самостоятельный на их взгляд проект старейшин и откровенно саботировали его выполнение, прикрываясь неотложными делами.

Ямагата надеялся приступить к русско-японским переговорам после разрешения китайского вопроса, считая, что для перемены внешнеполитического курса, проводимого Като, достаточно лишь внешнего влияния: выступления японской прессы и соответствующего пожелания со стороны России. Однако летом 1915 г. стало очевидно, что «англофил» Като, опасаящийся «разбавления» англо-японского союза, не намерен вести переговоры о русско-японском сближении, и поэтому Ямагата решил сместить его. На место «упрямого» Като был поставлен более «податливый и мягкотелый» «франкофил» барон Исии Кикудзиро (1866–1945), от которого ожидали проведения более сбалансированной политики⁴.

Таким образом, к осени 1915 г. появились необходимые предпосылки для начала русско-японских дипломатических переговоров. Оставалось только одно: заинтересовать и «заманить» в Японию влиятельного представителя российских политических кругов. Эту миссию в конце 1915 г. прекрасно выполнил находившийся в Ставке верховного главнокомандующего генерал-майор Накадзима⁵.

³ Ямагата Аритомо. Нитиро домэй-рон (Теория русско-японского союза). – Ямагата Аритомо икэнсё (Памятные записки Ямагата Аритомо). Токио, 1966, с.345–348.

⁴ См.: Мацумото Тадао. Кинсэй нихон гайкоси кэнкю (Исследования по истории японской дипломатии нового времени). Токио, 1942, с. 172–180.

⁵ Накадзима Масатакэ (1870–1931). Уроженец пров. Тоса (ныне преф. Коти). В 1890 г. окончил Кадетский корпус (Рикугун сикан гакко) с присвоением звания младшего лейтенанта. В 1899 г. после окончания Военной академии (Рикугун дайгакко) был назначен в Генштаб. Сделал блестящую военную карьеру, дослужившись в 1919 г. до звания генерал-лейтенанта. Служил в штабе Токийского военного гарнизона, командиром 18-го пехотного полка. После службы в качестве военного агента в России (1910–1912 гг.) занимал посты начальника Главного управления Генштаба, командира 2-й и Гвардейской дивизий. Во время первой мировой войны находился в качестве японского военного представителя в русской армии. После ухода в запас был назначен инспектором дворцовых дел семейства Кая-но мия. Был известен в качестве одного из крупнейших военных специалистов по России. – Нихон дзиммэй дайджитэн (Большой японский биографический словарь). Токио, 1979, т. 4, с.550.

11 декабря, беседуя во время обеда с лейб-хирургом Федоровым⁶, японский военный агент Накадзима как бы невзначай заметил: «Если бы государь послал в Японию великого князя, то, несомненно, это произвело бы прекрасное впечатление, и Япония активизировала бы свои усилия помочь России в ее борьбе с Германией». Об этом предложении японской стороны тотчас же было сообщено Николаю Второму, который, в свою очередь, признал уместность и оправданность такой инициативы и решил командировать в Японию для выполнения этой важной миссии великого князя Георгия Михайловича (1863–1919)⁷.

Внешняя цель миссии состояла в передаче японскому императору поздравлений по случаю коронации и выражения благодарности за помощь, которую японское правительство уже успело оказать России с начала Великой европейской войны. 12 декабря директор дипломатической канцелярии при Ставке Н. А. Кудашев отправил на имя министра иностранных дел телеграмму, в которой сообщалось об этом решении государя⁸.

Любопытно, однако, что генерал-майор Накадзима в своей телеграмме на имя начальника Генштаба Хасэгава Ёсимити (1850–1924) от 13 декабря объяснял причину отправки великого князя в Японию совершенно иным образом: «По доброй воле российского императора (здесь и далее курсив автора) великий князь Георгий Михайлович отправляется в скором времени в Японию. Его цель состоит в принесении поздравлений по случаю благополучного завершения церемонии коронации и выражения благодарности за ту великую помощь, которую российская сторона получила от Японии с начала войны. Военно-политические вопросы, такие, как отправка японских войск (на европейский фронт. – Э. Б.) или заключение военно-политического союза, не стоят на повестке дня. Великий князь, генерал-полковник и генерал-адъютант, постоянно находится в Ставке, являясь приближенным советником его Величества... Главное состоит в том, что *мысль об отправке*

⁶ Профессор Военно-медицинского института, один из основателей российской урологии (1869–1936). С 1915 г. находился в Ставке. После революции продолжил медицинские исследования. В 1928 г. получил звание заслуженного деятеля науки.

⁷ Третий сына великого князя Михаила Николаевича, приходившийся племянником Александру Второму и двоюродным дядей последнему русскому императору. Пользовался большим уважением Николая Второго. С началом войны был назначен Особоуполномоченным императора при Ставке верховного главнокомандующего. Был страстным нумизматом, исследователем старины. На протяжении долгого времени являлся управляющим Русским музеем в Петербурге (ныне Российский Государственный музей).

⁸ № 528. Директор дипломатической канцелярии при ставке министра иностранных дел, 14 / 1 декабря 1915 г. – МОЭИ. Серия III, 1937, т. 9, 17 октября 1915 г. – 13 января 1916 г., с. 540–542; Дневник министерства иностранных дел за 1915 – 1916 гг. Подг. А. А. Попов. – Красный Архив, 1928, т. 6 (XXXI), с.46, ссылка № 1. В дневниковых записях Николая Второго за 29 ноября 1915 г. говорится: «Решил отправить Георгия в Японию» (Дневники императора Николая II. Под ред. К. Ф. Шацилло. М., 1991, 560).

великого князя исходит от государя императора, чему удивлены все нижестоящие чины: похоже, что даже российский министр иностранных дел еще ни о чем не осведомлен»⁹.

При этом Накадзима ничего не сообщает о своей роли в подготовке этого визита. Неизвестно, было ли согласовано это предложение с князем Ямагата, но в итоге все сложилось именно так, как было нужно последнему. Визит великого князя Георгия Михайловича был представлен исключительно как воля и пожелание русского царя. Так понимали смысл этого визита и посол Мотоно Итиро (1862–1918), и министр иностранных дел Исии, и начальник Генштаба Хасэгава. Можно предположить, что японский военный представитель не хотел брать на себя ответственность за визит великого князя потому, что имел на этот счет указание от самого Ямагата.

Как только стало известно о готовящемся визите члена русского императорского дома в Японию, князь Ямагата, рассматривавший этот визит наилучшей возможностью для заключения русско-японского союза, предпринял необходимые политические меры. В его воспоминаниях говорится: «К счастью, стало известно о том, что российский великий князь собирается посетить Японию. Я, решив, что ни в коем случае нельзя упускать этот шанс, сказал об этом Тэраути и другим, стараясь внушить им, что настало время укрепить русско-японскую дружбу, и сделал все, чтобы прием был оказан на самом высоком уровне»¹⁰. После совещания с премьер-министром Окума и другими членами Совета старейшин в качестве главы японской свиты великого князя был назначен корейский генерал-губернатор и председатель Русско-японского общества Тэраути¹¹. Президент Русско-японского общества наследный принц Канъин Котохито (1865–1945) также был избран в почетные члены свиты. Великого князя Георгия Михайловича встречали в Японии как высокого гостя японского императорского дома.

Особый поезд с миссией великого князя отправился на Восток с Московского вокзала столицы 15 (28) декабря 1915 г. Августейшую особу сопровождали 16 человек, в основном военных, в том числе

генерал-майор Накадзима. С российской стороны в состав свиты великого князя был включен начальник дальневосточного отдела министерства иностранных дел камергер Г. А. Козаков, которому было поручено вести дипломатические переговоры об укреплении русско-японских отношений и тем самым способствовать разрешению вопроса о военных поставках.

Необходимо отметить, что великий князь Георгий Михайлович, выполнял официальную миссию российского императора. В истории русско-японских отношений такое было впервые. Великие князья неоднократно бывали в Стране восходящего солнца, однако все эти визиты имели частный характер. Обычно это было посещение Японии августейшим представителем во время его кругосветного путешествия. На этот раз визит великого князя Георгия Михайловича в январе 1916 г. был изначально запланирован и выполнялся по поручению русского царя. В этом заключался особый смысл августейшего визита.

Хотя миссия великого князя сопровождалась, на первый взгляд, выполнением простых дипломатических формальностей, она сыграла немалую роль в русско-японском сближении. Дело в том, что именно визит великого князя запустил политический механизм, который должен был привести к изменению внешнеполитического курса Японии по отношению к России. И здесь главную роль должен был сыграть все тот же Ямагата.

Действия «серого кардинала» Ямагата во время предварительных русско-японских переговоров

12 января 1916 г. на Токийском вокзале состоялась торжественная встреча великого князя Георгия Михайловича. Среди встречающих был сам император Тайсё, что было знаком особого внимания к царскому посланнику. Пока великий князь Георгий Михайлович принимал реверансы со стороны японских политиков, посещая праздничные вечера и банкеты, Ямагата занимался подготовкой условий для начала русско-японских дипломатических переговоров, «обрабатывая» главу японского внешнеполитического ведомства.

Днем 12 января, после встречи великого князя, министр иностранных дел Исии посетил генерал-фельдмаршала Ямагата, чтобы обсудить позиции японской стороны на переговорах с начальником дальневосточного отдела Козаковым. Хотя визит великого князя формально осуществлялся для того, чтобы поздравить японского императора от лица российского императорского дома, министр заявил, что, судя по докладам Тэраути и Адати¹², сопровождающих великого князя в пути,

¹² Адати Минэтиро (1869–1934). Известный японский дипломат. Окончил Токийский императорский университет (1892). На протяжении долгого времени служил в Италии и

⁹ 13 декабря 1915 г. Генерал-майор Накадзима начальнику Генштаба (строго секретно). «Рококу-кодзюку райтё ни кансүру иккэн» («О визите члена русского императорского дома»). – Дайникии но хэн: Тайсё 05 нэн (Большое собрание дневниковых записей: 5-й год Тайсё), с. 1686–1687.

¹⁰ Такахаси Ёсио. Санко ирэцу (Посмертные записки князя Ямагата). Токио, 1925, с. 118. См. также: Тоё эйэн но хэйва какухо (Обеспечение вечного мира на Востоке). – Нитиро дзицугё симпо, 15.07.1916, с.42.

¹¹ Тэраути Масатакэ (1852–1919) – известный военный и политик, представитель клана Тёсю. Тесные отношения с князем Ямагата и маркизом Иноуэ позволили ему сделать блестящую карьеру. С 1902 по 1911 г. занимал должность военного министра в правительствах Кацура и Сайондзи. В 1910 г. был назначен первым генерал-губернатором Кореи. В октябре 1916 г. возглавил «надпартийный кабинет министров».

главная миссия высокого посланника, несомненно, касалась вопроса о японских поставках оружия, недостаток в котором Россия продолжает испытывать, и потребовал мнения «старейшины». В ответ на это *гэнро* прямо заявил, что, на его взгляд, *«нынешний момент является исключительно благоприятным, поэтому следует использовать его для заключения русско-японского союза, или русско-японской антанты»*. Затем он рассказал о содержании и деталях своей беседы с премьер-министром Окума и бывшим министром иностранных дел Като, состоявшейся 10 июля 1915 г., добавив, что «настало время четко определить правительственный курс» по отношению к вопросу о русско-японском сближении. Как вспоминал Ямагата, после короткого обсуждения китайского вопроса, в конце беседы, он еще раз коснулся необходимости заключения русско-японского союза. Исии не возражал¹³.

15 января появились первые результаты визита великого князя. Уже утром в резиденции премьер-министра состоялось внеочередное совещание министров, посвященное проблеме российского военного заказа. За созывом совещания скрывались воля и усилия Ямагата, обещавшего свое содействие российской стороне. За день до этого генерал-фельдмаршал посетил резиденцию премьер-министра Окума, в результате чего было решено созвать это внеочередное совещание и «принять до известной степени пожелания российской стороны»¹⁴.

18 января Исии вновь посетил князя Ямагата и изложил основное содержание его беседы с Козаковым, состоявшейся четырьмя днями раньше, во время которой российский дипломат предложил заключить русско-японский союз, целью которого было оградить Китай от германского влияния. Россия надеялась в таком случае получить дополнительные поставки оружия, предлагая в качестве жеста благодарности уступить Японии участок КВЖД к северу от Чаньчуня до р. Сунгари¹⁵.

Франции. Входил в состав японской делегации на мирных переговорах в Портсмуте. Один из немногих японских дипломатов имел степень доктора юридических наук (1907 г.). В 1913 г. был назначен посланником в Мексике, но с началом первой мировой войны вернулся в Японию. В 1919 г. был назначен заместителем японского представителя на Парижской мирной конференции. Служил послом в Бельгии (1921 г.) и Франции (1927 г.), выполнял функции председателя Международного суда (1931 г.).

¹³ Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки: Сэйхэн омондэ-гуса (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё: Политические воспоминания). Токио, 1981, с. 77–78.

¹⁴ Рококу но гундзюхин дайтюмон: Гундзюхин кёги (Крупный российский военный заказ: Совещание по вопросу о поставках боеприпасов). – Иомиури симбун, 16.01.1916, № 13916, с. 2.

¹⁵ Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 82. Подробности беседы Исии с Козаковым см. в: Дайёнкай нитиро кёяку тэйкоцу иккэн (О заключении Четвертой русско-японской конвенции). – Нихон гайко бунсё. Тайсё гонэн дайиссацу (Японские дипломатические документы: 1916 г., т. 1), с. 111–113, № 245. Записка советника IV политического отдела Козакова, 23/10 февраля 1916 г. – МОЭИ. Серия III, 1938, т. 10, 14 января 1916 г. – 13 апреля 1916 г., с. 260–261.

Выслушав доклад Исии, *гэнро* заявил, что Япония должна поскорее принять проект русско-японского союза, предлагаемый уже не в первый раз российской стороной. По мнению Ямагата, ответ Сазонову в отношении вопроса о русско-японском союзе должен был быть следующим: «Хотя отправка японских императорских войск в Европу и невозможна, Япония готова взять на себя обеспечение мира на пространстве к востоку от Уральских гор: в случае возникновения беспорядков в Сибири Япония готова немедленно оказать свою помощь России. Посему в договоре может быть помещена статья о том, что в отношении указанного выше региона заключается *наступательно-оборонительный военный союз*. Затем можно было бы добавить статью о сохранении целостности Китая. Япония также не возражает, если, по мере необходимости, в новое соглашение будут включены некоторые другие статьи. Естественно, если возникнут какие-либо пересечения с положениями англо-японского союза, необходимо получить мнение Великобритании на этот счет. На этой основе можно начать непосредственные переговоры. Что касается поставок винтовок и других боеприпасов, следует сказать о том, что, несмотря на различные обстоятельства, до сих пор Япония прилагала все свои усилия для того, чтобы удовлетворить пожелания России. Что касается будущего, ответ должен быть дан после обстоятельного обсуждения этого вопроса с представителями соответствующих ведомств»¹⁶.

Как видно из сказанного выше, Ямагата рассматривал вопрос о Китайской Восточной железной дороге как второстепенную проблему. Главной целью было укрепление военно-политических отношений с «северным соседом». Более того, изучение исторических документов показывает, что внешнеполитический подход Ямагата принципиально отличался от того, что в литературе по международным отношениям называют «теорией баланса сил», или «политикой силы». Ямагата прекрасно осознавал тот факт, что внешнеполитическая стратегия должна принимать во внимание и более широкие цивилизационные аспекты и особенности партнеров. Он писал: «Изначально в области оказания помощи России Япония опиралась на чувства доверия и дружбы. Именно поэтому – хотя наш посол, а также представители Генштаба постоянно сообщают нам о том, что российская сторона выказывает намерение предоставить нам в ответ некоторые выгоды, – Япония никогда не поднимала вопрос о предоставлении ей особых прав. Мы должны от начала до конца продемонстрировать свою добрую волю, при каждом удобном случае показывая, что наша позиция основана на чувстве общественного долга по отношению к дружественной стомиллионной державе, а не на духе корыстолюбия, распространенном на Западе под видом “взаимовыгодного обмена интересами”. Посему

¹⁶ Тайсё сёки ямагата аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 85.

и сегодня мы не должны отвечать на предложение России, ставя по главу угла вопрос компенсаций. Хотя в послании Сазонова и говорится о возможности передачи в качестве компенсации за нашу помощь железной дороги к югу от Харбина, Япония не должна при этом отказываться от последовательного проведения в жизнь принципа доверия и дружбы. Что касается вопроса о железной дороге, достаточно всего лишь показать, что японская сторона в полной мере оценивает этот жест доброй воли и с большим удовольствием принимает предлагаемое ей Россией». Министр Исии согласился с этой позицией князя Ямагата¹⁷.

Однако на состоявшемся 20 января совещании с участием «старейшин» Ямагата, Ояма и Мацуката, премьер-министра Окума и министра иностранных дел Исии обсуждался подготовленный МИДом проект ответа Японии на предложения российской стороны, содержание которого принципиально отличалось от того, что пытался провести в жизнь генерал-фельдмаршал. В данном проекте не только вопрос русско-японского сближения, но и вопрос военных поставок напрямую увязывались с возможностью расширения японской сферы влияния в Маньчжурии. «В случае если славящаяся своим плодородием область, простирающаяся от Чаньчуня до Харбина, фактически войдет в зону нашего влияния, а железная дорога между этими двумя пунктами станет под наш контроль, все богатства Гиринской равнины станут нашими. В результате этого произойдет заметное расширение сферы деятельности нашей Южно-Маньчжурской железной дороги, что принесет Японии огромные военно-стратегические и торгово-коммерческие выгоды... Япония должна прямо и ясно заявить России о том, что она желает поставить под свой контроль железную дорогу между Чаньчуном и Харбином, являвшуюся прямым продолжением нашей железнодорожной ветки Аньдун-Мукден и ЮМЖД. Когда Россия, признав наше дружеское расположение, выразит готовность принять наше пожелание, японская сторона также может дать понять, что не пожалеет своих усилий для того, чтобы насколько возможно обеспечить Россию поставками оружия, о коих она просит. Таким образом, наши страны могут прийти к взаимному удовлетворению своих нужд»¹⁸.

Как видно из сказанного выше, проект ответа предполагал достаточно жесткую позицию в отношении военных поставок. Это и стало камнем преткновения для быстрого принятия резолюции. Гэнро Ояма и Мацуката согласились с положениями этого проекта резолюции, од-

нако Ямагата, как и ожидалось, внес на рассмотрение совершенно отличный проект резолюции: «Японская империя, с начала войны укрепившая искренние дружественные отношения с союзными державами, в полной мере осознает свою огромную ответственность в борьбе с врагом. Исходя из этого принципа, Япония употребляет все свои возможности для оказания посильной помощи России.

1. Япония во время войны настроена защищать свои интересы на Дальнем Востоке, и в случае необходимости готова без колебания применить для их защиты свои военные силы. В силу этого, российские охранные войска, размещенные на Дальнем Востоке, могут быть отправлены на европейский фронт.

2. Япония в качестве опоры порядка на Дальнем Востоке приложит все свои силы для снабжения России оружием и другими военными материалами в пределах, не наносящих ущерб охране российских и японских интересов.

В настоящий момент Япония не имеет возможности немедленно осуществить новые крупные поставки оружия, но должна постараться хотя бы в небольшой степени увеличить их, расширяя, как и прежде, производственные мощности казенных заводов и прилагая силы к перестройке частной промышленности»¹⁹.

После обеда по предложению того же Ямагата к дискуссии присоединился военный министр Ока Итиносукэ (1860–1916). Именитый генерал-фельдмаршал последовательно отстаивал свою позицию о необходимости увеличить объемы военных поставок России, однако глава военного ведомства выказал отрицательное отношение к этой идее, заявив о том, что «Япония уже достигла предела своих возможностей, и поэтому не в состоянии удовлетворить пожелания России». Князь Ямагата предложил министру немного «поостыть», еще раз обсудить вопрос со своими подчиненными и дать более взвешенный ответ, однако и после совещания в кругу представителей военного ведомства мнение Ока не изменилось. Обсуждение зашло в тупик, и собравшиеся были вынуждены разойтись, так и не решив проблему поставок. Ямагата, не удовлетворенный таким ходом дела, заявил, что он ждет окончательного ответа представителей военного министерства на следующий день: «Конечно, если мы и на самом деле не можем дать дополнительно ни одной винтовки, так и скажете»²⁰.

¹⁷ Там же, с. 118.

²⁰ О подробностях совещания в императорском дворце 20 января 1916 г. см. в: Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 86–89; Нитиро домэй тэйги: Гэнро сюсё кайго найё, Нитиро домэй кисо нару (Предложение о русско-японском союзе. Содержание совещания гэнро с премьер-министром. Закладывается фундамент русско-японского союза). – Иомиури симбун. 22.01.1916, № 13922.

¹⁷ Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 85–86.

¹⁸ Дайёнкай нитиро кёяку тэйкёцу иккэн (О заключении Четвертой русско-японской конвенции). – Нихон гайко бунсё: Тайсё гонэн дайиссацу (Японские дипломатические документы). 1916, т. 1. с. 117.

Вечером того же дня, 20 января, Ямагата получил краткое изложение беседы Исии с Козаковым, состоявшейся 14 января. Его крайне впечатлило содержание предложений российской стороны, и он немедленно отправил главе дипломатического ведомства письмо, в котором настойчиво рекомендовал не упускать представившуюся возможность. «Вчера мы впустили потратили почти целый день на обсуждение вопроса о поставках оружия, однако главный смысл ответа российской стороне, как мы уже говорили ранее, должен основываться на положениях о двустороннем наступательно-оборонительном военном союзе и на принципе сохранения целостности Китая. После предварительного обсуждения с Англией и детального согласования проекта можно давать послу в России указание о начале официальных переговоров. Что касается самого проекта, он может быть составлен примерно в следующем смысле, устраивающем обе стороны:

Япония и Россия решили совместными усилиями поддерживать мир и безопасность в Восточной Азии. В случае, если какая-либо держава будет угрожать такому положению, обе страны приложат все усилия для того, чтобы достигнуть указанной выше общей цели, оказывая друг другу необходимую поддержку.

Если в дипломатический документ, составленный на основании данного принципа, не будет внесена подобная статья, политический курс, направленный на укрепление в будущем двусторонней дружбы, потеряет свое внутреннее содержание, а добрая воля императорского правительства будет поставлена под сомнение, что было бы крайне прискорбным. Кроме того, мне, как человеку пожилому и бывалому, ясно, что, если, несмотря на проявление Россией доброй воли, курс на двустороннее сотрудничество не будет в будущем реализован, поддержание мира на Дальнем Востоке станет затруднительным, о чем я уже говорил во время совещания. Я убежден, что и в этом смысле правильной политической линией была бы четкая демонстрация курса на выполнение данного принципа и проявление должного внимания к обеспечению будущего двух стран. В силу изложенного выше прошу внести в конкретный проект упомянутую статью»²¹.

«Заключительный аккорд»: принятие министерской резолюции о начале официальных русско-японских переговоров

Таким образом, Ямагата пытался всеми силами убедить дипломатов в необходимости укрепления отношений с «северным соседом», проводя в жизнь идею о русско-японском военно-политическом союзе. Однако и именитый князь, глава клана Тёсю, не был всемогущим. Вечером

²¹ Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 89–90.

20 января во время беседы с Козаковым Исии фактически отверг предложения российской стороны, проигнорировав при этом все рекомендации Ямагата²².

Содержание этой беседы тотчас же стало известно князю от генерал-губернатора Тэраути и привело его в крайнее возмущение. Ямагата вспоминает: «Самым крупным провалом при этом (во время приезда в Японию великого князя Георгия Михайловича. — Э. Б.) было то, что, когда из уст члена свиты великого князя нашему правительству было внесено предложение о русско-японском соглашении, ответ Исии был крайне пренебрежительным и высокомерным. Такой ответ мог быть воспринят русскими, как ставящий, фактически, под сомнение существование у японского правительства желания укреплять дружественные двусторонние отношения. Когда я услышал об этом, моему изумлению не было предела»²³. Ответ Исии российскому представителю не только отличался по своему содержанию от того, что говорил Ямагата министру 18 января в своей резиденции, но и расходилось с положениями проекта резолюции, предложенной самим министром. По словам Ямагата, метаморфоза в позиции Исии была «почти невообразимой». По мнению князя, поведение Исии бесспорно отвергало все предложения Сазонова и наносило ущерб авторитету России как великой державы²⁴.

«Неприступная поза», которую занял министр иностранных дел Исии, ставила под угрозу осуществление замысла, вынашиваемого князем Ямагата. За время пребывания в Японии высокого русского гостя вопрос о военных поставках не сдвинулся с мертвой точки, поэтому генерал-фельдмаршал справедливо опасался, что это произведет негативное впечатление на российскую сторону. И здесь Ямагата вынужден был перейти к более решительным мерам. 22 января лидер «военной партии», считавший, что для будущего русско-японских отношений необходимо как-то смягчить негативное впечатление, которое произвел на российскую сторону «бесцеремонный» ответ Исии, встретился с корейским генерал-губернатором Тэраути и попросил последнего передать русскому представителю, что «истинное отношение Японии не является таким холодным и безразличным»²⁵.

²² Дайёнкай нитиро кёяку тэйкэцу иккэн (О заключении Четвертой русско-японской конвенции) — Нихон гайко бунсё: Тайсё гонэн дайиссацу (Японские дипломатические документы. 1916 г., т. 1), с. 113–115, № 41. Советник IV политического отдела министру иностранных дел, Токио, 21 / 8 января 1916 г.; № 245. Записка советника IV политического отдела Козакова, 23 / 10 февраля 1916 г. — МОЭИ, серия III, 1938, т. 10, 14 января 1916 г. — 13 апреля 1916 г., с. 41–42, 261.

²³ Такахаси Ёсиро. Санко ирёцу, с. 118.

²⁴ Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 91.

²⁵ Такахаси Ёсиро. Санко ирёцу, с. 118; Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 91.

30 января в Сеуле граф Тэраути несколько раз беседовал с начальником Дальневосточного отдела Козаковым, подчеркивая тот факт, что все члены Совета старейшин приветствуют предложенный Россией проект русско-японского сближения и желают претворить в жизнь этот план. Кроме того, 24 января приближенный князя Ямагата заместитель начальника японского Генерального штаба Танака²⁶ посетил посла Малевского-Малевица, объяснив сложности вопроса военных поставок и попутно заверив русского дипломата в том, что все члены гэнро – Ямагата, Ояма и Мацуката – готовы приложить все силы для того, чтобы разрешить этот вопрос²⁷.

В то же время для реализации проекта русско-японского союза, вынашиваемого генерал-фельдмаршалом Ямагата с начала 1915 г., было необходимо поставить на место «зарвавшегося» дипломата Исии. Используя различные рычаги своего влияния, Ямагата тут же оказал соответствующее давление на премьер-министра Окума и подчиняющегося ему по субординации министра иностранных дел. Усилия князя увенчались успехом: 25 января Исии составил новый проект по вопросу о русско-японских отношениях, который в основных чертах совпадал с планом русско-японского союза, продвигаемым князем, и посетил «старейшину» в его резиденции. Князь Ямагата поддержал новый проект, вновь подчеркнув необходимость принятия курса на укрепление русско-японских отношений. Как уже говорилось, Исии некоторое время пытался тихо сопротивляться линии Ямагата, но последний, считая, что «сейчас не время нападать друг на друга», предложил министру иностранных дел поскорее приступить к началу дипломатических переговоров²⁸.

²⁶ Танака Гиити (1864–1929). Родом из пров. Тёсю, сын главы клана Хаги. В рассматриваемый период уже зарекомендовал себя в качестве одного из крупнейших специалистов по России. Окончил Кадетский корпус и Военную академию. За заслуги, проявленные в японо-китайской войне 1894 г., получил Орден Золотого Коршуна 5-й степени. В 1898–1903 гг. находился со специальным заданием в России. Во время русско-японской войны служил в штабе Маньчжурской армии. За проявленные заслуги был представлен к Ордену Золотого коршуна 3-й степени и к Ордену Восходящего Солнца 3-й степени. Сделал блестящую военную карьеру, пользуясь покровительством князя Ямагата и графа Тэраути. В 1911 г. стал главой Военного бюро (Гуммукёку), в 1915 г. – заместителем Генштаба, а в 1918 г. – министром иностранных дел в правительстве Хара. С 1921 г. – генерал армии. После смерти Ямагата стал фактическим главой военной группировки Тёсю-бацу. В 1927 г., заняв должности премьер-министра и министра иностранных дел, он начал активно проводить в жизнь идею активной агрессивной политики в Китае. Ему приписывается создание так называемого «меморандума Танака», в котором наиболее рельефно проявились агрессивные планы и амбиции японской военщины в отношении Китая и советского Дальнего Востока.

²⁷ № 69. Посол в Токио министру иностранных дел, 24/11 января 1916 г.; № 245. Записка советника IV политического отдела Козакова, 23/10 февраля 1916 г. – МОИ. Серия III, 1938, т. 10, 14 января 1916 г. – 13 апреля 1916 г., с. 72–73, 261.

²⁸ Такахаси Ёсио. Санко ирэцу, с. 118; Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки (Записки бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё), с. 91, 93; Нитиро домэй симпо: Сюсё гайсё сан-

В результате усилий князя Ямагата 14 февраля 1916 г. в японском парламенте была одобрена министерская резолюция о политике по отношению к России следующего содержания:

1. Укрепление дружественных отношений между Японией и Россией и ускорение процесса двустороннего сближения являются гарантией сохранения мира на Востоке.

2. То, что после подписания русско-японского мирного договора было заключено три соглашения, тоже есть следствие данного курса. Крупные поставки боеприпасов, которые осуществило императорское правительство по отношению к России с начала Европейской войны, также соответствуют смыслу первого пункта. Необходимо и впредь поддерживать данный курс в пределах, дозволяемых обстоятельствами.

3. В условиях, когда российское правительство, оценивая добрую волю, которую с начала войны проявила к ней Япония, решило в виде материальной благодарности уступить Японии часть КВЖД, императорское правительство, принимая во внимание международную ситуацию, должно удовлетворить пожелания российского правительства в пределах, не наносящих ущерб национальной безопасности.

4. В отношении пункта № 3: Точно так же, как железная дорога Чаньчунь-Харбин уступается за определенную сумму, оружие передается за определенную установленную сумму.

5. Раз уж дружественные отношения между Японией и Россией достигли такого уровня, нужно сделать еще один шаг и установить между странами союзнические отношения. Предотвратить послевоенное сближение России с Германией и другими странами, проводящими агрессивную политику, является насущной задачей Японии.

6. Союзные отношения, о которых говорится в пункте № 5, должны быть установлены на следующих основаниях:

а) Япония и Россия для защиты своих территориальных прав и особых интересов будут оказывать друг другу дружественную поддержку мирными средствами в соответствии с необходимостью;

б) обе стороны обещают друг другу, что не присоединятся к договору или соглашению и не заключат такового, если оно имеет целью противодействие одной из договаривающихся держав;

в) Япония и Россия пришли к согласию относительно того, что политическое подчинение Китая одной из третьих держав является угрозой их важнейшим интересам, и договорились проводить периодические совещания относительно способов предотвращения такой ситуации. Договаривающиеся стороны обещают, что если в результате мер, предпринятых одной из сторон на основании такого совещания, неиз-

сэй ни катамуку (Прогресс в отношении русско-японского союза: премьер и министр иностранных дел склоняются к согласию). – Июмиури симбун. 26.01.1916, № 13926.

бежна война с третьей державой, другая сторона предоставит помощь (включая военную) своему союзнику²⁹.

Содержание данной резолюции сильно отличалось от проекта Исии, представленного 20 января. По проекту Исии оказание военной помощи России напрямую увязывалось с размером российских уступок. В то же время в резолюции от 14 февраля поставки оружия рассматривались как одно из следствий русско-японского сотрудничества, сложившегося после Портсмутского мирного договора. По мнению Исии, трех русско-японских соглашений, четко разграничивающих сферы влияния двух стран в Маньчжурии и Монголии, было вполне достаточно, и нужды в новом соглашении не было. Однако в министерской резолюции русско-японское добрососедство определялось в качестве стратегического внешнеполитического курса Японии, призванного поддерживать мир в Восточной Азии. Министр иностранных дел не желал принимать предложенный российской стороной проект о передаче части КВЖД, пытаясь разрешить вопрос военных поставок в более выгодной для Японии форме. Ямагата же пытался использовать это предложение российской стороны для укрепления русско-японских отношений. Японские дипломаты были настроены на заключение еще одного соглашения о Китае, якобы предупреждавшего возможность русско-германского сближения, однако благодаря энергичным действиям Ямагата в резолюцию были внесены слова о «русско-японском союзе», поскольку последний призван был не допустить, чтобы Китай попал под влияние загадочной «третьей державы».

14 февраля заместитель Генерального штаба генерал-лейтенант Танака по просьбе князя Ямагата снова посетил российского посла в Токио, чтобы сообщить об одобрении министерской резолюции и о решении начать переговоры с Россией³⁰.

В исследованиях по истории русско-японских отношений и истории внешней политики Японии доминирует точка зрения, что главным «виновником» русско-японского сближения после русско-японской войны был чрезвычайный и полномочный посол в России Мотоно, однако в виду всего изложенного выше это положение выглядит недостаточно убедительным. Как показывают документы, японский визит великого князя Георгия Михайловича и принятие резолюции от 14 февраля 1916 г., открывших путь к началу русско-японских дипломатических переговоров, подготовил не Мотоно и даже не японское дипломатическое ведомство, а военные круги во главе с генерал-фельдмаршалом Ямагата,

проявившего при этом неординарные дипломатические способности и политическую проницательность.

Одним из важных элементов стратегии князя Ямагата было использование механизма «императорской дипломатии» (*косицу гайко*), что исходило из понимания определенного сходства японской и российской общественно-политических моделей, основывающихся на институте монархии. Ямагата сначала добился того, чтобы визит великого князя Георгия Михайловича был организован как бы «по высочайшей воле» русского императора, а затем, используя в полной мере авторитет «живого бога» («арагами» – так называли в Японии в предвоенную эпоху японских императоров), потребовал соответствующего отношения к миссии великого князя со стороны японского политического мира. В условиях, когда сам «потомок богини Аматаэрасу» поспешил поприветствовать прибывшего в Токио российского великого князя, премьер-министр Окума и министр иностранных дел Исии не имели оснований открыто противиться курсу, направленному на укрепление русско-японских отношений.

Князь Ямагата сделал все для того, чтобы сломить сопротивление как части русофобски настроенных военных, так и не желавших заключения русско-японского союза дипломатов. И те, и другие преследовали в своей деятельности узкоэгоистические интересы, направленные на приобретение новых уступок со стороны России. Ямагата же считал, что необходимо, во что бы то ни стало, укрепить русско-японские отношения, пойдя, если нужно, на небольшие уступки России в вопросе военных поставок. Он опасался, что в результате неумелой, несбалансированной политики, которую проводил Като, Япония окажется в будущем наедине с Западом, не имея ни одного союзника. Поставленная в тяжелые международные условия Россия официально предлагала Японии мир и дружбу в обмен на ограниченные поставки вооружения, и Ямагата полагал, что ни в коем случае нельзя отвергать это предложение. Во время предварительных переговоров между Исии и Козаковым Ямагата сумел заставить министра иностранных дел изменить свою позицию по отношению к проблеме русско-японского союза. Следствием этих серьезных усилий со стороны князя Ямагата и стал с точки зрения политической механики секретный русско-японский союз 1916 г.

²⁹ Дайёнкай нитиро кёяку тэйкэцу иккэн (О заключении Четвертой русско-японской конвенции). – Нихон гайко бунсё: Тайсё 5 нэн дай 1 сацу (Японские дипломатические документы: 1916 г., т.1), с. 118–119.

³⁰ № 202. Посол в Токио министру иностранных дел, 14/1 февраля 1916 г. – МОЭИ. Серия III, 1938, т. 10, 14 января 1916 г. – 13 апреля 1916 г., с. 205.

Почему японские войска так и не попали на европейский фронт

Ю. С. Пестушко

«Победа и поражение в битве зависят
от человека, а не от оружия»
*Рай Саньо*¹

Особое место в истории первой мировой войны занимает вопрос об участии японских войск в военных действиях в Европе². Возможность непосредственного участия вооруженных сил Страны Восходящего Солнца в боевых операциях в годы войны вызвала в японском кабинете острую полемику. Уже в начале августа 1914 г. от Лондона и Парижа к Токийскому кабинету стали поступать запросы о возможности отправки японских войск на европейский фронт³. В Европе и Соединенных Штатах перспективы этого мероприятия оценивались по-разному. Например, газета «Washington Post» писала, что японское императорское правительство обязательно направит на помощь союзникам около 1 млн. добровольцев, так как это должно укрепить международный авторитет Японии⁴. Однако наряду с этим высказывалось мнение, что ожидать участия японских войск в европейской войне – «все равно, что требовать помощи от марсиан»⁵. Некоторые французские газеты предрекали скорую отставку японских войск на помощь союзникам⁶, в то время как другие влиятельные издания, например, французский «Journal des Débats» призывали отказаться от идеи участия японских войск в европейской войне, если в обмен на это придется идти на территориальные уступки Токио⁷.

¹ Рай Саньо (1780–1832). Японский историк, автор «Нихон гайси» («История внешней политики Японии»).

² См.: Архив внешней политики Японии (Токио). Ф. 5–2–2–51. Осю сэно сай тэйкоку но сюппэйрон канкэй иккэн (Дискуссии по вопросу отправки за границу войск Японской империи в случае европейской войны).

³ И. Мотоно – Т. Като. 31 августа 1914 г. – Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы. 1914). Токио, 1966, т. 3, с. 630.

⁴ Washington Post. 28.11. 1915; Дзай бэйкоку нихон тайсикан (Японское посольство в Соединенных Штатах). – Архив внешней политики Японии (Токио). Ф. 5–2–2–51.

⁵ Европейская пресса об участии Японии в войне. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 5–2–2–51.

⁶ Исии – Като. 8 декабря 1914 г. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 5–2–2–51.

⁷ Европейская пресса об участии Японии в войне. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 5–2–2–51.

Пока политики в Европе рассуждали о возможностях участия японских войск в боевых действиях с Германией, Токио в августе 1914 г. предъявил германским властям Циндао ультиматум с требованием передать японским властям без всяких условий и компенсаций арендуемую у Китая территорию. Одновременно с этим вице-адмирал японского флота Тамин Ямая направил линейный крейсер «Конго» к о-ву Мидуэй для установления контроля над коммуникациями, проходившими через этот район, а броненосный крейсер «Идзумо» получил приказ защищать союзное судоходство у берегов Америки. Для усиления флота союзников в Юго-Восточной Азии, броненосный крейсер «Ибуки» и легкий крейсер «Тикума» были направлены в Сингапур. Японские военные суда под командованием адмирала Мацумура Тацуо патрулировали морские коммуникации на пути к Австралии, а также обеспечивали сопровождение военному транспорту Австралийско-новозеландского корпуса⁸.

Несмотря на расширение операций японских вооруженных сил против Германии в Китае и на Тихом океане, японское правительство не торопилось с отправкой своих войск в Европу, по-видимому, просчитывая все возможные плюсы и минусы такого шага. Кто-то из японских политиков считал, что отправка войск необходима для поднятия военного престижа Японской империи и признания тем самым за страной значения мировой державы. Другие, наоборот, полагали, что участие японских войск в европейской войне не сулит империи ничего хорошего, поскольку, помимо финансовых расходов, которые Японии в таком случае предстояло взвалить на себя, она рисковала еще и навлечь гнев союзников за возможные военные неудачи⁹. Активным сторонником участия японских войск в европейской войне выступала правительственная группировка, которую возглавляли Окума Сигэнобу и маршал Ямагата Аритомо. Подконтрольные Окума Сигэнобу газеты «Ямато», «Асахи», «Осака майнити симбун» писали о необходимости отправки японских войск в Европу и заключении союза четырех держав: России, Японии, Франции и Англии. По инициативе того же графа Окума в Японии было создано «Общество отправки войск на европейский фронт», занимавшееся сбором средств для японских добровольцев¹⁰.

Сложнее относился к идее участия японских войск в европейской войне глава МИДа Като Такааки. Хотя министр иностранных дел считал, что долг Японии – оказывать военную поддержку союзникам, непосредственное участие японских войск в войне виделось ему непосильной

⁸ См.: Больных А. Г. Морские битвы первой мировой: на океанских просторах. М., 2002.; Шишов А. В. Россия и Япония. – История военных конфликтов. М., 2001.

⁹ Делеша посла в Токио. 19 ноября 1914 г. – АВП РИ, ф. «Канцелярия министра иностранных дел», оп. 470, д. № 71, л. 203.

¹⁰ Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 5–2–2–51.

для империи задач. К тому же покрытие военных расходов за счет союзников Японии Като считал несовместимым с престижем Японии. По его мнению, финансовые затраты могли быть покрыты займом, выпущенным в счет будущей выплаты Германией контрибуции. В целом, Като считал возможным участие в европейской войне пятисоттысячного японского военного контингента, что позволило бы империи сохранять военную силу в Азии¹¹.

С началом войны в Европе японское правительство заявило о готовности увеличения армии, что якобы объяснялось необходимостью частичного реформирования вооруженных сил, а также поддержания порядка на Корейском полуострове¹². Для реализации этого плана при правительстве был учрежден «Совет государственной обороны», куда вошли влиятельные японские военные и политики, в том числе и министр иностранных дел Японии Като Такааки. Вместе с тем предложение правительства относительно увеличения армии встретило немало возражений. Например, связанное с парламентской оппозицией Общество изучения военного дела (Гундзикэнкюкай) выступило с критикой предложения правительства относительно увеличения армии, считая недопустимым рост военных расходов. Хотя представители этой организации признавали наличие недостатков в японской армии, они считали, что восполнить их можно и без увеличения войск посредством модернизации материальной базы японских вооруженных сил¹³.

Хотя токийский кабинет обосновывал усиление армии необходимостью поддержания порядка в Корее, ставшей в 1910 г. японской колонией, а также защитой своих интересов в Китае, сильная армия была нужна Японии для дальнейших колониальных захватов, о чем прямо говорилось в японской прессе с первых дней войны¹⁴. В этом контексте представляется очевидной цель, ради которой японским правительством делались громкие заявления о необходимости участия императорской армии в европейской войне. Увеличение японской армии неизбежно повлекло бы за собой рост налогов и, как следствие, сокращение расходов на социальные нужды, что не могло не вызвать сопротивления парламента и простого обывателя, которому были глубоко безразличны масштабные планы правительства. Заведомо непопулярную идею увеличения армии было просто необходимо разбавить патриотическими

идеями, вроде «необходимости выполнения союзнического долга». С подачи властей в печати стали то и дело появляться воззвания к народу от неведомых ранее организаций, в которых говорилось, что «японский народ, гордящийся духом самопожертвования в пользу других, не может оставаться равнодушным зрителем (в европейской войне. – Ю. П.)». Далее указывалось, что решено организовать добровольческий отряд для присоединения к союзным армиям¹⁵. При этом почему-то не говорилось, кем конкретно и где организуется этот отряд.

Информация на этот счет, время от времени появлявшаяся в японской прессе, также не содержала ничего конкретного. Например, сообщалось об «одном из отставных майоров японской армии», который якобы принял предложение возглавить формируемый в Японии «одним известным политическим деятелем» добровольческий корпус для отправки на помощь союзникам. Этот корпус численностью в 100 тыс. солдат и офицеров должен был направиться во Францию. Газета «Japan Weekly Mail» сообщала о формируемом неким «Обществом молодых людей» в преф. Тотиги отряде добровольцев, численность которого должна была составить 3 тыс. человек¹⁶. Таким образом, по самым скромным подсчетам, по меньшей мере, 100 тыс. японских добровольцев изъявило желание помочь России и ее союзникам в борьбе с «тевтонскими полчищами».

В сентябре 1914 г. Окума Сигэнобу сообщил послу России в Токио Н. А. Малевскому-Малевичу о многочисленных просьбах японских резервистов принять участие в боевых действиях в составе русской армии¹⁷. В октябре 1914 г. в парламенте обсуждался план отправки в Россию японских волонтеров, но большинством голосов решение по этому вопросу принято не было. Один из сторонников осуществления проекта – князь Ямагата Аритомо – попытался сгладить этот неприятный момент, объяснив Н. А. Малевскому-Малевичу, что императорское правительство обеспокоено возможностью возникновения вооруженных восстаний в Китае и только по этой причине отказало России в предоставлении военной помощи.

При активном содействии Окума Сигэнобу в ноябре 1914 г. на русско-германский фронт вместо японских добровольцев был направлен отряд японского Красного Креста из 14 человек под руководством известного японского хирурга Уэно. Персонал отряда, состоявший из семи сестер милосердия, четырех врачей, двух санитаров и православного священника-

¹¹ Деша послана в Токио. 19 ноября 1914 г. – АВП РИ, ф. «Канцелярия министра иностранных дел», оп. 470, д. № 71, л. 203; Ямато. 12. 11.1914.

¹² Приамурские ведомости. 01.05.1914; From Consul-Tiflis (Vladikavkaz). The Honorable George T. Mary, American Ambassador, Petrograd. 15.12. 1914. – Russia: from Czar to Commissars (1914–1918). A Microfilm Project of University Publications of America. 1982. Reel 2, № 0980.

¹³ Донесение Н. Бирюкова. 11.12.1914; Дополнение к донесению от 2 июня 1915 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4164, л. 122, 214.

¹⁴ См., например: «Мияко Симбун». 05.08.1914; Исии Кикудзиро – Като Такааки. 8 декабря 1914 г. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 5–2–2–51.

¹⁵ Н. А. Малевский-Малевич – С. Д. Сазонову. 6 января 1915 г. Приложение. Воззвание Комитета организации Добровольческого отряда (Токио). – АВП РИ, ф. «Японский стол», оп. 493, д. № 923, л. 5–8.

¹⁶ Разведка штаба Иркутского военного округа в особое делопроизводство Главного управления генерального штаба.. 4 сентября 1914 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4126, л. 466.

¹⁷ Секретная телеграмма посла в Токио. 21 сентября 1914 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4059 (лист без нумерации).

японца¹⁸, был рассчитан на обслуживание лазарета из 100 раненых¹⁹. В Санкт-Петербурге представителям японского Красного Креста была организована пышная встреча, а на торжественном банкете обеими сторонами были сделаны заявления о готовности и в дальнейшем расширять сотрудничество в военной области²⁰.

В декабре того же года представитель партии Сэйюкай в бюджетном комитете при японском правительстве Огава потребовал от главы внешнеполитического ведомства Като Такааки объяснений относительно переговоров с Великобританией по отправке японских войск в Европу. Министр поспешил отмежеваться от самого факта ведения таких переговоров, заявив, что правительство лишь проводило неофициальные консультации с Великобританией, Францией и Россией по вопросам военных поставок²¹.

Из донесений российского посла в Токио Н. А. Малевского-Малевича в российском МИДе стало известно, что, за исключением премьер-министра Окума Сигэнобу, маршала Ямагата и *гэнро*, идея отправки японских войск на помощь союзникам не находит поддержки в правительственных кругах японской империи. Всякий расчет чьей-либо стороны на подобную помощь не имеет под собой почвы: «Япония не решится отправить свою армию на войну вследствие непреодолимых трудностей и риска такого предприятия»²². После того, как в начале 1915 г. в парламенте не приняли законопроект, предусматривавший увеличение вооруженных сил, интерес к отправке войск в Европу значительно снизился и в японском обществе.

На фоне дискуссии по вопросу участия японских войск в европейской войне, в Японии появилось немало аферистов, попытавшихся нажиться на этом. В стране, как грибы после дождя, стали появляться организации патриотического толка, занимавшиеся вербовкой добровольцев для участия в боевых действиях. В сентябре 1914 г. один из таких деятелей – некий Хара Томениги – обратился в посольство Великобритании в Токио с уже готовым проектом участия японских добровольцев в войне против Германии в составе английских войск. Судя по представленному документу, все сопутствующие этому предприятию расходы, включая жалование наемникам и выплаты семьям погибших и раненых

должно было взять на себя правительство Великобритании. Всего в состав отряда должно было войти 150 тыс. человек²³.

Одновременно с Хара Томениги с подобным предложением к правительствам Великобритании и Франции обратился малоизвестный японский адвокат Масудзима. Он также представил проект формирования вспомогательного отряда из 5120 японских волонтеров, согласно которому одно только жалование рядовым и старшим офицерам должно было составить в среднем 30 тыс. иен в день на человека (например, ежемесячный доход рядового сотрудника японской разведки колебался от 3 до 60 иен²⁴. – Ю. П.). Официальный Токио постарался дистанцироваться от организаций такого рода. Когда английский посол в Японии Конингэм Грин попытался выяснить у главы японского МИДа Като Такааки, что собой представляют инициаторы организации подобных отрядов волонтеров, то получил следующий ответ. Во-первых, японское правительство не имеет никакого представления о подобных организациях. Во-вторых, токийский кабинет отрицательно относится к возможности участия японских волонтеров в боевых действиях, поскольку сомневается в профессионализме таких добровольцев²⁵. По-видимому, японское правительство не только хотело отмежеваться от всякого рода аферистов, но и не желало передавать пальму первенства в деле формирования отрядов японских добровольцев частным лицам, справедливо полагая, что в случае участия этих отрядов в европейской войне, токийскому кабинету придется забыть о получении каких-либо компенсаций, а возможная благодарность союзников окажется на банковских счетах частных лиц, организовывавших эти отряды.

Известие о готовящейся отправке в Россию японских войск вызвало неожиданную реакцию среди русскоподданных поляков. Некоторые из них уже в первые месяцы войны стали обращаться в японское консульство во Владивостоке с прошениями о зачислении их в формируемый в Японии военный корпус. К сожалению, точные сведения о количестве обратившихся с подобными просьбами к японскому правительству поляков отсутствуют, однако по имеющимся документам можно сделать общий вывод о характере таких заявлений. Например, в феврале 1915 г. в японское министерство иностранных дел пришло письмо от некоего Антона Смолянского – русскоподданного поляка, который просил зачислить его в формируемый в Японии военный корпус рядовым

¹⁸ Летопись войны. 1914–1915, № 13.

¹⁹ Посол в Японии Н. А. Малевский-Малевич – Владивостокскому губернатору. 23 октября 1914 г. – РГИА ДВ, ф. 1, оп. 12, д. № 583, л. 4.

²⁰ Мотоно – Като. 19 ноября 1914 г. – Японские дипломатические документы (1914), т. 3, с. 698.

²¹ The Question of Sending Japanese Troops to Europe. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 5–2–2–51.

²² Секретная телеграмма посла в Японии Н. А. Малевского-Малевича. 22 января 1915 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4059, л. 94., Н. А. Малевский-Малевич – С. Д. Сазонову. 2 июля 1915 г. – АВП РИ, ф. «Японский стол», оп. 493, д. № 923, л. 234.

²³ Донесение на имя С. Д. Сазонова. 20 сентября 1914 г., Приложение. Копия прошения японского подданного Хара Томениги на имя посла Великобритании в Токио. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4061, л. 4–6.

²⁴ Донесение Н. Бирюкова. 25 июня 1914 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4164, л. 1–2.

²⁵ Донесение на имя С. Д. Сазонова. 20 сентября 1914 г., Приложение. Копия прошения японского подданного Хара Томениги на имя посла Великобритании в Токио. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4061, л. 4–6.

и отправить на фронт. Желание участвовать в японском экспедиционном корпусе он объяснял тем, что из-за невозможности попасть в русскую офицерскую школу, ему придется воевать в чине рядового в составе русской армии. Идти в русскую армию рядовым А. Смолянский считал для себя неприемлемым, но был готов сражаться даже рядовым в составе японских войск, «не посрамив храбрых японских товарищей»²⁶.

Осенью 1915 г. в России побывала группа представителей японского генштаба, состоявшая из офицеров старшего и младшего состава. Эта поездка носила ознакомительный характер, поэтому в боевых действиях японские военные, конечно же, участия не принимали. Было решено прикомандировать японских военных к артиллерийскому складу в Ревеле (Таллинн), где они прожили около четырех месяцев, знакомясь с обстановкой в русской армии. Пребывание японских гостей в России стоило русскому правительству недешево. Учитывая то обстоятельство, что каких-то конкретных целей и задач данная поездка, судя по всему, не ставила, можно утверждать, что средства на содержание японских военных были потрачены впустую. Первоначально все военные были размещены в гостинице, за которую они, разумеется, не платили. Затем, из-за больших расходов на содержание представителей Японии, младшим офицерам пришлось предоставить менее комфортные условия проживания. Однако всем без исключения японским офицерам выдавалось улучшенное довольствие, поскольку, по их же собственным словам, в японской армии они занимали весьма высокие посты. В итоге, артиллерийский склад, к которому японцы были прикомандированы, заплатил за них 2259 руб. Пребывание в России японских военных закончилось вручением главе делегации – капитану первого ранга Осуми – бриллиантового ордена святой Анны второй степени, за что Морской генеральный штаб был вынужден заплатить 350 рублей²⁷.

В итоге, затеянная кабинетом Окума Сигэнобу дискуссия по вопросу о направлении японских войск в Европу обернулась против самого же японского правительства. Противником участия японских войск в европейской войне выступила влиятельная партия Сэйюкай, обвинив кабинет Окума в намерении использовать деньги японской казны для отправки солдат. Кабинет Окума вынужден был отложить на неопределенное время отставку японских войск на помощь союзникам и ограничиться проведением работы по мобилизации волонтеров. Из донесений рос-

сийского посла в Токио Н. А. Малевского-Малевича Санкт-Петербургу было известно, что правительство Японии рассчитывает на серьезные компенсации со стороны России и ее союзников в случае отправки на русско-германский фронт японских резервистов.

Прошения японских подданных о зачислении их добровольцами во вспомогательный японский корпус и отправке на фронт стали поступать в адрес дальневосточной администрации уже с первых дней войны, однако осенью 1914 г. мероприятия японского правительства по организации отправки добровольцев в Европу успеха не имели. В начале 1915 г. в Японии было распространено воззвание организации «Добровольческий отряд», призывавшей японский народ вступать в ряды добровольцев для отправки на помощь армиям союзников²⁸. В состав формируемых двух пехотных дивизий японских волонтеров входили 24 пехотных батальона, восемь эскадронов, артиллерийский полк со 100 полевыми и тяжелыми орудиями, два саперных батальона²⁹. Таким образом, предполагалось сформировать две дивизии. Против участия японских войск в военных действиях в составе русской армии выступил генерал Янушкевич, не доверявший Японии и поэтому считавший, что ввиду малочисленности русских войск в Сибири и на Дальнем Востоке, для России будет небезопасно отправлять военные эшелоны с японцами через всю страну³⁰.

Санкт-Петербург не согласился с доводами генерала, в итоге приняв решение отправлять японских добровольцев на русско-германский фронт, используя Транссибирскую магистраль и в целях безопасности комплектовать военные эшелоны так, чтобы вагоны с японцами располагались попеременно с вагонами, где находились русские солдаты. Однако инициатива Окума Сигэнобу в очередной раз натолкнулась на сопротивление парламентской оппозиции, выступившей против отправки японской армии на русско-германский фронт. В итоге, за исключением нескольких представителей японского генерального штаба, побывавших за годы первой мировой войны на русско-германском фронте, никто из японских добровольцев на европейский театр военных действий так и не был направлен.

Называется разное число японских добровольцев, пожелавших отправиться в Европу на помощь союзникам. Например, С. С. Григорьевич высказывал точку зрения, что число добровольцев составило 12 тыс. человек, в журнале «Вокруг Света» указывалось на 40 тыс. японских

²⁶ Письмо А. Смолянского министру иностранных дел Японии Като Такааки. Февраль 1915 г. – Архив внешней политики Японии (Токио), 5–2–2–51.

²⁷ Начальнику главного морского хозяйственного управления от начальника артиллерии сухопутного фронта (министерство морское) морской крепости Императора Петра Великого. 27 февраля 1916 г. РГА ВМФ, ф. 403, оп. 1, д. № 1543, л. 50, 57., Министерство морское. Главный морской штаб – в главное морское хозяйственное управление. 2 мая 1916 г. – РГА ВМФ, ф. 403, оп. 1, д. № 1543, л. 91.

²⁸ Н. А. Малевский-Малевич – С. Д. Сазонову. 6 января 1915 г. – АВП РИ, ф. «Японский стол», оп. 493, д. № 923, л. 5.

²⁹ Вокруг света. 1915. № 8.

³⁰ Секретная телеграмма Управляющего дипломатической канцелярией при верховном главнокомандующем. 3 сентября 1914 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4059. (лист без нумерации).

волонтеров³¹. Между тем, каких-либо достоверных данных о численности японских добровольцев в опубликованных документах японского министерства иностранных дел нет. За исключением нескольких прошений японских подданных о зачислении их добровольцами в русскую армию, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (г. Владивосток), ни в Архиве внешней политики Японии (Токио), ни в Архиве внешней политики Российской империи (Москва) никаких прошений японцев также обнаружить не удалось. Таким образом, указанное число японских волонтеров представляется весьма завышенным.

Объяснения противников участия японцев в войне чаще всего сводились к тому, что отправка двух-трех дивизий в Европу все равно не изменит ситуации на фронте. По мнению Токио, таких дивизий нужно было отправить, по меньшей мере, 20, что потребовало бы сооружения кораблей с суммарным водоизмещением в 5 млн. т. Японское правительство называло просто астрономические цифры, утверждая, что в таком случае расходы на одни только суда составили бы 700 млн. иен, а все расходы превысили бы 1 млрд. иен³². Назывались и другие причины: японские вооруженные силы охраняют морской путь из Адена в Шанхай; Япония находится в состоянии постоянной боевой готовности, на случай необходимости поддержать status quo в Индии (якобы ввиду полного отсутствия там английских войск)³³. В Меморандуме Като Такааки английскому послу в Японии К. Грину было заявлено, что участие императорской армии в иных делах, чем национальная оборона, несовместимо с фундаментальными принципами японской военной системы³⁴. Впрочем, вряд ли Япония вообще решилась бы на отставку своих войск в Европу. Токийский кабинет никогда бы не променял своей военной гегемонии в Азии на призрачные надежды получения от союзников по антигерманской коалиции незначительных компенсаций. У Токийского кабинета были более близкие цели, для которых предназначалась японская армия.

Участие Японии в первой мировой войне ограничилось захватом германских колоний в Китае (Циндао) и на Тихом океане (Каролинские, Марианские и Маршалловы острова), что значительно расширило границы колониальных владений Японской империи в южном и северо-

западном направлениях³⁵. Помимо захвата германских колоний, летом 1915 г. японские войска принимали участие в ликвидации вспыхнувших беспорядков в Сингапуре, а в 1917 г. осуществляли конвоирование британских транспортных и торговых судов в Средиземном море³⁶. Не считая военных операций Японии в 1914 г. против германских военных судов на Тихом океане, это явилось практически единственным случаем оказания военной помощи союзникам Японии по антигерманской коалиции. В этом контексте следует подчеркнуть, что решение об отправке судов в Средиземное море было принято на фоне сопротивления парламентской оппозиции, считавшей, что Япония не должна распространять деятельность своих войск дальше районов, оговоренных в англо-японском союзном договоре, т. е. Индии, Восточной Азии и Китая³⁷. К тому же японские суда были направлены в Средиземное море лишь после того, как Токио удалось добиться от Лондона признания японских прав на бывшие германские владения в Шаньдуне и тихоокеанских островах к северу от экватора.

Можно утверждать, что японское правительство вообще не собиралось направлять в Европу свою армию, которая была необходима ему в Азии. После ряда поражений русской армии весной-летом 1917 г. союзниками был вновь поднят вопрос об отправке японских войск в Европу. На этот раз такие японские политики, как лидер партии Кэнсэй-кай Одзаки, военный министр Осима Кэнъити и глава японской финансовой миссии барон Мегата – сразу же высказались против такой перспективы. Судя по публикациям в японской прессе, даже уступка Японии Приамурья не могла заставить Токио пойти на такой шаг³⁸. Таким образом, русский посол в Токио Н. А. Малевский-Малевиц был совершенно прав, говоря, что Япония «хранит свою армию для более близких ей целей»³⁹. Поднятая японскими властями шумиха вокруг вопроса участия японцев в военных действиях, носила, скорее всего, лишь показной характер, чтобы лишний раз создать у союзников впечатление, будто Япония и в самом деле хотела участвовать в войне с Германией в Европе.

³⁵ Иомиири симбун. 06.09. 1914.

³⁶ Palmer N. D., Perkins H. C. International Relations. The World Community in Transition. Cambridge, Massachusetts, 1953, p. 438.

³⁷ В. Крупенский – М. И. Терещенко. 19 июля 1917 г. – АВП РИ, ф. «Японский стол», оп. 493, д. № 925 (т. 1), л. 168., Гальперин А. Я. Англо-японский союз. М., 1947, с. 428–430.

³⁸ Донесение миссии в Пекине (без даты. Ноябрь 1917 г.). – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4167, л. 28.

³⁹ Секретная телеграмма посла в Токио. 22 января 1915 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4059, л. 94.

³¹ Григорьевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965, с. 485.; Вокруг света. 1915. № 8.

³² Хирама Ёити. Дайитидзи сэкай тайсэн то нихон кайгун (Первая мировая война и военноморской флот Японии). Токио, 1998, с. 228., Н. А. Малевский-Малевиц – С. Д. Сазонову. 11 февраля 1915 г. – АВП РИ, ф. «Японский стол», оп. 493, д. № 923, л. 70.

³³ Brown A. J. The Mastery of the Far East. New York, 1919, p. 418–419.

³⁴ Като – Грину. Меморандум. 14 ноября 1914 г. – Японские дипломатические документы (1914). Токио, 1966, т. 3, с. 645.

Э. Л. Попович

Военно-политические результаты второй мировой войны поставили перед лидерами антигитлеровской коалиции задачу претворить в жизнь принципы послевоенного мирного урегулирования как в Европе, так и на Дальнем Востоке. Советско-американские союзнические отношения были продолжены на Дальнем Востоке для того, чтобы завершить борьбу с японским милитаризмом. Однако с исчезновением общей угрозы разногласия и соперничество между союзниками в Азии, включая послевоенное устройство Японии, стали усиливаться.

В данной статье делается попытка рассмотреть позицию СССР в отношении Японии через призму взаимоотношений между СССР и США в период, когда советско-американские отношения переходили от сотрудничества к соперничеству. Хронологические рамки охватывают период с момента капитуляции Японии до начала изменения оккупационной политики США в 1948 г., направленного на экономическую и политическую стабилизацию Японии и сохранение военного присутствия США в этой стране. Речь пойдет о позиции СССР по созданию контрольного механизма для Японии и о его политике в первый период оккупации страны.

Конкретные шаги к решению проблемы послевоенного устройства мира Советский Союз предпринял осенью 1943 г. Тогда была создана во главе с заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства. Заявление СССР на Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. о решении присоединиться к борьбе против Японии включало японский вопрос в формат обсуждения послевоенного урегулирования. В докладной записке И. М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г., адресованной В. М. Молотову, вопрос о Японии рассматривался в рамках определения послевоенных границ СССР на Дальнем Востоке и сохранения мира в Азии. В ней Майский, упоминая о послевоенном режиме для Японии, писал, что он будет «примерно того же типа, что для Германии¹. Предлагалось оккупировать территорию Германии союзниками на срок «не менее десяти лет», подвергнуть «тройному разоружению – военному, промышленному и идеологичес-

кому», наложить репарации, а военных преступников «в широком понимании этого термина» подвергнуть наказанию.

Подобные соображения показывают, что советское руководство рассматривало Японию как союзника Германии, а это является важным для понимания будущей послевоенной политики СССР по отношению к этой стране.

Первые попытки более конкретного обращения к вопросу послевоенного отношения к Японии, включая ее оккупацию, были отмечены в беседе И. В. Сталина с личным представителем президента США Г. А. Гопкинсом в мае 1945 г. Сталин высказывался о необходимости воспользоваться нынешней ситуацией и уничтожить японскую армию, ее военную промышленность, чтобы предотвратить подобные войны в будущем. Кроме того, он упомянул о зонах оккупации союзников в Японии и о желании СССР участвовать в ней. Основные принципы политики союзных держав в отношении послевоенной Японии были сформулированы в Потсдамской декларации, к которой присоединился СССР, что давало ему возможность на законных основаниях включиться в мероприятия союзников по послевоенному переустройству Японии.

Решающее значение для послевоенного направления развития Японии и международных отношений на Дальнем Востоке имел вопрос о том, в чьих руках будет находиться реальная власть в период оккупации. США удалось захватить контроль над определением оккупационной политики союзников и руководством. Он возлагался на генерала Д. Макартура. СССР, который заявил о своем желании участвовать в раздельном оккупационном контроле и управлении, был устранен. Несмотря на участие в войне с Японией многих стран, США стали осуществлять оккупацию фактически единолично².

Первой недовольство по поводу одностороннего характера оккупации США выразила Англия. Она направила 20 августа 1945 г. в госдепартамент записку с предложением создать союзный контрольный совет для Японии, состоящий из представителей пяти держав – США, Англии, СССР, Китая и Австралии. В ответ на это 21 августа американская сторона предложила правительствам Англии, СССР и Китая создать Дальневосточную консультативную комиссию (ДКК), положение о которой было одобрено Г. Трумэном еще 5 июня 1945 г. Это предложение имело целью создать консультативный орган по вопросам политики контроля над Японией из представителей главных союзников, что позволило бы фактическому контролю США получить международное признание.

² США предлагали Сталину послать воинский контингент для участия в оккупации Японии, но на неприемлемом для СССР условии подчинения своих войск союзному командованию в лице генерала Макартура.

¹ Вестник архива Президента Российской Федерации. 1995, №4, с. 134.

Иными словами, хотя правительство США намеревалось советоваться с союзниками по вопросам контроля, однако право на принятие решений хотело сохранить в своих руках. Советское правительство 5 сентября в письме на имя посла США в СССР У. А. Гарримана выразило согласие с предложением об учреждении ДКК. Однако на Лондонском совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции в сентябре 1945 г. Советский Союз скорректировал свою позицию и стал настаивать на том, что образованию ДКК должно предшествовать создание контрольного совета по Японии.

Что же заставило СССР изменить свою позицию? Теперь благодаря разысканиям российского историка В. П. Сафронова, стало известно, что отдел США НКВД СССР, проанализировав английский вариант с союзным контрольным советом и вариант США с ДКК, счел целесообразным согласиться с американским вариантом. Это предложение, по всей видимости, было принято руководством СССР, поскольку комиссия в дальнейшем должна была разработать положение о союзном контрольном механизме для Японии, и в процессе переговоров о ДКК СССР мог бы добиться действительного участия в контроле. Наряду с этим английская идея контрольного совета тоже получила одобрение, правда, предполагалось расширить и усилить его полномочия³.

Вопрос о создании контрольного механизма для Японии был поднят на переговорах между союзниками на совещании министров иностранных дел в Лондоне в связи с послевоенным устройством в Европе. 20 сентября госсекретарь США Бирнс в беседе с Молотовым высказал мысль о заключении договора между СССР и США с целью держать Германию разоруженной в течение 20–25 лет, чтобы устранить угрозу ее повторного вооружения. Сталин попытался привязать к этим переговорам японский вопрос.

В письме к Молотову Сталин выдвигает следующую идею: «Используя страх Америки перед ростом влияния СССР в Европе, нам следует добиваться того, чтобы антигерманский пакт СССР и США был обусловлен антияпонским пактом между СССР и США. Отсюда наше предложение: заключить, прежде всего, антияпонский пакт с США с тем, чтобы вслед за этим или одновременно заключить антигерманский пакт, при этом дать понять партнеру, что без заключения антияпонского (пакта. — Э.П.) мы не считаем возможным пойти на антигерманский пакт с США»⁴.

Нетрудно заметить, что Сталин попытался связать проблему контроля над Германией, где СССР имел преимущество, с вопросом оккупационного контроля над Японией, где преобладающее влияние имели

США. Он настаивал на том, что необходимо добиться от американцев признания требований СССР по Японии прежде, чем признать требования США по Германии. Очевидно, что если бы подобный договор был заключен, то позиции СССР в системе оккупационного контроля над Японией значительно усилились.

Усилия СССР по формированию контрольного механизма для Японии, строились на желании иметь возможность ограничить единовластие США в лице Макартура, а также гарантировать контроль над ситуацией в Японии, которая вызывала беспокойство и недоверие советской стороны. Как явствует из переписки Сталина и Молотова, первый был обеспокоен единовластием Макартура, которое усиливало заявление Вашингтона о господстве политики США в оккупации Японии, которое содержалось в документе «Первоначальная политика Соединенных Штатов в отношении Японии после капитуляции».

Сталин писал Молотову, что «американское предложение об организации Консультативного комитета имеет своей целью отложить на неопределенное время вопрос о Контрольном совете и дать тем самым Макартуру единолично решать все вопросы относительно Японии, как военные, так и гражданские... Мы считаем, что нужно покончить с неограниченными правами Макартура и с институтом единоличного Верховного главнокомандующего четырех держав, который, как известно, делает, что ему вздумается и даже не сообщает нам о своих распоряжениях»⁵.

Что касается начала деятельности Макартура в Японии, то, как известно, одним из его первых решений было сохранить японское правительство, в рамках которого министерство иностранных дел было преобразовано в центральное бюро связи, и директивы Макартура направлялись в это бюро, а затем поступали в другие японские министерства.

Сохранение действующего японского правительства не могло не вызывать опасение у советской стороны. Например, в донесении советского военного представителя при штабе Верховного командующего союзными войсками в генштаб РККА о внутривойсковой обстановке в Японии, кабинет принца Хигасикуни характеризовался как состоящий «в большинстве из лиц, причастных к войне»⁶.

Недовольство советской стороны выразилось и в инспирировании статьи в прессе. Так, газета «Правда» в статье «Международное обозрение»⁷ вопросу о положении в Японии посвятила 80 строк. Охарактеризовав ситуацию в Японии как «водевиль с переодеванием», автор

⁵ Там же, с. 75.

⁶ Русский архив: Великая Отечественная война. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы: Документы и материалы. М., 2000, с. 268.

⁷ Правда. 09. 09. 1945.

³ Сафронов В. П. СССР–США–Япония в годы «холодной войны». 1945–1960 гг. М., 2003, с. 101–102.

⁴ Вестник архива Президента Российской Федерации. 1999, №2, с. 75.

статьи подчеркивал, что «на деле никакой демократизации внутренней жизни Японии не проводится» и обращал внимание на необходимость разрушения основ «японского империалистического государства», где вся внутренняя жизнь должна быть «коренным образом реформирована».

Однако попытки Молотова добиться на Лондонской сессии подвижек в решении японского вопроса на двусторонних переговорах с союзниками, а также в ходе сделанного им 24 сентября на 18-м заседании официального заявления о создании контрольного совета по Японии с местом пребывания в Токио, успеха не имели.

Узнав об этом, Сталин с возмущением писал Молотову: «Я считаю верхом наглости англичан и американцев, считающих себя нашими союзниками, то, что они не захотели заслушать нас как следует по вопросу о Контрольном Совете в Японии. Один из союзников – Советский Союз – заявляет, что он недоволен своим положением в Японии, а люди, называющие себя нашими союзниками, отказываются обсудить наше заявление. Это говорит о том, что у них отсутствует элементарное чувство уважения к своему союзнику. Не следует ли намекнуть Бирнсу и Бевину, что при таком положении мы будем вынуждены отозвать своих людей из Японии, так как не можем нести никакой ответственности за политику США и Англии по отношению к Японии»⁸. Это свидетельствует о том, что Сталин рассматривал советско-американско-английские отношения как союзнические и, хотя выражал недовольство по отдельным вопросам, полагал, что путем переговоров можно решить проблемы в устраивающей СССР форме.

Повторно вопрос о контрольном механизме для Японии возник в октябре 1945 г. В это время Сталин, находившийся в отпуске, 24–25 октября встречался с послом США в СССР Гарриманом и в беседе с ним поднимал вопрос о контрольном механизме для Японии.

В ходе беседы с Гарриманом он дал понять, что в оккупационном контроле над Японией генералу Макартуру должно принадлежать решающее слово, но то же время заявил, что советская сторона очень недовольна существующим положением в японском вопросе⁹. Сталин скорее всего понимал, что обеспечить СССР весомую роль в Японии весьма трудно, но не мог упустить возможность непосредственного влияния на деятельность американских оккупационных властей.

В дальнейшем переговоры о контрольном механизме для Японии шли по дипломатическим каналам. В частности, состоялся ряд бесед Молотова и Гарримана, а также обмен нотами между СССР и США. Основными вопросами на переговорах были процедура голосования и порядок принятия решений по принципиальным вопросам. Это – изменение режима контроля над Японией, а также состава японского пра-

вительства, право правительства США издавать временные директивы по всем вопросам до вынесения решения Дальневосточной комиссией или в случае разногласий.

В результате острых дискуссий между США и СССР по вопросу о контрольном механизме на совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии в декабре 1945 г. было принято компромиссное соглашение о создании Дальневосточной комиссии (ДВК) с местопребыванием в Вашингтоне, а также Союзного Совета для Японии (ССЯ) – в Токио.

В ДВК решения принимались большинством голосов, включая голоса представителей СССР, США, Англии и Китая, но она не могла давать прямые директивы штабу оккупационных войск. В срочных случаях правительство США могло давать временные директивы Макартуру до получения решения комиссии. Когда противоречия между СССР и США стали нарастать, проблемы процедуры реализации решений ДВК были осознаны советской стороной в полной мере.

Например, в отчетном докладе 27 мая 1946 г. на имя Молотова о деятельности советской делегации в ДВК с 26 февраля по 26 мая 1946 г. заместитель представителя СССР в ДВК Н. В. Новиков отмечал, что «одним из моментов, тормозящих работу комиссии, является чрезвычайно затяжной характер процедуры реализации решений Дальневосточной комиссии. После принятия комиссией политических решений правительство США затягивает практическое исполнение принятых решений»¹⁰. Главной целью ССЯ были консультации с главнокомандующим и передача ему советов по вопросам, касающимся осуществления условий капитуляции.

После назначения своих представителей в ДВК (А. А. Громыко и его заместитель Н. В. Новиков) и в ССЯ (генерал-лейтенант К. Н. Деревянко¹¹, его политический советник Я. А. Малик и экономический советник Л. А. Разин¹²) СССР получил возможность непосредственного участия в политике союзного оккупационного контроля над Японией.

¹⁰ АВП РФ, ф.0146, оп. 30, п.279, д. 5, л.5.

¹¹ К. Н. Деревянко (1904–1954) родился на Украине в селе Косиновка. В 1936 г. окончил Военную академию им. Н. В. Фрунзе. В период Великой Отечественной войны – начальник штаба 4-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта. 12 августа 1945 г. назначен представителем Главного командования советских войск на Дальнем Востоке при штабе генерала Д. Макартура и 2 сентября от имени Советского Верховного Главнокомандования подписал акт о безоговорочной капитуляции японских войск. По поводу того, почему выбор пал на Деревянко, существует предположение, что наряду с профессиональными качествами (богатый опыт штабной работы, знание японского языка) он имел и небольшой опыт дипломатической работы в качестве представителя СССР в Союзном Совете по Австрии (см.: Пономарев С. «Капитуляцию Японии принял!». – Советская Россия. 30.08.2005, №115–116).

¹² Решением Политбюро от 26 июля 1947 г. Разин был утвержден торговым представителем СССР в Японии. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д.1066, № 83.

⁸ Вестник архива Президента Российской Федерации. 1999, №2. с. 76.

⁹ Советско-американские отношения. 1945–1948. М., 2004, с.70.

24 января 1946 г. Молотов утвердил директиву для советских представителей в ССЯ, которая содержала 10 основных задач и 15 пунктов мероприятий, необходимых для их осуществления. Кроме того, перед политическим и экономическим советниками ставились шесть задач. Среди них главными были демилитаризация и демократизация Японии. Уже в преамбуле директивы отмечалось, что «из условий Потсдамской декларации, Протокола капитуляции и Общего приказа №1 вытекает, что Япония должна быть полностью разоружена и ее военнопотенциал уничтожен»¹³. Эта установка красной нитью проходит в указанном выше документе.

Повышенный интерес Сталина к демилитаризации Японии был отмечен уже в августе 1945. Без сомнения, причина такого интереса уходила корнями в историю русско- и советско-японских отношений. Об обеспокоенности Сталина мерами, принимаемыми в отношении японской армии после капитуляции, свидетельствовало его директивное указание Деревянко 15 августа 1945 г. В этом указании говорилось: «В случае начала переговоров о подписании условий капитуляции Японии между генералом Макартуром и японским правительством или военным командованием Вы обязаны принимать участие во всех без исключения переговорах союзников с японскими представителями и доносить Маршалу Василевскому, в копии – начальнику Генерального штаба Красной Армии о своих впечатлениях и ходе переговоров. Без особого разрешения Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке Маршала Василевского не подписывать никаких документов о капитуляции японских войск и не давать от себя никаких обязательств... В период ведения переговоров об условиях капитуляции Вы должны, по возможности, следить за перегруппировкой японских войск. В случае установления фактов перегруппировки Вы обязаны немедленно доносить Маршалу Василевскому и в копии – начальнику Генерального штаба Красной Армии»¹⁴.

Американская позиция, особенно точка зрения Макарута, наряду с наказанием Японии за агрессию включала идею реформировать страну, привить ей демократические ценности американского общества и требовала проявить к бывшему противнику больше великодушия. Такие шаги Макарута, как предоставление права японским властям самим провести демобилизацию своих вооруженных сил и осуществлять верховную власть союзников через японское правительство, вызывали недовольство у Сталина.

Например, проводимый процесс демобилизации японской армии, рассматривался советской стороной как опасность сохранения ее командного состава для будущей агрессии. Одним из главных обвинений

американских оккупационных властей с советской стороны до конца оккупации был тезис о сохранении в Японии под видом разных организаций, например, бюро помощи демобилизованным военнопленным и полиции, офицерского корпуса армии и флота¹⁵.

Для советской стороны одним из главных пунктов демилитаризации являлось пленение и роспуск японского офицерского корпуса и генералитета, который Сталин считал основой японской военной машины. Так, в беседе со специальным представителем главы китайского государства Чан Кайши, его сыном Цзян Цзингю 30 декабря 1945 г. Сталин говорил, что для того, чтобы помешать возрождению Японии в будущем, «надо взять в плен 500–600 тыс. офицеров и тысяч 12 членов японского генералитета»¹⁶.

В упомянутой выше директиве советским представителям в ССЯ также предписывалось осуществлять контроль над командным составом бывшей японской армии. Внимание Деревянко обращалось на опасность для мира на Дальнем Востоке и в СССР оставления фактически на свободе японского командного состава. Поэтому предписывалось «предпринять все меры к тому, чтобы ликвидировать все пути и лазейки, направленные к сохранению и восстановлению японского офицерского корпуса как основы японского милитаризма и агрессии»¹⁷.

Представителям СССР в ДВК 5 февраля 1946 г. были даны следующие директивы: «Активно участвовать в определении Дальневосточной Комиссией политической линии, обеспечивающей полное разоружение и демилитаризацию Японии, предотвращение возможности возрождения японского империализма и агрессии, равно как предотвращение возможности создания в Японии таких условий, которые могут вновь создать угрозу безопасности для Советского Союза на Дальнем Востоке»¹⁸. Таким образом, эти директивы имели ту же направленность, что и директива для Деревянко.

Однако в директиве для ДВК, учитывая ее функцию формулирования политической линии по выполнению условий капитуляции Японии, содержался более отчетливый политический курс по сравнению с директивой для Деревянко.

Это можно заметить по ряду поставленных задач: «При определении мероприятий по демократизации Японии, ее государственного строя и внутривластной системы: а) обеспечить ликвидацию всех бывших военных и полувосстановленных организаций, националистических организаций, старых реакционных партий и группировок, поддерживавших

¹⁵ См., например: Дальний Восток. 1951, № 6, с.107–108.

¹⁶ Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участия событий. 1937–1952. М., 1999, с. 28.

¹⁷ Советско-американские отношения. 1945–1948. М., с. 157.

¹⁸ Там же, с.163.

¹³ Советско-американские отношения. 1945–1948, с.157.

¹⁴ Русский архив, с.261.

агрессивные действия японского правительства; б) содействовать созданию условий для демократического развития Японии, одновременно противодействуя возрождению реакционных партий и группировок; в) добиваться упразднения монархии и замены ее демократической республикой; г) обеспечить создание правительства, состоящего из представителей всех демократических партий и организаций Японии, и удаление из состава правительства, а также со всех ответственных постов в государственном аппарате лиц, в той или иной форме поддерживавших агрессивную политику Японии»¹⁹.

Для выполнения этих задач советский представитель должен был «проявлять инициативу в пересмотре с точки зрения государственных интересов СССР имеющихся директив, приказов и распоряжений с целью их изменения, дополнения или отмены, представляя для этого Дальневосточной Комиссии соответствующие заключения и проекты предложений». Он также был обязан «добиваться принятия Дальневосточной Комиссией таких политических решений, которые бы обеспечивали искоренение в Японии идей, власти и влияния военных клик в политической, общественной и экономической жизни страны и в то же время содействовали проведению демократических преобразований, в первую очередь проведению аграрной реформы с передачей феодально-помещичьей земли крестьянам»²⁰.

В созданных межсоюзных контрольных органах между США и СССР развертывалось соперничество, где обе стороны стремились отстаивать свои интересы. Уже с самого начала работы ССЯ в апреле 1946 г. Деревянко стал критически оценивать происходящее в Японии и действия штаба Макартура. Так, на первом же заседании Союзного Совета 5 апреля Деревянко поднял вопрос о выборах в парламент, которые должны были состояться 10 апреля. Деревянко указал, что общая обстановка в Японии и нарастающая в ходе избирательной кампании активизация реакционных сил дают основание полагать, что вопреки принципам Потсдамской декларации, а также интересам и подлинным желаниям японского народа реакционные партии могут получить подавляющее большинство в новом парламенте.

В связи с этим Деревянко рекомендовал Макартуру издать специальное предупреждение о том, что если большинство состава депутатов «будет признано неподходящим, то позднее будут проведены новые выборы»²¹. Обращает на себя внимание попытка Деревянко заставить США признать, что результаты выборов и подлинное желание народа могут отличаться.

¹⁹ Советско-американские отношения. 1945–1948. М., с. 163.

²⁰ Там же.

²¹ Сборник заявлений и рекомендаций члена Союзного Совета для Японии от СССР. Апрель 1946 г. – январь 1949 г. М., 1949, с.5–6.

Такие заявления усиливали недоверие со стороны США. Так, 15 мая 1946 г. представитель СССР задал вопрос о мерах, принятых в отношении первомайской петиции, в которой был выражен протест против нарушения демократических свобод, подавления рабочего контроля на промышленных предприятиях. В ответ председатель Союзного Совета Д. Атчесон заявил, что петиция представляет собой «коммунистическую пропаганду».

США, проводя оккупационную политику, пытались ограничить влияние Союзного совета в Токио и, в частности, деятельность советских представителей в нем. Подобная ситуация беспокоила советскую сторону.

Подводя итоги восьмимесячной работы ССЯ с 5 апреля по 23 декабря 1946 г., Деревянко и исполняющий обязанности политического советника П. В. Ануров, в составленной ими справке, выражали возмущение тем, что к советскому представительству в Японии «американцы относятся не как к Представительству Союзной Державы, а как к представительству враждебной державы» и чинят, по мнению советской стороны, всевозможные препятствия его работе²². В этой связи предлагалось принять следующие меры.

1. «Здесь, в Токио, Члену Союзного Совета от СССР продолжать систематическими выступлениями в Союзном Совете с вопросами по существу оккупационной политики использовать Союзный Совет как трибуну для разоблачения реакционного характера действий Макартура».

2. «Наряду с использованием трибуны Совета, практиковать созыв пресс-конференций, на которых делать заявления о позиции Советского Союза по важнейшим вопросам оккупационной политики».

Отметив, что, кроме этих мер, невозможно предпринять другие практические шаги, предлагалось активизировать деятельность советских представителей в ДВК и предпринять меры дипломатического характера, поставив вопрос о выполнении Макартуром решений о ССЯ, а также обеспечить «членам Союзного Совета нормальные условия для выполнения их функций». Под нормальными условиями понималась возможность получения информации для изучения вопросов положения в Японии и оккупационной политики, беспрепятственного передвижения по стране и возможности делового посещения промышленных предприятий, учреждений и других японских организаций²³.

Критика советскими представителями политики оккупационной администрации и японских властей, а также выступления с целью разъяснения советской позиции, оценивались американской стороной, как попытки нанести ущерб престижу США в Японии и, естественно, вызывали противодействие.

²² АВП РФ, ф. 0146, оп. 30, п. 279, д. 5, л. 88–89.

²³ АВП РФ, ф. 0146, о. 30, п. 279, д. 5, л. 92–93.

Критика советскими представителями работы штаба оккупационных войск была одной из немногих имеющихся в их распоряжении возможностей для того, чтобы заявить о советских инициативах в разработке реформ и преобразований в Японии. Работавший в период оккупации в центральном бюро связи и присутствовавший на заседаниях ССЯ в качестве наблюдателя Асакай Коитиро отмечал, что с 1-го по 29-е заседание Советским Союзом были предложены около 30 пунктов повестки дня из 40. По каждому пункту повестки дня представитель СССР делал конструктивные высказывания²⁴. Кроме того, работа советских представителей оказала косвенное влияние на усиление чисток должностных лиц прежнего режима, земельную реформу и рабочее законодательство Японии.

К концу 1946 г. СССР стал оценивать политику США в Японии как превращение этого региона в плацдарм, направленный против СССР. В записках советской части ССЯ можно найти целый набор аргументов в пользу этого тезиса.

Например, делая обзор за год оккупации, помощник политического советника И. Н. Цехоня 7 сентября 1946 г. указывал на компромисс, достигнутый между Макартуром и правящими кругами Японии по сохранению императорской системы, в результате чего капитуляция приняла безоговорочный характер. Он писал, что «оккупационная политика Макарута в Японии явно направлена против Советского Союза – на создание плацдарма против Советского Союза и на закрепление безраздельного господства в северо-западной и северной частях Тихого океана».

Аргументами в пользу этого заключения, по его мнению, были «выпады американских представителей против Советского Союза и коммунизма вообще на заседаниях Союзного Совета, ряд циркуляров штаба, направленных против Советского представительства в Японии», а также «явное стремление американцев свести на нет работу Союзного Совета и их зажим рабочего движения в самой Японии»²⁵.

К 1947 г. между СССР и США усилилось взаимное недоверие в японском вопросе. В марте 1947 г. Макартур заявил о необходимости заключить мирный договор с Японией, так как главные задачи оккупационной политики выполнены. Более того, США подготовили вариант проекта мирного договора, с которым были ознакомлены СССР, Англия и Китай. 11 июля 1947 г. посол США в СССР У. Б. Смит в беседе с Молотовым заявил, что правительство США в предварительном порядке предлагает 19 августа созвать конференцию по составлению

²⁴ Гаймусё-хэн. Сёкитайничи сэнрёсэйсаку Асакай Коитиро хококусё (Состав МИДа.. Оккупационная политика в начальный период. Доклады Асакай Коитиро), Токио, 1979, т.2, с.36, 59.

²⁵ АВП РФ, ф. 0146, о.30, п. 283, д. 37, л. 32.

мирного договора с Японией с участием 11 государств – членов Дальневосточной комиссии.

Это было предложением заключить всесторонний мирный договор с Японией. Однако советская сторона ответила отказом, настаивая на том, что подготовка мирного договора должна быть возложена на Совет министров иностранных дел СССР, США, Англии и Китая, где процедурой голосования был принцип единогласия.

Между тем в ДВК работа в целом проходила в рамках сотрудничества между СССР и США, направленного на превращение Японии в демократическое государство. Примером может служить выработанный ДВК (19 июня 1947 г.) программный документ о целях и задачах оккупационной политики в Японии – «Об основной политике в отношении Японии после капитуляции».

Постепенно события «холодной войны» в Европе (выдвижение в марте 1947 г. доктрины Трумэна и плана Маршалла в июне, а также создание в октябре Коминформа) стали оказывать влияние и на ситуацию на Дальнем Востоке. Кроме того, затянувшаяся оккупация, которая ложилась бременем на США, а также изменение ситуации в Китае, заставили Соединенные Штаты придти к необходимости пересмотра своей политики в отношении Японии, нацелив ее на экономическую и политическую стабилизацию страны.

Содержание политики США в этот период в историографической литературе обозначается как политика «обратного курса» по отношению к реформам первого этапа. Естественно, что это не означало полного отказа и пересмотра уже проведенных реформ. Речь шла о том, чтобы приспособить Японию к новым американским военно-стратегическим интересам на Дальнем Востоке.

На этом фоне с 1948 г. единоличный контроль США над Японией принял более открытую форму. Они стали игнорировать заседания Союзного Совета, продуктивность работы которого снизилась, особенно с середины 1948 г., когда его заседания стали закрываться даже без обсуждения повестки дня.

Изменилось и отношение СССР к американской политике в Японии. Об этом свидетельствует составленный 17 февраля 1948 г. проект «Дополнительных указаний члену Союзного Совета для Японии от СССР», который был 26 февраля направлен исполняющим обязанности заведующего 2-м Дальневосточным отделом МИДа СССР Е. Г. Забродным заместителю министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому. В этом проекте говорилось, что «учитывая нынешнюю американскую политику в Японии, которая находится в полном противоречии с Потсдамской декларацией и решением Московского совещания министров иностранных дел 1945 г., а также факт игнорирования Союзного Совета со стороны Командующего оккупационными войсками, который не только отказывается консультироваться с Советом по

вопросам оккупации и контроля над Японией, но и препятствует обсуждать эти вопросы на заседаниях Совета, члену Союзного Совета от СССР необходимо разоблачать политику США, указывая на противоречие этой политики задачам, определенным согласованными решениями Союзных держав в отношении Японии»²⁶.

Таким образом, давалась политическая установка на осуждение оккупационной политики США в Японии, что и привело в последующие годы к ужесточению политики СССР в отношении Японии.

* * *

В ходе урегулирования проблемы послевоенного мироустройства в дальневосточном регионе в центре борьбы интересов США и СССР оказалась Япония.

В рассматриваемый период СССР и США имели общую цель обезопасить себя от возможной угрозы в будущем и строили свою политику искоренения японской агрессии на основании полного разоружения и демилитаризации, а также осуществления демократизации жизни Японии в соответствии с собственными представлениями.

США, получив контроль над руководством оккупационной политикой союзников в Японии, ради достижения указанной выше цели провели радикальные реформы. Однако, если в Китае и в Корее находились советские войска, что обеспечивало непосредственную вовлеченность СССР в решение проблем политического будущего этих стран, то в Японии, оккупированной американскими войсками, позиции Советского Союза были весьма формальными, и он был вынужден добиваться своих целей «руками» США, что и было главным источником конфликта и отражало сложности выработки единой политики в отношении Японии.

Наращение «холодной войны» в Азии поставило Японию в центр идеологической конфронтации между СССР и США, что делало практически невозможным достижение согласия между ними в японском вопросе. Стремительное сближение США и Японии, проблема репатриации японских военнопленных из СССР, влиявшая на его имидж, поставили задачу дальнейшего формирования советской политики в отношении Японии в последние годы жизни Сталина.

Японские замки – история и современность

Г. Б. Брылевский

В последнее время, как в Японии, так и за ее пределами заметно усилился интерес к одному из аспектов ее историко-культурного наследия – самурайским замкам. Действительно, эти элегантные сооружения со своими мощными каменными фундаментами, белыми стенами и организованными в сложный, но при этом очень красивый архитектурный ансамбль крышами сразу привлекают внимание на фоне стандартного единообразия японских городов. Однако до недавнего времени тема японских замков разрабатывалась не очень активно. Сами японцы в последнее время стали осознавать потенциал наследия своей феодальной архитектуры как туристической достопримечательности и возможности «подать» традиционную Японию под новым углом зрения. Данная статья написана для того, чтобы кратко ознакомить заинтересованного читателя с нынешним положением дел в области сохранения наследия военной архитектуры, относящегося к самурайской эпохе.

Прежде всего, необходимо с сожалением констатировать, что до нашего времени дошло совсем немного оригинальных самурайских замков. От многих величественных сооружений сейчас остались в лучшем случае каменные фундаменты или заросшие травой валы.

Такая ситуация имеет несколько причин. До эпохи «враждующих княжеств» (*сэнгоку дзидай* – период ожесточенных междоусобных войн конца XV – конца XVI в.) японцы вообще не строили капитальных укреплений. Несмотря на активные междоусобные конфликты, в то время в Японии не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало мощные каменные твердыни, характерные для средневековой Европы. Гористый рельеф местности, обширные леса, постоянная опасность землетрясений и своеобразный характер боевых действий привели к тому, что в то время преобладающим типом долговременных фортификационных сооружений в Японии стали так называемые «горные замки» (*ямадзиро*). Название точно передает суть этих строений – они располагались в горной местности и почти всегда были частью горы, вершина которой очищалась от деревьев и аккуратно срезалась, а на образовавшейся ровной площадке возводилось из бревен и досок собственно укрепление. Во избежание большой нагрузки на грунт, что могло вызвать оползень с последующим обрушением всей конструкции, укрепления делались максимально легкими, и выглядели они как

²⁶ Советско–американские отношения. 1945–1948. М., 2004, с. 526.

эстакады с башенками, достигавшими в высоту всего несколько метров. С точки зрения традиции европейской фортификации эти укрепления и замками весьма сложно назвать, поскольку они больше напоминали небольшие деревянные форты – блокгаузы, сооружавшиеся американцами на Диком Западе для защиты от индейцев. Несмотря на свою неказистость, подобные замки нередко были ареной ожесточенных сражений. Именно оборона таких горных замков, как Акасака и Тихая, в середине XIV в. прославила полководческое искусство Кусуноки Масасигэ – одного из главных героев самурайского эпоса.

Практически идентичные по своей конструкции замки сооружались и на равнине, получив название «равнинных замков» (*хирадзиро*). При их строительстве особое внимание уделялось грамотному использованию местности, такие замки старались прикрывать речками, залитыми водой рисовыми полями и т. д. Существовали еще некоторые разновидности замков, но все они принадлежали к тому же типу что и *ямадзиро* и *хирадзиро*, отличаясь небольшими деталями. Долговечность всех этих замков была небольшой, прежде всего из-за их строительного материала. Главным осадным оружием самураев в то время был огонь, поэтому не удивительно, что до нашего времени ни один *ямадзиро* или *хирадзиро* не сохранился. Именно с такими вот незамысловатыми фортификационными сооружениями самурайские армии и вступили в «эпоху враждующих княжеств».

Расширение масштабов боевых действий в XVI в., увеличение армий и необходимость контролировать значительные территории привели к появлению более мощных и долговременных укреплений. Поначалу принципиальная концепция была та же, новые замки отличались только размерами, становясь все более крупными и сложными. От небольших одиночных «фортов» японцы перешли к более развитым конструкциям, которые могли располагаться на нескольких прилегающих друг к другу холмах, образуя единый оборонительный комплекс, часто очень разветвленный. Такие замки предпочитали сооружать вблизи водоемов, которые аккуратно вписывались в общий рисунок укрепления, создавая дополнительный рубеж обороны в виде заполненных водой рвов. Для повышения долговечности замков их стены стали покрываться несколькими слоями глины. Высохшая глина хорошо защищала деревянные стены как от непогоды, так и от огня. Эта технология получила широкое распространение, и с тех пор белая глиняная отделка стен стала отличительной чертой японских замков.

В 70-х годах XVI в., в самый разгар междоусобных войн, сочетание необходимости в еще более мощных укреплениях и появление крупных независимых феодальных правителей (*даймё*), которые могли себе такие сооружения позволить, привело к появлению типа замка, ставшего характерным для Японии, и знакомым по дошедшим до наших дней образцам. Его отличительной чертой стало широкое использование

камня. Но в отличие от Европы японцы так и не стали строить полностью каменные укрепления. Камень использовался только для сооружения мощного четырехугольного фундамента, на котором возводились все те же покрытые глиной деревянные стены. Характерной чертой новых замков также стали высокие башни из нескольких этажей. Хотя они строились из дерева, сама их конструкция была намного мощнее и прочнее, чем у небольших башенок *ямасиро*, благо теперь не приходилось так беспокоиться о крепости фундамента. Причина отказа японцев от возведения каменных стен и башен была та же, что лежала и в самой философии всей японской архитектуры, веками ориентированной на строительство легких деревянных сооружений, – это угроза землетрясения. В этом плане каменные фундаменты оказались прекрасным решением, став своего рода «амортизирующей подушкой», которая в значительной мере гасила силу подземных толчков.

Вокруг главной башни замка (*тэнсю*) возводилось несколько опоясывавших ее колец вспомогательных башен и укреплений, что вместе с возведенными вокруг стен жилищами самураев (*ясики*) превращало новые замки из просто крепости в укрепленный район. При этом если в Европе при строительстве внутренней части крепостей явное предпочтение отдавалось симметрии и прямым углам, то в Японии путь от ворот к главной башне проходил извилистым полукругом, максимально затрудняя и запутывая атакующим дорогу. Такие замки, в которых, как правило, была резиденция *даймё*, продолжая оставаться, прежде всего, военными крепостями, одновременно стали также играть роль административного центра и символа могущества их владельца. Попутно они стали еще и «градообразующим элементом», поскольку для обслуживания двора *даймё* и компактно проживавших многочисленных самураев гарнизона замка требовалась масса людей более мирных профессий, селившихся неподалеку.

Самым первым и одним из самых известных образцов замков нового типа стал Адзути, построенный Ода Нобунага, первым из трех объединителей страны, в 1576 г. Сейчас от Адзути остался только фундамент, поскольку вскоре после гибели Нобунага в 1582 г. его творение было сожжено. Но, судя по дошедшим до наших дней описаниям, прежде всего европейских миссионеров и торговцев, знакомых с европейской традицией строительства крепостей и могущих сравнивать, замок Адзути был настоящим шедевром архитектуры, сочетавшим в себе мощь первоклассной крепости и красоту отделки дворца. Стремись подчеркнуть свой статус, Нобунага не пожалел денег на свою новую резиденцию. У *тэнсю* замка было целых семь этажей, и она была украшена яркими изображениями драконов. Подобного рода декоративные элементы были нехарактерны для японских замков того времени, отделка которых всегда отличалась характерной для вкусов самураев суровой простотой.

Но подобных огромных замков с каменными фундаментами, которые начали строить и другие *даймё*, было немного. Как правило, такие замки были «столицами» княжеств и их владельцев, военными и административными центрами. Это получило отражение и в их общем названии – *хондзё*, дословно «главный замок». Остальную территорию княжества прикрывала сеть небольших вспомогательных замков, называвшихся *сидзё*. Например, Уэсуги Кэнсин, один из наиболее известных *даймё* середины XVI в., имел в своей провинции Этиго около сотни таких замков. Внешне они мало отличались от прежних *ямадзиро*, являясь все такими же небольшими деревянными «фортами». Другие *даймё* не уступали в стремлении защитить свои владения, и значительная часть территории Японии в то время была застроена замками, которые, конечно, в своей массе были небольшими укреплениями, часто даже не имевшими постоянных гарнизонов. Всего же в середине XVI в. в Японии насчитывалось около трех тысяч замков. Чуть ли не единственным исключением из этого фортификационного рвения был прославленный в то время клан Такэда – его предводители, располагавшие мощной армией, считали своих самураев, а не замки, лучшей защитой границ территории клана. Цуцудзигасаки, столица *даймё* Такэда, представляла собой просто большую самурайскую резиденцию, прикрытую ровом и изгородью. Всего же за годы междоусобных войн было построено, согласно некоторым оценкам, около пяти тысяч укреплений, подходящих под японское определение замка. Можно констатировать, что японцы в то время называли замками почти любое укрепление, без особого различия в размерах.

Но постепенно число замков начало сокращаться. Первой причиной «убыли» замков были войны. С одной стороны, в Японии не получила большого развития техника осадных работ. Характерные для осады крепостей в Европе катапульты и тараны не получили распространение, японцы также заметно меньше увлекались подземными работами для подкопа и подрыва стен. Практически не использовалась при осадах артиллерия (по причине отсутствия таковой); первым значимым опытом японцев по части артиллерийской бомбардировки крепостей можно назвать только осаду замка Осака в 1614–1615 гг. – последней кампании эпохи великих самурайских войн. В этом плане японские замки терпели значительно меньший физический ущерб от осаждавших воинов. С другой стороны, на протяжении всей истории главным уязвимым обстоятельством для японских замков было то, что они были деревянными. Роскошный замок Адзути второго объединителя страны Тоётоми Хидэёси сгорел. Такая же участь постигла и взятый штурмом следующий за ним по размерам и величелию замок Осака, построенный по образцу Адзути. Ранее были сожжены многие другие замки, захваченные в ходе многочисленных кампаний «эпохи враждующих княжеств». В отличие от Европы, где каменные крепости могли несколько раз

браться штурмом без особых последствий для них, в Японии одного удачного штурма, как правило, хватало для того, чтобы от замка мало что оставалось.

Вторая, более важная причина была политической. Начало тенденции положил Тоётоми Хидэёси. Взяв в свои руки в 1582 г. фактический контроль над страной, он разрешил иметь замки только тем *даймё*, которые полностью признали его власть. Остальным, как потенциальным смутьянам, замков иметь не полагалось. Все это делалось для того, чтобы лишить их укрепленной базы для возможного мятежа. Развил эту идею третий объединитель страны, Токугава Иэясу. После окончательной победы над домом Тоётоми в 1615 г., ознаменовавшим конец последнего организованного сопротивления его власти, он распорядился, чтобы в каждой провинции был только один большой замок, который должен был стать административным центром клана, правившего этой провинцией (эдикт *иккокудзёрёй* – «одна провинция – один замок»). Во исполнение этого эдикта около 400 замков было разрушено. Если в конце XVI в. в Японии было около 600 замков, то на протяжении эпохи Эдо их насчитывалось порядка 170. Любое строительство или ремонт замка требовали разрешения *сёгуната*, внимательно отслеживавшего деятельность *даймё* на подвластных им территориях и тщательно проверявшего все связанные с замками запросы на предмет возможного подвоха.

Тем не менее, окончание эпохи войн и наступивший мир ознаменовали новый этап в строительстве замков, став недолгим «золотым веком» военной архитектуры Японии. Причина была в том, что потеря в количестве обернулась большим выигрышем в качестве: кланы сосредоточили свои усилия и ресурсы на строительстве крупных, мощных замков, воплотивших в себе все достижения инженерного искусства. В этом плане особенно характерен пример замка Кумамото, центра провинции Хиго, построенного Като Киёмаса, одним из ведущих полководцев конца XVI в. Суровый вояка, прославившийся во многих битвах и под конец карьеры ставший правителем Хиго, Като решил построить воистину неприступную крепость, при планировании которой он постарался предусмотреть каждую мелочь. Высота каменного фундамента Кумамото была сопоставима с высотой стен европейских крепостей, что делало замок почти неуязвимым для открытого штурма. Като тщательно продумал и вариант долгой осады: в замке было 120 колодцев, а вдоль валов посажены ореховые деревья – как для защиты внутренней части замка от любопытных глаз, так и для предоставления гарнизону дополнительного пропитания в случае необходимости. Предусмотрительность Като дошла до того, что татами в жилых помещениях замка были сделаны не из рисовой соломы, как обычно, а из высушенных съедобных растений, опять же на случай нехватки продовольствия при осаде.

По всей стране получила дальнейшее развитие и тенденция, начавшаяся уже во второй половине XVI в., когда возле крупных замков стали появляться жилища гражданского населения. Теперь, со значительным увеличением размеров замков, их обитатели просто не могли уже существовать без представителей многочисленных мирных профессий, обеспечивавших их жизнедеятельность. Появились призамковые города. В этом плане новые замки стали важной вехой не только в военной сфере, но и в социальном развитии страны, став основой для многих современных городов Японии. Самый яркий пример – Токио, превратившийся из деревушки в город из разросшихся поселений, созданных для обслуживания замка Эдо, резиденции Токугава Иэясу.

Почему же до нас дошло так мало таких замков, несомненно, ставших более долговечными? Дело в том, что продолжал наносить значительный ущерб вечный враг замков – огонь. Главная башня замка Эдо сгорела во время большого пожара в 1657 г., в 1669 г. огонь уничтожил замок Фукуи, в 1750 г., после удара молнии, сгорела главная башня знаменитого замка Нидзё в Киото. И этот список можно продолжить.

Но, как это ни печально, очень многих замков лишили себя сами японцы. С началом «реставрации Мэйдзи» страна стала развиваться в новом направлении. Власть вернулась в руки императора, начала проводиться модернизация всех аспектов жизни Японии. Замки, совсем недавно еще бывшие символами власти и окруженные почтением, быстро перестали вписываться в реалии новой жизни, даже стали ей чуждыми. В глазах многих они теперь символизировали дискредитировавший себя режим, стали рассматриваться как «пережитки феодального прошлого», от которых было бы хорошо избавиться. Соответственно и отношение к ним выработалось далеко не почтительное, оно не было похоже на отношение к памятникам архитектуры, а скорее напоминало отношение советской власти к храмам в 20 – 30-х годах XX в. Замки стали разрушать. В редких случаях от замкового комплекса оставляли башню, снося остальные укрепления вокруг, чтобы они не стали оплотом недовольным преобразованиям мятежникам, для освобождения территории под строительство, да и просто, чтобы не мешали торжеству прогресса. Например, замок Ёнаго был продан на торгах и разобран на дрова. От некоторых замков остались только вспомогательные сооружения, которые перепрофилировали в казармы и склады. От многих замков не осталось ничего, кроме каменных фундаментов, разрушить которые оказалось очень трудным делом.

Последний удар по замкам был нанесен в ходе второй мировой войны. Начиная с 1944 г. американские тяжелые бомбардировщики начали массированные налеты на японские города с целью уничтожить экономический потенциал страны и подорвать волю к сопротивлению ее населения. Тактика коврового бомбометания зажигательными бомбами в условиях плотной деревянной застройки, характерной для Японии

того времени, привела к полному уничтожению многих городов, особенно на юге и юго-востоке страны. Вместе с городами погибло и то, что оставалось от замков Эдо, Осака, Нагоя и ряда других. Разделил судьбу своего города и замок Хиросима; однако интересно отметить, что если все деревянные сооружения замка были полностью уничтожены взрывом атомной бомбы, то каменный фундамент получил незначительные повреждения, что красноречиво говорит о его прочности.

После окончания войны для Японии наступил период трудного возвращения к нормальной жизни. Долгое время японцам, занимавшимся восстановлением дотла разоренной страны, было не до красот и прочих излишеств. Но постепенно жизнь наладилась, вернулась тяга к красоте, проснулся интерес к истории. Муниципальные власти стали выделять средства на благоустройство, и на этой волне во многих городах начали восстанавливаться фрагменты замков. Именно фрагменты, поскольку все ныне существующие в Японии замки, уцелевшие на крутых поворотах истории или восстановленные, представляют собой лишь небольшую часть (как правило, это одна – две башни и прилегающие к ним рвы и стены) существовавших когда-то обширных комплексов.

Что же сейчас осталось в Японии от былого великолепия ее военно-архитектурного наследия? Согласно подсчетам японских историков, в настоящее время на территории страны точно установлены места более чем 2200 объектов, носящих название «замок» (*сиро*). Их можно разделить на три категории.

К первой категории относятся замки, у которых не менее одной из существующих башен сохранилось с эпохи Эдо до наших дней. Все такие замки находятся под особой опекой государства. К сожалению, эта категория, самая ценная и интересная, является и самой малочисленной – во всей Японии осталось только 12 таких оригинальных замков. Это Химэдзи (преф. Хёго), Мацумото (Нагано), Хиконэ (Сига), Инуяма (Айти), Хиросаки (Аомори), Маруока (Фукуи), Мацуэ (Симанэ), Биттю-Мацуяма (Окаяма), Иё-Мацуяма (Эхимэ), Увадзима (Эхимэ), Маругамэ (Кагава), Коти (Коти). Безусловно, самый замечательный из них – Химэдзи. Этот прекрасный замок недаром был внесен в список мирового наследия ЮНЕСКО. С исторической точки зрения он интересен тем, что по комплексу своих сохранившихся сооружений, самому большому из ныне существующих, по сравнению с другими замками он выглядит почти так же, как в период своего расцвета.

Очень интересны и другие замки этой категории. Мацумото, строительство которого было завершено в 1597 г., широко известен своими элегантными черными башнями. Этот прекрасный замок избежал неминуемого уничтожения в период Мэйдзи благодаря горожанам, которые собрали необходимую сумму и выкупили его. Инуяма был построен в 1537 г., и его башня тэнсю является одним из самых старых деревянных

строений в Японии. Как гласит легенда, в период Мэйдзи этот замок от уничтожения спасло то, что он располагался на возвышенности. Ретивым борцам с пережитками прошлого было лень подниматься к замку и ломать его. Мацумоо уникален еще и тем, что семейство Нарусэ, построившее его пять веков назад, до сих пор им и владеет. Это – единственный замок в Японии, находящийся в частном владении.

Вторую, намного более многочисленную категорию современных японских замков составляют восстановленные замки. Поначалу модным было делать копии главных башен замков из бетона. К числу наиболее известных замков, восстановленных таким образом, принадлежат Осака, Нагоя, Хиросима, Кумамото, Одавара (Канагава), Аидзу-Вакамацу (Фукусима), Вакаяма (Вакаяма) и др. С исторической точки зрения такая «реконструкция» вызывает вопросы, но считалось, что бетон значительно долговечнее традиционных материалов, да к тому же работа с ним намного дешевле и проще.

Но как оказалось, в условиях японского климата бетон отнюдь не долговечный материал. К тому же японцы осознали, что в эстетическом плане бетон значительно уступает традиционным материалам, не говоря уже про исторический аспект, и в последнее время работы по восстановлению замков ведутся при помощи традиционных материалов и технологий, в точном соответствии с сохранившимися чертежами. К таким, безусловно, намного более удачным реконструкциям, относятся заново построенные из дерева главные башни замков Какэгава (Канагава), Коминэ (Фукусима) и некоторых других. Наиболее известна масштабная реконструкция крупного замка Канадзава (Исикава) – столицы клана Кага, вотчины *даймё* Маэда, к концу эпохи самурайских войн бывших одними из богатейших семейств Японии. К очень удачной реконструкции нужно отнести замок Сакасаи (Ибараки), точно воссоздающий облик простых деревянных замков середины XVI в.

Третью, самую многочисленную, но и самую печальную категорию, можно назвать «развалины». Название это условное, поскольку по особенностям своей конструкции разрушенные японские замки оставляли после себя в лучшем случае каменный фундамент и остатки валов, в худшем случае – вообще ничего. Фундаменты остались от известного замка Адзути (Сига), сгоревшей главной башни замка Эдо (Токио), разрушенного в период Мэйдзи замка Мориока (Иватэ), замков Канаяма (Гумма), Такаока (Тояма), Торигоэ (Исикава), Фукуи (Фукуи) и многих других. Сюда же можно отнести и Горюкаку (Хоккайдо) – первое в Японии укрепление, построенное по западному образцу в 1857–1860 гг. Оно совершенно отличается от классических японских замков своей формой (правильный пятиугольник) и отсутствием башен, которые к середине XIX в. стали легкоуязвимыми мишенями для нарезной артиллерии.

Но если от упомянутых замков остались хотя бы фундаменты, то от десятков других не осталось и этого. В основном это относится к ранним *ямадзиро*, даже точное место их расположения порой трудно найти.

И, наконец, в совершенно отдельную группу стоит отнести сооружения в виде замков, которые на исторические *сиро* не очень-то похожи. Осознав потенциал замков как мощного «магнита» для туристов, некоторые местные власти решили без особого учета исторических реалий строить не соответствующие исторической правде сооружения. Они называются *моги сиро*, что примерно означает «замки – макеты». В качестве примера можно привести невеселую историю замка Фусими в преф. Киото. Этот замок в великолепном стиле Адзути был построен в 1594 г. Тоётоми Хидэёси и был любимой его резиденцией. В 1596 г. замок сильно пострадал от землетрясения, но был восстановлен и в 1600 г. прославился героической обороной своего гарнизона против войск Исида Мицунари во время его борьбы с Токугава Иэясу, завершившейся грандиозной битвой при Сэкигахара. В 1623 г. замок был разобран, а части его башен и великолепной внутренней отделки были использованы в других замках и храмах. На месте замка был разбит персиковый сад Момояма, после чего за периодом правления трех объединителей Японии закрепилось название Адзути – Момояма, в честь резиденций Нобунага и Хидэёси. В 1964 г. вблизи места замка Фусими были сооружены *моги сиро* – две красивые башни, слабо коррелирующие с оригиналом и которые трудно назвать достойным памятником столь замечательному замку.

К счастью, более правильный, исторический подход все же преобладает. Совсем недавно была проведена тщательная реконструкция фундамента замка Ямагата (Ямагата), проведены восстановительные работы на месте замка Уцуномия (Тотиги). Можно надеяться, что эта тенденция получит свое дальнейшее развитие.

Наши авторы

Барышев Эдуард Анатольевич, докторант Университета Кюсю, Япония
Брылевский Георгий Борисович, военный историк, Токио
Говоров Андрей Валерьевич, стажер университета Васэда, Токио, Япония
Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, Красноярск

Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, Сан-Франциско, США

Каренин Денис Михайлович, магистрант Московского государственного института международных отношений (УМИД РФ)

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Куланов Александр Евгеньевич, главный редактор, «Японский журнал – Japop.Ru.», Москва

Маркарьян Седя Багдасаровна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Михайлова Юлия Дмитриевна, кандидат исторических наук, Муниципальный университет, Хиросима, Япония

Молодяков Василий Элинархович, доктор философии, доктор политических наук, университет Такусёку, Токио

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения РАН

Пестушко Юрий Сергеевич, доцент Дальневосточного государственного университета, Хабаровск

Попович Эдуард Леонидович, аспирант, Токийский университет, Япония

Прасол Александр Федорович, доктор исторических наук, Ниигата, Япония

Сенатаров Алексей Иванович, кандидат исторических наук, Институт Дальнего Востока РАН

Сиваков Евгений Михайлович, аспирант, Институт востоковедения РАН

Стрельцов Дмитрий Васильевич, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Цветова Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, Институт Дальнего Востока РАН

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Сенаторов А. И., Цветова И. А. Один год правления кабинета С. Абэ 5

Говоров А. В. Проект базового закона об образовании в контексте проблемы пересмотра конституции Японии 27

Молодякова Э. В. Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни 48

Стрельцов Д. В. Государственная политика Японии в сфере рождаемости 69

Добринская О. А. О внешнеполитических итогах деятельности Дз.Коидзуми 84

Каренин Д. М. Япония и Германия: взаимодействие в формате Евросоюза 102

Куланов А. Е. Культурная дипломатия Японии 116

Маркарьян С. Б. Сельскохозяйственная кооперация Японии (проблемы и перспективы) 131

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Прасол А. Ф. О некоторых особенностях русского и японского этнокультурного типа 148

Михайлова Ю. Д. Представления россиян о Японии и российско-японских отношениях по материалам опросов общественного мнения в Санкт-Петербурге и Владивостоке 171

Сиваков Е. А. Тоталитарная секта «Аум Синрикё» и религиозная безопасность Японии 188

Молодяков В. Э. Борис Пильняк в поисках Корня Солнца 206

Катасонова Е. Л. Анимэ: вчера, сегодня, завтра 221

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Дацышен В. Г. Депортированные и военнопленные японцы в Сибири в 1904–1905 гг. 240

Барышев Э. А. Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 г.: за кулисами визита великого князя Георгия Михайловича в Японию 249

Пестушко Ю. С. Почему японские войска так и не попали на европейский фронт 266

Попович Э. Л. Создание контрольного механизма для Японии в первые послевоенные годы 276

Брылевский Г. Б. Японские замки – история и современность 289

Наши авторы 298

Научное издание

Япония 2007

Ежегодник

Редактор Н. П. Дмитриевская

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка 12

Автономная некоммерческая организация
Научно-исследовательский центр «АИРО–XXI»
e-mail: andmak@www.airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

Подписано в печать 21.11.2007 г. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ. л. 19,3
Тираж 500 экз.